

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**ИМПЕРАТОРСКИЙ ДОМ
РОМАНОВЫХ
И БАЛКАНЫ**

Москва
2014

УДК 327.8
ББК 66.4
И54

Редколлегия:
С.И. Данченко,
доктор исторических наук,
В.Б. Каширин (отв. ред.),
кандидат исторических наук,
Н.Г. Струнина-Бородина,
М.М. Фролова,
кандидат исторических наук

Рецензенты:
А.В. Ганин,
доктор исторических наук,
Н.В. Бондарев,
кандидат исторических наук

Императорский Дом Романовых и Балканы: Сб. статей / Отв. редактор В.Б. Каширин. — М.: Институт славяноведения РАН, 2014. — 400 с.

ISBN 978-5-7576-0322-3

Сборник статей «Императорский Дом Романовых и Балканы» представляет собой коллективный опыт рассмотрения и научного анализа различных страниц истории соприкосновения представителей Романовской династии со странами, народами и элитами Балканского полуострова с XVIII по начало XX века. В своей совокупности материалы сборника объемно и красочно освещают ту огромную и многоаспектную роль, которую монархи Романовы сыграли в процессах национального освобождения балканских народов, построения ими национальных государств и модернизации всех сторон жизни.

Сборник предназначен для специалистов по истории Балканского полуострова в Новое время, Восточного вопроса в международных отношениях и в целом внешней политики Российской империи, а также для аспирантов, студентов и всех интересующихся историей России и Балкан.

УДК 327.8
ББК 66.4

ISBN 978-5-7576-0322-3

9 785757 603223

© Коллектив авторов, 2014
© Институт славяноведения РАН, 2014

РОМАНОВЫ И БАЛКАНЫ

В странах с действенной монархической формой правления глава государства в большинстве случаев лично руководит внешней и военной политикой и практически всегда является олицетворением своей страны, ее усилий, достижений и неудач на международной арене. А если определенное направление внешней политики является преемственным для государства на протяжении нескольких поколений, то эта политика начинает отождествляться с правящей династией в целом. В истории России в Новое время не было более важного и более постоянного направления внешней политики, чем Балканы, Проливы и Восточный вопрос. И история внешнеполитических усилий России на этом направлении неразрывно связана с династией Романовых.

В XVII веке, при первых царях из Дома Романовых, Россия на южном стратегическом направлении преследовала оборонительные цели, главной из которых было обеспечить прочную безопасность своего населения, в подавляющем большинстве — восточных славян, от разорительных набегов Крымского ханства, вассала Османской империи и главного поставщика человеческого товара на рынки Средиземноморья и Ближнего Востока. Связи Российского государства с народами Балкан в ту эпоху ограничивались редкими дипломатическими контактами с Дунайскими княжествами, а также общением по церковной линии. Однако уже тогда у христианской райи Балканского полуострова начал формироваться образ России как сильного единоверного государства, сохранившего свой суверенитет и успешно противостоящего экспансии Османской империи и набегам вассальных ей татарских орд. И, конечно же, центральное место в этом образе занимала фигура царя из Дома Романовых, с которой связывались полумистические надежды и чаяния балканских христиан.

Для успешного завершения своей борьбы с татарами России было необходимо установление прочного контроля над степными пространствами Северного Причерноморья, а это уже приводило ее в непосредственное соприкосновение с Османской империей и делало неизбежной прямую конфронтацию между ними. В начале XVIII в. Россия впервые попыталась действовать наступательно на дунайско-балканском направлении, и эта попытка — Прутский поход Петра I в 1711 г. — закончилась полным провалом. И хотя армия во главе с самим царем потерпела поражение от турецко-татарских сил, все же именно в ходе этой кампании русские войска впервые за много веков вышли на берега Дуная. 14 июля 1711 г., не имея сведений о подписанном двумя днями ранее Прутском мирном договоре, авангардный драгунский отряд генерала К.Э. Ренне с боем захватил турецкую дунайскую крепость Браилов (тур. Ибраил, современный румынский город Брэила). И этот частный успех стал провозвестником громких побед русского оружия начинавшейся эпохи.

В дальнейшем империя Романовых много и успешно воевала с Османской Портой. При Екатерине II русские войска впервые пересекли линию Дуная, а при Николае I — переступили Балканский хребет. Считая Прутский поход, Россия вела против Турции восемь войн, действия которых разворачивались на Балканах и на нижнем Дунае. Таким образом, самой историей были продиктованы основные формы соприкосновения монархов из Романовской династии с Балканским полуостровом — войны и межвоенная дипломатия. Кроме Петра Великого с его Прутским походом, во главе русской действующей армии Балканы посещали императоры Николай I, Александр II и Александр III (в ранге наследника престола). А кроме личного посещения Балкан на долю императоров Романовых выпало еще постоянное руководство русской дипломатией в Восточном вопросе, прием балканских делегаций, непрерывное изучение военной и политической ситуации в регионе, а также славянофильского и панславистского движений в России и за ее пределами.

Монархи Романовы и управляемая ими Российская империя быстро научились добиваться военных побед в конфликтах с более отсталой Османской империей, армия которой, однако, была отнюдь не легким противником, особенно с учетом оборонительного фактора Дуная, Балканских гор и мощной сети турецких крепостей. Закреплением и расширением политических и экономических приобретений русского оружия с не меньшим успехом занимались дипломаты державы Романовых, для ведомства которых Восточный вопрос послужил важнейшей школой профессионального и институционального взросления и развития.

Известно, что сферы военной и внешней политики находились под особым личным контролем императоров из династии Романовых — под контролем более пристальным, чем большинство других областей жизни империи. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что как многочисленные военные и дипломатические победы, так и ряд тяжелых и дорогостоящих поражений несли на себе отпечаток личных качеств, талантов и психологических особенностей императоров Романовых.

Балканы, бывшие узлом и сердцем векового Восточного вопроса, оказывали прямое влияние и на персональные судьбы монархов из Дома Романовых. Так, не вызывает сомнения, что именно неудачи России в Крымской войне, также начавшейся в рамках Восточного вопроса, подорвали жизненные силы и безвременно свели в могилу императора Николая I — того, кто в начале своего долгого царствования лично участвовал в кампании 1828 г. против Турции на Дунае. А его сын и наследник Александр II двадцать лет своего правления тяжело переживал, что ему было суждено начать свое правление с подписания Парижского мира, по которому Россия — неслыханное дело для той эпохи! — уступила часть своих земель, лишилась флота на Черном море и даже прямого выхода к устью Дуная и Балканам. И правы те историки, кто считает, что память об этом вынужденном унижении сыграла немалую роль, когда Александр II в начале 1877 г. принимал судьбоносное решение о начале новой войны с Турцией.

Можно бесконечно и безрезультатно спорить о том, какие факторы преобладали в мотивации балканской политики Романовых, — альтруизм или корыстный расчет; идеалистические побуждения к борьбе за свободу единоверных православных народов или же империалистические геополитические устремления к Проливам, выходу в южные моря и к перекресткам мировых коммуникаций. Как представляется, в действительности правители Российской империи руководствовались сложным комплексом мотивов и побуждений обеих названных категорий, которые находились между собою в неразрывной внутренней связи.

В 1913 г. Российская империя пышно отметила 300-летие Дома Романовых, а уже в следующем 1914 г. — и именно с кризиса на Балканах — началась Первая мировая война, в результате которой имперская государственность России пала, а правившая династия была истреблена или изгнана. Таким образом, из трех столетий, отведенных историей для правления Романовых, два века были отмечены активной политикой на Балканах. И даже итоговое поражение политики и стратегии последнего императора из Романовской династии на Балканском полуострове и Проливах в годы Первой мировой войны не может зачеркнуть тот исторический вклад, который внесла деятельность Романовых в судьбы Балкан.

Как ни странно, внешняя политика Романовых, в том числе в Восточном вопросе и на Балканах, наиболее плодотворно исследовалась в России до революции 1917 г., несмотря на очевидные идеологические и психологические ограничения на критику в адрес правящей династии. Затем произошла смена строя, но даже после скорого падения вульгарно-марксистской и русофобской школы «красных профессоров» М.Н. Покровского, объяснявшей всю политику России на Балканах и Проливах интересами хлебного экспорта помещичьих хозяйств, в СССР не могло возникнуть условий для объективного изучения роли свергнутой династии в балканской политике Российской империи.

Сейчас, в начале 2010-х годов, у общества и государства России растет запрос на консервативные ценности. А оттого возрас-

тает и интерес к империи Романовых — государству, безусловно, глубоко консервативному, что было источником и его силы, и его слабости. К сожалению, в наши дни династия Романовых и ее роль в истории страны зачастую воспринимаются как идеализируемая антитеза советскому прошлому, государственному строю СССР и его политике, а то и вовсе сквозь призму религиозного мировоззрения, исключающего возможность критического научного анализа в отношении почитаемых фигур.

Для преодоления этой ловушки представляется действительно необходимым сосредоточиться на подробном, объективном, фактографическом научном исследовании различных аспектов деятельности Дома Романовых, в том числе его внешней и военной политики. И в этом случае важность темы Балкан станет очевидной и не вызывающей сомнения.

Настоящий сборник статей «Императорский Дом Романовых и Балканы», по замыслу его авторов, должен стать одним из шагов к достижению этой цели. В состав сборника входят статьи как охватывающие широкие в хронологическом и проблемном отношении темы, так и посвященные глубоко, точечному анализу отдельных эпизодов балканской политики Романовых. В своих статьях В.Н. Виноградов, И.В. Чуркина и В.И. Косик, опираясь на обширный фактический материал, осмысливают некоторые общие закономерности процесса генезиса и реализации балканской политики Романовых, а также влияния на этот процесс идей славянофильства и общеславянской солидарности. Г.Л. Арш и О.В. Соколовская описывают вклад представителей Дома Романовых в развитие российско-греческих отношений, соответственно, в XVIII веке, в эпоху «царственных филэллинов» Петра I и Екатерины II, а также в период жизни королевы Ольги Константиновны. «Черногорская» часть сборника представлена статьями Ю.П. Аншакова, исследующего отношения России и Черногории во 2-й половине XVIII в., а также В.Б. Хлебниковой и Н.Г. Струниной-Бородиной, которые анализируют роль династических связей в политике Романовых на черногорском направлении в конце XIX — начале XX вв. Пребыванию Николая I в действующей армии на Балканах в 1828 г. посвящена статья М.М. Фроловой.

И.Ф. Макарова в своей статье предлагает новое научное прочтение роли дипломатии Александра II в подготовке Будапештской конвенции 1877 г. и войны с Турцией 1877–1878 гг. С.И. Данченко освещает крайне непростой период в истории отношений между Россией и Сербией – время правления Александра III. Особое внимание авторов сборника обращено на период царствования Николая II. Так, О.Р. Айрапетов рассматривает политику России на Балканах и в Восточном вопросе в начале правления последнего Романова, а П.А. Искендеров – в период Балканских войн 1912–1913 гг. Н.С. Гусев исследует политико-психологические аспекты восприятия болгарским обществом императоров из Дома Романовых во время Балканских войн. В статьях В.Е. Авдеева и В.Б. Каширина рассматриваются соответственно визиты Николая II в Турцию 1909 г. (несостоявшийся) и в румынскую Констанцу 1914 г.

В целом, при всем разнообразии тематики, авторских взглядов и подходов, статьи сборника «Императорский Дом Романовых и Балканы», местами перекликаясь, а местами взаимно дополняя и обогащая друг друга, создают яркое и насыщенное историческое полотно более чем двухсотлетней истории балканской политики Романовской династии и личных контактов ее представителей с народами и странами Балканского полуострова.

В.Б. Каширин

*Владилен Николаевич
ВИНОГРАДОВ*

ДОМ РОМАНОВЫХ И СУДЬБЫ БАЛКАН

Объединение России и Украины произвело на Балканах и, прежде всего, в приграничных княжествах Молдавии и Валахии глубокое впечатление. Представлялось — вот путь к освобождению от ненавистного ига Османской империи. Уже в феврале 1654 г., можно сказать, немедленно после великого свершения, господарь Молдавии Георге Стефан направил в Москву И. Григорьева с просьбой о принятии княжества в российское подданство. В апреле посланец отбыл на родину с грамотой царя Алексея Михайловича, в которой тот выражал свое согласие принять княжество «под нашу царского величества высокую руку». В сентябре в Яссы была отправлена депеша с предложением прислать в Москву посольство для переговоров. Речь шла не о присоединении Молдавии к Москве с распространением на нее местных законов, а о вхождении в державу как равноправной ее части при сохранении прежней системы власти и обычаев. Более года ушло на выработку условий. В марте 1656 г. Георге Стефан отправил в Москву митрополита Гедеоны и боярина Григоре Нямула. В привезенной ими петиции говорилось: «Чин наш и государства не нарушался б, только как жили прежде всего древние государи наши, те, которые не были под повелением турецкого султана». Высказывалось пожелание, чтобы честь и чин государства «не нарушались б», а «укрепились паче прежнего». Древние порядки подлежали восстановлению. Молдавские вооруженные силы должны были впредь сражаться в рядах русской армии, а господари (князья) назначаться из местных бояр. Предусматривались подарки царю («дани с нас царствию не имать, как смеют с нас нечестивые агаряне»).

Алексей Михайлович согласился на эти условия. Не существовало, однако, и тени надежды на то, что их удастся претворить в жизнь. Высокая Порта реагировала резко и решительно на контакты Молдавии с Россией и сместила Георге Стефана с престола. А России пришлось отстаивать право на объединение с Украиной в войнах с Речью Посполитой (1654–1667 гг.) и с Турцией (1676–1680 гг.). Семнадцать лет длились сражения, и по миру с Высокой Портой граница между двумя державами устанавливалась по реке Днепр — левый берег принадлежал России, на правом удалось отстоять лишь Киев с окрестными городками, все остальное правобережье оставалось под властью Речи Посполитой и Османской империи. До Молдавии — сотни и сотни верст. Дунайским княжествам приходилось снабжать продовольствием польскую и османскую армии, воевавшие против России, а их население в засушливые неурожайные годы голодало. Летописец И. Некулче свидетельствовал: страна «разбрелась», истощенные тела валялись на улицах и дорогах, нередкими стали случаи людоедства.

В 1674 г. в Москву прибыл игумен Федор, уполномоченный обоими господарями, молдавским Стефаном Петричейку и валашским Константином Щербаном. Оба выражали желание быть «под покорством» христианского царя, а не в порабощении бусурманском. Ответ Алексея Михайловича был выдержан в благожелательных тонах, но в самой общей форме: он обещал им попечение и помощь против крымских татар и гетмана Дорошенко, войска которого совершали набеги на Молдавию. Контакты княжеств с Россией не прерывались, ходатайства и прошения поступали, но результатов не имели, решение их судеб пришлось отложить на сто лет.

В 1683 г. к Вене двинулась громадная турецкая рать, 200 тыс. человек, — завоевывать город и утверждать османскую власть в сердце христианской Европы. В походе участвовали и отряды ополченцев Дунайских княжеств, вассалов султана. В отстаивании турецких интересов они особой доблести не проявили. Против османов выступили войска Священной Римской им-

перии германской нации, как тогда именовалась Австрия, Речи Посполитой и Венеции, образовавшие в 1684 г. Священную лигу. В 1686 г., после заключения мира с Польшей, признавшей, наконец, вхождение Киева в Россию, к Лиге примкнула и Москва, правда, по договору лишь с Речью Посполитой. Огрех еще неопытной отечественной дипломатии был исправлен лишь в 1697 г., когда были подписаны договоры с Австрией и Венецией, но опять с упущением: они не содержали пункта о замирении с Турцией с общего согласия, предусматривались лишь консультации между союзниками по ходу заключения мира. Крымские походы князя В.В. Голицына (1687 и 1689 гг.), несмотря на их неудачу, отвлекли от других фронтов почти сотысячную крымскую конницу и вместе с осадой и взятием крепости Азов, уже при Петре I, явились весомым вкладом России в общее дело.

Война Священной лиги продолжалась до 1697 г. и явилась по сути дела последним крестовым походом христианской Европы. В тот год после победоносной битвы при Зенте охотников сражаться и дальше, за исключением России, не осталось. Просьбы Москвы «позадержаться» с миром, чтобы «все могли довольство воспринять», отклика не встречали.

Как раз в это время русское Великое посольство разъезжало по Европе, устанавливая с Западом прочные и надежные связи, столь необходимые для развития державы. Не преуспело оно лишь в отстаивании своих интересов в готовившемся к заключению мирном договоре. Петр настоял на свидании с кайзером Леопольдом. Австрийцы предупредили, что всеми политическими делами должны заниматься министры. Монархи вошли в зал с разных сторон, встретились у окна и проявили интерес к здоровью друг друга.

На конгрессе в Карловицах (Сремски Карловцах, 1698–1699 гг.) российские союзники пожали плоды победы. Австрия присоединила к своим владениям Центральную Венгрию и Трансильванию, Речь Посполитая — Подолию с крепостью Каменец, Венеция — южную часть Балканского полуострова Морею. России предоставили возможность сражаться и дальше с Высокой Портой в одиночестве. Думному дяку

П. Возницыну с трудом удалось заключить перемирие на два года на условиях ути поссидетис (чем владеешь), что означало присоединение Азова с окрестностями.

Сразу же возникла необходимость заменить это зыбкое соглашение солидной договоренностью. Девять месяцев длилось сидение думных дьяков Е. Украинцева и И. Чередеева в Стамбуле. С потерей Азова турки смирились. Удалось добиться отмены унижительной дани Крымскому ханству. Но попытка обеспечить свободу судоходства по Черному морю натолкнулась на твердый отказ: «По Черному морю иных государств кораблям ходить будет свободно тогда, когда Турское государство падет и вверх ногами обратится». В горячую дискуссию вылилось обсуждение вопроса о судьбе днепровских городков, селений по нижнему течению реки, имевших большое стратегическое значение и занятых русскими войсками уже после взятия Азова. Украинцев объяснил партнерам, сколь важны они для обороны от набегов крымских татар. Ему ответили, что еще большее значение они имеют для продвижения к Крыму. Двум дьякам удалось добиться их срытия, но территория, ими занятая, осталась у Турции. Земли от Перекопа до Азова и от Запорожской Сечи до Очакова сохранялись «пустые и порожние и всяких жильцов да лишены будут». Константинопольский договор был подписан 3(14) июля 1700 г. на 30 лет. 6 (17) августа гонец с его текстом прискакал в Москву. На следующий день поспешно набранные полки отправились в поход на Балтику. Война со Швецией началась с поражения под Нарвой.

Занятая Северной войной, Россия была крайне заинтересована в сохранении мира с Высокой Портой. Но выражение «ни мира, ни войны», пожалуй, лучше всего подходило для характеристики сложившегося положения. Османская империя наращивала силы для реванша. Представлявший в Стамбуле Россию П.А. Толстой не жалел ни злата, ни мехов, противодействуя воинственной партии в султанском окружении одержать верх. Ведавшему иностранными делами реис-эфенди он преподнес 40 соболей. Шейх-уль-ислам заломил за свою благо-

склонность невероятную цену – три тыс. дукатов в год. Удалось договориться на более скромной цифре. Пришлось Толстому познакомиться с застенками Семибашенного замка, не раз его возили по улицам города, сидящим задом наперед на кляче. И все же он десять лет способствовал сохранению официального мира между двумя державами. Ситуация изменилась к худшему после Полтавского сражения, и Толстой объяснял причину: Высокая Порта убедилась в росте могущества России, которая не замедлит показать свою силу в войне на южных рубежах.

Укрывшийся после Полтавы в Бендерах король Карл XII соблазнял турок шведской помощью и поддержкой польского монарха Станислава Лещинского. Крымский хан рвался в поход, казна орды оскудела при отсутствии поступлений из Москвы. В ноябре 1710 г. шейх-уль-ислам выдал фетву* на войну с Россией. Петр всеми силами пытался избежать ее. Он гарантировал Карлу безопасный переход через Россию с охраной в 500 человек, был готов отвести войска от границ, лишь бы прийти к примирению. Все было попусту. В декабре 1710 г. крымская конница ворвалась в левобережную Украину. Набег удалось остановить. Но в феврале 1711 г. царь нехотя подписал указ о войне. Фельдмаршал Б.П. Шереметев получил приказание с войском в 40 тыс. штыков и сабель вступить в Молдавию. В разгар военных приготовлений он не забыл о делах балканских.

3 (14) марта 1711 г. Петр обратился с манифестом к балканским христианам. Начинался он с обоснования необходимости освобождения их от ига османских варваров, которые «тиранством и мучительством» разоряют подвластные земли и в «поганскую магометанскую веру» насильно приводят. Ставилась задача изгнания турок из Европы, которая, следует сказать, нимало не соответствовала возможностям России, поглощенной войной со Швецией. Предусматривалось не присоединение освобожденных народов к России, а восстановление их

* Фетва – в исламе означает решение по какому-либо вопросу, выносимое муфтием, факихом или алимом, основанное на принципах ислама и на прецедентах мусульманской юридической практики.

исторически сложившейся государственности. В обращении от 8 (19) мая царь свидетельствовал: «В сей войне никакого властолюбия и распространения областей своих и какого-либо обогащения не желаем, ибо и своих древних и от неприятелей своих завоеванных земель, городов и сокровищ по Божьей милости предостаточно имеем». Далее следовал постулат о возрождении под российским покровительством погрязшей османскими завоевателями государственности балканских народов: «Позволим под нашею протекциею избрать себе начальников от народа своего и возвратим и подтвердим их права и привилегии древние, не желая себе никакой прибыли, но содержа их яко под протекциею нашею».

Далеко вперед смотрел преобразователь — то был набросок программы балканской политики на десятилетия и даже на век. И тогда же появился документ, претворявший в жизнь замыслы Петра. Речь идет о «Дипломе и пунктах», представленных молдавскому князю Дмитрию Кантемиру. Составлены они были на основе пожеланий, высказанных тем от лица молдавского народа сверху до низу, начиная от бояр и высшего духовенства и кончая сирыми и убогими, которые предусматривали освобождение княжества от османской власти и принятие его под покровительство России. Очевидно, что Петр считал «Диплом и пункты» образцом будущих отношений с христианским миром полуострова. Предусматривалось восстановление Молдавии в ее исторических границах, прекращение уплаты дани султану, оговаривалось невмешательство в ее внутренние дела с чьей бы то ни было стороны, подтверждались права и привилегии боярства. В грядущих войнах войска княжества должны были участвовать на российской стороне. Престол в Яссах утверждался за родом Кантемиров.

Прутский поход 1711 г., в котором Петр принимал участие, ставит перед историком немало вопросов. Царя тревожили предчувствия. Он писал А.Д. Меншикову о «безвестном и одному Богу ведомом пути». Он учредил Правительствующий Сенат, «коему всяк да будет послушен так, как нам самому».

Он оформил церковным браком, пока еще тайным, свою многолетнюю связь с ливонской крестьянкой Мартой Скавронской. Так начался ее путь от портной (прачки) к императорскому скипетру — следовало позаботиться о детях, «дабы, если сироты останутся, лучше бы могли житие имети».

Но с военной точки зрения подготовка к походу выглядела более чем скромно — 40 тыс. человек под командой фельдмаршала Б.П. Шереметева против втрое более многочисленной турецкой армии и татарской конницы. Вероятно, Петр верил, что как только войска переступят границу, им на помощь ринутся балканские народы. Н.Н. Молчанов писал справедливо: их представители рисовали задуманную операцию этакой военной прогулкой, невероятно преувеличивая размеры освободительного движения, и преуменьшали трудности, которые ожидали русскую армию. Рисовалась фантастическая картина: «Простого появления русских войск будет достаточно, чтобы турецкое господство было сметено восстанием измученных сербов, черногорцев, болгар, молдаван и валахов». Петру пришлось убедиться в этом на своем печальном опыте. Со всех сторон поступали ободряющие вести. Валахский князь Константин Брынковяну обещал выставить 20-тысячную армию, Кантемир примкнул к войскам Б.П. Шереметева с отрядом в 10 тыс. человек и взялся снабжать союзников продовольствием. Черногорцы заверяли: «За церковь свою восточную, нашу мать, и за святыя места, а наипаче за тебя, великого государя... всем военным на неприятеля идти и души свои положить». Но все пошло вкривь и вкось. 30 мая (10 июня) армия Шереметева переправилась через Днестр. В Яссах ее встретили колокольным звоном, господарский совет принял присягу царю. Но страшная жара предвещала засуху. Фельдмаршал известил царя — достать хлеба невозможно. Турецкие силы во главе с Мехмедом Балтаджи-пашой форсировали Дунай. Князь Валахии К. Брынковяну оробел и не решился выступить на встречу с русскими. Те двинулись вниз по течению реки Прут, окруженные роем крымских всадников. У местечка Станилешти они оказались во вражеском кольце. Петр в «Истории Свейской войны» определял свои силы в 38 246 человек и 5 тыс. молдав-

ских добровольцев, неприятельские – 120 тыс. турок и 75 тыс. татарских конников. 9 (20) июля была отбита атака янычар с тяжелыми для них потерями. Но в лагере осажденных – ни хлеба, ни воды, одного солнцепека в избытке. Петр отправил к Балтаджи-паше подканцлера П.П. Шафирова. Царь шел на серьезные уступки, был готов оставить Азов и Таганрог и все завоевания в Прибалтике, кроме Петербурга. 11 (22) июля Шафиров получил записку: «Ставь с ними на все, что похотят кроме шклафства» (плена, рабства).

Балтаджи-паша настроения царя не знал и не стал заботиться об интересах шведов, чего Петр опасался. 12 (23) июля Шафиров и сын фельдмаршала Шереметева Михаил подписали мир на условиях, немедленно утвержденных Петром. По Прутскому договору Россия теряла Азов, обещала скрыть стены Таганрога и Каменного Затона, отказывалась от вмешательства в польские дела и гарантировала проезд Карла XII в Швецию.

Консул из Венеции сообщал о готовности Черногории, Македонии и Греции к восстанию, «ежели крепки наши войски через Дунай пройдут».

Но «крепки войски» сражались в Финляндии, Прибалтике, Польше, Германии. Взваливать на себя еще и войну с Турцией сил не доставало. «Пройти» Дунай удалось через 60 лет. На полпути к этому выдающемуся событию состоялась русско-турецкая война 1735–1739 гг.

Планы освобождения Балкан пришлось отложить в долгий ящик, но контакты с христианским балканским населением не прекращались. В 1715 г. Петербург посетил митрополит Данила Петрович Негош, не только духовный владыка, но и правитель Черногории, с ходатайством об установлении протектората над страной и предоставлении ей финансовой субсидии. Он получил согласие и на то, и на другое. Субсидия, первоначально скромная, предоставлялась затем в течение 220 лет и способствовала сохранению Черногорией фактической независимости.

А от Дунайских княжеств судьба отвернулась. В 1716 г. в них был установлен фанариотский режим, султан стал назначать на престолы в Яссах и Бухаресте представителей греческой арис-

тократии, традиционно проживавших в константинопольском квартале Фанар. Являлись они в княжества в сопровождении многочисленной свиты из корыстолюбивых греков. Фактически Молдавия и Валахия отдавались им на откуп. Фанариотская эпоха ознаменовалась невиданными ранее поборами с населения. О благосостоянии подданных чужеземные временщики, которых султан мог отозвать в любое время, не заботились.

Петра Великого в 1725 г. сменили «случайности на престоле», что сказалось и на войне с Турцией 1735–1739 гг. Опасность на южных рубежах становилась все явственнее, чему способствовала успешная политика в Польше. Высокая Порта не забывала, что Прутский договор запрещал России вмешиваться в польские дела. Визирь требовали у резидентов И.И. Неплюева и сменившего его А.А. Вешнякова вывода российских войск из Речи Посполитой. Не скупясь на подкупы, столкновение с Турцией удалось отсрочить до 1735 г. В мае крымский хан получил приказание двинуть конницу против Персии, с которой Высокая Порта тогда воевала. Путь лежал и через земли российской короны.

В августе 1735 г. отряд генерала Леонтьева двинулся к Перекопу. В Петербурге питали надежду, что удастся ограничиться столкновением с ханом. А.А. Вешняков не скупился на заверения из разряда тех, что именуются шапкозакидательскими: турки ослабели, успокаивал он Анну Иоанновну, они стали малодушны и боязливы, все как будто чувствуют приход конца своей незаконной власти. На Балканах с приходом русских войск поднимется население. Останется напугать Константинополь и обратить в бегство султана, для чего достаточно будет высадить тысяч двадцать войска на Босфоре. Действительность опрокинула эти домыслы.

Весной 1736 г. приступили к осаде Азова, в июле комендант сдал крепость на капитуляцию. Фельдмаршал Б.Х. Миних двинулся в Крым, преодолел Перекопские укрепления. Татарское население бежало. Обрадованный Миних извещал императрицу: «Мы успели свою лошадь к неприятельским яс-

лям привязать». При взятии Бахчисарая половина города сгорела. Не сопротивление степняков, а жара, бескормица, падение лошадей вынудили армию отступить к Днепру, разорив предварительно Перекопские укрепления «до подошвы». На Б.Х. Миниха многочисленные критики взвалили всю вину за неудачу в Крыму.

Весной 1737 г. и турки переправились через Днепр выше Переволочны, но были отбиты. Войска, преодолев трудности перехода в пыли и пепле, подошли к крепости Очаков и осадили ее. Первый приступ не удался, преодолеть широкий и глубокий ров солдаты, осыпаемые градом пуль и камней со стен, не смогли. Артиллерийский огонь способствовал распространению пожаров в городе, взорвался пороховой склад, в крошечном аду тысячи турок бежали к морю. Их перехватили, казаки и гусары бросились на улицы. Комендант сдал крепость. Урон убитыми и ранеными составлял 10 тыс. человек, 5 тысяч сдались в плен.

Уже в августе Миних перевел усталые и поредевшие полки на зимнее содержание.

Другой фельдмаршал, П.П. Ласси, повторил набег на Крым, разбил армию под командованием хана, но отступил перед жарой и бескормицей, повернул назад, заявив, что желает сохранить свои войска.

Союзную Австрию втянули в войну, можно сказать, «за уши», лишь в мае 1737 г. Но уже в июле посланник в Вене Л. Ланчинский жаловался: его подопечные «мира алчно жаждут». Операции развернулись в Старой Сербии, ныне обычно именуемой Косовом, и проходили крайне неудачно для цесарцев, несмотря на поддержку со стороны сербов. Кампания 1738 г. сложилась для союзников совсем несчастливо. Моровая язва косила солдат и офицеров, марш к Днепру остановили, Очаков и Кинбурн оставили, предварительно разрушив окружавшие их стены. Австрийцы проиграли все сражения и готовились к заключению сепаратного мира.

Кампанию 1739 г. российская армия вела в одиночестве. Решено было нанести удар на балканском направлении. Силы под командованием Б.Х. Миниха переправились через Днестр

и под местечком Ставучаны разгромили 40-тысячное султанское войско. Крепость Хотин сдалась без сопротивления.

Еще в 1737 г. боярство и высшее духовенство Молдавии просили императрицу Анну Иоанновну избавить страну от «тяжкого тиранского ига турецкого» и привести ее в российское подданство. Армию Миниха молдаване встретили торжественно и дружественно, испрашивая протекцию царицы и заверяя ее, что примут ее справедливые соизволения как свои законы. Миних советовал: «Весьма потребно ту землю удержать». Но тут поступило «нечаянное и печальное известие» о заключении австрийцами мира с Высокой Портой. Ланчинский жаловался: «Вскрылось зло гнило, неслыханно и таково, что добрая союзническая верность здешнего двора повреждена и репутация оружия попрана». По миру Габсбурги расстались с прежде завоеванными землями в Сербии и Валахии.

Дезертирство союзника и угроза новой войны со Швецией побуждали Петербург спешить с замирением. Поставить заключенный в сентябре 1739 г. Белградский трактат в заслугу отечественной дипломатии невозможно. По причинам, для здравого рассудка необъяснимым, вести переговоры поручили послу Франции в Стамбуле Л. Вильневу, хотя король Людовик XV занимался сооружением Восточного барьера из Швеции, Речи Посполитой и Турции с целью вытеснения ненавистных ему москвитов из Европы. Вильнев приложил немало усилий во имя интересов Франции и чтобы свести итоги длительной, тяжелой и под конец победоносной войны для России почти что к нулю. Азов вернули, но без права укреплять его, земля к югу от крепости, гласил договор, «имеет остаться пустая и между двумя империями барьером служить будет». Не удалось добиться права заводить военный флот на Черном и даже Азовском морях. Подписанный мир Миних назвал «срамным», по замечанию С.М. Соловьева. Россия заплатила жизнями 100 тыс. солдат и офицеров за срытие Азовских укреплений. Вопросы о прекращении набегов крымских конников и о свободе судоходства по Черному морю не были подняты. Зато по султанскому фирману 1740 г. забота о христианских святынях в Иерусалиме и Вифлееме была поручена католическому фран-

цузскому духовенству, хотя большинство христиан Османской империи придерживались православия.

Прорыв на Балканы удалось осуществить лишь в царствование Екатерины Великой. При ее восшествии на престол страна находилась в расстроенном состоянии. По словам самой императрицы, флот пребывал «в упущении», крепости разваливались, находившаяся за рубежом армия восемь месяцев не получала жалованья, казна была пуста, а долгов накопилось на 17 миллионов рублей. Союзники по Семилетней войне, Франция и Австрия, от самодержавия отвернулись после того, как незадачливый император Петр III перебежал на сторону неприятеля, Пруссии. Екатерина мечтала о нескольких годах мира, чтобы привести государственные дела в порядок. Императрице следовало утвердить свое положение в стране, и в бой она не рвалась. Чтобы не раздражать турок, прекратили строительство крепости Святого Дмитрия (Ростова-на-Дону). Резиденту в Стамбуле А.М. Обрескову отправили 70 тыс. рублей для придания большей убедительности его миролюбивым речам.

С другой стороны, хозяйственные нужды требовали выхода к Черному морю и свободного судоходства по нему. Торговля через Балтику не удовлетворяла. Члены Вольного экономического общества обсудили доклад, в котором утверждалось: весь громадный регион к югу от черты, соединяющей Смоленск, Кострому и Воронеж, заинтересован в сбыте зерна по южному маршруту. Вокруг Балтики — малопродуктивные земли с подзолистой почвой. На юге — плодороднейший чернозем. Но не везти же его за сотни верст к Балтийскому морю, учитывая, что перевозка на телегах обходилась тогда в 50 раз дороже транспортировки по морю. Но путь на юг загромождала Крымская орда, вассал Османской империи. Екатерина надеялась: «С помощью Божьей на сей раз мимо пройдет». Не обошлось. Подвел польский фактор. На престол в Варшаве вступил некогда пылко влюбленный в Екатерину Август Станислав Понятовский. Русское влияние в Речи Посполитой

возросло, заверения Обрескова утратили убедительность. Великий визирь перешел к угрозам: «Отвечай, изменник, в двух словах — обязываешься ли, что войска из Польши выведутся, или хочешь видеть войну?» Дипломата препроводили в Семибашенный замок в заточение.

9 ноября 1768 г. царица циркулярной нотой известила державы о «варварийском» поступке Порты — аресте резидента, о нарушении мира и о своем намерении добиться «полного удовлетворения». Война началась.

Воспоминания о прошлом столкновении с Турцией еще не изгладились из памяти людской, как и о завершившем его «срамном» мирном договоре. Тогдашние эксперты дружно предсказывали торжество полумесяца в начавшейся схватке. Османы могли выставить на поле боя 400 тыс. человек и почти 100-тысячную крымскую конницу, их флот господствовал в Черном море. Русская действующая армия насчитывала 180 тыс. солдат и офицеров. Совет при высочайшем дворе свои цели обозначил скромно: добиться свободы судоходства по морю, учредить на побережье порт и крепость, установить границу с Польшей так, «чтобы навсегда спокойствие» не нарушалось.

В январе 1769 г. последовал набег крымской конницы на Украину с целью, по словам французского агента, «заинтересовать добычей татарскую нацию, не получавшую от Порты никакой платы». Надлежало жечь по пути деревни, уничтожать запасы зерна, уводить стада, захватывать в плен жителей. Никто тогда не подозревал, что этот набег стал последним. В рабство тогда попали 16 тыс. человек.

В войне явственнее, чем когда-либо ранее, сказались преимущества снаряженного и обученного по-европейски русского войска во главе с талантливыми полководцами над средневековой османской ратью. Взошла звезда генерала П.А. Румянцева. До конца 1769 г. он занял Дунайские княжества. Молдавский митрополит привел жителей к присяге на верность Екатерине.

Ввиду отсутствия военного флота на Черном море было решено перебросить корабли под командованием адмирала

П.А. Спиридова с Балтики в Средиземное море. Британский кабинет отнесся к инициативе с пониманием, разрешил вербовать офицеров, предоставил в распоряжение эскадры свои порты, предостерег французов и испанцев от попыток вмешательства. Лорд Рошфор размечтался перед российским послом: «Как бы я желал, чтобы мы были в войне с Францией. Два соединенных флота наделали бы прекрасных вещей». В Италии эскадра взяла на борт Алексея Орлова, назначенного командующим всеми вооруженными силами России в Средиземноморском бассейне. В Чесменском морском сражении вражеский флот был уничтожен.

Не менее громкие победы были одержаны на суше. Летом 1770 г. П.А. Румянцев разбил неприятеля в трех битвах — у Рябой Могилы, у Ларги и на реке Кагул; имея всего 17 тыс. солдат и офицеров, он разгромил 150-тысячную османскую армию. Противостоять умелому маневру и штыковому удару пехоты янычары не смогли. Обозначился основной тактический маневр — выманивать османов из крепостей и громить их в открытом поле. Румянцев занял южную часть Бессарабии с городами Измаил, Килия, Бендеры, Аккерман, овладел дунайским портом Браиловым (Брэилой).

Совет при высочайшем дворе занялся крымскими делами. По общему мнению, татары добрыми подданными государыни стать не могли. Их подчинением, однако, Россия возбудила бы против себя «общую и небезосновательную зависть о беспредельном намерении умножения своих областей». Так лучше отторгнуть их от власти Османской империи и предоставить им независимость. Но, увы, сами крымчане от Порты отлагаться не собирались. Каплан Гирей, узнав о вынашиваемых в Зимнем дворце замыслах, реагировал обескураживающе: «Мы Портою совершенно довольны и благоденствием наслаждаемся».

В январе 1771 г. Екатерина поделилась своими мыслями с прусским королем Фридрихом II: пусть Кабарда и Азов отойдут к России, что касается Дунайских княжеств, она склонна предоставить им независимость и тем самым продемонстрировать свое бескорыстие.

Старый Фриц предпочел не вступать с Екатериной в дискуссию и спрятался за спину австрийцев, заявив, что условия насчет Крыма, Молдавии и Валахии встретят непреодолимое сопротивление со стороны Вены и Стамбула. Князь Д.М. Голицын сообщил о концентрации габсбургских войск в Трансильвании, вблизи фланга Дунайской армии, приведя цифры (9 венгерских пехотных полков, 10 австрийских, 7 хорватских, 16 кавалерийских — всего 60 тыс. солдат и офицеров против 45 тыс. штыков и сабель у Румянцева). Попытка государыни ознакомить Габсбургов со своими планами закончилась провалом — в них усмотрели желание посягнуть на существование Османской империи. Венский двор отказался пребывать далее в роли спокойного зрителя, хотя и раньше в ней не пребывал.

Дальше — больше и хуже. В сентябре 1771 г. кайзер Иосиф II встретился с прусским королем в Нойштадте (ныне — Нове Место в Чехии). В письме к брату Леопольду Иосиф делился своими замыслами: «Если русские прорвутся и подойдут к Адрианополю, для нас наступит время двинуть войска на Дунай для отрезания им обратного пути, во время которого армия их может быть уничтожена».

В декабре 1771 г. до Коллегии иностранных дел дошли сведения о свершившемся факте — австро-турецком договоре от 7 июля, названном субсидным, по которому Вена обязалась добиться от России заключения мира с возвращением Турции «занятых неприятелем крепостей, провинций и территорий». В обмен на эту услугу Габсбурги выговорили себе Олteniю (Западную или Малую Валахию) и субсидию в 20 тыс. кошельков (4 миллиона пиастров).

Весть была столь огорчительной, что сначала ей не поверили. Но посол Д.М. Голицын, подкупив, кого нужно, получил копию договора.

Ситуация сложилась мрачнейшая. Габсбурги перебежали на сторону врагов. Существовали опасения, что Швеция последует их примеру для реванша. Страна устала от войны. Британский посол в Петербурге Ч. Кэткерт докладывал в Форин офис: офицеры всех чинов уходят в отставку, люди измучены

болезнями, усталостью и дурным управлением, корабли в состоянии, близком к аварийному. Дарданеллы неприступны, блокада Константинополя бессмысленна. Деревня обескровлена рекрутскими наборами, казна обеднела. Пришедший на смену Кэтварту Р. Гэннинг еще более сгустил краски, уверяя, что Россия еще одну кампанию не выдержит, а уж если шведы осмелятся действовать наступательно, никто не помешает им овладеть Кронштадтом и «этой столицей».

Однако войны на два фронта удалось избежать. Территориальные претензии Габсбургов были удовлетворены за счет земель Речи Посполитой, первый раздел которой произошел в 1772 г. Субсидный договор остался нератифицированным, хотя Габсбурги успели получить по нему немалую сумму денег. Кольцо окружавшей Россию вражды удалось разорвать.

В 1771 г. Крым был занят русскими войсками, Османская империя лишилась алмаза своих владений и контроля над Черным морем. Резидент А.М. Обресков был освобожден из заточения. Заслуженному отдыху после трех лет пребывания в темнице и в обозе турецкой армии он предпочел участие в завязавшихся мирных переговорах. 1 ноября 1772 г. с Крымским ханством был подписан договор «о вольности и независимости татарской», по которому крымцы обязывались «противу России никому ни в чем и ни под каким претекстом вспомоществовать не иметь».

Завязавшиеся переговоры с турками проходили трудно. Возглавивший делегацию Григорий Орлов провалил их, начав дискуссию с самого болезненного для неприятеля вопроса о Крыме. Тяжесть урегулирования легла на плечи А.М. Обрескова, хорошо знакомого с османскими нравами и обычаями. Он понимал, что искомого покровительства над балканскими народами можно достичь, облекши его в религиозную форму. Султан являлся халифом всех мусульман, их верховным духовным главой. Следовало наделить теми же правами православных царей. Императрица одобрила самостоятельность своего представителя, приняв к исполнению «предложенные сверх инструкции артикулы», расценив их как важный плод его персонального усердия.

Но не только избавлением от окружавшего Россию враждебного кольца ознаменовались 1772-й и сменивший его 1773-й годы. В России бушевало восстание Пугачева. В армию шел набор за набором. П.А. Румянцев отзывался о поступавших рекрутах: «Слабая неучь». Он полагал, что оставшихся сил едва хватит на оборону и удержание занятых территорий. Прибывший на театр военных действий А.В. Суворов одержал победу под Туртукаем (Тутраканом). Сам Румянцев осадил крепость Силистру на правом берегу Дуная с 30-тысячным гарнизоном, имея всего 13 тыс. в осадном корпусе. Солнце жгло беспощадно, трава высохла, коней приходилось кормить камышом из Дуная. Полководец пал духом, отвел войска с правого берега реки на левый и наметнул на отставку. Клеветники взвалили на него всю вину за неудачу операции.

Екатерина встала горой на защиту фельдмаршала, ее доверие к полководцу не поколебалось. Далее шло обещание прислать подкрепления.

Прошел шестой набор в армию, всего «забрили» 700 тыс. человек.

Весной 1774 г. совет при высочайшем дворе дошел до предела уступок: отказаться от крепостей Керчь и Еникале в Крыму, удовлетвориться занятием Кинбурна. Румянцев получил указание не считать Балканский хребет пределом военных действий. Императрица советовала полководцу украсить руки, лаврами увенчанные, ветвями мира.

Стокгольм не рискнул бросить вызов Петербургу, Англия домогалась союза с Россией ради решения дел американских, Австрия и Пруссия были поглощены разделом Польши. Лютый враг, король Франции Людовик XV, скончался в мае 1774 г. от оспы, по стране расползались зловещие признаки кризиса. Ни сил, ни средств для крупных интриг против России на востоке Европы у Франции не доставало.

В начале 1774 г. скончался султан Мустафа III. Чтобы передать престол сыну Селиму, он загодя расправился с тремя братьями, но до четвертого не добрался. Тот до сорока лет прожил в серале в окружении женщин и евнухов, научился читать и писать, но ездить верхом не умел. Турция дошла до послед-

него предела истощения. Беспорядки не прекращались даже в Константинополе. Лавочникам разрешили убивать грабителей, защищать торговцев было некому. Янычарам задерживали выплату жалования, и они грабили людей прямо на улицах. По словам прусского посланника А. Цегелина, Порты не могла поднять головы. Румянцев пренебрег советом петербургских стратегов — заняться осадой крепостей, переправил войска через Дунай и двинул их к Балканскому хребту. 9 (20) июня Суворов, имея 15 тыс. солдат и офицеров под командой, разгромил 40-тысячный корпус Абдул Резака у Козлуджи.

5 (16) июля в ставку Румянцева в деревне Кючук-Кайнарджи прискакал османский гонец с просьбой об открытии переговоров. Фельдмаршал отказался возобновлять бесконечную негоциацию. «О конгрессе и еще менее о перемирии я не могу и не хочу слышать», — было велено передать великому визирю. Российские условия должны быть приняты. На размышление неприятелю было предоставлено 5 дней (на 10 июля приходилась годовщина Прутской трагедии, Румянцев хотел вычеркнуть печальную дату из памяти). Именно в этот день и был подписан договор. В Петербург полководец сообщил, что акция совершилась «без всяких обрядов министеральных», одной лишь ухваткой военною. Он слегка лукавил. На самом деле в подготовку трактата немало сил вложил А.М. Обресков, отдельные артикулы были уже согласованы, о содержании других турки знали заранее. Одновременно с официальными переговорами в Бухаресте происходили совещания с властью имущими в Дунайских княжествах, с великими боярами и высшим духовенством. Возникла формула возвращения к положению, существовавшему при вхождении их в Османскую империю. Инициативу проявила молдавская сторона: «Естьли грехов наших ради что-либо воспрепятствует быть нам непосредственно от единой сильной вашей державы благоуправляемыми и защищаемыми, то много мер и много способов, по коим не меньше нужно и крепостей нам до основания разорение и низложение и на прежнее состояние восстановление». По статье 16 Кючук–Кайнарджийского мира Высокая Порта обязывалась вернуть княжествам отторгнутые от них земли вокруг

крепостей Хотина, Бендер и других. Жителям княжеств разрешалось беспрепятственно исповедовать православие, добровольцы, сражавшиеся на российской стороне во время войны, подлежали амнистии, княжества освобождались от дани на два года, в дальнейшем она подлежала оплате раз в два года. Господари получили право иметь при султанах своих поверенных в делах. Российские посланники могли «говорить в пользу сих двух княжеств».

Заботы петербургского кабинета распространялись и на другие народы Османской империи. Приведем здесь знаменитую 7-ю статью трактата: «Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного, равным образом дозволяет министрам Российского императорского двора делать по всем обстоятельствам в пользу как воздвигнутой в Константинополе церкви, так и в служащих в оной разные представления и обещает принимать оные во уважение, как чинимые доверенною особою соседственной и искренне дружественной державы». В отношении Молдавии и Валахии права трактовались шире. Министр (посланник) мог говорить «в пользу сих двух княжеств», а султан обещал выслушивать ходатайства «со сходственным к дружеским и почтительным державам уважением». Российские монархи в турецких документах стали именоваться падишахами, их представители в Стамбуле министрами (посланниками). На этой юридической основе, облеченной в религиозную форму, базировалось покровительство царей над православными подданными султана и основывалась балканская политика российской дипломатии вплоть до Крымской войны. Использовалась роль религии в мусульманском мире. Жители Османской империи различались не по национальности, а по вере, и она разделяла их на угнетателей и угнетенных. Коран и шариат определяли жизненный уклад одних, Евангелие и обычное право — других. Христиане чтит свою историю, не забывали о Византийской империи, двух болгарских царствах, государстве Неманичей у сербов, о Стефане Великом у молдаван и Михея Витязе у валахов. Вера помогала им сохранять язык и письменность, формировала культуру народа, утверждала его самобытность, осея-

ла знамена освободительного движения. Османская империя приходилась им злой мачехой, они никогда не мирились с ее гнетом. Когда за спиной представителя «соседственной и искренне дружественной державы» виднелся лес штыков, его советы обретали убедительность, и религиозное по форме покровительство России превращалось в политическое по существу.

Кючук-Кайнарджийский мир славен не только своими балканскими артикулами. Порта признала в нем независимость Крыма, султан утратил право инвеституры Гиреев, хотя и продолжал пользоваться влиянием в духовных обрядах. К России отошли крепости Керчь и Еникале, контролировавшие выход из Черного моря в Азовское. Вместе с Кинбурном в устье Буга они позволяли установить контроль над Крымским ханством. В державу вошли обе Кабарды, Большая и Малая. Статья 11 разрешала свободное плавание торговых судов в Черном море, Босфоре и Дарданеллах. Русская торговля добилась права наибольшего благоприятствования. Правда, для того, чтобы воспользоваться всеми этими привилегиями, предстояло обзавестись черноморским военным флотом.

Крымское направление внешней политики переросло в балканское.

Новую ситуацию предстояло еще утвердить. Высокая Порта болезненно переживала утрату Крыма. К «порогу счастья», в Стамбул, прибывали депутации от татарской знати с предложением отказаться от независимости. В 1779 г. у берегов полуострова появился османский флот. Командовавший войсками А.В. Суворов не допустил высадки десанта, потребовав соблюдения 40-дневного карантина. В том же году состоялось подписание Изъяснительной конвенции с Высокой Портой, подтвердившей основные положения Кючук-Кайнарджийского трактата; сопротивляться открыто требованиям самодержавия Стамбул не смел, ограничиваясь маневрами и интригами.

В Крыму неустойчивое положение не проходило. Возведенный в сан хана российскими властями Шагин-Гирей триж-

ды бежал с полуострова, и трижды Потемкин возвращал его обратно. Маневр с предоставлением ханству независимости осуществить не удалось. Потемкин и Суворов провели процедуру принятия населением присяги на верность императрице — Крым вошел в состав Российской державы. Местные мурзы превратились в дворян империи, их оппозиционность как ветром сдуло.

Крутые сдвиги в расстановке сил в Европе произошли во второй половине 1770-х годов. Испортились отношения с Англией. Британский кабинет обратился в Петербург с настойчивой просьбой предоставить 20 тыс. солдат и офицеров на самых благоприятных условиях для подавления восстания в североамериканских колониях. Императрица ответила твердым отказом: ее подданные стоят на страже Отечества и в наем не сдаются. Мало этого. Мощный британский флот блокировал побережье непокорных колоний, захватывая суда нейтральных стран, включая российские, пытавшиеся прорваться к американским берегам, и конфисковывал товары из их трюмов, что смахивало на морской разбой. В январе 1780 г. Екатерина издала манифест, утверждавший право нейтралов торговать с воюющими странами всеми товарами, исключая оружие и боеприпасы. Дания, Пруссия, Австрия, Португалия, королевство обеих Сицилий поддержали манифест, Франция и Испания одобрили его принципы. Континентальный Конгресс Соединенных Штатов Америки признал провозглашенные положения «полезными, разумными и справедливыми». Такого афронта британский истеблишмент Екатерине не простил. Прежние лояльные отношения между двумя странами сменились соперничеством на Балканах и Ближнем Востоке, продолжавшимся сто лет и в просторечии известном как большая игра европейской политики.

Совсем иначе сложились отношения с Австрией. Император Иосиф убедился в том, что не обладает ни силами, ни средствами для того, чтобы воспрепятствовать прорыву России на Балканы и первенствовать в делах, именовавшихся восточными. О том свидетельствовал триумфальный Кючук-Кайнарджийский трактат. Отмежевываться от Романовых в подобной

ситуации означало идти на риск остаться с пустыми руками, следовало сотрудничать с ними и отстаивать свои интересы в рамках союза. Вена признала Кючук-Кайнарджийский мир, Екатерина отплатила Иосифу той же монетой, признав итоги всех австро-турецких войн. Кайзер обязался примкнуть к России в случае новых столкновений с Высокой Портой и выставить на поле боя силы, равные российским.

От успехов кружилась голова. В конфиденциальном письме Иосифу от 10 (21) сентября 1782 г. Екатерина излагала ему условия так наз. Греческого проекта. Европа грезил тогда Древней Элладой, ее культурой, искусством, философской мыслью. Не чужда филэллинизму была и Екатерина. Ее второму внуку дали небывалое в доме Романовых имя Константин, его вскормила гречанка, он выучил греческий язык. Видные представители эллинской диаспоры взывали к Екатерине с просьбами об освобождении. Одописец В. Петров приветствовал новорожденного младенца стихами:

*«Гроза и ужас чалмоносцев,
Великий Константин рожден».*

В упомянутом письме Екатерина предлагала Иосифу подписать союзную конвенцию о предполагаемых итогах новой схватки с Османской империей. В их числе, по мнению императрицы, следует образовать между тремя империями, Турецкой, Российской и Австрийской, независимое буферное государство в составе Молдавии, Валахии и Бессарабии под именем Дакия, которое не должно объединяться с владениями ни Романовых, ни Габсбургов. Притязания первых ограничиваются крепостью Очаков и полосой земли между реками Буг и Днестр. А если удастся изгнать османов из Европы, Екатерина просила кайзера помочь ей в восстановлении древней Греческой монархии при взятии на себя обязательства поддерживать ее независимость и никогда не допускать соединения двух тронов, российского и греческого. Царица излагала свою затаенную идею — возвести на престол в Афинах внука Константина.

Иосиф в ответном письме от 13 ноября не поскупился на притязания: крепость Хотин с окрестностями, Малая Валахия до реки Алута (Олт), оттуда — прямая линия к Адриатическому

морю, к Дринскому заливу. Венецию он предлагал вознаградить островом Крит и землями в Греции.

Проект был лишен политической реальности. Османская империя не собиралась испускать дух. Сама императрица в письме Г.А. Потемкину рассуждала здраво: состояние Турецкой державы далеко от конечного решения. Она не приняла никаких мер для воплощения проекта в жизнь. В замысле отсутствовала идея славянской взаимности. Но в нем прослеживается мысль о воплощении в жизнь греческой государственности без поглощения ее Россией, которая в дальнейшем была распространена на другие балканские народы, о чем кратко, немногословно Петр Великий писал еще в 1711 г. При всем своем несовершенстве документ содержал положение об отказе от прямых завоеваний на Балканах и восстановлении здесь национальной государственности христиан под покровительством самодержавия, превратившееся в дальнейшем в доктрину политического курса России. По словам О.И. Елисеевой, «Россия не стремилась к непосредственному включению в свой состав земель, кольцом окружавших Черное море, а предусматривала охватить его поясом православных стран-сателлитов и союзных горских мусульманских племен».

В 1787 г. императрица в сопровождении большой свиты и послов Англии, Франции, Австрии и Пруссии совершила путешествие в Крым. По пути к каравану присоединился кайзер Иосиф II под именем графа Финкенштейна. Странники имели легкомыслие проехать под триумфальной аркой с надписью «Путь в Константинополь». В Крыму Екатерину окружала почетная стража татарских всадников.

Высокая Порта реагировала на демонстративный визит резко и раздражительно. Из Стамбула поступили два ультиматума. Первый содержал требование отказаться от установленного в 1783 г. протектората над Восточной Грузией (Картли и Кахетией) и претензию на осмотр торговых судов, проходивших через Босфор и Дарданеллы. Второй был выдержан в совершенно наглых тонах и предлагал вернуть Османской империи Крым и признать Кючук-Кайнарджийский трактат недействительным. Посланник Я. Булгаков счел бессмысленным отправлять

оскорбительную ноту в Петербург и был, по установившейся традиции, заключен в Семибашенный замок. 13 (24) августа 1787 г. Высокая Порта объявила России войну, 17 (28) сентября Екатерина подписала ответный манифест.

Никогда еще российские войска не сражались с такой доблестью, славой и искусством: Кинбурн — Очаков — Рымник — Мачин — Измаил — морская битва при Калиакрии. Полководческий гений А.В. Суворова достиг апогея.

В манифесте императрицы имелась многозначительная фраза: Кючук-Кайнарджийским договором Россия доказала, что и «в счастливой войне не приобретение, но оборона и спокойствие нашим было предметом» и завоевательные замыслы на Балканах отсутствовали, мечталось лишь о присоединении междуречья Буга и Днестра. В стране — засуха, неурожай. В плане международном России угрожала коалиция из Турции, Швеции, Англии, Пруссии и Польши. Отсутствовала лишь Франция, находившаяся на пороге революции. Основную армию, 80 тыс. штыков и сабель, поручили командованию Г.А. Потемкина. Ей предписали занять междуречье Буга и Днестра, взять крепость Очаков, оккупировать Бессарабию, штурмовать Бендеры. Фельдмаршалу П.А. Румянцеву поручили вторую армию, по сути дела вспомогательную (30 тыс. человек), сославшись на его преклонный возраст.

Император Иосиф выступил лояльным союзником. Правда, войну он объявил с некоторой задержкой — 9 февраля 1788 г. Проба сил произошла в устье реки Буг у крепости Кинбурн. Суворов в начале октября 1787 г. отбил здесь атаку высадившихся с судов янычар. Неудачей закончилось нападение эскадры на порт Варну в Болгарии, буря разметала корабли, причинив им значительный ущерб. Потемкин дрогнул: «Бог бьет, а не турки!» и запросился в отставку, за что получил выговор от императрицы: фельдмаршалу надлежит при войске находиться, а не об отставке думать.

Прусский министр Э.Ф. Герцберг, пользуясь занятостью соперницы Австрии на Балканах, вынашивал планы передела Речи Посполитой, претендуя на города Торн (Торунь) и Данциг (Гданьск). Вырисовывались контуры враждебной России

коалиции: Англия, Пруссия, Голландия. Но всех опередил шведский король Густав III, двоюродный брат Екатерины по материнской линии, лукавец, глупец и лгун, по ее словам. Собщенные им условия урегулирования отношений между двумя странами она назвала сумасшедшей нотой: возвращение Швеции части Карелии, передача Крыма Турции.

Шведы двинули на Петербург армию в 36 тыс. человек. Однако наступающие застряли у крепости Нейшлот. Боевой дух царицы вскипел: «Они позабыли себя и с кем дело имеют, на то и надежду кладут, дураки, что мы уступчивы будем!». Потемкину последовало указание: «Возьми Очаков и сделай мир с турками».

Фельдмаршал обложил крепость в июне 1788 г. и приступил к осаде по всем законам военной науки. 6 (17) октября состоялся успешный штурм. Екатерина была в восторге: «За ушки взявши обеими руками, мысленно тебя целую». И щедро наградила фельдмаршала.

Сотрудничество с австрийцами на поле боя не ладилось, за исключением тех случаев, когда их войска находились под командованием Суворова. Самостоятельно они руководствовались доктриной, которую можно назвать антисуворовской. Они стремились избегать столкновения с основными османскими силами, предоставляя эту честь русским. Кайзер Иосиф самоназначил себя главнокомандующим, не обладая даже намеком на наличие у него военных талантов. Свои немалые силы — 125 тыс. пехоты и 22 тыс. кавалеристов он растянул от Днестра до Адриатики, так, что турки легко прорывали фронт в любом месте. 10 (21) сентября 1788 г. в сражении при Лугоже они потерпели поражение. По словам Потемкина, императора «чуть было самого в куче не застрелили». Войско ударилось в бегство. Кайзер приказывал, умолял, угрожал. Никто его не слушал. Прошло немало времени, прежде чем удалось восстановить подобие порядка. Император прекратил погоню за воинскими лаврами и заключил с Высокой Портой бессрочное перемирие.

В 1789 г. армия П.А. Румянцева заняла Галац и освободила от неприятеля нижнее течение Дуная. На том карьера полководца завершилась, его отправили в отставку. Решающие успехи

выпали на долю А.В. Суворова, действовавшего вместе с австрийским корпусом под командованием принца Ф.И. Саксен-Кобургского. Он одержал победу при Фокшанах 21 июля (2 августа). Имея 25 тыс. солдат и офицеров, он разгромил армию великого визиря (90 тыс. человек) в сражении при Рымнике (в австрийской историографии — при Мартинешти). Полководец получил редкую награду — орден Святого Георгия первой степени и стал графом двух империй, Российской и Священной Римской, но фельдмаршальского чина не удостоился.

Дряхлого Абдул-Хамида на посту султана сменил энергичный Селим III. Начинать правление с заключения тяжелого мира он не желал. В виду Кронштадта маячили паруса шведского флота. Пруссия заключила с Селимом договор, посулив ему возвращение Крыма. Российские и австрийские войска перебрасывались с Дуная на север в предвидении схватки с новым врагом. Потемкин советовал скрыть крепости Очаков, Аккерман и Бендеры и пойти пруссакам на уступки — пусть забирают Померанию. Царица не соглашалась: «Плюнь на пруссаков, мы им на пакость их отомстим...».

Иосиф II скончался, его брат и наследник Леопольд назвал союз с Россией несчастьем, прекратил военные действия и заключил мир с Турцией на условиях статус кво ante bellum (август 1791 г.). Пруссия и Австрия забыли на время свои споры и раздоры и готовились к походу против революционной Франции. Россия осталась одна против всех, надежды возлагались лишь на солдатский штык. От держав поступали советы — последовать примеру Габсбургов. Иначе грозило столкновение с коалицией из Англии, Пруссии, Речи Посполитой и Турции. Екатерина подумывала о назначении Потемкина атаманом всех казачьих войск под именем Грицка Нечесы.

Но приспели победы. На Балтике адмирал В.Я. Чичагов отбил шведскую атаку на Ревель (Таллин), за что был удостоен аудиенции у императрицы.

3 (14) августа 1790 г. под Варелой был заключен мир со Швецией на условиях «неприкосновенной целостности границы нашей». «Одну лапу мы из грязи вытащили. Как вытащим другую, то пропоем Аллилуя», — писала государыня Потемкину.

На Балканском фронте 1790 год ознаменовался штурмом и взятием крепости Измаил с 30-тысячным гарнизоном. Сеча 12 (23) декабря произошла страшная, турки сопротивлялись отчаянно, 20 тыс. аскеров погибли, 9 тысяч сдались в плен. Потери русских составляли 4 тысячи, особенно пострадал офицерский состав, из 650 числившихся в строю 400 были убиты или ранены, дворяне достойно запечатлели свою преданность Отечеству. Екатерина получила лаконичное по традиции донесение Суворова:

*«Слава Богу, слава Вам,
Измаил взят, и я там».*

На внешнем фронте дела складывались из рук вон плохо. Британский премьер-министр В. Питт добился санкции на снаряжение могучей, в 36 линейных судов, эскадры для операций на Балтике против России. Прусская армия нависала на границе. В конце марта 1791 г. Питт подготовил ультиматум двух держав Петербургу: предусматривался отказ от присоединения к России Очакова и полосы земли между Бугом и Днестром. Срок принятия — 10 дней, затем, в случае отказа, разрыв отношений и война.

Питт допустил серьезнейший просчет в оценке настроений общественности. Воевать ради никому не ведомого, приулюлювшего в европейском захолустье Очакова мало кто соглашался. В завязавшейся схватке перьев оппозиция одержала верх. Персонал российского посольства в ней участвовал, в самом выигрышном свете поставляя материалы о выгодной для Британии торговле с Россией и рисуя в самых мрачных тонах убытки от ее прекращения. Свои сочинения дипломаты по скромности не стали подписывать. Планы воинствующих были сорваны, флот разоружен, ультиматум отозван из Берлина.

В мае 1791 г. в Петербург прибыл некий путешественник Фолкнер (Фальконер по камер-курьерскому журналу). Он был без задержки принят Екатериной, хотя подобной аудиенции послы, случалось, ожидали месяцами. У вояжера оказались наготове верительные грамоты, он выразил согласие на установление российско-турецкой границы по Днестру.

В марте состоялся «поиск» российских войск за Дунаем. В июне генерал-майор М.И. Голенищев-Кутузов нанес поражение 20-тысячному османскому корпусу в сражении при Бабадаге. 27 июня (7 июля) генерал-аншеф князь Н.В. Репнин разгромил главные турецкие силы в сражении под Мачином. На Кавказе генерал И.В. Гудович взял штурмом Анапу. На море адмирал Ф.Ф. Ушаков нанес поражение турецко-алжирскому флоту в битве у Калиакрии.

31 июля (11 августа) в Галаце был подписан предварительный мирный договор, подтверждавший условия Кючук-Кайнарджийского трактата и последовавших за ним договоренностей с Турцией. Границей между двумя империями стала река Днестр. Стороны обязались не братья за оружие в течение 8 месяцев и достичь в этот срок окончательного соглашения. Екатерина с «особливым удовольствием» усмотрела в предварениях выполнение всех желательных условий, совет при высочайшем дворе их одобрил.

Потемкин прибыл в армию из Петербурга 1 (12) августа. Он отнесся к достигнутой договоренности критически и собирался добавить контрибуцию в 20 миллионов пиастров. Но от него уже мало что зависело, он угасал, доживая оставшиеся ему дни в Яссах. Последнее письмо императрице он уже не писал, а диктовал. В конце октября отправился домой. От Ясс карета отъехала верст сорок, фельдмаршал занемог. Его вынесли из кареты, усадили в кресло и он смежил веки навсегда. Конвойный казак достал из кармана два медяка и прикрыл ими очи светлейшего князя двух империй, Российской и Священной Римской. Екатерина занемогла, получив печальную весть: «Теперь все будет не то». Умер ее фактический соправитель, строитель и устроитель Украины. Время великих свершений Екатерины кончилось, наступила старость.

Дело замирения завершал канцлер Российской державы князь А.А. Безбородко. 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) в Яссах был подписан трактат, подтверждавший все условия Кючук-Кайнарджийского мира. Османская империя признала вхождение Крыма в состав России и ее протекторат над Восточной Грузией. К России отошло междуречье Буга и Днестра, а на

Кавказе побережье Черного моря до течения Кубани. Порты обещала соблюдать права и привилегии Дунайских княжеств.

В историографии бытует мысль, что мир не был адекватен одержанным победам и понесенным жертвам. Представляется, однако, что урегулирование следует рассматривать и оценивать в контексте сложившейся ситуации, чреватой угрозой схватки с половиной Европы. Если Кючук-Кайнарджийский договор знаменовал прорыв России на Балканы, то Ясский означал прочное и долговременное утверждение ее влияния на полуострове.

Начавшаяся во Франции в 1789 г. революция погрузила Европу на четверть века в пучину войн. Был провозглашен благородный принцип: мир хижинам, война дворцам. Но в действительности обитатели хижин в неприятельских странах, мобилизованные в армию, истреблялись десятками и сотнями тысяч, а сами хижины опустошались прожорливой революционной солдатней.

Екатерина встретила весть о революции резко враждебно: «Я не верю в великие нравственные и законодательные силы сапожников и башмачников». Она вступила в войну перьев с парижскими смутьянами, но менять перо на штык не собиралась и в поход не устремилась. Более того, нависшая над Россией в 1791 г. угроза нашествия отвлекла от французских границ немалые силы врагов революции. Но развязанная Конвентом оргия завоевательных войн не миновала Балкан. В 1797 г. состоялось нашествие на острова в Ионическом море, принадлежавшие Османской империи. Свершилось нечто невиданное, неслыханное и воспринимавшееся современниками как неправдоподобное — султан Селим объявил Франции войну, Высокая Порта была брошена в объятия традиционного врага, России. В 1798 г. Наполеон Бонапарт предпринял экспедицию в Египет, входивший в державу султанов. Местные войска потерпели поражение в битве у пирамид. Султан обратился к императору Павлу за помощью. 23 августа (2 сентября) эскадра Черноморского флота прибыла на Босфор. Прием превзошел все ожидания. «Учтивость, ласковость и доброжелательство

совершенны», — докладывал адмирал Ф.Ф. Ушаков. Военным судам предоставили возможность свободного прохода через Босфор и Дарданеллы. Селим порвал отношения с Францией. К кораблям Ф.Ф. Ушакова присоединились турецкие суда под командованием патрон-бея (контр-адмирала) Абдул Кадыра. И началось освобождение от французских оккупантов одного острова за другим. 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.) состоялось подписание оборонительного русско-турецкого союзного договора. Черноморский флот получил право прохода через проливы на срок 8 лет. Коллегия иностранных дел воспользовалась ситуацией и в 1802 г. выхлопотала меры по укреплению автономии Дунайских княжеств. Устанавливался семилетний срок правления господарей, смещать их стало возможно только за уголовные преступления и с санкции Петербурга. Прекратились чехарда с их назначением и связанные с этим поборы. Порта лишилась права вводить налоги и повинности сверх норм, существовавших в 1783 г. Поставки в Стамбул зерна, скота, растительного масла и стройматериалов подлежали оплате по рыночной цене. Порте предписывалось проявлять особое уважение к «внушениям» российских посланников. Условия соглашения были зафиксированы в хатт-и-шерифе (указе) султана.

Однако уберечь Османскую империю от растущего французского влияния не удалось. В Париже происходили разительные перемены. Генерал Наполеон Бонапарт бросил свою армию в Египте на произвол судьбы и совершил государственный переворот, утвердившись у власти сначала в ранге первого консула, а в 1804 г. императора французов. Покинутая в Египте армия сдалась англичанам, а с Высокой Портой был подписан мирный договор.

Наполеон пожинал плоды своего полководческого гения. Армии Австрии и Англии потерпели разгром. Первая в 1801 г. признала власть Франции над землями по левому берегу Рейна, Бельгией и Люксембургом. В марте 1802 г. сдалась Англия, обязавшись вернуть Франции и Голландии их колонии, исключая острова Цейлон и Тринидад, и, главное, вывести свои войска с Мальты. Правда, мир продолжался всего год с небольшим. Вена тоже не смирилась с потерями и возобновила борьбу.

Российская дипломатия ценой больших усилий в сентябре 1805 г. вновь заключила союзный договор с Портой. А в декабре русские и австрийские войска потерпели поражение в битве при Аустерлице (ныне — Славков в Чехии). Кайзер Франц поспешно заключил мир, признав завоевания Бонапарта в Италии и перекройку карты Германии в пользу французских сателлитов. В 1806 г. разгрому, равнозначному национальной катастрофе, подверглась Пруссия. Россия по сути дела осталась на континенте одна против императора французов, короля Италии, протектора Рейнского союза, властителя Швейцарии и прочая, и прочая. Никаких завоевательных помыслов в отношении Балкан самодержавие не питало и с трудом отбивалось от превосходящих вражеских сил в Восточной Пруссии. Затеять еще войну с Высокой Портой представлялось бессмысленным. В брошюре «Взгляд на политическое состояние Европы в начале 1806 года» говорилось: король Италии, т.е. тот же Наполеон, стал хозяином Истрии и Далмации по соседству с Османской империей и его армия «может в короткое время вступить в турецкие границы для вспоможения и образца турецким войскам». Посол в Стамбуле генерал О.Ф. Себастиани заманивал турок во французские сети: Высокая Порта стоит перед выбором — война или с гениальным и непобедимым Наполеоном, или с покинутой всеми неудачницей Россией с перспективой восстановления власти на Балканах и, возможно, возвращения Крыма. К чему сомнения? С помощью своей жены-креолки он установил связи с влиятельными обитательницами сераля, в том числе с креолкой, матерью будущего султана Махмуда. Креолкой была и супруга Наполеона Жозефина. Не следовало пренебрегать и дамским вариантом укрепления влияния в Османской державе. Российские осведомители представляли занятие Дунайских княжеств чем-то вроде военной прогулки — крепости слабо укреплены, но запасов продовольствия в них полно. Генерал И.И. Михельсон, назначенный командующим Дунайской армией, предупреждал Александра I: «Замыслы французов на Молдавию и Валахию явственны, их предприимчивость и быстрота известны. Ежели мы не упредим их до берегов Дуная, то ручаться нельзя, чтобы они нас не упреди-

ли, и тогда будет трудно бороться». Создается впечатление, что именно это донесение положило конец колебаниям императора Александра. Он приказал занять Дунайские княжества с единственной целью восстановить прежнее положение вещей и пресечь намерения, выдаваемые деятельностью посла Себастиани. Какие-либо поползновения на турецкие владения у России отсутствовали. Царь явно стремился избежать войны.

С заблуждениями пришлось быстро расстаться. 18 (30) декабря 1806 г. последовало объявление войны султаном Селимом. В числе выдвинутых против России обвинений фигурировал «захват мусульманских земель Крыма и Пюджистана» (Грузии), что выдавало реваншистские устремления Дивана.

Михельсон располагал скромными силами: 60 тыс. штыков и сабель, около 300 пушек. Границу пересекли всего 33 тыс. солдат и офицеров. Вооруженные силы Турции насчитывали 260 тыс. человек, раскинутых по бескрайним тогда просторам владений Высокой Порты. 25 тысяч сражались против восставших в 1804 г. сербов.

Занятие Дунайских княжеств почти не встретило сопротивления. Но война выдалась долгая, кровопролитная, изматывающая. Основная масса российских войск воевала в Восточной Пруссии. В мае 1807 г. турецкие силы переправились на северный берег Дуная, и вытеснить их обратно не удалось — сказала малочисленность войск, хотя их ряды пополнили 10–20 тыс. добровольцев — молдаван, валахов, сербов, болгар. 24 июня 1807 г. боярство и высшее духовенство Молдавии обратились к царю с прошением об избавлении княжества от «тиранского ига, от суровости иноверцев» и о соединении «правления земли сей с Богохранимой державой твоей». «Да будет одно стадо и один пастырь. И тогда напомним се есть златый век состояния нашего».

Почти в тот же день в Восточной Пруссии на плоту на реке Неман произошла встреча Александра I с Наполеоном. Ей предшествовало поражение российских войск в битве под Фридландом. Но руку примирения протянул не царь, а корсиканский завоеватель. Все было для него необычно. Раньше переговорам всегда предшествовал разгром вражеских войск, их

преследование кавалерией, занятие неприятельской столицы и капитуляция. На сей раз российские войска организованно отступили, никто их не преследовал, они спокойно переправились через Неман, неприятель границ державы не переступил. Затем казаки подожгли мосты, и никто им не мешал.

Наполеон и на плоту, и затем в более комфортабельных условиях не бил посуды и не топал ногами, как это случалось прежде, а был изысканно любезен и заманивал императора Александра в союзники против Англии. Он предоставил самодержцу свободу рук в Финляндии. Заключенный в Тильзите договор предусматривал прекращение войны на Дунае при его посредничестве, а в случае неудачи миссии – совместные действия двух держав против Высокой Порты и избавление от ее гнета всех земель в Европе, за исключением Константинополя и Румелии.

Россия заплатила за союз с Наполеоном разрывом отношений, а потом и войной с Англией, которая вошла в историю под названием «бездымной». Обе страны сражаться всерьез не желали, но британский флот все же крейсировал в Балтике, перехватывая российские суда. Случалось и другое – Россия принуждена была участвовать в объявленной Наполеоном континентальной блокаде Великобритании.

Часть российской знати во главе с канцлером Н.П. Румянцевым попыталась извлечь из сотрудничества с Наполеоном выгоду, полагая, что Европы хватит на двоих. Манила надежда на то, что после развала Османской империи удастся унаследовать часть ее останков. То был мираж. Своему послу в Петербурге А. Коленкуру Наполеон писал, что он очень далек от мысли о разделе Османской империи и считает эту меру пагубной. Но тот же Коленкур, занимаясь по сути дела очковитательством, вел с Румянцевым переговоры о причитающихся каждой из сторон приобретениях.

В исторической литературе встречается упоминание о тильзитском этапе внешней политики самодержавия. На самом деле это был не этап, а тильзитский зигзаг политики. Сам Александр I в письме к матери делился с нею мыслями: ничего не изменилось. Но «надо иметь возможность некоторое время

дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы» для предстоявшей схватки. Своего рода оппонентом канцлера Н.П. Румянцева выступал посол России в Париже П.А. Толстой. Он считал нашествие наполеоновских орд на Россию неотвратимым и составил своего рода график наполеоновских захватов: Польша, Испания, Португалия, Австрия. Габсбургская монархия в 1809 г. в четвертый раз в течение жизни одного поколения подверглась нашествию и сдалась после отчаянного сопротивления. На континенте осталась одна непокоренная держава — Россия. Разбрасывать силы на войну с Османской империей было бессмысленно, а ей конца не было видно. Побед удалось одержать предостаточно, но для решающей сил не доставало.

В марте 1811 г. последовало назначение командующим Дунайской армией Михаила Илларионовича Кутузова. В его распоряжении было всего 4 дивизии, 27 тыс. штыков, 13,7 тыс. сабель, 4,5 тыс. артиллеристов. Кутузов стал распространять слухи о сложном и даже бедственном положении своих войск, взорвал рушукские укрепления и переправил армию на северный берег Дуная. Великий визирь не выдержал искушения и бросился в погоню. На левобережье турецкие войска были окружены и пути их отступления отрезаны. Кутузов не скрывал от канцлера: намеченные условия мира, включавшие отторжение от Османской империи Дунайских княжеств, недостижимы. Румянцев слегка их урезал, предложив провести границу по течению реки Серет, отказавшись от присоединения Валахии. Сломить упорство османских уполномоченных и на этом варианте не удалось. И тут на помощь Кутузову пришел император. Его собственноручное письмо полководцу от 27 марта (3 апреля) 1812 г. трудно назвать рескриптом — ни намек на канцелярский стиль. В каждой фразе — забота о судьбе державы. Александр задумывался над формулировками, перечеркивал карандашом уже написанное: «Великую услугу окажете Вы России поспешным заключением мира». «Убедительно взываю Вас любовью к своему Отечеству обратить все внимание и все усилия Ваши к достижению цели. Слава Вам будет вечная. Для единственно Вашего сведения сообщаю Вам, что если бы было

невозможно склонить турецких полномочных подписать трактат по нашим требованиям, то, убедясь наперед верным способом, что податливость с Вашей стороны доставит достижение мира, можете Вы сделать необходимую уступку о границе в Азии. В самой крайности позволяю Вам заключить мир по течению реки Прут и после впадения ее в Дунай по руслу великой реки до Черного моря границей». Последняя уступка обуславливалась заключением союза с Высокой Портой.

О степени секретности письма императора можно судить по тому, что тем же числом помечены полученные Кутузовым инструкции от канцлера, предписывавшие ему считать реку Серет границей с Турцией.

Побудить Высокую Порту вступить в союз выходило за рамки возможного. Статья 4-я подписанного 16 (28) мая 1812 г. Бухарестского мирного договора предусматривала разграничение по реке Прут до впадения в Дунай и далее левый берег реки до Килийского устья и по нему до Черного моря. В акте говорилось о предоставлении восставшим сербам автономии. В Азии Россия отказывалась от завоеваний, но не от земель, присоединившихся к ней добровольно (Грузии). Император Александр ратифицировал трактат буквально накануне вторжения орды двенадцати языков в Россию.

Отечественная дипломатия не сидела сложа руки, когда над страной нависало нашествие. Война в бездымном варианте с Великобританией прекратилась. В ее ходе корабли эскадры адмирала Д.Н. Сенявина не сдались англичанам, а были им переданы, и, не спуская флага, со своими командами прибыли в Альбион. Суда были переданы на сохранение и позднее возвращены России. Те из них, что пришли в ветхость, англичане заменили новыми, раскаяваясь, видимо, за их небрежное содержание. Посол С.Р. Воронцов продолжал жить в Лондоне в качестве частного лица. Обе стороны признавали, что заинтересованы в сотрудничестве, а не во взаимном кровопролитии. Глава Форин офис Д. Каннинг выражал недоумение и огорчение сложившейся противоестественной ситуацией. В августе 1811 г. к нему присоединился принц регент Георг, отправив письмо царю, в котором засвидетельствовал чувства располо-

жения и приязни. Британцы способствовали достижению русско–турецкой договоренности, пригрозив, в случае продолжения войны, прорывом флота его величества в проливы Босфор и Дарданеллы.

Но в рамках сотрудничества созревало соперничество. Еще в 1809 г. Англия подписала с Османской империей Дарданелльский мирный договор, содержащий пункт о закрытии проливов для прохода военных судов всех стран со ссылкой на древнее правило Османской империи. А пока что корабли его величества выдворяли французов с Ионических островов, которые были объявлены владением британской короны. Султан превратился в стража имперских коммуникаций владычицы морей. Охрана его власти на Балканах и Ближнем Востоке превратилась в первейшую заботу английской дипломатии. Соперничество с Россией по всему периметру ее границ на юге именовалось на политическом жаргоне того времени большой игрой европейской политики.

Высокая Порта воспользовалась эпопеей наполеоновских войн, нанесших России колоссальный ущерб, для того, чтобы попрасть многие статьи Бухарестского договора. Восстание в Сербии было подавлено и о предоставлении ей автономии позабыли. Но устои Османской империи шатались. В 1821 г. началась национально-освободительная революция греческого народа. Одна Россия выступила в ее поддержку, остальные участники европейского ареопага, включая британского представителя Р. Каслри, посягать на власть Турции не желали. Но в 1822 г. Каслри, страдавший манией преследования, зарезался перочинным ножом. Его сменил на посту главы Форин офис давний недруг и соперник Д. Каннинг (в молодости они дрались на дуэли), крупнейший британский политик XIX в. Еще раньше он потряс коллег по консервативной партии, признав независимость отколовшихся от Испании южноамериканских владений. Будучи не чужд увлечения поэзией, он в стихах отдал дань уважения восставшим грекам. Однако как политик Каннинг изъяснялся исключительно прозой. Урегулирование эллинского вопроса по британской выкройке следовало провести с санкции Высокой Порты и на приемлемых

для нее условиях. Русско-турецкая война, грозившая крупным ущербом, а то и перспективой развала Османской империи, исключалась из расчетов. Каннинг признал греков воюющей стороной, но отказался принять приехавших в Лондон делегатов повстанцев. Однако грекам удалось разместить в Англии крупный заем, что способствовало росту британского престижа в восставшей Греции.

Весной 1826 г. Каннинг снарядил в Петербург герцога А. Веллингтона — приветствовать царя Николая с восшествием на престол и обсудить весь круг дел, входивших в Восточный вопрос. Полученные фельдмаршалом инструкции не предоставляли ему права давать согласие Петербургу на военные действия. Маячила возможность бесконечного топтания в переговорах.

Более приятного партнера для царя, чем прославленный полководец, являвшийся фельдмаршалом и российской армии, было не придумать. Но в числе дарований герцога дипломатический талант не значился. Он не убедил русских в желательности отказаться от войны. Контакты с повстанцами обе державы поддерживали и в достигнутой договоренности их пожелания учитывали. Подписанный Протокол предусматривал образование конституционного государства с широкими автономными правами. Греки должны были управляться властями, ими избранными при известном участии Порты. Зависимость от Турции ограничивалась выплатой дани. О территориальных пределах страны подписанный 23 марта (4 апреля) 1826 г. Протокол не упоминал, их мог определить только исход военных действий. Ключевым параграфом протокола с российской точки зрения являлся третий. В нем говорилось, что в случае провала посреднических усилий изложенные условия послужат основой «для примирения, имеющего состояться при их участии, общем или единоличном, между Портой и греками». Запрета на применение военной силы документ не содержал, руки у самодержавия были развязаны. Стороны в протоколе обменялись клятвами в своем бескорыстии — «они не будут искать никакого увеличения своих владений, никакого исключительного влияния и никаких торговых выгод для своих подданных».

Отказ России от экспансии на Балканах, ранее проявлявшийся в виде тенденции, превратился в доктрину.

Вскоре к двум кабинетам присоединился третий, французский. Режим Реставрации доживал последние годы. Оппозиция подвергала его резкой критике, обвиняя в пренебрежении к национальным интересам и пугая вытеснением с Балкан. Подписанная 6 июля 1827 г. трехсторонняя конвенция предусматривала побудительные меры для принуждения Порты к уступчивости, но без четкого их определения. Адмиралам трех эскадр в Средиземном море — британской (Э. Кодрингтон), российской (Л.М. Гейден) и французской (А. де Риньи) — было предписано прервать снабжение османских и египетских войск в Греции, применяя силу, но не прибегая к военным действиям. Флотоводцы истолковали полученный приказ по-боевому. 29 октября 1827 г. соединенная эскадра уничтожила укрывшийся в Наваринской бухте турецко-египетский флот.

Султан потребовал извинений и возмещения причиненного ущерба. Удовлетворить его претензии означало признать славную баталию актом морского разбоя, пиратством, т.е. высечь самих себя. Три державы порвали с Высокой Портой дипломатические отношения. Петербург подвел своих союзников-соперников к порогу войны. Но не воевать же было британцам и французам во имя упрочения российских позиций на Балканах! Лондон и Париж оказались в затруднительном положении и поспешили отмежеваться от Петербурга.

В России весть о победоносной Наваринской битве приветствовали колокольным звоном. В Лондоне король Георг признал ее в тронной речи досадным происшествием. Джордж Каннинг уже лежал в могиле. Сменившие его посредственности считали, что зашли слишком далеко в уступках России. Послы Англии и Франции вернулись в Стамбул.

27 декабря 1827 г. султан в своем указе призвал подданных «восстать поголовно за веру и империю свою, вспомнить славу предков и затмить ее своею».

14 (26) апреля 1828 г. началась восьмая по счету русско-турецкая война. Ей предшествовало событие, представлявшееся значительным и внушавшее определенный оптимизм. В 1826 г.

султан распустил своевольное и непослушное янычарское войско. Обошелся он с ним с истинно янычарской жестокостью. Янычар душили и топили в Босфоре тысячами. По Аккерманской конвенции 1827 г. Порте пришлось восстановить во всей силе автономные права Дунайских княжеств. Фанариотской эпохе пришел конец. В силу вступило внутреннее самоуправление в Сербии. Граница на Кавказе твердо устанавливалась по линии, прочерченной в Бухарестском договоре 1812 г. Державы поддерживали эти меры, рассчитывая, что с их помощью удастся избежать русско-турецкой войны. Они явно недооценивали силы и живучесть османского реваншизма.

Начало войны, вопреки ожиданиям, принесло немало неприятностей. Командующий Дунайской армией П.Х. Витгенштейн форсировал реку Днестр и приступил к осаде крепостей. Перестраховки ради, по британской инициативе три державы подписали еще один протокол, так и именуемый — «О бескорыстии», в котором Петербург еще раз обязался не посягать на входившие в Османскую империю земли. Под крепостями войска застряли, война утратила маневренность, удалось взять Брэилу, на том успехи и завершились. Витгенштейн, ввиду явного несоответствия занимаемой должности, получил отставку. Но удалению не подлежал великий князь Михаил Павлович, проваливший осаду Силистры наспех проведенными и плохо осуществленными приступами, принесшими тяжелые потери. На театре военных действий побывал и император Николай I. Его Ставка именовалась в армейском просторечии Золотой Ордой. Одного конского состава в ней насчитывалось 10 тыс. голов, что было достаточно для формирования двух кавалерийских дивизий, не считая множества флигель- и просто адъютантов, офицеров высокого ранга и штатских, включая церемониймейстера. На ход военных действий августейшее присутствие нисколько не повлияло. В 1829 г. Николай Павлович проявил благоразумие и не обременил армию своим присутствием.

Британская пресса состязалась в сочинении небылиц насчет агрессивных повадок «северного медведя», предав забвению три международных документа, свидетельствовавших об обратном. Ведущая газета «Таймс» призывала: «Англия и Авс-

трия, и нет причин не причислить к ним и Францию, должны помешать сокрушению Турции дипломатическим путем, а в случае необходимости и более действенными средствами». В конце 1828 г. послы двух держав вернулись в Стамбул. Высокая Порта торжествовала, сочтя альянс трех держав похороненным. То было заблуждение. Петербург не протестовал против нелояльного поведения партнеров ввиду явной безрезультатности подобной акции, а старался использовать сотрудничество с Лондоном и Парижем даже в ослабленном виде. Формально посольский дуэт представлял три державы и поэтому не мог игнорировать позицию России. Ее голос звучал как бы из-за кулис. Подписать негодный России документ двойка не имела права.

Новый командующий Дунайской армией И.И. Дибич провел кампанию 1829 г. энергично и результативно, располагая сравнительно скромными силами — 125 тыс. солдат и офицеров. Соперникам России пришлось вспомнить, что они числятся ее союзниками. Отстранить ее от решения греческих дел было невозможно. Возобновились прямые контакты трех держав, что ограничивало возможность сепаратных маневров англо-французской пары. При поддержке французов удалось убедить англичан в необходимости расширения территориальных пределов Греции и вхождения в нее не только Мореи (Пелопонесса), но и земель к северу от нее (него), до линии между заливами Волос и Арта. Сюзеренные права султана ограничивались получением дани. 3 (15) марта 1829 г. состоялось подписание протокола, включавшего ссылку на июльскую конвенцию 1827 г. В Петербурге поздравили себя с успехом: протокол сохраняет видимость союза трех держав.

В мае поступили вести о долгожданных победах. Дибич разгромил при Кулевче армию Решид-паши и добился капитуляции крепости Силистра. В июле был преодолен Балканский хребет, в августе удалось занять важнейший опорный пункт на пути к Стамбулу — Адрианополь. На Кавказе корпус И.Ф. Паскевича захватил Карс. На «дружеские советы» двух послов — обращаться помягче с турками, на попытки запугивания с их стороны (будто бы крушение Османской империи породит

«ужасную анархию» и приведет к крушению баланса сил в Европе), Дибич не обращал внимания.

2 (14) сентября 1829 г. состоялось заключение мирного договора. Граница между двумя империями по-прежнему шла по рекам Прут и Дунай, доктрина отказа от территориальных приобретений на Балканах подтверждалась, но к России отходили все протоки Дуная, что позволяло контролировать выход судов из великой реки. Турция обязалась соблюдать свободу судоходства в Черном море, Босфоре и Дарданеллах для торговых кораблей всех дружественных стран. Договор способствовал развитию обширного причерноморского региона не только в российских пределах. В Закавказье к России отошли Ахалцих, Ахалкалаки и все побережье от Кубани до пристани Святого Николая, Анапа и Поти. Автономные права Дунайских княжеств, погрязшие после 1812 г., были восстановлены. Сербия приобрела внутреннее самоуправление. Турция обязалась осуществить зафиксированные в конвенции трех держав от 6 июля 1827 г. и их протоколе от 22 марта 1829 г. условия, касавшиеся Греции. Начавшийся после подписания Адрианопольского мира подъем экономики и культуры в регионе получил название Балканского возрождения.

5–6 (17–18) сентября, когда мирный договор был уже подписан, но весть об этом еще не поступила в Петербург, произошло заседание состоявшего из представителей русской и украинской знати комитета, посвященное всему кругу проблем, входивших в Восточный вопрос. Комитет пришел к выводу: стране потребны не новые приобретения, не расширение пределов, а «безопасность оных и распространение ее влияния», чего можно достигнуть, продлив существование Османской державы на «известных условиях» (желательно, подчинения). Внешнеполитический курс России на обозримый период был определен.

В 1832 г. состоялся последний акт адрианопольского урегулирования. В принятой тремя державами конвенции о Греции она фигурировала как конституционная монархия. Престол занял 17-летний принц Оттон, сын короля Баварии Людвига, известного своими филэллинскими симпатиями. Император

Николай настаивал, чтобы венценосец принял религию своих подданных, православие.хлопотами по осуществлению этой акции занялась комиссия, несколько странная для этого богоугодного дела: посол в Англии, лютеранин Х.А. Ливен, посланник там же, католик А.Ш. Матушевич и приверженец совсем диковинного для России англиканского вероисповедания, министр иностранных дел К.В. Нессельроде. Результатов им добиться не удалось.

Юный монарх прибыл в Пирей на английском фрегате. Личную аудиенцию отбывавшему из страны российскому адмиралу П. Рикорду мальчишка-король не стал давать, поручив ее адъютанту.

Греции, по британской инициативе, была предоставлена независимость. Форин офис вел беспроеигрышную игру. Российская дипломатия не могла отказать в столь зримом расширении прав балканского государства, но тем самым Петербург терял право на покровительство христианам, распространявшееся только на подданных султана. Греция становилась британским протекте.

С монархом грекам не повезло. Оттон остался чужеземцем, склонным к режиму личной власти, не способным воспринять образ жизни и культуру страны. Он был свергнут подданными с престола через 30 лет.

Блага Адрианопольского мира в полной мере ощутили на себе Дунайские княжества. Курс на отказ от завоеваний в Юго–Восточной Европе воплощался в жизнь. Видные бояре предоставили царю прошение с заверением в вечной преданности. Николай I ответил: «Мне ее не нужно» и посоветовал просителям отказаться от мысли о присоединении к России. В трактате султан заранее выражал согласие на проведение в княжествах необходимых преобразований. Вплоть до 1834 г. администрацию в них возглавлял просвещенный вельможа П.Д. Киселев. Были отменены внутренние таможенные сборы, введена свобода внешней торговли, реорганизована полиция, ранее содержавшаяся за счет поборов с населения, отменены пытки и смертная казнь. В Молдавии и Валахии всту-

пили в силу Органические регламенты, первые в их истории конституционные акты, определившие государственный, административный и юридический статус княжеств, финансы, аграрный строй, положение различных классов в обществе. В княжествах произошло возрождение вооруженных сил, земского войска, были учреждены министерства, появилась разветвленная судебная система. Участие в их составлении местных властей сказалось в том, что была уменьшена площадь наделов, предоставлявшихся помещиками крестьянам. В депешах в Петербург Киселев жаловался на то, что ему одному приходится выступать в защиту крестьян от жадной и буйной олигархии. Полной неудачей закончились и его попытки обуздать мздоимцев и взяточников и уменьшить разъедавшую государственный аппарат коррупцию.

Органические регламенты содержали упоминание о том, что происхождение, язык, общая религия, сходство законов создают предпосылки для объединения Молдавии и Валахии в единое Румынское государство.

В 1834 г., после выплаты Турцией наложенной на нее контрибуции, П.Д. Киселев покинул Бухарест. Провожали его торжественно. Одна из красивейших улиц столицы и по сей день именуется Шоссе Киселева.

Однако тогда же начали зарождаться и вызревать процессы совсем иного плана. Так наз. трансильванская школа считала румын прямыми потомками римских завоевателей. Всякое постороннее влияние на развитие этноса, прежде всего со стороны славянских народов, отменялось. Румыны провозглашались представителями латинской цивилизации в Юго-Восточной Европе, слова славянского происхождения из языка вытеснялись, кириллица, верно служившая развитию национальной культуры на протяжении 500 лет, была заменена латинским алфавитом. Удалось это сделать сравнительно легко, так как грамоту знало ничтожное меньшинство населения. Российское покровительство стало рассматриваться как вмешательство во внутренние дела княжеств, что сказалось во время революционных событий 1848 г. в Валахии. Существовало грустное для самодержавия обстоятельство — поднимавшаяся к власти бур-

жуазия всех балканских этносов образец для подражания видела в Западной Европе с ее представительными учреждениями и гражданскими правами жителей. Самодержавный строй представлялся архаическим и вызывал чувство вражды. Дунайские княжества в 40-50-е годы XIX в. в плане внешнеполитическом ориентировались на «латинскую сестру» Францию.

По Адрианопольскому миру Турция предоставила Сербии права автономии и на этот раз, после военного разгрома, не смогла пренебречь исполнением обязательств. Высокая Порта утратила право вводить в княжестве новые налоги, турки подлежали выселению с его земель за исключением гарнизонов 6 крепостей, включая твердыню Калемегдан в центре Белграда. Жители могли свободно исповедовать православие, заниматься торговлей, открывать школы и типографии, налаживать почтовую службу. Сербы воспользовались полученными правами. Территория княжества постепенно округлялась, османские крепости срывались.

О Болгарии Адрианопольский мир умалчивал. Однако в ходе Танзимата (преобразований в державе) рухнула средневековая система военно-феодалного землевладения. Земля оставалась в собственности государства, крестьяне за выкуп и арендные платежи становились владельцами обрабатываемых ими наделов. Национального помещичьего сословия ни в Болгарии, ни в Сербии не появилось.

В 1831 г. Высокую Порту постигло новое бедствие — восстал правитель Египта Мухаммед Али. Войска под командованием его сына Ибрагима заняли Сирию, в 1832 г. преодолели горный хребет Тавр и вступили в Малую Азию. В декабре великий визирь потерпел поражение в битве при Конье.

Турки метнулись за помощью в Лондон. Оттуда пришло письмо за подписью короля Вильяма IV с обещанием поддержки, но без указания ее размеров и сроков предоставления. Флот его величества был занят в иных местах. А войска для отпора египтянину были потребны немедленно и позарез. На-

стойчивая просьба поступила в Петербург и встретила здесь иной прием. В феврале 1833 г. эскадра из 9 кораблей под Андреевским флагом бросила якорь на Босфоре у местечка Буюк Дерё. В марте прибыли еще 11 судов с десантом на борту. Для руководства всеми операциями, дипломатическими, а возможно и военными, прибыл генерал Алексей Федорович Орлов.

На столкновение с российскими войсками Мухаммед Али не решился. В мае, при содействии со стороны французов, было заключено перемирие. Египетский паша получил в пожизненное правление Сирию и город Аккру с окрестностями. 7 июля последний египетский солдат покинул хребет Тавр. И тут взорвалась дипломатическая бомба. Состоялось подписание Ункяр-Искелесийского договора между Россией и Турцией. Стороны согласились «взаимно подавать подкрепление», Россия — военными силами, Турция — запретом иностранным военным судам входить в Дарданелльский пролив. О Босфоре текст умалчивал. Это рассматривалось в Петербурге как возможность судам Черноморского флота вхождения в пролив, что серьезно укрепляло обороноспособность южного побережья империи.

Всякое явление, однако, наряду с парадным ликом, имеет и оборотную сторону. Реакция в Великобритании на подписание договора была предельно жесткой и резкой. Глава Форин офис Г.Д. Пальмерстон счел, что трактат превратил Османскую империю в российского вассала. В парламенте раздавались призывы поднять против России Персию, Турцию и мятежную Польшу. Г. Темперлей писал о «лае парламентской своры» — столь резко он расценивал состоявшиеся прения. А под прикрытием несусветных небылиц, разворачивалось британское наступление на российские позиции на Балканах и Ближнем Востоке. Д. Голдфрэнк один из разделов своей книги о происхождении Крымской войны озаглавил «Великобритания — рывок вперед, 1833—1841». Британская дипломатия опиралась тогда на свои огромные экономические и финансовые ресурсы, неограниченную возможность предоставлять кредиты, соблазнительный в глазах турецких реформаторов парламентский режим. Средств для отпора российское ведомство иностранных дел не находило — ни товаров, ни кредита, ни идей. На балканской

почве состязались державы разной весовой категории: одна — передовая капиталистическая страна, другая — отсталая, с серьезными феодальными пережитками.

В 1838 г. была подписана англо-турецкая торговая конвенция, односторонне выгодная для Лондона. Ввозные пошлины на товары с клеймом «Мэйд ин Инглэнд» устанавливались в размере 5%, и оные товары потоком хлынули на османский рынок. Вывозные пошлины составляли 12%, так что на конвенцию не падало и тени равноправия. В том же 1838 г. состоялись совместные маневры британского и османского флотов в Средиземном море. А вдоль черноморских берегов Малой Азии одиноко крейсировали суда под Андреевским флагом. Наличие Ункяр-Искелесийского договора ни в малой степени не помешало утрате самодержавием прежних позиций в регионе. Неудивительно, что оно в 1840—1841 гг. присоединилось к конвенции о Проливах, запрещавшей проход через Босфор и Дарданеллы иностранных военных кораблей. Такая договоренность, связавшая все великие державы, представлялась более надежным вариантом защиты южных берегов России, нежели двусторонний Ункяр-Искелесийский договор.

Дунайские княжества оказались последним восточным рубежом европейских революций 1848 года. Зачинщиками выступили студенты, учившиеся во французских университетах. В Молдавии дело ограничилось оппозиционными выступлениями, быстро подавленными господарем М. Стурдзой. Он обратился за поддержкой к Николаю I. Тот не был склонен к военному вмешательству, но произошло нечто совершенно необыкновенное: войска вступили в княжество по распоряжению местного командования, не имея на то приказа императора. Командовавший ими генерал, решив, что нарушил царскую волю, пустил себе пулю в лоб.

В Валахии студенты-инициаторы действовали решительнее. 21 июня в селении Ислаз перед собравшимися крестьянами и солдатами расквартированной роты была оглашена программа буржуазно-демократических преобразований, включавшая и пункт о наделении крестьян землей за выкуп. Князь Г. Бибес-

ку бежал. Однако либеральные руководители опасались перегнуть палку. Они обратились к «братьям крестьянам» с призывом терпеливо ждать, пока Учредительное собрание не примет решения по аграрным вопросам. В созданной для подготовки реформы комиссии «братья помещики» заняли непримиримую позицию, решение проблемы застряло на ухабах бесконечных обсуждений. Деревня охладела к революции.

Правительство сильно подпортило свою репутацию удалением в Карпатские горы. Министры ударились в бег без видимых на то причин — самодержавие вторгаться в Валахию не предполагало. Через несколько дней они вернулись в Бухарест.

В отношениях с Высокой Портой либералы решили придерживаться лояльного курса. Поспешно была собрана причитавшаяся дань, с чем не торопился сбежавший господарь Г. Бибеску. Огонь критики был направлен против покровительства России, представленного как вмешательство во внутренние дела государства. Расчет строился на том, что Петербург и Стамбул, будучи непримиримыми антагонистами, о подавлении революции не договорятся.

Грезы не сбылись. 25 сентября турецкие войска ворвались в Бухарест. Командовавший ими паша с представленной ему конституцией знакомиться не пожелал и согласился иметь дело лишь с митрополитом. А его подчиненные грабили дома, расправлялись с жителями. Вскоре в Валахию вступили русские полки под предлогом спасения жителей от османских расправ.

Подавлением эту акцию назвать нельзя. Пускать в ход оружие не понадобилось, валашская армия немедленно перешла на сторону сил порядка, никто не оказывал сопротивления. Во внешнеполитическом ведомстве России пришли к выводу, что опоры в народе революционеры не имели. Князя на престолы в Яссах и Бухаресте были возведены по договоренности между Петербургом и Стамбулом.

Крымская война — единственный общеевропейский катаклизм с участием России, Турции, Франции, Великобритании, Сардинии, а в дипломатическом плане и Австрии за сто лет между наполеоновской эпопеей и Первой мировой войной — в

историографии одержавшей верх стороны, британской, именуется ненужной, «заслуживающей сожаления глупостью», бесполезной, бессмысленной и бесславной, порождением тщеславия и провальной. Со всеми этими нелестными эпитетами, характеризующими действия противников России, можно согласиться. Прошло всего 15 лет после заключения мира, и отечественная дипломатия добилась отмены самого тягостного для России положения Парижского трактата 1856 г. о запрете держать военный флот на Черном море. Так стоило ли проливать реки крови?

Виднейшая американская балканистка Барбара Елавич считала необыкновенно трудной задачей любой страны развязать войну с Россией, которая ни к одному из государств Европы не имела ни малейших претензий. Ее соперничество с Англией развивалось для последней успешно и могло тянуться бесконечно, ибо «акула» и «волк», как эти страны именовались в полемике, действовали в разных стихиях и нанести друг другу решающего удара не были способны.

Но на сцене появился Луи Наполеон Бонапарт, племянник великого Наполеона. Он долго жил в Англии и приобрел там репутацию авантюриста, мота, игрока и ловеласа.

Магия имени воздействовала на французов. Он легко одолел своих соперников на выборах президента республики. Тщеславие его терзало, и он добился провозглашения себя императором. Союзник к Англии сам в руки шел. Появление на арене французской армии могло превратить, надеялись в Лондоне, затянувшуюся осаду российских позиций в победоносный штурм. Оставалось изыскать повод для раздувания конфликта. Французы извлекли из архива забытый всеми султанский фирман 1740 г., предоставлявший католическому духовенству заботу о почитаемых храмах на Святой Земле. Царь Николай оказался в неудобном, если не сказать унижительном положении: хорош покровитель православных, не способный отстоять их права даже в храме Гроба Господня!

Царь снарядил в Стамбул посольство князя А.С. Меншикова. Его миссия в историографии представляется как пример некомпетентности и неуклюжести в переговорах. Дипломатическими талантами он, действительно, не блистал. Надо, одна-

ко, иметь в виду, что в западных изданиях о миссии содержание привезенных князем к подписанию документов приводится, как правило, в авторском изложении, без цитирования их текстов, и следует безапелляционный вывод: «С помощью договора царь лишал султана какого-либо подобия власти над 14 миллионными своими подданными».

На самом деле в данных Меншикову инструкциях Высокой Порте предлагалось сохранять и уважать права греческой православной церкви и относиться к представлениям российских посланников в пользу этой церкви с должным уважением. По сути дела требовалось подтверждение положений Кючук-Кайнарджийского и Адрианопольского договоров. Обязательства Высокой Порты сводились к выслушиванию демаршей посланников. Нигде не говорилось об обязательстве принимать их к исполнению.

Тон демаршей Меншикова постепенно смягчался, но ярый сторонник войны Стрэтфорд-Каннинг, удостоенный титула лорда Редклиффа, усматривал в демаршах недопустимое вмешательство во внутренние дела Турции и настраивал соответственно великого визиря Решид-пашу.

Меншикову удалось договориться с французским послом о службе православного и католического духовенства в почитаемых храмах. Но Стрэтфорд-Каннинга заботили не церковные дела, он хотел с помощью дипломатических маневров свести на нет роль России в Восточном вопросе, завоеванную блистательными победами ее армии. Он пошел на прямую фальсификацию смысла демаршей Меншикова. Вместо слов «делать представления» русским посланникам приписывалось нечто совсем другое: «Давать распоряжения». В таком извращенном виде позиция Меншикова представлялась парламенту.

Международная обстановка складывалась мрачно для Петербурга. Николай I воображал, что поддержка Пруссии и Австрии, последней — в знак признательности за помощь в подавлении в 1849 г. революции в Венгрии, ему обеспечена. Но он заблуждался. Юный кайзер Франц Иосиф считал предательство необходимым элементом политики. Он писал своей матери, эрцгерцогине Софии: «Мы доведем русскую политику до

краха». Позднее, познав истину, император Николай разразился бранью в адрес канцлера Габсбургской монархии К.Ф. Буоля: «Он что, рехнулся?», «Каналья!!», «Мерзавец!», «Негодяй!».

22 июня (3 июля) 1853 г. царь совершил роковой шаг. Два армейских корпуса переправились через реку Прут и заняли Дунайские княжества. К.В. Нессельроде клялся, что цель оккупации — побудить Высокую Порту к уступчивости. Из Лондона, Парижа и Вены последовало требование о немедленном выводе войск из Молдавии и Валахии. Последняя попытка сохранить мир связана с так наз. Венской нотой лета 1853 г., составленной дипломатами Франции и Австрии и одобренной от имени Англии Д. Кларендоном. Основное ее положение гласило: «Е.в. султан остается верен букве и духу положений договоров Кючук-Кайнарджийского и Адрианопольского о покровительстве христианской религии». Нота упоминала «деятельную заботу императоров Всероссийских» о сохранении прав христиан. Однако державы обретали право судить, как интерпретируется нота «в случае разногласий между Портой и Россией», и становились верховным арбитром в русско-турецких отношениях.

Тем не менее царь немедленно сообщил о принятии ноты с одной оговоркой — Стамбул должен последовать его примеру и не посягать ни на что в ее тексте.

Ч. Стрэтфорд-Каннинг, официально признав ноту, высказался за внесение в нее редакционных поправок. Выговора от правительства за самоуправство он не получил, кабинет был настроен воинственно. Решид-паша потрудился над текстом, вычеркнув в нем упоминание о покровительстве России православным, султан превратился в их единственного благодетеля. Нессельроде сообщил об отказе признать обкорнанный текст ноты. Перед войной зажегся зеленый свет.

9 октября 1853 г. командующий османскими войсками Омер-паша потребовал немедленного вывода российских полков из Молдавии и Валахии. Д. Кларендон возвестил в палате лордов: «Предстоит битва цивилизации против варварства».

В авангарде «цивилизации» выступили славившиеся своими зверствами башибузуки. В захваченном внезапно форте

Святого Николая они вырезали всех обитателей, в том числе таможенника, врача, женщин, включая беременных, и детей.

2 ноября (н.ст.) император Николай подписал манифест о войне, подчеркнув в нем: «Мы отказываемся от всякого завоевания». Цель — восстановление независимости христианских народов, «да вступят сербы, болгары, молдо-валахи в обладание странами, в которых живут целые века».

18 (30) ноября 1853 г. произошло последнее в XIX в. сражение парусных военных кораблей. Адмирал П.С. Нахимов с эскадрой в 6 линейных судов и 2 фрегата (720 пушек на борту) разгромил в Синопской бухте флот Осман-паши. Британской общественности славную морскую баталию представили как расправу над беззащитным караваном.

Под Новый год Лондон и Париж преподнесли российской стороне требование, не вязавшееся с международным правом, — не нападать в Черном море на неприятельские военные корабли. Связать тем же обязательством турок они не пожелали.

5 января 1854 г. англо-французская эскадра, в нарушение конвенции 1841 г. о Проливах, вышла из Босфора в Черное море. 12 марта две державы подписали с Османской империей договор об оборонительном и наступательном союзе, 27 и 28 марта последовало объявление России войны. 2 декабря, в годовщину битвы при Аустерлице, был заключен трактат с Австрией с целью добиться от России «путем переговоров или вооруженным» уступок, будто бы необходимых для сохранения мира и спокойствия в Европе. Пруссия к акции не присоединилась и продолжала придерживаться колеблющегося нейтралитета. Никто тогда не подозревал, какие выгоды она из этого курса извлечет. Надежды на вовлечение Габсбургской монархии в военные действия, питаемые союзниками, не оправдались. Вена хотела участвовать в мирных переговорах, не участвуя в боях, и надула партнеров, превратившись в их глазах в «проклятого нейтрала».

Ни в Париже, ни в Лондоне не предполагали, в какую трагедию выльется война. Глава Форин офис Г.Д. Пальмерстон тешился мыслью о том, что при наличии 60-тысячного войска в

Крым и при поддержке флота «веселое Рождество и счастливый Новый год нам обеспечены». А застряли они на 349 дней под стенами героически оборонявшегося Севастополя. Не только пули и снаряды косили солдат 150-тысячной, а потом и 170-тысячной армии союзников в солнечном Крыму. Зимой они замерзали и вымерзали в наскоро сколоченных бараках, а то и в палатках. У корреспондента газеты «Таймс» хватало отваги сообщать читателям правду о буднях соотечественников во время осады. Вот информация, появившаяся в газете 25 ноября 1854 г.: «Дождь льет, небо — как чернила, ветер завывает над содрогающимися тентами, у людей нет ни теплой, ни непромокаемой одежды». В январе 1855 г. в английском экспедиционном корпусе больных, раненых и обмороженных насчитывалось 23 тыс. человек, но все же 11 тыс. здоровяков оставались в строю. Палата общин отправила правительство Д. Абердина в отставку. Пост премьер-министра занял Г.Д. Пальмерстон.

В коалиции объявилось слабое звено в лице Франции. В феврале 1855 г. от тяжелой болезни, эмфиземы легких, скончался император Николай I. Луи Наполеон прислал соболезнования, чего не сделали британцы. Осенью того же года союзную державу навестил Д. Кларендон и вернулся в унынии: «Французы рехнулись на почве страха и жульничества» и «только визжат о мире», «боюсь, что император столь же деморализован, как и его правительство». «Все, кроме Джона Буля, жаждут мира».

Осенью, наконец-то, удалось одержать успех, позволивший союзникам заключить договор с видом победителя. 25 сентября (8 октября) состоялся шестой приступ крепости. Французы, англичане, турки, итальянцы шли на штурм на 12 участках. На 11-ти они были отброшены с тяжелыми потерями. Британцы застряли перед третьим бастионом, трижды они сметались пушечным и ружейным огнем. Французам удалось преодолеть 40 метров, отделявших их траншеи от Малахова кургана, высоты, господствовавшей над городом. Произошла ожесточенная рукопашная резня, ратники курского ополчения пустили в ход даже топоры, но вытеснить неприятеля с бастиона не удалось. Ночью по приказу генерала М.Д. Горчакова войска по понтонному мосту и на судах переправились с южной стороны города

на северную. «Одни едва бредут под тяжестью оружия, до того измучены они; другие несут десятки мертвых; третьи тащат изможденных страдальцев, облитых кровью, с оторванными членами». Тут же, молча перекрестясь, бросали в воду пушки. Воздух оглашали проклятия и вопли умирающих. Реванш за 1812 год, когда была уничтожена Великая армия Наполеона Бонапарта и вынесен смертный приговор его империи, выглядел убого. Все здания на южной стороне были взорваны, неприятелю достались только камни, кирпичи и пепел. Оба командующих, генералы Ж. Пелисье и Д. Симпсон, не помышляли о переносе военных действий за пределы Крыма, считая это авантюрой. Воинственность сохранили лишь кабинетные стратеги в Лондоне. Г.Д. Пальмерстон заявил было, что Англия вместе с турками и без посторонней помощи добьется заключения почетного мира. Все сочли это бахвальством.

В декабре 1855 г. Луи Наполеон преподнес союзникам новый сюрприз. Министр финансов доложил ему, что денег на войну едва хватит до весны. К миру склонялся и император Александр II. Ни малейших шансов на победу не существовало. Армия впервые ощутила на себе отсталость страны, что сказалось на ее вооружении. У противников — нарезные винтовки, у русских солдат — гладкоствольные ружья. Государственный долг — 800 миллионов рублей, на его погашение ушло 15 лет. России угрожал не военный разгром, а хозяйственное разорение. Британцы на своих островах были недоступны и неприступны. Больше всего царя и его окружение тревожила мысль о несовместимости военной страды с замышляемыми великими преобразованиями.

На Парижском конгрессе 1856 г. Наполеон занимал менее жесткую позицию, нежели британцы и австрийцы. И те, и другие были склонны переоценивать значение бесед императора с первым российским уполномоченным, князем А.Ф. Орловым за чашкой кофе. Действительно, с его помощью удалось отклонить такие притязания, как нейтрализация не только Черного, но и Азовского моря, срытие укреплений Николаева, запрет на постройку больших кораблей, годных для переоборудования в крейсера, а также ограничить площадь отторгнутых в Южной

Бессарабии земель, которые после передачи их Османской империи вошли в состав Молдавского княжества.

Первая трещина во вражеском лагере появилась еще до подписания мира, камнем преткновения послужил румынский вопрос. В Дунайских княжествах развернулось движение за их объединение и образование Румынии. Унионисты были русофобами и убежденными сторонниками ориентации на Францию. Во время войны они предлагали создать румынский легион для участия в ней на стороне противной России коалиции, которая остро нуждалась в пополнении своих вооруженных сил. Но ей нужны были боеспособные войска, а не политизированный легион сомнительной военной ценности. Лондон, Париж и Стамбул проявили равнодушие к инициативе унионистов. Иным было отношение во французской столице к поступавшим из Бухареста заверениям в преданности и желании следовать в политике ориентации на империю Луи Наполеона. Появилась возможность прочно утвердить свое влияние на Балканах, и французская дипломатия взяла курс на поддержку объединения княжеств. Привлечь на свою сторону ей удалось только Италию, государство еще слабое и весом в делах международных не обладавшее. А против унии, за сохранение сепарации Молдавии и Валахии выступали единым фронтом Великобритания, Австрия и Турция. На ключевой позиции в решении вопроса оказалось самодержавие. Стоило ему примкнуть к сепаратистской троице и выступить против русофобствующих унионистов, и объединение княжеств откладывалось бы в долгий ящик. Однако российская дипломатия сочла невозможным выступать против национальных устремлений на Балканах и примкнула к Франции. В 1859–1862 гг. объединение состоялось, и на карте появилась Румыния.

Россия дорого оплатила мир. Она лишилась права покровительства над балканскими христианскими народами, замененного гарантией великих держав. 15 апреля произошло подписание англо-франко-австрийской конвенции, в которой три державы совместно и порознь гарантировали независимость и целостность Османской империи. То был бессрочный анти-русский союз во имя сохранения разваливавшегося султа-

ната. Даже в британском парламенте раздавались голоса против «бесстыдства», с коим кабинет «безгранично во времени и независимо от каких-либо обстоятельств обязался защищать безнадежную империю».

По настоянию послов Англии и Франции в Стамбуле султан Абдул Меджид издал хатт-и-хумаюн о гражданском равноправии своих подданных-христиан. Парижский трактат содержал ссылку на хатт, который тем самым превращался в международное обязательство.

История совершила свой суд над творением западных миротворцев. Современник событий М.П. Погодин, задавал вопрос: может ли Россия «защищать свои берега без флота, без крепостей, без арсеналов?» И отвечал: «Пьеса еще не вся». Восточный вопрос не решен. Подписан не мир, а перемирие.

Ни одна страна, обладающая чувством собственного достоинства и стоящая на страже своего суверенитета, с подобным попранием прав смириться не может. По словам О. Бисмарка, «стомилионному народу нельзя запретить навсегда осуществлять естественные права суверенитета над принадлежащим ему побережьем и подвергать его невиданным унижениям». Навязанный России запрет на содержание военного флота на Черном море прекратил существование в 1871 г., и все державы подчинились тогда решению царя.

Химерой обернулась и попытка западных миротворцев подлатать Османскую империю с помощью скроенных на европейский лад реформ. Их встретили в штыки не только муллы, муфтии, учащиеся медресе, но и миллионная масса мусульманского населения, не желавшая быть равной с «неверными». По мнению российских консулов, к кади (судье) мог явиться хоть Папа Римский, но тот все равно признал бы правоту турецкой стороны в спорном деле. Деграция османской власти в последующие десятилетия не только продолжалась, но и убыстрялась. В 1875 г. вспыхнуло восстание в Герцеговине, распространившееся вскоре на весь полуостров. И один из русских консулов объяснял причину просто: так больше жить нельзя.

Христиане 400 лет подвергались угнетению, но никогда с ним духовно не смирялись. Они жили своим миллетом (об-

щиной) по заветам Евангелия и законам обычного права. Османская империя представлялась им злой мачехой, никакие потуги падишаха не могли превратить их в законопослушных подданных. Двадцатилетие после Крымской войны стало для них судьбоносным, медленно, но верно они подтачивали устои иноверческого и чужеземного владычества. Реформы Танзимата, покончившие со средневековым военно-феодалным землевладением и с сословием спахийев, способствовали деградации османской власти.

Вспышка в Герцеговине была подхвачена в Боснии, в 1876 г. последовало Апрельское восстание в Болгарии (в мае по новому стилю), подавленное башибузуками с присущей им жестокостью. В опустошенном крае побывали корреспонденты нескольких английских газет и русский дипломат А.Н. Церетелев. Европа содрогнулась от полученных известий. Сербия и Черногория объявили Турции войну. Российская общественность и словом, и делом выступала в поддержку южных славян. Благотворительные комитеты собирали в помощь повстанцам миллионные суммы. Снаряжались санитарные команды для попечения о раненых, и в их составе были не только рядовые врачи и сестры милосердия, но и светила медицины — Н.С. Клифосовский и С.П. Боткин.

В декабре 1876 г. в Константинополе состоялась конференция держав, на которой российскому послу Н.П. Игнатьеву уже на предварительной стадии удалось достигнуть успеха: было решено предоставить автономию Боснии, Герцеговине и Болгарии. Однако подвинуть на уступки Высокую Порту делегаты не смогли: ее представитель заявил, что согласно только что принятой конституции подданные султана всех исповеданий пользуются равными правами, и христианам нечего хлопотать о каких-то привилегиях. Стало очевидно, что лишь новая русско-турецкая война избавит южных славян от поражения.

Греция и Румыния в восстаниях участия не принимали. Олигархия, управлявшая последней, попыталась достичь независимости окольным путем. Неприемлемое для Порты слово «независимость» было заменено другим — «индивидуальность»,

однако с признанием ее Румыния обрела бы все права независимого государства. Но в Стамбуле не простаки сидели, чтобы поддаться на подобную маскировку. Бухаресту напомнили, что Румыния является провинцией Османской империи. Румынским правителям пришлось менять тактику. Они стояли перед выбором: или в союзе с Россией добиваться независимости и территориального расширения, или, сохранив нейтралитет, превратить страну в поле боя между армиями России и Турции без всяких гарантий насчет будущего Румынии. Естественно было принято решение в пользу сотрудничества с Петербургом. В войне за независимость румынская армия проявила себя достойно, участвуя в осаде крепости Плевна. Испытание огнем прошли также армии Сербии и Черногории. Что касается Греции, то ее король Георг принял решение так поздно, что Александр II упрекнул его за то, что тот вступил в войну тогда, когда он ее заканчивал.

В плане дипломатическом между Петербургом и Бухарестом возник острый конфликт. Император Александр считал делом чести для себя и России возвращение отторгнутых от нее после Крымской войны южных уездов Бессарабии. В Румынии они были объявлены драгоценным национальным достоянием, не подлежащим возврату за территориальные компенсации. Таковые были предложены Петербургом в виде Северной Добруджи, многонациональной области, превосходившей Южную Бессарабию по площади, численности населения, обладавшей хорошим портом в Констанце (Кюстенджи) и экономически значительно более перспективной.

Бурная кампания «в защиту» Южной Бессарабии была инспирирована сверху, парламент принял соответствующие резолюции. Румынские эмиссары побывали в Вене, Лондоне и даже Стамбуле с предложением своих услуг в войне коалиции Англии, Австрии и Турции против России, которую считали неизбежной. Венский и лондонский кабинеты на войну не решились. Царь назвал поведение румынских министров недостойным аллюром. Местным русофобам пришлось забыть о своих притязаниях на Южную Бессарабию. Ее передача России прошла без малейшего инцидента.

Берлинский конгресс 1878 г. по многим вопросам склонился перед волей России. Подписанный трактат содержал признание государственной независимости Сербии, Черногории и Румынии, против чего ранее стеной стояли пять великих держав. Три страны значительно расширили свои пределы. В судьбах Балкан произошел эпохальный перелом, значение которого засвидетельствовала история: через тридцать с небольшим лет в ходе Первой балканской войны вооруженные силы Сербии, Болгарии, Греции и Черногории всего за месяц разгромили турецкую армию, о чем отцы и деды победителей не смели мечтать даже в сладких грезах.

Жертвой Берлинского конгресса стала Болгария. Лишь северная ее часть, а за Балканским хребтом София и Варна с окрестностями стали автономным княжеством с широкими правами. Южная часть страны была названа Восточной Румелией и получила лишь местное самоуправление. Во главе ее стоял губернатор-христианин. Противоестественный раздел страны на две части длился недолго. В 1885 г. болгарские войска вступили в Восточную Румелию. Державы смирились со свершившимся, развязывать европейский конфликт вокруг создания единой Болгарии охотников не нашлось — недавняя русско-турецкая война была еще свежа в памяти.

Несмотря на эпохальные итоги войны 1877–1878 гг., все балканские страны выражали недовольство ее результатами. Сербия и Черногория кляли достигнутую державами еще до войны договоренность об оккупации Боснии и Герцеговины австро-венгерскими войсками, Белград и Цетинье претендовали на присоединение этих областей к своим владениям. Рухнули мечты о превращении Сербии в южнославянский Пьемонт. Олигархия, управлявшая Румынией, выражала недовольство утратой Южной Бессарабии. Греции пришлось ждать несколько лет решения держав о присоединении к ней земель в Эпире и Фессалии. В Болгарии царило возмущение разделом страны. Другой кровоточащей раной явился отказ от заключенного усилиями Н.П. Игнатьева Сан-Стефанского трактата с Турцией, предусматривавшего образование более просторного государства с выходом как к Черному, так и Эгейскому морям.

Великобритания и Австро-Венгрия заняли в отношении договора совершенно непримиримую позицию. Важно отметить, что к ним по существу присоединились Сербия, Румыния и Греция, считавшие недопустимым установление на Балканах болгарской гегемонии.

В создавшихся условиях сан-стефанский вариант не мог обеспечить установление в регионе длительного и прочного мира. О. Бисмарк определял ситуацию формулой: освобождаемые народы не благодарны, а требовательны. Программы национального объединения всех балканских этносов скромностью не отличались и предусматривали прихват чужих земель. Нагромождение взаимных территориальных претензий было столь велико, что исключало даже теоретически возможность проведения границ, удовлетворяющих всех.

Сложные процессы на Балканах приносили большую пагубу отношениям расположенных здесь стран с Россией. Все они созидали свою государственность по западноевропейскому образцу и резко отрицательно относились к самодержавию. К чести министерства иностранных дел следует сказать, что оно не предпринимало ни малейших попыток распространить за рубежом отечественные порядки. Так, в Сербии традиционно поддерживались уставобранители, сторонники внедрения в стране конституционных норм, а после войны оно способствовало выработке в Болгарии демократической Тырновской конституции, предусматривавшей всеобщее избирательное право для мужчин. Но гибкость отечественной дипломатии далеко не всегда учитывалась партнерами. Потенциал поддержки национально-освободительного движения на Балканах Дом Романовых далеко не исчерпал, но потребовались годы и годы, чтобы эта истина была осознана и использована.

А пока что ...

Первой на противную сторону перебежала румынская олигархия, примкнув в 1883 г. к направленному против Франции и России союзу Центральных держав, Германии и Австро-Венгрии, под оглушительный шум распространявшихся прессой

небылиц насчет неумной агрессивности «русского медведя». Бисмарку пришлось потрудиться над текстом договора с Румынией, устранив в нем наиболее одиозные формулировки, свидетельствовавшие о захватнических замыслах румынского кабинета, простиравшихся до Днестра и далее. Упоминание о России из текста исчезло. Румыния превратилась в барьер на случай нового похода российских войск на Балканы.

Пресса всех стран предвещала, что в лице Болгарии Россия обретает форпост на Балканах. На самом же деле появилось новое самостоятельное и самолюбивое государство, с явной антипатией относившееся к «прелестям» царского режима. Отношения с новорожденным складывались непросто и напряженно. В 1886 г. произошел разрыв дипломатических отношений между Софией и Петербургом, причем не только по вине крутого нравом царя Александра III, но и из-за прозападной ориентации влиятельных болгарских кругов. Пагубный для обеих стран разрыв продолжался 10 лет.

Сербский князь Милан Обренович принял решение согласовывать свой внешнеполитический курс с Австро-Венгрией. Балканы перестали нуждаться в прежней поддержке со стороны России, Восточный вопрос утратил приоритет в международных отношениях. В конце XIX в. министр иностранных дел России А.Б. Лобанов-Ростовский произнес немыслимые в устах его предшественников слова: «Нам надо было поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы не разделимся с другими, более спешными делами» — среднеазиатскими, а затем дальневосточными. Как тогда говорили, Россия «ушла из Европы» и «вернулась» лишь после революции 1905–1907 гг.

В балканской политике наступил крутой перелом, она превратилась в сумму отношений с отдельными странами региона.

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. общую печаль выразил наследник-цесаревич Александр Александрович, будущий Александр III, сказав, что у России остались лишь два союзника — ее армия и ее флот. Но годы сменялись десятилетиями, а российский фактор на Балканах не исчезал, а укреплял-

ся. В 1896 г. были восстановлены дипломатические отношения с Болгарией, в 1903 г. произошел государственный переворот в Сербии, сопровождавшийся расправой над членами династии Обреновичей. Пришедшие к власти Карагеоргиевичи твердо ориентировались на Россию. Ветошь антироссийской пропаганды в Румынии изжила себя, северный сосед не проявлял ни малейших признаков завоевательных поползновений; медленно, осторожно, с колебаниями начался процесс сближения с Петербургом. Итог всех этих явлений подвела Первая мировая война. Сербия, Черногория, Греция и Румыния присоединились к Антанте, коалиции Великобритании, России и Франции. Одна Болгария, подвергшаяся в ходе Второй балканской войны расправе со стороны Сербии, Черногории, Греции и Румынии, присоединилась к союзу Центральных держав и по миру в Нейи в 1919 г. потерпела национальную катастрофу.

*Григорий Львович
АРШ*

ПЕТР I И ЕКАТЕРИНА II – ЦАРСТВЕННЫЕ ФИЛЭЛЛИНЫ

В XV–XVII вв. связи между Русским государством и Грецией базировались исключительно на религиозной общности русских и греков. Русские цари снабжали греческие монастыри и церкви утварью и украшениями, приезжавшие в Россию греческие духовные лица возвращались с щедрой «милостыней»; тесные отношения возникли между московскими патриархами и греческими патриархами Востока.

С XVIII в. русско-греческие отношения приняли форму политического покровительства единоверному народу, страдавшему под чужеземным игом. Возникло и новое идейное обоснование этого покровительства, которое сближало его с западноевропейским филэллинизмом: необходимость облегчения участи и освобождение знаменитого народа – потомков древних эллинов, создавших основу европейской цивилизации. Но в отличие от общественно-культурного движения, каковым он являлся в Западной Европе, в России филэллинизм стал государственной политикой, существенной частью ее внешней политики. Наиболее активными ее проводниками среди русских царей в XVIII в. были Петр I и Екатерина II. При этом Россия, будучи единственной единоверной грекам державой, стремилась добиться международного признания своего права покровительства им.

Первая такая попытка была предпринята Петром I. На Карловицком мирном конгрессе 1698–1699 гг., завершившем войну Священной лиги против Османской империи, в которой участвовала и Россия, российский представитель П.Б. Возницын предложил внести в мирный договор следующий пункт: «Церквам Божниим и монастырем греческую веру имеющим...

также и розных народов людем Греком, Сербом, Болгаром, Словаком и иным всем тоеж веру употребляющим, да будет всякая свобода и волности без всякого отягчения и лишних податей»¹. Но турецкие представители не согласились с этим пунктом. Более того, Порты, обеспокоенная ростом могущества России в результате Полтавской победы, в ноябре 1710 г. объявила войну России.

Русско-турецкая война 1710–1711 гг. (Прутский поход) была первой балканской войной между двумя империями — не только потому, что военные действия разворачивались в степях Молдавии, но и потому, что русский царь впервые прямо обратился к жителям Балкан. «Мы, — заявлялось в его “Манифесте Молдавии и Валахии и всем христианским народам” от 8 (19) мая 1711 г., — уповая на правость свою и приняв сие за звание Божие для освобождения ис под ига варварского христиан страждущих, смотрением Его, Всевышного, сочиненное, вознамерились со всеми нашими войски не токмо для отпору неприятелю наступающему, но и наступательно на того самого вероломного христианского имени супостата и искаренителя воевать». Петр I обращался с призывом к «единоверной нашей братии... [чтобы] при сем вступлении войска нашего в границы турецкие все совокуплялись и приходили к войскам нашим и совокупно на неприятеля Креста Господня воевали за отечество, за честь и за привращение древних свобод и вольностей своих и наследников ваших ис под ярма поганского»². Однако в июле 1711 г. османы одержали победу над армией Петра I на реке Прут, и восстание на Балканах не развернулось.

Призывы к балканским народам соединиться с русскими войсками и совместно воевать за восстановление «древних свобод и вольностей своих», содержащиеся в манифесте Петра 1711 г., были данью историческому наследию Византии, на которое традиционно претендовали русские цари. В то же время Петр I, несомненно, испытал и влияние западноевропейского филэллинизма, для которого предметом поклонения была не Византия, а Древняя Греция.

Так, по сведениям Н.И. Костомарова, царь, выступая на празднике по случаю спуска на воду нового корабля, произнес

речь, отражавшую его глубокое уважение к Греции и надежду на возвращение ее места в семье цивилизованных народов. Буквально он сказал: «История полагает колыбель всех наук в Греции, оттуда оне перешли в Италию, а из Италии распространились по остальной Европе, но, по невежеству наших предков, не проникли до нас. Теперь очередь наступает и нам; мне кажется, что со временем науки оставят свое место пребывания в Англии, Франции и Германии, перейдут к нам и наконец воротятся в прежнее свое отечество, в Грецию»³.

Филэллинская политика российских монархов включала в себя и покровительство грекам внутри Российского государства. Так, было уделено внимание греческой торговой общине, образовавшейся на Украине в середине XVII в. Община пользовалась широкой автономией; сюда приезжали как греки, так и представители других балканских народов. Община не только имела обширные торговые связи, особенно с Центральной Европой, но и пользовалась большим политическим престижем. Привилегии и различные льготы давались ей также украинскими гетманами. Одним из таких документов о привилегиях был универсал гетмана И.И. Скоропадского от 17 (28) октября 1709 г. Но обещанные гетманом широкие привилегии фактически не предоставлялись жителям. Тогда нежинские греки обратились по этому поводу к Петру I — и царь вмешался. В своей жалованной грамоте от 11 (22) марта 1711 г. Петр I указал: «Повелеваем им Грекам в Нежине жить и церковь свою Греческую имети, и права и волности содержания во всем против того, как в том подданого нашего Гетмана Ивана Ильича Скоропадского универсал изображено, непременно»⁴.

Филэллинская политика российского императора завоевала ему большое уважение у греков. Его портреты распространялись в Греции и греческих зарубежных колониях. В их числе был выгравированный в Амстердаме портрет Петра с характерной надписью: *Petrus Primus Russograecorum Monarcha* (Петр Первый — русско-греческий монарх). Биографии Петра I также были весьма распространены и пользовались большой популярностью в греческом мире. Так, биография русского царя,

написанная священником А. Катифоросом, за период 30–90-х годов XVIII в. выдержала шесть изданий. Деяния Петра I и других русских монархов находили отклик в сердцах греков. Причиной тому были надежды, укоренившиеся в греческом народе, на защиту и по возможности активную поддержку со стороны России вероятной попытки освобождения христианских народов из-под османского ига. Надежды эти крепили в результате появления в трудах греческих писателей данных о большом прогрессе в сфере наук, искусств, войны и мореплавания, которого под управлением Петра I достигла Россия⁵.

Несмотря на неудачу Прутского похода, Петр I не отказался от своих балканских планов. Об этих его планах знала Екатерина II, причем не только из книг и документов, но и от авторитетного свидетеля – сподвижника царя-преобразователя, фельдмаршала Б.К. Миниха, победителя турок при Ставучанах. Миних был одним из немногих сановников, до последнего момента сохранявших верность Петру III. Несмотря на это, Екатерина II простила его, приблизила к своему двору и часто беседовала с ним. В один из дней рождения наследника престола Павла Петровича приглашенный во дворец Миних высказал такое пожелание имениннику: «Я желаю, чтобы, когда великий князь достигнет семнадцатилетнего возраста, я бы мог поздравить его генералиссимусом российских войск и проводить в Константинополь, слушать там обедню в храме Св. Софии. Может быть, назовут это химерою... Но я могу на это сказать только то, что Великий Петр с 1695 года, когда в первый раз осаждал Азов, и вплоть до своей кончины не выпускал из вида своего любимого намерения – завоевать Константинополь, изгнать турок и татар из Европы и на их место возстановить христианскую греческую империю»⁶.

Считавшая себя продолжательницей петровских традиций в политике России, императрица с удовольствием слушала сподвижника Петра I – старого воина, скончавшегося впоследствии за год до начала первой русско-турецкой войны ее царствования.

С первых лет правления Екатерины II черноморско-балканское направление занимает важнейшее место в ее внешней

политике. Стратегической целью императрицы было овладеть побережьем Черного моря — так же, как Петр I завоевал для России побережье Балтики. Установление тесных связей с греками — естественными союзниками России в борьбе с Османской империей — рассматривалось как важное средство достижения этой цели. В царствование Екатерины II греческий вопрос занял важное место, значительно расширились масштабы официального покровительства грекам, возникли новые его формы. Императрица провела две войны против Османской империи, в результате которых Россия приобрела северное побережье Черного моря, включая Крым. В ходе этих войн Екатерина II побуждала православных подданных султана к восстанию, обещая им свою помощь.

К этой пропагандистской кампании императрица приступила еще до начала войны 1768–1774 гг. Для ее ведения и для выяснения настроений жителей некоторых балканских областей, непокорных туркам, Екатерина отправила в конце 1763 г. русского офицера, артиллерийского поручика Г.М. Папазоли. В помощь ему был призван еще один грек, петербургский купец М. Саро, а в Венеции изъявил готовность добровольно им помогать И. Палатино, купец из Кефаллинии — ионического острова, подвластного Венеции. Папазоли был снабжен монаршей грамотой на греческом языке от 12 (23) августа 1764 г., в которой императрица выражала готовность содействовать освобождению греков: «Ожидаем всякаго случая ополчиться противу врага веры православныя и свободить народ Греческий православный, находящийся в пленении отоманском»⁷. Хотя грамота Екатерины II от 12 (23) августа 1764 г. и не носила публичного характера, она получила известность среди тех греков, с которыми общались российские эмиссары. Во всяком случае, помимо ее архивного текста, опубликованного недавно, само содержание грамоты известно было уже более ста лет назад⁸.

Весьма широкий резонанс должен был получить манифест Екатерины II, направленный балканским народам после начала войны России с Турцией. В этом ее манифесте от 19 (30) января 1769 г. тоже говорилось об оказании поддержки балкан-

ским христианам в деле освобождения: «Наше удовольствие будет величайшее видеть христианские области из поносного порабощения избавляемые и народы, руководством нашим вступающие в следы своих предков, к чему мы и впредь все средства подавать не отречемся, дозволяя им наше покровительство и милость, для сохранения всех тех выгодностей, которые они своим храбрым подвигом в сей нашей войне с вероломным неприятелем одержат»⁹.

В начале 1770 г. русский флот впервые в истории появился у берегов Греции. В Морее сразу же вспыхнуло освободительное восстание, но, не получив достаточной поддержки от русских сил, было вскоре подавлено. Последующие победы русской армии и флота заставили Порту подписать в июле 1774 г. Кючук-Кайнарджийский мирный договор. Он закрепил за Россией право покровительства православным подданным султана — то самое право, которого тщетно добивался Петр I. Основным юридическим основанием этого служила статья 7 договора, гласившая: «Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного». Россия получила и действенный инструмент контроля за соблюдением Портой этого обязательства: впервые в любой части османских владений могли учреждаться российские консульства¹⁰.

Война 1768–1774 гг. упрочила связи между греческим населением Османской империи и Россией. На всем протяжении царствования Екатерины II греки являлись наиболее «благоприятствуемой нацией» в России. В 1785 г. она предоставила новые значительные привилегии грекам Нежина. Они получили освобождение от всех налогов и право создания в городе собственного магистрата с обширными полномочиями. Некоторые видные греки были приглашены в Россию и получили хорошее содержание от правительства. В их числе прибыли известные греческие ученые Евгениос Вулгарис и Никифорос Теотокис.

Евгениос Вулгарис, крупный греческий ученый и просветитель, во время своего пребывания в России плодотворно занимался древнегреческой филологией. Филэллинская политика властей поощряла интерес ученых и писателей к древ-

негреческой культуре. В XVIII в. впервые были переведены на русский язык, полностью или частично, некоторые произведения древнегреческих классиков, в том числе Гомера. Вулгарис и его русские ученики внесли значительный вклад в ознакомление русского общества с культурным наследием Древней Греции. Однако Вулгарис был не только греческим ученым, но и горячим патриотом Греции. По прибытии в Петербург в июле 1771 г. он был представлен Екатерине II. В своем кратком выступлении во время аудиенции Вулгарис, обращаясь «к благочестивой и христолюбивой Богом прославляемой, непобедимой, великой императрице всероссийской», призывал ее освободить его родину: «Соверши ты мое благополучие приведением и рода моего в благополучное состояние. Греция после Бога на тебя (Державнейшая императрица) взирает, тебя молит, к тебе припадает»¹¹.

Как уже говорилось, по Кючук-Кайнарджийскому миру Россия получила право учреждать свои консульства в османских владениях. Особое внимание Екатерина II уделила при этом Греции. В 1783–1786 гг. в материковой части Греции и на островах было учреждено тринадцать российских консульств. Никогда в последующем Россия не имела в этой стране столь обширной консульской сети. Российские консулы собирали в Греции политическую и военную информацию. Опираясь на соответствующие положения Кючук-Кайнарджийского договора, они нередко выступали защитниками райи от притеснений турецких властей. Деятельность екатерининских консулов в пользу греческого населения Османской империи в немалой степени объясняется тем, что почти все они сами были греками, участниками войны 1768–1774 гг.¹²

При Екатерине II имела место массовая эмиграция греков в Россию, и здесь впервые были созданы греческие воинские части. В 1779 г. из греков, переселившихся в Россию после войны 1768–1774 гг., было сформировано в Крыму регулярное греческое подразделение, известное как Греческий пехотный полк (в 1797 г. он был переименован в Балаклавский греческий пехотный батальон). После русско-турецкой войны 1787–1791 гг. из греков и албанцев, поселившихся в окрест-

ностях Одессы, был сформирован Одесский греческий дивизион. Всеми этими подразделениями командовали греческие офицеры. По распоряжению Екатерины II в 1775 г. в Петербурге было создано уникальное учебное заведение – училище для греческих мальчиков, детей участников военных действий в Морее и Архипелаге. Позднее училище было преобразовано в кадетский корпус и стало называться «Корпусом чужестранных единоверцев». Учебная программа корпуса включала в себя изучение французского, немецкого, греческого, итальянского, русского и турецкого языков, а также арифметики, геометрии, географии, а для младших классов – рисования и танцев. Кроме того, кадеты получали военную подготовку в зависимости от предполагаемого рода службы. За 22 года своего существования (оно было закрыто в 1796 г. Павлом I после его вступления на престол) училище окончило около 200 человек, большинство из которых стали офицерами армии и флота. Некоторые же из выпускников пошли по дипломатической линии и служили в российских консульствах на Ближнем Востоке и в Средиземноморье¹³.

Екатерина II являлась виднейшей представительницей просвещенного абсолютизма и поддерживала связи с известными деятелями европейского просвещения, что влияло на характер ее высказываний, касающихся Греции. В своей переписке с Вольтером она постоянно демонстрировала свою любовь к классическому наследию Греции. Поощрявшийся сверху культ Древней Греции нашел отражение в том, что городам, основанным на вновь завоеванных землях Северного Причерноморья, давались греческие имена. Назовем некоторые из этих городов: Севастополь, Мелитополь, Мариуполь, Одесса, Тирасполь, Симферополь. Этот культ Древней Греции, проявлявшийся и в других вещах, был непосредственно связан с грандиозными политическими замыслами Екатерины II.

В 1782 г. императрица сформулировала свой знаменитый Греческий проект, предусматривавший создание на месте османских владений в Европе Греческой империи со столицей в Константинополе. В правители нового государства Екатерина предназначала своего внука Константина, который получил

имя последнего византийского императора и окружение которого с детства должны были составлять греки. По поводу своего проекта Екатерина II вступила в переговоры с великими державами, однако встретила определенную поддержку лишь со стороны австрийского императора Иосифа II¹⁴. Но ее намерения были весьма серьезны, и она от них не отказалась. В августе 1787 г. разразилась новая русско-турецкая война. Хотя России она была навязана, Екатерина решила ею воспользоваться для осуществления своих греческих планов. Секретарь императрицы А.В. Храповицкий приводит характерное ее замечание, сделанное 7 (18) июня 1788 г.: «Пусть Турки пойдут куда хотят, Греки могут составить монархию для Константина Павловича; и чего Европе опасаться, ибо лучше иметь в соседстве христианскую державу, нежели варваров»¹⁵.

17 (28) февраля 1788 г. царица обратилась к грекам с самым «филэллинским» в русской правительственной практике обращением. Она призывала тех вспомнить своих героических предков, для которых «вольность была первым удовольствием», и «низринуть власть тиранов, яко облаком мрачным вас покрывающую»¹⁶. Операция по освобождению Греции должна была быть осуществлена соединенными усилиями вооруженных сил России и греческих повстанцев. К походу на Средиземное море готовился российский флот, в Италию прибыл генерал И.А. Заборовский для набора добровольцев и установления контактов с представителями христианского населения на Балканах. Но замыслам новой крупной военной операции России в Греции не суждено было осуществиться: обеспокоенные перспективой дальнейшего усиления Русского государства, Англия, Пруссия и Голландия образовали антирусскую коалицию, к которой примкнула и Швеция, в июне 1788 г. объявившая войну России.

Хотя русский флот уже не должен был появиться у берегов Греции, греки продолжали надеяться, что Россия сможет сокрушить Османскую империю и избавить их от иноземного ига. Обращение Екатерины II к грекам, несмотря на отмену похода русского флота в Средиземное море, получило в Греции широкий отклик. Прибывшие в апреле 1790 г. в Петербург гре-

ческие депутаты представили императрице петицию, в которой выражалась надежда, что поддержка России сможет «избавить потомков афинян и спартанцев от деспотического ига»¹⁷.

Греки самостоятельно начали морскую войну против султана: добровольческая флотилия греческого патриота и русского офицера Ламброса Кацониса три года сражалась в Эгейском море. Между тем, русско-турецкая война подошла к концу. Ясский мирный договор от 9 января 1792 г., выгодный для России, только подтверждал условия Кючук-Кайнарджийского договора, но не содержал каких-либо новых положений в пользу Греции. Греческое общество было глубоко разочаровано этим договором. После окончания русско-турецкой войны греки под руководством Кацониса предприняли попытку самостоятельно освободиться от турецкого ига, но потерпели поражение.

При этом следует отметить, что акция Кацониса ни в коей мере не была направлена против Екатерины II, а только, как он сам заявлял, против различных русских начальников, игнорировавших указания императрицы, в то время как греки надеялись получить принадлежащие им права «от милости и правосудия Ея Императорского Величества, общей матери». В другом документе, прошении сподвижников Кацониса Екатерине II от 19 (30) мая 1792 г., говорилось о том, какие цели ставила перед собой тогда «греческая нация»: греки желают «видеть себя освобожденными от недостойного варварского и тиранского ига и иметь на престоле Греции в Великом Константине собственного самовластного Государя и Самодержца». Екатерина не могла удовлетворить эти пожелания греков, но проявила «милость» в отношении Кацониса: через два года его самостоятельные действия были преданы забвению, и он был восстановлен на русской службе¹⁸.

В заключение обратимся к значению политики Екатерины II для судеб Греции. Некоторые историки ставят под сомнение реальное существование у Екатерины II планов радикального решения Восточного вопроса. Но бесспорные данные говорят о том, что императрица действительно намеревалась освободить Грецию посредством создания Греческой империи

во главе с ее внуком Константином. В силу ряда обстоятельств осуществление этого плана оказалось невозможным. Но императрица лелеяла его до последних лет своей жизни. В кратком завещании Екатерины II, написанном в 1792 г., о ее политических замыслах говорится: «Мое намерение есть возвести Константина на престол Греческой восточной империи»¹⁹. Но в связи с изменением направления внешней политики России это ее намерение является скорее наказом ее преемникам, чем конкретной политической целью.

Войны, которые вела Екатерина II с Османской империей, не привели к освобождению Греции. Главным их результатом было завоевание Россией земель Северного Причерноморья. Но эти войны, в которых греки воевали на стороне России и побеждали вместе с русскими, укрепили их уверенность в возможности успешно бороться против поработителей. Выдающийся греческий просветитель Адамантиос Кораис, отнюдь не являвшийся апологетом царицы, писал в этой связи в брошюре, опубликованной в 1803 г. в Париже и переведенной в 1815 г. в России: греки «уверены теперь, что притеснители их, подобно другим, могут быть побеждены, что они сами побеждали их между рядами русских и что нет почти для них никакой невозможности и одним побеждать их под руководством искусных военачальников»²⁰.

Для многих греков эпоха Екатерины II была «золотым веком» русско-греческих отношений, а ее филэллинская политика способствовала духовному пробуждению греческого народа. Характерно в этом отношении мнение видного патриота Греции, ее первого президента Иоанна Каподистрии. В 1811 г. он писал в своей «Записке о нынешнем состоянии греков»: «Перед войной 1769 г. страдания и невежество держали этот народ во сне. Его родная земля, оплодотворенная чудесным климатом, памятники, которые находятся на ней, — всё было мертво вокруг. Мощный голос императрицы Екатерины II вдохнул новую жизнь в прекрасную страну Грецию и внушил грекам благородное чувство сознавать себя достойными своих предков»²¹.

Примечания

¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. IX. СПб, 1868. С. 207.

² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. М., 1962. С. 226.

³ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. III. Вып. 6. М., 1992. С. 624.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. СПб, 1830. С. 481.

⁵ Китромиллидис П. Эпоха Просвещения в Греции. СПб, 2007. С. 102, 135.

⁶ Костомаров Н.И. Указ.соч. Кн. III. Вып. 7. С. 100.

⁷ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. Д. 5644. Л. 115; Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011. С. 41–44. Публикация русского текста грамоты: там же. С. 493.

⁸ См.: Маркевич А.И. О посылке грека Георгия Папазоглы на Балканский полуостров // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XIX. Одесса, 1896. С. 42–46.

⁹ Петров А. Война России с Турцией и с польскими конфедератами в 1769–1774. Т. I. СПб, 1866. С. 106.

¹⁰ Публикацию текста договора см.: Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955. С. 349–360.

¹¹ О пребывании Е. Вулгариса в России см.: Batalden S. Catherine II's Greek Prelate: Eugenios Boulgaris in Russia, 1771–1806. N.Y., 1982; Арш Г.Л. Евгений Булгари в России // Вопросы истории. 1987. № 4.

¹² Подробнее см.: Арш Г.Л. Греция после Кючук-Кайнарджийского мира по донесениям российских консулов // Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013.

¹³ Коргуев Н. Корпус чужестранных единоверцев // Морской сборник. 1897. № 7. С. 155–170; Федорова Т. Греческая гимназия в Санкт-Петербурге и ее воспитанники // Санкт-Петербург и Греция. СПб, 2008. С. 48–53.

¹⁴ См.: Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 209–218.

¹⁵ Памятные записки А.В. Храповицкого. М., 1990. С. 66. Для осуществления своих замыслов Екатерина II стремилась поднять на борьбу за свое освобождение самих греков.

¹⁶ Век Екатерины II... С. 256.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Арш Г.Л. Российская флотилия Ламброса Кацониса на Средиземном море: попытка освобождения Греции (1788–1792) // В «интерьере» Балкан: юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 132, 136.

¹⁹ Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 720.

²⁰ Корай А. О нынешнем просвещении Греции. СПб, 1815. С. 25.

²¹ Арш Г.Л. Иоанн Каподистрия в России (1809–1822). СПб, 2003. С. 252.

*Юрий Петрович
АНШАКОВ*

ЧЕРНОГОРИЯ В ПОЛИТИКЕ ЕКАТЕРИНЫ II И ПАВЛА I

С восшествием в 1762 г. Екатерины II на российский престол в русско-черногорских отношениях не произошло каких-либо качественных изменений в лучшую сторону. Еще в 1759 г. по поручению правительства Черногорию посетил российский эмиссар полковник С.Ю. Пучков, который по возвращении представил в Коллегию иностранных дел рапорт, сообщавший, что «черногорцы находятся в крайнем беспорядке, не имеют между собой добрых учреждений, законов и обычаев, живут в междоусобии и вражде, к властям своим не имеют послушания, а власти не пекутся о их пользе»¹. В словах Пучкова было много горькой правды. Межплеменная и внутренняя вражда, кровная месть — все это было главным препятствием для единения черногорского общества. Достичь его было крайне трудно в стране, где, как справедливо замечал Пучков, люди в результате ссоры по самому ничтожному поводу «друг друга режут или застреливают, а потом убегают в другие провинции»². Пучков рапортовал о расхищении русских денег «начальниками черногорскими» и их родственниками и т.п. В первые годы царствования Екатерины II русское правительство руководствовалось сведениями, полученными от Пучкова, и считало, что для России нет никакой пользы от черногорцев, «кроме излишних хлопот и холодности с турецким двором и венецианской республикой»³.

Черногорский митрополит Василий Петрович, рассчитывая на то, что новая российская власть, в лице императрицы Екатерины II, будет проводить новую внешнюю политику, где свое место займет и Черногория, в 1765 г. прибыл в Петербург. Это был уже третий визит владыки в Россию. В число задач его

миссии, помимо просьбы о защите от постоянной турецкой агрессии, входило ходатайство о поддержке черногорской церкви. Однако Василию Петровичу не суждено было дождаться результатов своей миссии. В марте 1766 г. он скончался и был с почестями похоронен в Петербурге в Александро-Невской Лавре. Спустя три месяца Синод направил в Черногорию очередную денежную субсидию Цетинскому монастырю (по 500 рублей каждые три года) и церковную утварь⁴. На родину также возвращались сопровождавшие Василия Петровича в поездке в Россию иеромонах Иосиф Вукичевич и иеродиакон Петр Петрович Негош — будущий черногорский митрополит. Их сопровождал подпоручик Севского полка М. Тарасов, который должен был доставить в Черногорию грамоту Екатерины II, церковную субсидию и личные вещи Василия Петровича, оставшиеся после его смерти. Тарасову было также поручено выяснить, «в какой склонности и усердии черногорцы к Российской империи находятся», также об их правлении, порядках и внешних делах⁵.

Во время нахождения в Черногории Тарасов вел ежедневные записи происходивших событий⁶. Он отмечал бедственное экономическое состояние Черногории, ее изолированность, внутреннюю и внешнюю вражду. В дневнике Тарасова есть запись и о том, как к нему обратился подвыпивший цетинский воевода Степо с вопросом: «Для чего-де ты, москаль, не привез нам денег на свинец и на порох, чтоб-де мы имели чем от неприятеля обороняться, ибо мы заслужили оные деньги кровью, пособляя против турок государю императору Петру Великому. А о присланном-де ныне архиерею облачении в России объяви, чтоб их более нам не присылали, потому что и прежде присланные лежат-де без употребления, ибо мы своего митрополита и в 3 года одиножды в архиерейском облачении не видим»⁷.

В отличие от полковника Пучкова, подпоручик Тарасов с несколько большим пониманием относился к проблемам Черногории, сознавая, что многие беды черногорцев обусловлены не только их порядками и нравами, но и тяжелейшими природными условиями, неблагоприятными внешними обстоятельст-

вами. Все же в целом он с изрядной долей пессимизма расценивал как перспективы развития черногорского общества, так и русско-черногорских отношений. Тарасов замечал, что среди черногорцев невеликое число «можно найти доброжелательных и усердных к России, прочих же усердие и доброжелательство только тогда оказывается, когда они получают подарки, и паче всего деньги»⁸. Оценивая это суждение Тарасова, следует учесть, что разного рода пожертвования (в основном церковные) и «милостинная дача» Цетинскому монастырю не пополняли существенно доходы Черногории, хотя крайняя их скудость заставляла ценить любые, даже такие небольшие денежные подношения. Однако пройдет совсем немного времени, и станет ясно, что «русская идея», хотя и в своеобразной форме, окажется живучей в сознании большинства черногорцев, и это произойдет не только из-за сугубо прагматических расчетов.

Это станет возможным после того, как в начале 1766 г. в венецианском Приморье, а затем и в Черногории объявится самозванец Степан Малый, выдававший себя за императора Петра III. Самозванец внушал народу, что «от восставших его подданных всероссийская императрица сама его спасла и выпустила из государства, предоставя народу вместо его похожего как две капли воды на него другого, подлого* и в то же время умершего человека»⁹.

В самом конце сентября — начале октября 1767 г. состоялось два Общечерногорских сбора, в Цекличах и Цетинье, где в присутствии тысяч человек — черногорцев и приморцев — Степан Малый был признан не только Петром III, но и государем Черногории¹⁰. Тогда же титул государя за Степаном под давлением обстоятельств был вынужден признать и митрополит Савва.

Сам же Степан Малый в той или иной ситуации предпочитал открыто не отождествлять себя с Петром III, но говорил о себе, что он — «Степан Малый, добрый с добрыми, злой со злыми, малый с малыми и великий с великими». Вместе с тем он тщательно скрывал свое истинное происхождение, сообщал о себе крайне противоречивые сведения: одним он намекал на

* простого (ред.).

свою принадлежность к роду правящей средневековой династии Неманичей, другим сообщал, что происходит из Далмации, третьим — что он «турецкий подданный из Боснии», «родом из Янин», «из Австрии», «дезертир из Лики» и т.п.¹¹

События в Черногории тщательно отслеживались в Петербурге. С началом русско-турецкой войны 1768—1774 гг. у Екатерины II под влиянием находившегося тогда в Италии главнокомандующего всеми вооруженными силами России на средиземноморском театре военных действий графа А.Г. Орлова сложился план привлечения балканских народов к войне против Турции. С этой целью она рассылала эмиссаров на Балканы, в том числе и в Черногорию. В 1768 г. Екатерина II, в силу понятных причин крайне негативно относившаяся к Степану Малому, приказала отправить в Черногорию советника русского посольства в Вене капитана Г. Мерка с грамотой, содержавшей призыв к черногорцам «схватить онаго самозванца и отдать его праведному суду высшей власти яко злодея и возмутителя народного покоя и благоденствия»¹². Однако из-за противодействия венецианских властей, боявшихся, что их содействие российскому эмиссару будет Портой расценено как вмешательство во внутренние дела Османской империи, Мерк так и не попал в Черногорию. Он вынужден был остановиться в Приморье, в Которе, а затем, так и не выполнив возложенного на него поручения, вернулся в Вену, что вызвало резкое недовольство Екатерины II. Императрица написала на полях его донесения: «Если бы капитан гвардии был послан с грамотой к черногорцам, то бы письмо, несомненно, отдано было, но сей претонкий политик возвратился с ней, [ничего] не сделав, кроме преострых размышлений»¹³.

А.Г. Орлов, нуждаясь в черногорцах и их правителе как потенциальных союзниках, посчитал, что гневное послание Екатерины не послужит на пользу общему делу борьбы с турками. Под влиянием новых планов и Екатерина II изменила свое отношение к Степану Малому. Подтверждение этому мы находим в ее письме к Орлову, написанному в мае 1769 г. Говоря о Степане Малом, она отмечала: «Сей от нас писанным в прошлых летах публичным манифестом объявлен обманщи-

ком, но как его описывали там весьма сильным, то вздумали его употребить, запрета ему обман»¹⁴.

Возлагая большие надежды на балканских славян, Екатерина II направила в Черногорию генерала князя Ю.В. Долгорукова, который вместе с членами русской миссии прибыл в Цетинье в августе 1769 г. Русская делегация доставила в Черногорию партию оружия и грамоту Екатерины с призывом к выступлению против турок, но в ней ничего не говорилось о Степане Малом, помимо выполнения своей главной задачи — организации черногорцев и сопредельных христианских народов на антиосманскую борьбу. Под влиянием обстоятельств, когда часть черногорцев, являвшихся противниками Степана Малого, готовы были физически расправиться с ним, князь приказал арестовать Степана Малого, спасая тем самым по сути дела ему жизнь. За трехмесячное пребывание в Черногории Долгоруков ясно осознал, что самозванец не представляет ни малейшей опасности для России, наоборот, он готов быть ее верным союзником в условиях русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Аналогичных взглядов придерживался А.Г. Орлов, который, беседуя в Венеции с одним из влиятельных черногорцев, заявил, что Степан Малый не является той особой, за которую себя выдает, но требуется, чтобы черногорцы служили ему как Господу Богу¹⁵. В декабре 1769 г. Орлов информировал вице-канцлера А.М. Голицына о том, что князь Долгоруков «принужден был уехать из Черной Горы, по претерпении многих опасностей, со всеми офицерами, и отдать команду Степке Малому, надев на него мундир российского офицера»¹⁶. После отъезда русской делегации Степан Малый вновь стал полновластным правителем Черногории, оставаясь таковым до самой смерти.

Академик Е.В. Тарле полагал, что миссия Долгорукова окончилась провалом¹⁷. Однако об успешности его деятельности свидетельствует то, что по возвращении из Черногории Долгоруков был награжден. В Черногории же русское влияние стало доминирующим. Через полгода после отъезда князя черногорские вожди в письме к провидуру Котора высказывались: «Знаешь ли, господин, что мы сегодня российские? Кто стоит против России — стоит против нас»¹⁸. Летом 1770 г., в те

дни, когда русская эскадра разбила турецкий флот при Чесме и высадила десант в Греции, черногорцы во главе со Степаном Малым воспрепятствовали объединению войск боснийского, герцеговинского и албанского пашей с главными турецкими силами, что, вполне вероятно, было результатом тайных переговоров князя и Степана Малого.

Осенью 1770 г. при проведении ремонтных дорожных работ Степан Малый случайно подорвался на заложенной в скале mine, в результате чего ослеп. Помещенный в монастырь в Брчеле, он продолжал руководить Черногорией и с нетерпением ждал прибытия русского флота в Адриатику, чтобы объединенными силами ударить по врагу. Но его надеждам не суждено было осуществиться. Подосланный шкодринским пашой наемный убийца грек Станко Клазомуня (Паликарда) заколол спящего Степана кинжалом. Произошло это в сентябре 1773 г. После смерти Степана Малого на политическую сцену вновь вышел дряхлый митрополит Савва, и Черногория опять зажила привычной жизнью, где не было места порядку, но царили кровавая межплеменная вражда и произвол.

Вскоре после гибели Степана Малого черногорское руководство начинает активизировать внешнюю политику, предпринимает попытки выйти из политической изоляции и в том числе оживить русско-черногорские связи. В конце 1777 г. черногорская делегация в составе губернатора (гувернадура) Й. Радоница, сердаря Ивана Петровича и ставшего уже архимандритом Петра Петровича Негоша направилась в Россию.

В российской столице черногорские посланцы провели полгода, несколько раз встречались с Г.А. Потемкиным, но Екатерина II так и не удостоила их аудиенции. Дипломатические качества черногорских делегатов, которые они проявили в Петербурге, оставляли желать лучшего. Вместо того, чтобы действовать неоднократно проверенным способом, а именно со смиренным видом просить российское руководство оказать всемерную помощь Черногории, они действовали напористо, без соблюдения должного дипломатического такта. Делегаты заявляли, что в 1769 г. Долгоруков был с радостью принят в Черногории, а затем «к немалому удивлению и прискорбию от

нас ретировался», обвиняли князя в том, что он якобы оклеветал черногорцев перед А.Г. Орловым, заявляя, что они хотели его выдать туркам, — «в нашем отечестве неслыханный поступок, варварам одним только приличный, а не христианам»¹⁹. При этом делегаты «забыли», что во время миссии Долгорукова в разделенной на партии Черногории действительно находились желающие передать туркам князя, за голову которого была назначена цена в 5 тыс. дукатов. Делегаты вспоминали о заслугах черногорцев в русско-турецкую войну 1768–1774 гг., сковавших силы Боснии, Герцеговины и Албании, напоминали невыполненное обещание графа А.Г. Орлова учесть интересы Черногории при заключении мира с Османской империей, сетовали, что, поверив Орлову, черногорцы отказались от «весьма для нас авантажного мира» с турками. Делегаты просили русский двор за свою верную службу не оставлять черногорцев «на жертву и поругание врагам». Они также заявляли, что весь славяносербский народ, живущий в Австрии и Венеции и насчитывающий 200 000 воинов, «немало огорчен» политикой этих держав и готов вместе с черногорцами выступить не только против Турции, но и против других «завистливых дворов, противных российскому интересу»²⁰.

В Петербурге сочли, что посланцы явно преувеличивают заслуги Черногории перед Россией. В российском руководстве посчитали, что большая часть черногорского общества, «в буйстве и невежестве своем применясь к некоему презрительному самозванцу и бродяге, всячески учинило себя недостойным высочайшего покровительства государыни императрицы»²¹. Черногорию — в лице ее представителей — ставили на место, поясняя, что «положение землицы их в углу турецких владений» зависит от того, как складываются дела при здешнем дворе. При этом черногорцам предлагалось «не мечтать, чтоб российские интересы могли располагаться быть по их прихотям и временным пользам», а руководствоваться для собственного же их блага впредь делами и интересами Российской империи. Чтобы хоть как-то утешить делегатов, давалось согласие на переселение черногорцев в Россию, где каждый «благодарно принимается и по званию своему пристроится»²².

Черногорская делегация для визита в Петербург выбрала неудачное время, когда в правящих кругах России еще были свежи воспоминания о потрясшем всю Россию восстании Е.И. Пугачева, поэтому досада и гнев Екатерины II на черногорцев, принявших самозваного Петра III, вполне объяснимы. Возможно, какую-то роль здесь сыграло и письмо к Екатерине II от Степана Зановича, уроженца Будвы, авантюриста и самозваного графа, пытавшегося еще в Черногории выдать себя за избежавшего гибели Степана Малого. В нем Занович ходатайствовал за архимандрита Петра Петровича, с которым он якобы намеревался прибыть в Петербург, при этом намекая, что он на самом деле не кто иной, как сохранивший жизнь Степан Малый²³. Такой самозванный ходатай по делам Черногории, естественно, мог вызвать только негативную реакцию со стороны императрицы, что вполне могло дополнительно отрицательным образом сказаться и на отношении Екатерины II к черногорцам.

Не вызвали в Петербурге интереса и глобальные планы о совместном выступлении не только черногорцев, но и югославян, живущих в австрийских и венецианских владениях, против любого врага России, поскольку там пока еще не задумывались вплотную о войне, а старались построить мирные отношения с той же Портой на основе выгодных условий Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Следует констатировать, что Черногория была нужна России в первую очередь в годы войны, в мирное же время интерес к ней ослабевал. Впрочем, нового всплеска заинтересованности русского правительства в черногорцах не пришлось ждать слишком долго.

В феврале 1781 г., дожив до глубокой старости, скончался митрополит Савва. Его преемником стал многолетний помощник Саввы Арсений Пламенац, после смерти которого в 1784 г. митрополичий престол занял выдающийся государственный деятель Черногории Петр I Петрович Негош (1784–1830), посвященный в этот сан Карловицким митрополитом Моисеем Путником, чья митрополия находилась в австрийских владениях. Новый митрополит, в отличие от подавляющего большинства своих соотечественников, был широко эрудированным человеком. В 1764–1766 гг. он обучался в

Александро-Невской Лавре. Благодаря его стараниям библиотека Цетинского монастыря располагала богатой коллекцией рукописей и книг, в том числе и изданных в России.

В 1785 г. Петр I Негош вместе со своим секретарем аббатом Дольчи из Вены отправился в Россию. По дороге он остановился в Шклове, в имении генерала русской службы, выходца из Сербии и бывшего фаворита Екатерины II С. Зорича. Здесь владыка и его секретарь задержались, а в это время в Петербург на имя князя Потемкина последовал письменный донос от С. Юговича-Марковича²⁴, серба, находившегося на русской службе и выдававшего себя за потомка князей Юговичей. В нем Петр I Негош обвинялся в том, что вошел в сговор с С. Зоричем и приехавшим специально из Петербурга в Шклов его братом, генерал-майором русской службы Д.Г. Неранчичем, и они намеревались сообща «лгать и обманывать российский двор». Югович-Маркович обвинял митрополита во всех мыслимых и немыслимых проступках, утверждая, помимо прочего, что Негош с помощью Неранчича и Зорича рассчитывал стать членом российского Синода. Взамен митрополит должен был ходатайствовать перед российским двором и Екатериной II за Неранчича, чтобы его «сделали королем Черногории и царем сербским», и т.д. и т.п. Кое-что в этом доносе могло соответствовать истине. В частности, Неранчич, вероятно, зная о Греческом проекте Екатерины II, вполне мог строить какие-либо свои монархические планы. Вполне правдоподобно выглядит то, что Негош мог желать стать членом Синода, что автоматически возвысило бы его в глазах черногорцев и всего православного населения Балкан. Хотя и зависеть от Синода, который мог в значительной мере подчинить себе черногорского владыку, Негош, как покажет самое ближайшее время, явно не хотел. Не мог он содействовать Неранчичу в том, чтобы тот стал «королем Черногории», хотя бы потому, что при таком раскладе он автоматически становился второстепенной фигурой в Черногории, что не могло устраивать Негоша. Однако другие обвинения Юговича-Марковича и, в частности, что Зорич с ведома Негоша намерен организовать печатание фальшивых денег в Черногории, были явным наветом.

Сам Петр I Негош в письме Г.А. Потемкину лишь напоминал о заслугах черногорцев в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. и выражал желание «по примеру своих предков служить российскому двору»²⁵. Вероятно, все же донос Юговича-Марковича сыграл свою негативную роль, поскольку по инициативе Потемкина Негош был выслан из России. Впрочем, причиной высылки митрополита мог быть и общий курс русского правительства по отношению к Черногории, в котором помимо естественной для Екатерины II неприязни, связанной со Степаном Малым, было нежелание вплотную и активно заниматься проблемами страны, которая пока еще не представляла значительного интереса для российского правительства. К тому же присоединение в 1783 г. Крыма к России и одновременно последовавший Георгиевский трактат с Грузией создали крайне напряженную обстановку в русско-турецких отношениях. Их еще большее обострение в случае какой-либо активизации политики России по отношению именно к Черногории, единственной в то время стране на Балканах, практически всегда готовой к антитурецкой борьбе, не могло быть пока приемлемым для русского правительства. Закрепление позиций в Крыму, на Черном море и в Закавказье — вот что было главным для России. Для балканского региона пока еще не наступило время.

Официально же Петру I Негошу было предъявлено обвинение в том, что он стал митрополитом без согласия Синода. В письме, адресованном в Коллегию иностранных дел, Негош выразил негодование по поводу поведения князя Потемкина и несогласие с таким обвинением. «Странно слышать такое, как это мне, человеку свободному, не быть архиереем без согласия Синода, — писал он. — Разве они не знают, что власть русского Синода не выходит за пределы русского государства...»²⁶. Раздосадованный и разгневанный митрополит также заявил, что куда он жив, его ноги не будет в России. Надо сказать, что слово свое он сдержал, хотя вся его дальнейшая жизнь и политика будут тесно связаны именно с Россией.

Пока митрополит находился в России, Черногория подверглась нападению со стороны Северной Албании. Она была

атакована войсками шкодринского пашы Махмуда Бушати, который причислял себя к потомкам принявшего ислам сына владетеля средневековой Зеты Ивана Црноевича (1465–1490) и на этом основании претендовал на черногорскую территорию. Черногория долгое время, с согласия Порты, административно относилась к Шкодринскому пашалыку, который уже с 60-х годов XVIII в. лишь номинально подчинялся империи, а фактически им управлял род Бушати. Утвердившись у власти, Махмуд Бушати начал активизировать агрессивную политику по отношению к Черногории. В июне 1785 г. он предпринял военный поход против Черногории. Войска Бушати захватили Цетинье, разграбили и сожгли монастырь. Черногорцы вынуждены были подчиниться паше и даже согласиться на выплату ему дани, которая не пошла в Стамбул, а осела в казне Махмуда Бушати.

Черногорцы были подавлены происшедшим. К консулу в Далмации А. Палладоклису тайно приходили сердарь И. Петрович и его племянник с жалобой на своих соотечественников, покоровшихся шкодринскому паше, и просили российского дипломата оказать содействие в переселении в Крым²⁷. Палладоклис встречался также с губернатором Й. Радоничем, который, на время забыв о своих проавстрийских симпатиях, просил уведомить Петербург, что если Россия захочет использовать черногорцев в возможной войне против Турции, то черногорцы согласны принять в ней участие. Он только просил снабдить их заблаговременно оружием и боеприпасами. Если обстоятельства не позволят осуществить задуманное, то Радонич с другими черногорцами хотел бы переселиться в Россию²⁸.

В конце 80-х годов XVIII в. в Европе происходили важные события, получившие отклик и на Балканах. Началась русско-турецкая война 1787–1791 гг., в 1788 г. на стороне России выступила Австрия. В условиях войны русское правительство было заинтересовано в привлечении на свою сторону объединенных боевых сил Черногории и Северной Албании, поскольку черногорско-албанский альянс мог дать до 60 тыс. опытных воинов, готовых вступить в бой против Османской империи. Вице-канцлер И.А. Остерман поручил послу в Ве-

неции А.С. Мордвинову установить связь с албанским пашой Махмудом Бушати, чья зависимость от Порты и так была эфемерной. И паша принял предложение русского правительства, хотя для этого ему пришлось расправиться с противником союза с христианскими державами в Шкодре.

Черногорцы были в курсе всего происходящего. В Шкодре побывала черногорская делегация, сам Негош лично встречался с пашой, и переговоры о союзе прошли удачно. Все сорвалось из-за того, что посланная в июне 1788 г. Иосифом II для переговоров с Бушати в Шкодру австрийская делегация во главе с представителем императора де Броньяром на обратном пути подверглась неожиданному нападению албанцев, и все австрийцы были убиты²⁹. Остается неясным, произошло ли это убийство с ведома Бушати, решившегося все же примириться с Портой, или явилось следствием заговора протурецкой группировки Шкодринского пашалыка. Среди российских дипломатов мнения по этому поводу расходились.

Вскоре черногорцы по инициативе находившейся в стране австрийской военной миссии во главе с майором Ф. Вукасовичем напали на владения шкодринского паши, но совместные действия австро-черногорских войск не принесли им успеха. В эти дни в Черногорию прибыла русская военная миссия во главе с подполковником М.К. Ивеличем. Российские военные раскритиковали австрийцев и Петра I Негоша за преждевременное, по их мнению, выступление против Шкодры. После военных неудач австрийцы тайно бежали из Черногории. Затем и русская военная миссия по настоянию Австрии, не желавшей укрепления позиций России в этом регионе, покинула Черногорию.

Оставшись одна, Черногория продолжала борьбу с Северной Албанией, а прощенный Портой Махмуд Бушати восстал против султана и грозил, что пойдет на Адрианополь. Османская империя оказалась бессильной перед мятежным пашой. Но то, что не сумела сделать она, удалось маленькой Черногории. В результате двух блестящих побед над многократно превосходящими силами противника, при Мартиничах и Крусах (1796 г.), Черногория, объединившись с населением Брды

(примыкавшая к Черногории горная область), укрепила свою политическую самостоятельность и избавилась от опаснейшего врага — Махмуда Бушати, погибшего в последнем бою. Тогда же к Черногории присоединилась часть Брды (Пипери, Белопавличи), но окончательное объединение Черногории и Брды произошло в 20-40-е годы XIX в.

Митрополит еще после первого сражения известил об этом российские власти, и в ответном письме вице-канцлера П.А. Зубова отмечалось, что русский двор «с особливейшим удовольствием» узнал о «знаменитой победе», одержанной черногорцами³⁰. В историографии, как югославянской, так и отечественной, существует мнение, берущее начало еще от Вука Караджича, что именно 1796 год стал рубежом фактической независимости Черногории от Турции³¹. При этом невольно игнорируется тот факт, что в сражениях 1796 г. были разбиты не турецкие, а североалбанские войска Махмуда Бушати, который действительно мог завоевать Черногорию, но сам он, как уже отмечалось, практически не подчинился Порте, был злейшим ее врагом. Поэтому в Константинополе были крайне обрадованы, что черногорцы избавили Порту от «самого беспокойного неприятеля», угрожавшего самим устоям Османской империи³². В собственно черногорско-турецких отношениях победа над Махмудом Бушати ровным счетом ничего не меняла, разве что вызвала у турок кратковременные чувства симпатии и благодарности к черногорцам. Порта по-прежнему считала Черногорию составной частью Османской империи.

С победой над Бушати черногорцы избавились от угрозы порабощения, а возможно, и полного физического истребления, однако набеги с соседних османских владений не прекращались. И поэтому черногорцам приходилось быть постоянно начеку. Вместе с тем эта победа дала мирную передышку и позволила Петру I Негошу озаботиться внутренними проблемами Черногории. В этом он рассчитывал на поддержку со стороны России. Так, в прошении митрополита и всего «черногорского общества», составленном в 1796 г. на имя Екатерины II, обращалось внимание императрицы на независимость Черногории от Османской империи и содержалась просьба о

принятии ее с присоединенной частью Брды под протекцию России. Одновременно с этим митрополит просил наделить Черногорию правами духовными, военными и гражданскими. Он ходатайствовал о заведении в Черногории училищ с преподавательскими штатами, проведении в ней геологической разведки с целью выявления «рудокopных металлов» и оказании помощи в организации сбора таможенных пошлин с целью улучшения финансового положения страны, а также о присылке в Черногорию специального уполномоченного от русского двора «для вящего обозрения в совершенной верности»³³. Однако это прошение не достигло адресата, поскольку Екатерина II скончалась.

Со вступлением на престол Павла I открылась новая страница в истории русско-черногорских отношений. Павел I отошел от политики нейтралитета в отношениях с бонапартистской Францией — начался длительный период войн с Наполеоном. Заинтересованность России в Восточном Средиземноморье и Балканах в целом резко возросла, что не замедлило положительно сказаться и на русско-черногорских отношениях.

Началом русско-черногорских взаимоотношений в этот период стала афера Николая Чирковича-Давидовича, выдававшего себя за «графа», черногорского «обер-воеводу» и «бывшего полковника венецианской службы» Черноевича-Давидовича. Она была раскрыта русскими властями уже при Александре I в 1802–1803 гг. благодаря информации, полученной от главы своеобразного «землячества» живущих в России черногорцев Ф. Марошевича и майора И. Парапановича³⁴.

Судя по описанию, жизненный путь «графа» и «обер-воеводы» был богатым на авантюры. Родился он в Подгорице, затем перебрался с отцом в Котор и тогда носил еще фамилию Чиркович. Прихоти судьбы заносили Чирковича в Триест, Пешт и Германию. В 1791 г. он был зачислен в шкловское училище графа С. Зорича, где обучался среди других балканских славян до 1794 г. уже под фамилией Давидович. Затем Н. Чиркович-Давидович прибыл в Петербург, имея при себе подложный патент капитана венецианской службы, и предпринял попытку поступить на российскую военную службу, но отказался

от предложенного ему чина прапорщика³⁵. После мытарств Чиркович-Давидович сумел войти в доверие к находившемуся тогда в Петербурге родственнику митрополита Петра I Негоша А. Филотичу, а после его смерти в конце 1797 г. завладел хранившимися у него документами. Потом на основании подлинников сделал себе поддельные документы, произведя себя в полковника венецианской службы, графа и черногорского обер-воеводу Черноевича-Давидовича. Затем он объявился как черногорский посланец при российском дворе и поддельной грамотой от имени черногорских старейшин поздравил Павла I с восшествием на престол. Павел I, считая «мнимого посланца за настоящего», принял эти поздравления.

Следствием этих авантюрных поступков Н. Чирковича-Давидовича стали вполне конкретные действия русского императора, положительно повлиявшие на развитие русско-черногорских отношений. Павел I в грамоте на имя черногорских старейшин устанавливал покровительство России над Черногорией³⁶ и награждал старейшин пятнадцатью золотыми медалями, а Петра I Негоша — орденом Александра Невского. Сам Н. Чиркович-Давидович также был награжден медалью.

В апреле 1803 г. Ф. Марошевич, исправляя ранее сообщенные сведения, подчеркивал, что Н. Чиркович-Давидович безвыездно находился в Петербурге с 1794 по 1798 гг.³⁷ (и, следовательно, не мог прибыть из Черногории в Россию в 1797 г., как утверждают некоторые исследователи³⁸) и только после того, как получил грамоту Павла I, медали и орден для митрополита, отбыл в Черногорию. По прибытии туда Чиркович-Давидович впервые в жизни встретился с митрополитом Петром I Негошем, который, видя полученные им из рук Чирковича-Давидовича конкретные подтверждения возросшего интереса и внимания России к Черногории, был «пленен оными до восхищения». Негошу ничего не оставалось делать, как, наделив его от имени «национального собрания» (скупщины. — Ю.А.) официальными полномочиями, направить Н. Чирковича-Давидовича обратно в Россию, где он в дальнейшем, вплоть до своего разоблачения в 1803 г., выполнял поручения митрополита.

В конце XVIII в. происходили важные изменения на границах Черногории. В 1797 г. Венецианская республика под ударами французов прекратила свое существование. По условиям Кампоформийского мира (1797 г.), заключенного между Францией и Австрией, владения Венецианской республики были поделены между Францией, Австрией и Цизальпийской республикой (Швейцарией). Австрия получила Истрию, Далмацию и Боку Которскую, что открывало венскому двору путь для дальнейшего проникновения на Балканы.

Население Боки Которской (состоящее на 2/3 из православных, остальные — католики) еще до заключения мира между Францией и Австрией в основной своей массе склонялось к мысли об объединении с Черногорией. С приобретением Боки Которской Черногория получала бы выход к Адриатическому морю, утраченный еще в начале XVIII в. Но тогда Петр I Негош предложил бокельцам принять покровительство Австрии, и австрийский флот занял Боку Которскую.

Петр I Негош оказывал в то время поддержку австрийцам, поскольку он помнил, что Австрия и Россия были союзниками в русско-турецкую войну 1787–1791 гг., к тому же его настораживала и пугала антиклерикальная политика Директории. Однако, когда австрийцы после Кампоформийского мира прочно утвердились в Далмации и Боке Которской, черногорско-австрийские отношения стали резко ухудшаться. Австрийские власти Боки Которской, и особенно комендант генерал Ф.М. Бради, под тем предлогом, что черногорские монастыри Станевичи и Маине находятся на бывшей венецианской территории, стали обосновывать на них свои претензии. Кроме того, австрийцы хотели изъять свои новоприобретенные земли из-под церковной власти черногорского владыки и поставить в них послушного им православного архиерея³⁹. Население Боки Которской также было недовольно порядками, установленными австрийцами, а жители Будвы проявляли явную склонность к России, сообщал Директории в июле 1798 г. французский консул в Дубровнике⁴⁰.

В сложившейся ситуации митрополит возлагал надежды исключительно на Россию. На майской скупщине 1797 г. было

решено направить в Петербург архимандрита С. Вукотича, который по прибытии в российскую столицу представил в Коллегию иностранных дел прошение черногорского народа Павлу I⁴¹. В плане просьб, обращенных к российскому двору, оно слово в слово повторяло уже упомянутое прошение митрополита и черногорского общества к Екатерине II от 30 октября 1796 г. и, в частности, просьбу об установлении протекции России над Черногорией и частью Брды.

Русское правительство, учитывая военно-стратегическое значение Черногории, было заинтересовано в поддержании единства черногорских племен, в укреплении власти митрополита. В ответ на просьбу Петра I Негоша Павел I специальной грамотой черногорскому народу установил в январе 1799 г. ежегодную субсидию в размере 1 тыс. червонных (3 тыс. рублей). По поводу этой субсидии указывалось, что она учреждается «на общенародные надобности, а наипаче на всякия полезные заведения, кои, утверждая в народе христианския добродетели и доставляя оному просвещение, споспешествовать будут неминуюмо благосостоянию земли»⁴². Однако ничего не было сказано о признании Россией ее покровительства над Черногорией, которое устанавливалось в грамоте Павла I, обращенной к черногорским старейшинам и уже отправленной в Черногорию вместе с Н. Чирковичем-Давидовичем. Полагаем, что Павел I, недавно вступивший на престол, тогда несколько поспешил, не разобравшись в тонкостях русско-черногорских отношений и, в частности, в вопросе о покровительстве. Следует заметить, что, оказывая фактическое покровительство Черногории, русское правительство ни ранее, ни позже не заявляло об этом официально, не облакало его в международно-правовую форму, чего всегда добивалось руководство Черногории. К тому же Россия, заключив в самом конце 1798 г. союзный договор с Османской империей, стала отстаивать целостность и неприкосновенность ее владений, рассчитывая тем самым воспрепятствовать реализации агрессивных планов наполеоновской Франции на Балканах. В такой ситуации, даже учитывая благожелательное отношение Павла I к Черногории, поднимать черногорским руководством вопрос о

покровительстве, а тем более протекторате России над Черногорией становилось делом явно бесперспективным. Впрочем, в политической риторике какое-то короткое время это еще сохранялось. Так, в письме Ф.Ф. Ушакова, командовавшего объединенной русско-турецкой эскадрой в Средиземном море, к коменданту Боки Которской Ф.М. Бради, продолжавшему интриговать против черногорцев и митрополита, адмирал резко одернул австрийского чиновника за недружественный прием, оказанный направленному в Черногорию капитан-лейтенанту Х.И. Клопакису, и потребовал оставить «напрасные затеи и замыслы» против «народов и мест», находящихся под «протекцией и покровительством» российского императора⁴³.

Русское правительство в то время было крайне обеспокоено захватами Наполеона в Средиземноморье, угрожавшими превращением Средиземного моря во «французское озеро», и нависшей в связи с этим угрозой Балканам и южным рубежам России. В конце 1798 — начале 1799 гг. складывается вторая коалиция против Франции. Главными ее участниками были Англия, Россия, Австрия и королевство Неаполитанское. Естественно, что в создавшемся положении русскому двору было нежелательно обострять отношения с Австрией из-за Черногории. Но все же Павел I предписал послу в Вене А.К. Разумовскому «употреблять дружеское ходатайство, основывая оное на единоверии нашем с тем народом (черногорцами. — Ю. А.)»⁴⁴.

В октябре 1800 г. находившийся в Петербурге в звании черногорского посланника и пока еще не уличенный в самозванстве Н. Чиркович-Давидович обратился с прошением к Павлу I, где среди прочего зондировался вопрос о содействии России в присоединении к Черногории Боки Которской⁴⁵. Его благоприятное разрешение, казалось бы, стало возможным ввиду случившегося тогда резкого обострения русско-австрийских отношений из-за недовольства Павла I военными действиями австрийцев против французов. Однако для реализации этого плана не представилось возможности. Дело в том, что международная обстановка на рубеже XVIII—XIX вв. менялась почти мгновенно, вчерашние союзники становились противниками и наоборот. Важные события происходили в Восточном Сре-

земноморье. Британский флот блокировал о. Мальту и в сентябре 1800 г. вынудил капитулировать французский гарнизон. Захват Мальты, игравшей важную роль во внешнеполитических планах Павла I, вызвал разрыв русско-английских отношений (1800 г.) и положил начало русско-французскому сближению. Это, в свою очередь, вызвало недовольство англофильской группировки в России. Против императора был организован заговор, и в марте 1801 г. Павел I был убит. Со вступлением на престол Александра I начинается новая, наполненная героическими и драматическими событиями страница истории Черногории и русско-черногорских отношений.

Примечания

¹ Краткая выписка о черногорском народе, б/г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 52 (Потемкина-Таврического). Оп. 1/94. Д. 248. Ч. 6. Л. 181.

² Там же. Л. 181об.

³ Там же. Л. 184; *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 84.

⁴ *Хитрова Н.И.* Русско-черногорские связи в XVIII в. (церковные и культурные) // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998. С. 17.

⁵ *Бажова А.П.* Русско-югославянские... С. 85.

⁶ См.: Журнал М. Тарасова и Приложение к нему // Черногорско-русские отношения. 1711–1918 (Черногорско-русские отношения. 1711–1918). Подгорица-М., 1992. Кн. I: Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. С. 48–64.

⁷ Там же. С. 58.

⁸ Там же. С. 64.

⁹ Донесение Г. Мерка, 6 (17) сентября 1768 г., Вена // Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 149. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 69.

¹⁰ См. об этом: *Петрович Р.В.* Степан Малый — загадка истории (русский лжецарь в Черногории). Пер. с серб. С. Якшича и А. Зырина. Белград, 1996. С. 41–44; *Фрейденберг М.М.* Степан Малый из Черногории // Вопросы истории. 1975. № 10. С. 120 и др.

¹¹ *Бажова А.П.* Русско-югославянские... С. 93, 97. Настоящее имя и происхождение самозванца до сих пор не выяснено. А.П. Бажова полагает, что эту роль мог сыграть кто-либо из югославян, переселившихся в Россию в 50-х годах XVIII в. Однако ее предположение, что под именем Степана Малого мог скрываться один из организаторов переселения черногорцев в Россию С. Петрович, является ошибочным, поскольку, как доносила рижская пограничная канцелярия в декабре 1777 г. — июне 1778 г., С. Петрович уже в чине полковника совершил поездку в Вену с женой и служителем (Строев

А.Ф. «Те, кто поправляет Фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 277). Существует и другая версия, связывающая Степана Малого с Россией. По ней, он мог попасть в Россию как младший церковнослужитель в свите кого-либо из представителей югославянского православного духовенства, посещавших Россию для получения денежных пособий и церковной утвари. Наслушавшись в России о смерти Петра III и самозванцах, он и решил разыграть роль императора в Черногории.

¹² Грамота Екатерины II черногорским старейшинам, 14/25 марта 1768 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 130. Л. 20.

¹³ Драговић М. Споменици о Шћепану Малом // Историјски записи. Књ. 9. Св. 1. С. 34.

¹⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. I. СПб, 1867. С. 16.

¹⁵ Петрович Р.В. Степан Малый — загадка истории ... С. 155.

¹⁶ Рачинский А.В. К биографии графа А.Г. Орлова-Чесменского. (Извлечено из бумаг государственного вице-канцлера князя А.М. Голицына) // Русский архив. 1876. №7. С. 277. Алексей Орлов, согласно рескрипту Екатерины II от 4 (15) марта 1769 г., имел право «тамошним знатым людям» присваивать офицерские чины до капитана включительно.

¹⁷ Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг // Сочинения. Т. 10. М., 1957. С. 34.

¹⁸ Миловић Ј.М. Зборник докумената из историје Црне Горе (1685–1782). Цетиње, 1956. С. 321.

¹⁹ Прошение черногорской делегации к Екатерине II, 28 июля (8 августа) 1779 г. // Александров Г.Н. Исторические сведения о сношениях России с Черногорией (Русский архив. 1876. №7. С. 258–259).

²⁰ Там же. С. 259–261.

²¹ Записка для объявления черногорскому губернатору Ивану Радоничу, сердарю Ивану Петровичу и архимандриту Петру Петровичу // Там же. С. 269.

²² Там же. С. 270.

²³ С. Занович — Екатерине II, 16 сентября 1775 г. // Строев А.Ф. «Те, кто поправляет Фортуна»... С. 381–383.

²⁴ С. Югович-Маркович — Г.А. Потемкину, 16–20 ноября 1785 г. // РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 217. Л. 10–15; Историја Црне Горе. Од почетка XVI до краја XVIII вијека. Књ. 3. Т. 1. Титоград, 1975. С. 417.

²⁵ П.П. Негош — Г.А. Потемкину, 10 ноября 1785 г. // РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 217. Л. 1–10б.

²⁶ Драговић М. Русија и Црна Гора од 1780 до 1790 (Материјал за историју Црне Горе у вријеме владања владике Петра I) // Гласник Српског ученог друштва. Књ. 72. Београд, 1891. С. 225–226.

²⁷ А. Палладоклис — некоему графу, не ранее июля 1785 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 43/1. 1785 г. Д. 402. Л. 7-8об.

²⁸ Там же. А. Палладоклис — некоему графу, 26 октября (6 ноября) 1785 г.

²⁹ А. Палладоклис — Гос. Коллегии, 1(12) июля 1788 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. 1788 г. Д. 406. Л. 56.

³⁰ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 374–375.

³¹ См. напр.: *Караџић В.* Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1922. С. 36; История Югославии. Т. 1. М., 1963. С. 223; *Бажова А.П.* Русско-югославянские ... С. 112; Битка за Црну Гору: Мартинићи — Круси. 1796–1996. Зборник радова са научног скупа. Подгорица, 1997. С. 84; *Andrijašević Ž.M.* Istorija Crne Gore: od najstarijih vremena do 2003. Podgorica, 2006. S. 132 и др.

³² См. об этом реляцию В. Кочубея Екатерине II от 15(26) октября 1796 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1796 г. Д. 833. Л. 15–15 об.

³³ П.П. Негош — Екатерине II, 30 октября (11 ноября) 1796 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1796 г. Оп. 85/1. Д. 28. Л. 8–9 об.

³⁴ Дело по доносам Марошевича на гр. Черноевича // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1374. Оп. 5. 1802–1806 гг. Д. 205. Л. 1–38.

³⁵ Подробнее о Н.Чирковиче-Давидовиче см.: *Аншаков Ю.П.* Из истории русско-черногорских отношений в конце XVIII–начале XIX в. // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.). М., 1995. С. 132–137.

³⁶ Политические и культурные отношения... С. 377.

³⁷ РГИА. Ф. 1374. Оп. 5. 1802–1806 гг. Д. 205. Л. 24 об.

³⁸ *Павићевић Б.* Политика цара Павла I према Црној Гори // Гласник Цетињских музеја. Бр. 3. Цетиње, 1970. С. 35–39; Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 27–28; Политические и культурные... С. 376.

³⁹ *Пејовић Ђ.Д.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1981. С. 319–320.

⁴⁰ *Лекић Д.* Спољна политика Петра I Петровића Његоша (1784–1830). Цетиње, 1950. С. 122.

⁴¹ Политические и культурные... С. 377–382.

⁴² Там же. С. 386.

⁴³ Ф.Ф. Ушаков — Ф.М. Бради, 12 (23) июля 1799 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. 1799–1800 гг. Оп. 85/1. Д. 31. Л. 56–57.

⁴⁴ Политические и культурные... С. 387.

⁴⁵ Там же. С. 393.

*Марина Михайловна
ФРОЛОВА*

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ КАМПАНИИ 1828 Г. (по воспоминаниям русских офицеров)

Длительное время в историографии период царствования императора Николая I квалифицировался исключительно как период мрачной реакции, как «николаевская зима», а сам царь представал как «Николай Палкин», «жандарм Европы», «неисправимый солдафон» с «оловянными глазами». К сожалению, несмотря на начавшийся в конце XX в. процесс переосмысления истории России XIX в. и восстановления многосложности культурно-исторического пространства этой эпохи, благодаря исследованиям российских ученых Б.Н. Тарасова, П.К. Соловьева, А.А. Мироноса, В.М. Соловьева, Л.В. Вискочкова, М.М. Шевченко, А.Н. Боханова, Т.В. Андреевой, И.В. Ружицкой и др.¹, мифы и стереотипы, прежде созданные, продолжают довлеть над умами, обретая свое новое обличье.

Многие исследователи ввиду масштабности геополитических событий конца XX в. поставили перед собой задачу — создать новую концепцию истории культуры России или найти «сквозную линию» в тысячелетней культуре России, как, например, попытался это сделать П.А. Сапронов, выпустивший несколько изданий написанного им учебника, а затем и монографию². При этом эпоха Николая I, а также сама фигура самодержца видятся автору через призму исторических сочинений, появившихся в советское время³. В.С. Жидков и К.Б. Соколов, в их стремлении разглядеть «подлинную картину мира» и понять, на что была направлена культурная политика в царской и императорской России⁴, представляют культуру николаевской

России исходя исключительно из свидетельств А.И. Герцена, злоязычного князя П.В. Долгорукова, находившихся в оппозиции к власти, а также достижений советской историографии. Закономерности в истории русской культуры, выявляемые подобным образом, не являются поэтому объективными. Кроме того, в подобных работах продолжает развиваться мифотворчество, на которое можно было бы не обращать внимание, если бы эти опусы не предназначались для учащейся аудитории — имеются в виду, прежде всего, учебники и монографии П.А. Сапронова, печатающиеся и переиздающиеся немалыми тиражами. Их автор не только вновь подтверждает справедливость мнения о царствовании Николая Павловича как эпохе реакции, но и заявляет, что «сам Николай I, в отличие от своего старшего брата, никогда не нюхал пороха. Александр I, несмотря на полное отсутствие у него какого-либо подобия полководческих дарований, все же считал своим долгом по возможности находиться в действующей армии, и, надо сказать, что хотя и не слишком серьезной, но все же военной опасности Александр I подвергался не раз»⁵.

Подобные ошибочные утверждения, повторяясь неоднократно, имеют тенденцию вновь превращаться в убеждения. И лучшим доказательством явного искажения фактов являются свидетельства непосредственных участников русско-турецкой войны 1828–1829 гг. — русских офицеров — о своих встречах с Николаем I во время кампании 1828 г.

14 (26) апреля 1828 г. Николай I подписал манифест о начале войны с Турцией. 25 апреля 95-тысячная 2-я армия во главе с главнокомандующим графом П.Х. Витгенштейном, получившим вскоре чин генерала-фельдмаршала, вступила на территорию Дунайских княжеств. В соответствии с планом, разработанным начальником штаба генералом от инфантерии графом И.И. Дибичем, перед армией была поставлена задача разгромить Османскую империю в течение одной кампании⁶.

Как известно, основные события кампании 1828 г. развернулись в северо-западной части Болгарии, в треугольнике между крепостями Силистрия, Шумла и Варна. 7-му корпусу под командованием великого князя Михаила Павловича была по-

ручена осада важнейшей крепости нижнего Дуная Браилов. В начале мая сюда прибыл Николай I, где переболел лихорадкой. Затем он выехал в Бендеры для встречи с императрицей Александрой Федоровной, с которой прибыл в Одессу. Из Одессы император направился в лагерь у деревни Сатуново. 27 мая началась переправа российских войск через Дунай. Вступив в Добруджу, Главная квартира и Николай I в сопровождении своей свиты и посланников⁷ двинулись в район речки Карасу (Черная вода). Тем временем пали крепости Браилов, Мачин, Гирсово, Тулча и Кюстенджи. Было решено через Базарджик и Енибазар идти к Шумле, являвшейся ключом малых Балкан. Однако атаковать с 30 тысячами крепость, где к концу июня собралось 40 тысяч отборных турецких сил во главе с сераскиром Гуссейном-пашой (Хюссейн-пашой), было признано нецелесообразным. 21 июля Николай I выехал под Варну. Здесь уже находились войска генерал-адъютанта князя А.С. Меншикова и Черноморский флот под командованием адмирала А.С. Грейга. После обсуждения с Меншиковым плана осады и знакомства с проведением работ у крепости император отбыл в Одессу для осмотра резервов действующей армии и встречи с императрицей. 27 августа он возвратился под Варну и расположился на адмиральском корабле «Париж». С прибытием гвардии силы русских возросли до 30 тысяч при 112 осадных и 52 судовых орудиях, что позволяло теперь блокировать крепость и с южной стороны, откуда турецкий гарнизон, усилившийся до 22 тысяч, получал все подкрепления. Во время осады Варны русской армии пришлось отразить наступление 30-тысячного турецкого корпуса Омара Врионе-паши, пытавшегося деблокировать осажденный гарнизон. В сражении при Курт-Тепе участвовал отряд под командованием принца Евгения Вюртембергского, который был вызван из-под Шумлы. 26 сентября был предпринят штурм Варны, а 29 сентября крепость капитулировала. С падением Варны кампания 1828 г. закончилась. Николай I на корабле «Императрица Мария» отбыл в Одессу. Блокада Шумлы, как и осада Силистрии, в 1828 г. не увенчались успехом. Русские войска были отведены на зимние квартиры в ожидании следующей кампании.

Таков краткий и довольно схематичный обзор передвижений и пребывания при русской армии императора в кампанию 1828 г. Но целью статьи, в основу которой положено эпистолярное наследие русских офицеров — участников кампании 1828 г. — дневниковые записи, записки и мемуары, является не изучение действий русской армии, а анализ свидетельств офицеров о Николае I, его деятельности как полководца. Каким они увидели своего императора, недавно взошедшего на престол, каким запомнили его? — вот что интересовало нас в первую очередь.

Русское общество получало официальную информацию о действиях русской армии на Балканском и Кавказском фронтах из газет и журналов, однако живые свидетельства участников турецкого похода вызывали не менее значительный интерес, поэтому российская периодическая печать с удовольствием начала знакомить читателей с подобными материалами.

В числе первых публикаций о русско-турецкой кампании 1828 г. — «Письмо из Варны» Павла Петровича Должикова⁸ (1798—1884), офицера 19-го Егерского полка, которое было помещено в февральском номере журнала «Отечественные записки» (1829) и которое не упоминается в известном многотомном издании под редакцией П.А. Зайончковского «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях». П.П. Должиков, будучи военным, увлекался историей и был соревнователем* Общества истории и древностей российских⁹. Выйдя в отставку в звании капитана, он поселился в Киеве, где стал книгоиздателем и основателем магазина-библиотеки на Подоле — «кабинета для чтения новостей русской словесности», по сути явившейся первой городской публичной библиотекой. Изданный им в 1849 г. каталог книг библиотеки он назвал «Аптека для души».

* В члены-соревнователи Общества истории и древностей российских избирались по письменному представлению действительных членом те лица, которые могли быть полезными Обществу «доставлением разных сведений касательно предметов, коими Общество занимается», т.е. за помощь и пособия. Член-соревнователь являлся кандидатом в действительные члены ОИДР. По уставу 1816 г. число действительных членов ОИДР, избранных за свои «ученые труды», не должно было превышать 30 человек, число соревнователей было неограниченно.

В 1830 г. журнал «Сын отечества и Северный архив» опубликовал «День под Варною (Отчет другу)» подпоручика лейб-гвардии Преображенского полка Н.А. Лукьяновича, который в 1833 г. целиком издал свои воспоминания «Три месяца за Дунаем в 1828 году». Николай Андреевич Лукьянович¹⁰ (1806—после 1855), закончив Санкт-Петербургский университет, предпочел военную карьеру и в 1823 г. поступил унтер-офицером в конноегерский король Вюртембергского полк. Он принял участие также и в польской кампании 1831 г., затем некоторое время исполнял должность старшего адъютанта штаба гвардейской пехоты. В 1844 г. Лукьянович перешел на статскую службу, на которой достиг чина действительного статского советника. В 1844 г. Н.А. Лукьянович издал «Описание Турецкой войны 1828 и 1829 годов» в четырех частях, явившись, таким образом, первым историком русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

Много и интересно писал о прошедшей войне с турками Порфирий Николаевич Глебов (1810—1866), прапорщик 7-й артиллерийской бригады, впоследствии генерал-лейтенант, военный историк. Он получил образование в частном учебном заведении, на военную службу поступил в 1827 г. Глебов участвовал в польской кампании 1831 г., в обороне Севастополя в 1855 г. Находясь с 1836 г. на службе в штабе великого князя Михаила Павловича по управлению военно-учебными заведениями, Глебов редактировал «Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений», в котором были опубликованы отрывки из его воспоминаний о русско-турецкой войне 1828—1829 гг., появившиеся ранее в журналах «Сын отечества и Северный архив» и «Отечественные записки».

Крымская война 1853—1856 гг. и русско-турецкая война 1877—1878 гг. вызвали очередную волну публикаций походных записок о войне 1828—1829 гг. В 1854 г. в журнале «Современник» были напечатаны «Воспоминания кавалерийского офицера (Эпизоды из турецкой войны 1828 г.)» Павла Лукьяновича Пуцыло (?—1863), офицера 3-го драгунского Новороссийского полка. Об авторе известно только то, что он был произведен в прапорщики из юнкеров в 1828 г., а в 1835 г. был уволен от службы в чине поручика. Столь же скудны сведения и о А. Ма-

кавеев, впоследствии сотрудник журнала «Военный сборник», на страницах которого в 1860 г. появились извлечения из его походных записок, относящихся к войне 1828–1829 гг. Немного можно узнать и об Иване Васильевиче Ботьянове, переводчике восточных языков, который во время войны состоял при Черноморском флоте и вел журнал «о ежедневных происшествиях», отрывки из которого были опубликованы в журнале «Морской сборник» в 1869 г.

Широкую известность получили воспоминания Феликса Петровича Фонтонна (1801–?), сына дипломата П.А. Фонтонна, служившего при российских миссиях в Константинополе и Неаполе. Ф.П. Фонтон пошел по стопам отца, определившись в 1820 г. в ведомство Государственной коллегии иностранных дел. Во время кампании 1828 г. он состоял при Главной квартире действующей армии. В 1844 г. Фонтон был назначен советником при российской миссии в Берлине, в 1855 г. являлся чрезвычайным посланником и полномочным министром при дворах короля Ганноверского и великого герцога Ольденбургского, в 1857 г. — при Германском союзе. В 1860 г. Фонтон уволился по болезни, поднявшись по служебной лестнице до тайного советника (1859).

Владимир (Вольдемар-Густав) Иванович Фелькнер (1805–1871), генерал-лейтенант (1856), в 1865 г. опубликовал свои воспоминания о войне 1828 г. Он закончил Главное инженерное училище и в 1822 г. поступил прапорщиком в лейб-гвардии Саперный батальон, в котором прослужил до 1840 г., участвуя в кампаниях 1828 г. и 1831 г. С 1840 г. его служба проходила на Кавказе: он был командиром Кавказского саперного батальона, начальником тифлисского гарнизона (1842), саперных батальонов Кавказского округа (1847), командовал 2-й гренадерской дивизией (1856–1863). Много печатался в журналах — «Военный сборник», «Русский вестник», «Русская старина».

Заслуживают внимания записки о русско-турецкой войне 1828–1829 гг. генерал-майора Павла Яковлевича Купреянова (1789–1874), командира 2-й бригады 10-й пехотной дивизии, впоследствии генерала от инфантерии (1851). В 1806 г. он закончил 2-й кадетский корпус. За отличие в сражении под Фрид-

ландом (1807) был награжден орденом Св. Анны 4-й степени. Купреянов принимал участие в Отечественной войне 1812 г., в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. В русско-турецкой войне 1828–1829 гг. он стал известен в войсках «своим мужеством и распорядительностью при защите» города Праводы¹¹. Участвовал он и в венгерской кампании 1848 г. Был награжден всеми орденами, включая орден Св. Александра Невского с бриллиантами. Его записки в рукописи активно использовал вышеупомянутый Н.К. Лукьянович при написании своего исследования «Описание Турецкой войны 1828 и 1829 годов»¹².

В 1877 г. в журнале «Русский архив» Василий Михайлович Еропкин (1807–1890) опубликовал свои воспоминания о кампании 1828 г. Еропкин, окончив школу гвардейских прапорщиков в 1827 г., поступил в лейб-гвардии Гренадерский полк, участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 г., польской кампании 1831 г., в Крымской войне и закончил свою военную карьеру в звании генерал-майора.

В 1860-х годах своими воспоминаниями — «Два года в Турции (с июля 1828 — сентябрь 1830 г.)», которые увидели свет только в 1878 г., пожелал поделиться Густав Федорович Стефан (1796–1873), военный инженер, топограф, генерал-лейтенант, начальник Академии Генерального штаба. Будучи сыном инспектора классов Сухопутного кадетского корпуса, он получил великолепное для своего времени домашнее образование, что позволило ему в юном возрасте даже преподавать математику в Петербургском лесном корпусе. В 1816 г. он был определен колонновожатым в свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. В 1828 г. Стефан получил назначение в 31-й Егерский полк, был прикомандирован к топографическому отделению Главной квартиры 2-й армии, находившейся под Шумлой. В его задачу входило производить съемки маршрута и окрестностей, но он нередко участвовал в схватках с турками, а за храбрость в сражении под Сливной (1829) был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом и произведен в капитаны.

«Воспоминания об осаде Варны и о пребывании там императора Николая I», автором которых являлся подпоручик Ге-

нерального штаба Александр Иванович Веригин (1807–1891), впоследствии генерал от инфантерии (1868), член Государственного совета (1866), в полной мере отвечают рассматриваемой в данной статье теме. А.И. Веригин после окончания училища колонновожатых в 1824 г. был выпущен прапорщиком (1825) в свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. В 1826 г. он был направлен в Европейскую Турцию «для обозрения ее в военном отношении», т.е. для производства секретных рекогносцировок, из которых затем генерал-майором А.И. Хатовым была составлена «Генеральная карта Болгарии, Валахии и Румелии». За участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Веригин был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» и орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1846 г. он издал исследование «Военное обозрение похода российских войск в Европейской Турции в 1829 году», а также «Кулевчинский бой и его стратегическое значение в турецкой кампании 1829 г.».

Особую ценность представляют «Походные записки за 1828 г. от 29 мая...» генерал-майора Луки Александровича Симанского (1791–1828), командира 3-й бригады 10-й пехотной дивизии. Он погиб 18 сентября 1828 г. в сражении при Курт-Тепе, поэтому его походный дневник не подвергся позднейшей правке, которая, как правило, производится автором перед публикацией. Симанский получил образование во 2-м кадетском корпусе, откуда был выпущен в 1807 г. прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк. Он прекрасно знал французский и немецкий языки, а также математику, историю, географию. Принимал участие в Отечественной войне 1812 г., битве при Бородино, в заграничных походах русской армии. В 1825 г. полковник Симанский был назначен командиром лейб-гвардии Измайловского полка.

События кампании 1828 г. на Балканах вошли в воспоминания или записки о своем жизненном пути многих офицеров — Н.С. Голицына, П.А. Тучкова, И.П. Дубенского, А.Х. Бенкендорфа. Князь Николай Сергеевич Голицын (1809–1892), прапорщик Гвардейского Генерального штаба, впоследствии генерал от инфантерии (1880), военный историк, закончил

Царскосельский лицей, с 1826 г. был причислен к Генеральному штабу; участвовал в польской кампании 1831 г. Заведую кафедрой стратегии и военной истории Академии Генерального штаба, Голицын написал 15-томную «Всеобщую военную историю», был редактором газеты «Русский инвалид».

Павел Алексеевич Тучков (1803–1864), штабс-капитан Гвардейского Генерального штаба, воспитывался в Пажеском кадетском корпусе, после обучения в школе для колонновожатых был произведен в чин прапорщика и назначен в свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. В 1826 г. он был командирован с особым поручением в Константинополь в распоряжение российского посланника в Турции А.И. Рибопьера, где производил съемки маршрутов по главным дорогам Европейской Турции и окрестностей столицы. В 1830 г. Тучков преподавал в школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, в 1843 г. был назначен директором Военно-топографического бюро, в 1859 г. занял должность московского генерал-губернатора (1859–1864).

Иосиф Петрович Дубецкий* образование получил во Франции (1816–1819), затем был зачислен в 41-й Егерский полк, который после окончания заграничных походов 1813–1814 гг. был направлен на Кавказ для усиления русских войск. Во время русско-турецкой войны он служил старшим адъютантом генерала П.Д. Горчакова, командира 18-й пехотной дивизии. С 1845 г. по 1857 г. Дубецкий занимал должность вице-губернатора Тамбовской губернии. Его воспоминания о войне 1828–1829 гг. («Записки»), написанные в 1850 г., были опубликованы в 1895 г.

Генерал-лейтенанта Александра Христофоровича Бенкендорфа (1782–1844), впоследствии генерала от кавалерии (1829), шефа жандармов и одновременно Главного начальника III отделения собственной Е. И. В. канцелярии (1826–1844), графа (1832), специально представлять не нужно. С 1802 г. он вел дневники, которые после смерти их автора читались в императорской семье. Николай I даже сделал в некоторых местах карандашные пометы. Эти материалы использовали в своих исследованиях А.И. Михайловский-Данилевский, барон

* К сожалению, годы жизни неизвестны.

М.А. Корф, Н.К. Шильдер. «Воспоминания А.Х. Бенкендорфа. 1802–1837», переведенные с французского языка, увидели свет лишь в современной России (2012 г.).

Без сомнения, авторов мемуаров и записок о кампании 1828 г. было гораздо больше, чем здесь упомянуто, однако военные дороги многих офицеров не пересеклись с маршрутом Николая Павловича. При общем взгляде на биографии офицеров, оставивших свои воспоминания потомкам, можно выделить то общее, что было им присуще: солидное для своего времени образование, успешная карьера, а также причастность большинства из них к научной, литературной или педагогической деятельности.

В мемуарах русские офицеры сообщали о своем пути по Европейской Турции, о трудностях похода, об «убийственном» климате, о сражениях, о своих товарищах и командирах. Понятно, что количество встреч с императором и их эмоциональная и информационная насыщенность отличались, например, у армейского офицера, издавна глядевшего на Николая Павловича, и у офицера Генерального штаба, служба которого протекала в непосредственной близости от императора. Бенкендорф, являясь начальником Главной императорской квартиры и обеспечивая личную безопасность монарха, почти всегда находился с ним рядом, и его воспоминания поэтому являют собой подробный отчет о действиях и передвижениях самодержца. В мемуарах, написанных на склоне лет, проявляется больше определенной внутренней свободы, чем в записках, опубликованных в 1830-е годы.

Следует отметить, что подробный словесный портрет Николая I встречается только в воспоминаниях И.П. Дубецкого. «Император Николай Павлович был тогда 32 лет, высокого роста, сухощав, грудь имел широкую, руки несколько длинные, лицо продолговатое, чистое, лоб открытый, нос римский, рот уверенный, взгляд быстрый, голос звонкий, подходящий к тенору, но говорил несколько скороговоркой. Вообще он был очень строен и ловок. В движениях не было заметно ни надменной важности, ни ветреной торопливости, но видна была какая-то неподдельная строгость. Свежесть лица и все в нем

выказывало железное здоровье и служило доказательством, что юность не была изнежена и жизнь сопровождалась трезвостью и умеренностью. В физическом отношении он был превосходнее всех мужчин из генералитета и офицеров, каких только я видел в армии, и могу сказать по истине, что в нашу просвещенную эпоху величайшая редкость видеть подобного человека в кругу аристократии»¹³. Описание внешности императора, которое имеется в письмах Ф.П. Фонтана, больше напоминает обобщенный образ героя: «Славный строй, высокий стан, светлое выражение немного от солнца загорелого лица делают неизразимое впечатление»¹⁴.

Большая часть русских офицеров впервые увидела своего императора во время проведения им смотров. Так, П.Л. Пуцыло, прапорщик 3-го Новороссийского драгунского полка, направленного в район Видина, вспоминал, что на марше за один переход до г. Умани его полк неожиданно был удостоен высочайшего смотра. Трудный поход ранней весной «не помешал заслужить за прекрасное состояние полка ласковое Его Величества спасибо, радостно отозвавшееся в наших верных сердцах»¹⁵.

Многие гвардейские офицеры, привыкнув к подобным смотрам в Петербурге, в своих записках лишь отмечали факт очередного такого мероприятия. Но для 18-летнего прапорщика 7-й артиллерийской бригады П.Н. Глебова смотр конной артиллерии, устроенный Николаем I во время кампании на Траяновом валу у речки Карасу, превратился в незабываемое событие. Его вдохновенный рассказ заслуживает того, чтобы быть приведенным почти полностью: «На другой день по слову русского царя 120 орудий понеслись в бесконечное поле, которое вдали сливалось с небосклоном, и свернулись на полных рысях в колонну. Никакое перо не может описать величия той минуты, когда после шума и гула скачущих по всем направлениям орудий и зарядных ящиков вдруг распространилась по всему полю невыразимая тишина. Небо было чисто, солнечные лучи играли на светлых орудиях и падали на загорелые лица бомбардиров, которые неподвижно сидели на конях в выровненном по струнке строе, поглядывая с нетерпением на правый фланг. И какой трепет благоговения проник в душу

каждого из нас, когда вдруг из-за возвышения государь галопом подскакал к колонне и поздоровался с артиллеристами. Громозвучное продолжительное «ура» раздалось в воздухе и не прекращалось до тех пор, пока царь не объехал всех рядов колонны. Начался церемониальный марш: батареи на рысях под звуки труб промчались стройными громадами мимо государя и потом снова свернулись в колонну. Это великолепное зрелище, продолжавшееся не более часа, заключилось общею изумительною атакою, о которой я до сих пор не могу вспомнить без особенного восторга. Вообразите себе густую колонну из 120 конных орудий, которая стояла неподвижно на покато́м возвышении вала. Вдруг по слову царя раздались командные слова бригадных, батарейных, дивизионных, взводных командиров, и орудия помчались во всю конскую прыть в разные стороны, густое облако пыли повисло над поляною, страшный гул от быстронесущихся орудий и от конских копыт потряс воздух, чудное эхо понеслось по полю. ... Эта минута, в которую, казалось, весь воздух превратился в бурю, невыразима ни на каком языке, и самое воспоминание о ней рождает в душе армейского офицера только чувство высокого, которое он не в силах выразить словами... Наконец, все умолкло, государь поехал по гребню Траяна для осмотра осажденной крепости Кюстенджи. Батареи возвратились в лагерь, поляна опустела»¹⁶. Подобные смотры императора дисциплинировали войска, поднимали дух и воодушевляли воинов.

На современников производило неизгладимое впечатление то, что «государь наравне со всеми разделял труды похода и невыгоды помещения в палатках. Все переходы от 20 до 35 верст и более делал не иначе как верхом, впереди войск, несмотря на солнечный зной, иногда на проливной дождь. Солдаты забывали усталость и бодро шли вперед, глядя на царя»¹⁷, — вспоминал генерал-майор П.Я. Купреянов. Разумеется, что материальные условия походного быта царя были иными, чем у большинства, о чем будет сказано ниже.

Николай I внимательно относился к нуждам солдат и офицеров. Генерал-майор Л.А. Симанский отмечал, что при встречах с императором на марше, тот непременно интересовался

его здоровьем, а также здоровьем офицеров и солдат. 29 мая 1828 г., например, император, «объезжая бригаду, хвалил 19-й полк и тихо ехал по фронту, со всеми батальонами здоровался и спрашивал об одном молодом юнкере, говоря, что очень молод»¹⁸. Симанский свидетельствовал и о том, что Николай I, проезжая кухни, пробовал из колодца воду¹⁹. В Добрудже русская армия жестоко страдала от зноя и жажды, хотя о дефиците воды и ее плохом качестве в этой местности в России хорошо знали и до войны. Воду разрешалось пить только с уксусом и вином. Генерал-майор Купреянов подчеркивал, что «особенно ощутителен был недостаток воды при наступлении на Базарджик. Для целой бригады отводилось иногда по 2 и по 3 колодца, ... и солдаты всю ночь проводили в добывании воды»²⁰. Император был очень воздержан, как писал Фонтон, «в отношении нужд материальной жизни, как мало он имеет потребностей», что резко контрастировало с его окружением, которое офицеры метко прозвали «Золотой ордой»²¹.

Фонтон описал один достаточно яркий эпизод из походной жизни этого периода. «Около двух фонтанов на пути из Карасу в Базарджик сделались толкотня, шум, мало не драма. Сидевший в раскинутой для него маленькой палаточке царь, услышав этот шум, вышел, и его присутствие в один миг успокоило солдат. Несколько приветливых слов заставили солдат радушно и единодушно закричать свое: “рады стараться!”». Император приказал установить очередь у фонтана. Он также увидел, что около другого навеса, близ царской палатки, стояли «вельможи русские и европейские, попивая замороженное шампанское с зельтерской водой». Контраст был яркий. Николай I, видя там послов и посланников, удержался от замечания. Но он строго приказал коменданту Главной квартиры Бенкендорфу, «чтобы впредь этого не было». Фонтон, полностью одобряя действия императора, заметил, что неприлично «великим господам предаваться наслаждениям роскоши» в то время, когда «бедные ребята страдают». «Я знаю, что это и на нас неприятно действовало видеть там замороженное шампанское между тем, как у нас во плетенных фляшках только мутное молдованское да еще раскаленное солнцем вино...»²².

По воспоминаниям Николай I был заботливым и внимательным по отношению к больным и раненым. Подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Н.А. Лукьянович описал посещение императором лазарета под Варной: одних он утешал словами, другим раздавал деньги, на третьих надевал Георгиевские кресты. «В одну из палаток принесли гвардии Егерского полка юнкера К., тяжело раненного в плечо. Николай I, услышав от доктора, что рана очень опасна, обратился к юнкеру: “Жалко очень, К., что с тобою случилось такое несчастье. Но что же делать? Это участь войны. Теперь не в моей власти этому помочь, но если тебе приятно, что я первый поздравляю тебя офицером, то я очень рад в полной надежде, что ты скоро в состоянии будешь продолжать службу уже в офицерском чине”. И тут же царь возложил на него знак военного ордена. Выходя, Николай I поручил некоторым из своей свиты узнать о денежном состоянии молодого К.»²³.

Бенкендорф, сопровождая императора, был также постоянным свидетелем того, что Николай I на каждой стоянке, в каждом военном лагере непременно посещал раненых и больных, устраивал лазареты, «раздавал деньги, входил в мельчайшие подробности питания солдат, интересовался деталями их лечения». Уже в лагере под крепостью Браилов Бенкендорф отмечал значение для русской армии подобного отношения со стороны императора («он был добр и любезен со всеми и оставил о себе в этом лагере чувства восхищения и благодарности»): «Впоследствии эти войска дали тому самые блестящие доказательства»²⁴. После продолжительной осады был предпринят кровопролитный штурм «с чудесами храбрости, оказанными нашими солдатами», и, увы, с «небывалыми потерями». Штурм хоть и закончился неудачей, но турки предпочли сдаться и не ждать повторения яростной атаки.

Генерал-майор Купреянов находился рядом, когда полковник Бибииков привез в императорскую квартиру «вожделенное известие о покорении крепости». Николай I «радостно обнял перед войсками полковника». Купреянов вспоминал «с чувством сердечного умиления о тех торжественных и незабвенных днях, когда вместе с известием о каждом вновь одержанном

успехе государь император лично приезжал со своим духовником и придворными певчими для отслужения благодарственных Господу Богу молебствий в войсках, по близости его лагеря расположенных». «Молебствиям предшествовало победное пение псалма: “С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь...”. По окончании богослужения государь обходил войска, поздравляя их с победой: “Я уверен”, — говорил он им, “что и вы так же отличитесь, когда до вас дойдет очередь!”. Громкое единодушное “ура!”, долго раздаваясь в воздухе, бывало ответом на простые, но красноречивые слова монарха. Сзади государя следовал обыкновенно духовник с крестом, и святою водой окропляя ею ряды воинов»²⁵.

На дорогах войны смертельной опасности подвергались все, на них вступившие. Мемуары офицеров и, в первую очередь, Бенкендорфа свидетельствуют, что Николай I всегда вел себя очень достойно. Император, который получил хорошее инженерное образование и с 1817 г., когда был назначен Александром I главным инспектором Корпуса инженеров, много сделал для развития инженерной части русских войск, как правило, тщательно вникал во все осадные работы, которые велись у крепостей Браилов, Шумла, Варна. Тучков записал, что 13 мая 1828 г. в 6 час. пополудни Николай I лично обозревал крепость Браилов. Когда он остановился на Казачьем кургане, то «неприятельское ядро докатилось до близкого расстояния от его лошади»²⁶. Бенкендорф более подробно описал это происшествие. Император решил лично убедиться в эффективности построенной осадной батареи. Турки, заметив на соседнем холме значительную свиту, стали «довольно метко стрелять с тем расчетом, чтобы ядра попадали в подножие холма, на котором находился император, и отскакивали к месту, где были собраны наши оседланные лошади». Бенкендорф констатировал: «Это были первые ядра, свист которых император услышал над своей головой»²⁷.

Форсирование Дуная было намечено у местечка Сатуново, напротив небольшой крепости Исакча, куда прибыл Николай I. Фонтон писал, что «общее внимание было отвлечено от Браилова»: «Всех мысли устремились к Сатуново. Там царь, там

будут главные действия, там опасности, там отличие, и кресты, и чины! Это понятно и натурально. Это везде так! Страсти и слабости человеческие всюду те же самые»²⁸.

Николай I внимательно следил за наведением 7-верстной фашинной гати* и лично составил диспозицию на переправу. На рассвете 27 мая 1828 г. началось форсирование Дуная. «Император хотел лично возглавить атаку на батареи», но граф Дибич «умолил его не делать этого, так как неприятельские ядра с другого берега падали уже совсем рядом с тем местом, где находился государь», — сообщал Бенкендорф. Николай I согласился «с советами проявлять осторожность и вернулся на высоту», с которой он мог наблюдать за передвижениями турецких и русских войск, за маневрами флотилии²⁹. Когда русские войска стали хозяевами турецких высот, император приказал возводить мост. «Работы велись с необыкновенной горячностью, присутствие императора удваивало силы и усердие солдат и офицеров»³⁰, — записал в дневнике Бенкендорф.

Многие офицеры вспоминали, что Николай I одним из первых пересек реку в небольшой лодке, управляемой одними запорожцами и их кошевым атаманом Гладким (ок. 1789–1866). Юного прапорщика Глебова поразила смелость императора, поскольку всем было известно, что запорожцы** были «за несколько дней перед этим» «нашими врагами»³¹. Фонтон писал, что к царю явились «повинною главой» «беглые казаки, переселенцы или, проще сказать, изменники». «На их челноке он ввиду неприятеля и среди из Исакчи посылаемых ядер и гранат переправлялся на правый берег Дуная. И этим государь показался молодцом и прославил себя и Россию»³². Бенкендорф указывал на ту опасность, которой подвергался император,

* Фашинная гать — это дорога через болото или затопленный участок суши, настил через трясину, которая сделана из фашии. Фашина (нем. Faschine от лат. fascis — «связка прутьев, пучок») — связка прутьев, пучок хвороста, перевязанный скрученными прутьями (вицами) или проволокой.

** Комендант Измаила генерал С.А. Тучков накануне русско-турецкой войны 1828–1829 гг. сумел убедить запорожцев, ушедших после разрушения Сечи в 1775 г. в Османскую империю и сражавшихся против русской армии в предыдущих русско-турецких войнах, перейти под скипетр России. В Измаиле Николай I встретился с атаманом и казаками и пообещал им земли на берегу моря в качестве платы за их военную службу. Они были расселены затем на свободном побережье Азовского моря, между Бердянском и Мариуполем, образовав Азовское казачье войско.

севший в лодку казаков в сопровождении всего двух генералов. «Стоило им сделать несколько дополнительных гребков, как они бы оказались под защитой укреплений крепости Исакча и могли бы сдать туркам государя России». Подобное доверие к ним со стороны императора вызвало у казаков восторг. «Мы принадлежим тебе! Не только эти двенадцать человек, но и все наши товарищи!»³³, — воскликнули они.

Фонтон очень красочно и подробно описал походную жизнь императорской квартиры в тот период, когда армия продвигалась от Исакчи к крепости Шумла. С восходом солнца палатки снимались. Стоять оставалась одна только царская палатка, у которой собиралась вся Главная квартира — «сборище светлых, блестящих и пестрых мундиров». Все ожидали выхода императора. «Наконец, дежурный адъютант говорит: “Государь!”». Выйдя из палатки, Николай Павлович «внятным голосом» произносил «Тучков!». «Является полковник³⁴ Генерального штаба, умный и расторопный офицер, который колонновожатый царской Главной квартиры. Дав ему приказания, государь подходит к иностранным представителям, приветствует князя Вюртембергского или графа Васильчикова и, наконец, обращаясь к фельдмаршалу, говорит: если прикажете, я готов. Вслед за сим подают лошадь». «Тучков с проводниками открывает марш. Он едет пятьдесят шагов впереди царя. Подле царя едет фельдмаршал Витгенштейн». «После привала царь с Главной квартирою, обыкновенно опережая войско, приходит ранее в место ночлега и сейчас принимается за работу. Он здесь продолжает заниматься всякими делами по управлению государством, как в Петербурге. Но войско, а наипаче обозы наши, не поспевают прежде сумерков. На одном переходе они пришли лишь только к 12 часу ночи»³⁵.

А.П. Тучков, который на марше имел беседы с императором, к сожалению, в своих записках очень скупо сообщил о их содержании. Например, во время перехода 2 июня 1828 г. Николай I, «выехав на высокую гору против деревни Хаджилар-киой, любовался прекрасным видом местоположения». Он подозвал Тучкова и разговаривал с ним о его «обозрении Турции» в 1826 г. «И вообще был ко мне весьма милостив»³⁶, —

заметил автор. 5 июля, въехав на высокий курган около Шумлы, которая считалась турецкими Фермопилами, Николай I расспрашивал Тучкова о ее окрестностях. 7 июля Тучков, после рекогносцировки направлений, ведущих к Шумле, был отправлен Дибичем привести авангард и расположить его в 5 верстах впереди Енибазара. Император, прибывший в лагерь, приказал вести его навстречу Дибичу, который должен был возвращаться с рекогносцировки. Николай I «весьма благосклонно шутил и разговаривал со мною в продолжение всей той поездки»³⁷, — вспоминал Тучков.

Генерал-майор Симанский, напротив, старался, хотя бы кратко, записать свои разговоры во время встреч с императором, которые, как правило, сводились к его неформальному докладу о состоянии здоровья личного состава и о передвижениях полков, вверенных в его командование. После взятия крепости Кюстенджи Николай I, выслушав сообщение Симанского о ходе боя, числе раненых и убитых, сказал ему: «Ну, благодарю тебя за прошедшее и будущее»³⁸. 5 июля император, проезжая 19-й Егерский полк, который 25 июня 1828 г. в составе передового отряда участвовал в сражении при Базарджике, «благодарил за Базарджик». В лагере под крепостью Шумла, когда Симанский был дежурным, после принятия Николаем I рапорта состоялся «приятный и лестный для меня разговор государя императора», во время которого Николай I долго расспрашивал Симанского о подробностях сражения при Базарджике³⁹.

На подходе к Шумле русская армия встретила турецкие войска «с 18 орудиями» под командованием сераскира Гуссейна-паши. Они были расположены шестью эшелонами «у подножия крепости». Император лично наметил план сражения. Бенкендорф, раздумывая над этим решением, не скрывал своих опасений: «Может быть, было неправильно (и вина за это ложится на начальника Генерального штаба армии графа Дибича) испытывать военную репутацию нашего молодого государя, его большие полководческие таланты, его боевое крещение в этом неравном сражении в том месте, где не было рек и куда нельзя было доставить резервы, против превосходящего числом и занимавшего хорошо укрепленную позицию не-

приятеля, опиравшегося на свои ресурсы»⁴⁰. 8 июля началось сражение, в котором Николай I «с замечательным хладнокровием и уверенностью опытного полководца направлял движения войск и отдавал приказания с точностью, как если бы он находился на учениях»⁴¹, — констатировал Бенкендорф. Турки отступили в крепость.

Император каждый день дважды объезжал все позиции русского лагеря под Шумлой, «осматривал аванпосты и при первом же пушечном выстреле появлялся в месте сражения»⁴². Дибич предсказывал скорое взятие крепости. «Несмотря на свою горячую отвагу, император был наделен рассудительностью и верным глазом»⁴³, — подчеркивал Бенкендорф. «Но Шумлу нельзя осаждать регулярною осадой, потому что горы недоступны инженерным работам... Еще менее можно Шумлу блокировать. Вследствие ее 80-верстной окружности, на это требовалось бы до 200 тыс. войска...», — писал впоследствии Фонтон. Недостаток сил у русских заставил ограничиться лишь блокадой Шумлы с восточного фронта, расположив войска на 10-верстовом участке между деревнями Стража и Мораш, где было возведено 27 редутов.

19 июля 1828 г. Симанский записал в свой дневник эпизод, свидетелем которого он стал, когда пришел на редут, где стоял император со свитой. Два гусара Ахтырского полка привели двух пленных турок. Император подозвал их к себе, расспросил, как было дело, и поздравил каждого гусара с крестом. Надевая награды на гусар, взял каждого за голову и поцеловал два раза. Им также дали от царя по 2 червонца, за оружие турок они получили по 15 червонцев, за пленных — положенные по 2 червонца, и продали лошадей каждого пленного турка по 11 червонцев. «А всего пришлось на каждого по 38 червонцев»⁴⁴, — подвел итог Симанский.

Император, оставив у Шумлы Дибича и Витгенштейна, 21 июля 1828 г. поспешил к Варне в сопровождении 400 человек пехоты и 600 кавалеристов. Бенкендорф опасался, что «государя могущественной России» окружала столь «слабая защита», поскольку путь пролегал по завоеванной земле, «где неприятель, активно поддерживаемый населением, мог в лю-

бой момент опередить» и «захватить силой»⁴⁵. Однако отряд благополучно достиг Варны, хотя несколько раз и подвергался опасности встреч с турками. Так, при проезде через лес на выходе из долины Козлуджи «один из егерей получил пулю из засады, которую разведчики не смогли обнаружить»⁴⁶.

День 25 июля 1828 г. под Варной был памятен для прапорщика Глебова потому, что «в этот день осадные войска в первый раз после открытия кампании осчастливились узреть государя императора». Николай I посетил все войска, поблагодарил 13-й и 14-й Егерские полки, которые прибыли к Варне после успешной осады Анапы, осмотрел прибывший флот, обозрел с высот позицию русских войск и укрепления крепости и в тот же вечер отплыл в Одессу. «Но милость царская, как благословение Божие, осталась надолго в памяти нашей, и это доказал лучше всего блокадный корпус, ознаменовав свои действия после отплытия государя к Одессе самыми блистательными успехами»⁴⁷, — высказал свои чувства Глебов.

Ненастье и штормовой ветер не позволили фрегату «Флора», на котором находился император, из Одессы идти к Варне. Пришлось возвращаться назад. Тогда Николай I, стремясь как можно быстрее оказаться в Варне, отправился туда по суше в сопровождении всего двух фельдъегерей и 4 казаков. Дороги в Добрудже были разбиты, леса полны грабителей. К Бенкендорфу во время этой поездки «сон не шел», и он удивлялся Николаю I: «совершенно чуждый этим страхам император или спокойно спал в коляске, или весело беседовал, как если бы мы прогуливались между Петербургом и Петергофом»⁴⁸. С Бенкендорфа, по его словам, напряжение спало только тогда, когда глубокой ночью, не доехав до Кюстенджи, путники заметили огни, «которые своей правильной формой подсказали», что они принадлежали русским войскам. Лагерем здесь стояла дивизия гвардейской легкой кавалерии. «Императора узнали по голосу, в один момент генералы, офицеры и солдаты сбежались к палатке дивизионного командира», у которой остановилась коляска Николая I. Бенкендорф отметил их радость, которая «усилилась еще, когда они узнали, что он один проехал более 200 верст по разграбленной неприятельской

территории»⁴⁹. Далее дорогу охранял полк конных егерей, направленных по настойчивой просьбе Бенкендорфа. 27 августа в Каварне император перешел на фрегат «Флора», на котором в тот же день прибыл в Варну. Здесь он с частью свиты расположился на трехпалубном 110-пушечном корабле «Париж», ставшим его штаб-квартирой.

Переводчик И.В. Ботьянов свидетельствовал, что Николай Павлович в первый же день отправился на берег для осмотра лагеря и «потом уже постоянно каждый день делал то же самое». «Хотя нередко случалось, что от большой зыби и очень бурливой погоды невозможно было приставать катерам к парадному трапу корабля, государь и тогда, несмотря на явную опасность и на просьбы окружающих его лиц — не съезжать на берег, садился на катер, вылезая с кормы по шторм-трапу»⁵⁰. На берегу император посещал сначала лазарет, затем обходил весь лагерь, «вникая во все подробности осады, осматривая войска, делая все нужные распоряжения». Как правило, он возвращался к 3 часам на корабль «всегда в веселом расположении духа» и после обеда занимался государственными делами. Бенкендорф писал, что император возвращался на корабль только под вечер⁵¹. Ботьянов подчеркивал, что император «одушевлял и войска, и моряков своим присутствием» «к скорейшему овладению Варной»⁵². «С прибытием государя императора здесь все заметно оживилось»⁵³, — констатировал В.И. Фелькнер. Фонтон, прибывший из-под Шумлы к Варне в начале сентября, был поражен контрастом «между состоянием наших под Шумлой и под Варною. Там уныние и усталость духа и тела от принужденной праздности, здесь веселье, радость на всех лицах от деятельности, от движения, от стремления всех к известной цели»⁵⁴.

В первый же вечер своего пребывания в Варне император «осчастливил» посещением лейб-гвардии Саперный батальон. «Здорово, перы!», — приветствовал он их. Фелькнер расшифровывал подобное обращение «перы» вместо саперы: так Николай Павлович здоровался с лейб-гвардии Саперным батальоном еще с тех пор, как в 1817 г. был назначен главным инспектором Корпуса инженеров и шефом лейб-гвардии Саперного

батальона⁵⁵. Император сохранил на всю жизнь свою любовь к инженерному делу и саперам. Последних (включая и рядовых) он знал в лицо и по фамилиям⁵⁶. Узнав, что один из саперов Чистов, едва принявшись за работу, был ранен осколком гранаты в голову, Николай I из собственных рук пожаловал его знаком отличия военного ордена⁵⁷. «Милостивое внимание и благоволение государя императора» к гвардейским саперам, приступившим к работам против 2-го бастиона турецкой крепости уже с 24 августа, т.е. на следующий день после прибытия к Варне, возбудили против них, по словам Фелькнера, недобрые чувства «завистников». 28 августа император после приветствий сказал, что было высказано мнение о том, что гвардейские саперы работают, хотя очень чисто и хорошо, но очень медленно, «новичками». «Надобно работать живее!». Слова Николая I очень опечалили офицеров и рядовых⁵⁸. Однако работы в траншеях шли медленнее, чем хотелось, из-за «крепкого плитового грунта». Турки забрасывали саперов ручными гранатами, бомбами, непрерывно обстреливали из контр-апрошей* и с крепостного вала, из-за чего саперы вынуждены были приостанавливать работы, к тому же они постоянно несли потери в живой силе.

На юте корабля «Париж» был «установлен телескоп, посредством которого государь любил в остальное от занятий время обозревать действия войск»⁵⁹, — сообщал Ботьянов. Николай Павлович внимательно следил за действиями в траншеях и особо отметил работу саперов в ночь с 9 на 10 сентября, «ознаменовав удовольствие свое присылкой 6 знаков отличия военного ордена». Он также приказал сообщить, кто именно из офицеров руководил этой работой⁶⁰. Ему было названо имя Фелькнера.

12 сентября в варненский лагерь прибыл полковник К.А. Шильдер (1785—1854), командир лейб-гвардии Саперного

* Контр-апроши — земляные работы осаждающего, имеющие целью усилить расположение войск, выдвигаемых им вперед от атакованных верков навстречу подступам, или апрошам осаждающего. Выдвигая свои войска вперед и закрепляя за собой занимаемые ими точки впереди лежащей местности контр-апрошными укреплениями и закрытыми ходами сообщения, осаждающий заставляет осаждающего брать с боем эти новые импровизированные позиции раньше, чем атаковать сами крепостные верки, и таким образом затягивает оборону (осадная война есть борьба за время). Верки (нем.) — отдельные части укрепления.

батальона, который был оставлен в госпитале в г. Каварна из-за болезни (лихорадки). Его план осадных работ был одобрен императором и стал немедленно приводиться в действие. Утром 21 сентября Николай I посетил траншеи и минные работы, несмотря на то, что это было далеко не безопасно, поскольку накануне, в ночь на 20 сентября, отряд турок в 1 тыс. человек произвел вылазку с целью уничтожить переходы под вторым бастионом крепости⁶¹. Фонтон сообщал, что «царь счастливо воротился из траншей и поехал на возвышенности, чтобы отсюда видеть взрыв новозаложенной мины». Под руководством Фелькнера 21 сентября был произведен удачный взрыв мины в 180 пудов. «Царь в веселом духе благодарил»⁶² полковника Шильдера, чей план был так блестяще приведен в исполнение. Как только Варна в результате нескольких последовательных взрывов ее бастионов благодаря применению инженерного искусства оказалась поверженной, император немедленно спустился в ров, где работали русские минеры, внимательно изучил все осадные работы, «ведением которых остался чрезвычайно доволен»⁶³, поднялся на укрепления, где была пробита брешь, и осмотрел оборонительные сооружения турок.

Возвращаясь к осаде Варны, следует сказать, что для ее успеха необходимо было нарушить коммуникации крепости со стороны Константинополя, для чего требовалось создать линию блокады Варны с юга. Это стало возможно только с подходом гвардии, выступившей из Петербурга в начале апреля и двигавшейся по территории Османской империи тремя эшелонами. Был сформирован 5-тысячный отряд генерал-адъютанта Е.А. Головина, которому были поставлены задачи: построить укрепленную позицию, «заняв цепью все пространство от моря до лимана», наблюдать за дорогами, которые вели в Варну, и держать под контролем гарнизон крепости. 29 августа на совещание императора с графом М.С. Воронцовым, назначенным 17 августа 1828 г. командиром варненского осадного корпуса, был вызван подпоручик Веригин, который хорошо знал данный район. Когда он вошел в палатку к графу, император изучал карту и, подняв на вошедшего «свой проницательный взгляд, стал в подробности расспрашивать о местности в юж-

ной стороне крепости». На карте он увидел небольшую дорогу выше переправы у Габеджи (Гебеджи) и выразил опасение, что неприятель может ею воспользоваться для обхода, сказав по-французски: «Cela peut paralyser nos projets»*. Веригин ответил, что дорога, возбудившая «опасения государя на счет обхода», по его личному осмотру, «непроходима для войск по причине болот и разлива речки Девно». Соображения графа Воронцова о движении отряда Головина были одобрены императором, а Веригин получил «повеление состоять при назначенном к обложению крепости отряде»⁶⁴.

В ночь на 30 августа генерал Головин выступил в поход. «Горные лесистые высоты, образуемые отрогами Малых Балкан, дали возможность скрыть направление нашей колонны, и утром 31 августа при ярком осеннем солнце засверкали штыки и пушки русских войск на высотах перед крепостью»⁶⁵, что явилось совершенной неожиданностью для турок.

Император желал лично осмотреть позиции южного отряда на месте, и его не остановили тревожные сведения, полученные от болгар, что турецкий корпус Омара Врионе-паши двигался по дороге из Правод и занял деревню Гаджи-асаклар в 18 верстах от места расположения отряда Головина. Вести императора было поручено Веригину.

Специально проложенная для сообщения с отрядом Головина дорога обстреливалась из крепости, поэтому Веригин избрал для следования едва доступную для верхового проезда тропу, которая вела на крутые высоты морского берега. Конвой из черноморских гвардейских казаков был собран у пристани, и 5 сентября утром Николай I, прибыв на катере, сел на простую казачью лошадь и приказал тотчас же вести его. Небольшой отряд всадников поднялся по каменистым утесам мыса Галат-бурну, и Веригину пришлось отвечать на различные вопросы императора о положении отряда Головина, «а между тем при малейшем невнимании легко было потерять след тропы, которая совершенно исчезала во многих местах». Это обстоятельство «привело в крайнее беспокойство сопровождавшего государя графа Бенкендорфа». Он «строгим голосом» несколь-

* Это может помешать нашим планам (франц.).

ко раз задавал подпоручику одни и те же вопросы: «Туда ли веду я, куда следует? Где отряд генерала Головина? И знаю ли я, какой подвергаюсь ответственности за малейшую оплошность?». Веригин, «не желая отвечать грубостью», «пришпорил лошадь и ускакал вперед для осмотра глубокого оврага», где, как он знал, «придется просить государя сойти с лошади и спуститься пешком». Веригина ободряла благосклонность императора, «между тем как грозный взгляд Бенкендорфа неотступно его преследовал». Офицер еще на пристани предупредил императора о трудности этого проезда, и когда, наконец, отряд выехал на бургасскую дорогу, «то милостивое царское слово “Спасибо тебе” вполне вознаградило меня за неуместную недоверчивость графа Бенкендорфа»⁶⁶, — вспоминал Веригин. Благополучно достигнув расположения верхнего южного отряда, Николай I в подробностях изучил его позицию, поздоровался с людьми каждой роты и, лично указав место для постройки флеша на дороге от Камчика, тем же путем возвратился через несколько часов к пристани для отплытия на корабль «Париж». В «Воспоминаниях» Бенкендорфа таких подробностей не сохранилось, поскольку, вероятно, этот эпизод был вполне заурядным в беспокойной и полной опасностей для императора турецкой кампании.

Веригину также удалось успешно выполнить разведывательную операцию, чтобы проверить слух, дошедший 20 сентября через лазутчиков, что Омар-Врионе «ищет обойти позицию генерала К.И. Бистрома* и с этой целью пробивает дорогу». По возвращении Бистром тут же отправил Веригина, усталого, «в изорванной одежде», к императору на корабль «Париж», где он был приглашен на ужин вместе «с блестящею царской свитой», «среди коей появление армейского офицера прямо с бивака резко отличалось». Император милостиво сказал: «“Ты меня очень успокоил. Я сердечно тебя благодарю. Передай от меня Карлу Ивановичу (Бистрому), что на

* Бистром Карл Иванович (1770–1838), генерал-адъютант (1825), в 1828 г. был назначен начальником отряда, расположенного на южной стороне Варны. 16 сентября его отряд отразил атаку Омер Врионе-паши и вылазку турецкого гарнизона Варны, а два дня спустя, поддерживаемый принцем Евгением Виртембергским, он сам атаковал укрепленный лагерь паши. После падения Варны, 2 октября 1828 г., Николай I пожаловал Бистрому орден Св. Александра Невского.

него и на всех вас я твердо полагаюсь. Еще небольшое усилие, и крепость скоро будет в нашей власти”. Затем, перекрестив меня, добавил: “Да сохранит тебя Бог”. Эти выраженные от души слова навсегда остались врезанными в памяти моей и в сердце»⁶⁷, — писал Веригин.

Когда 29 сентября, после 3-месячной осады, Варна капитулировала, Николай I с корабля «Париж» прибыл в лагерь графа Воронцова и поздравил с взятием крепости войска, выстроенные под ружьем. Затем император приблизился к туркам, которые все были еще в полном вооружении. Через переводчика он поговорил с некоторыми из них. Лукьянович отмечал, что «мусульмане не могли поверить, что с ними говорит великий монарх Севера: их изумляла простота его обращения, его приветливость с нами и милосердное внимание к ним, несчастным жертвам упорного деспотизма»⁶⁸. Офицеры со своей стороны также дивились «Его доверию к Промыслу». Вскоре явился и Юсуф-паша Сересский со своей свитой: «разноцветные шубы, чалмы, конские уборы с кистями и погремушками, беспорядок этой пестрой толпы — все составляло разительную противоположность с русскими войсками»⁶⁹. Глебов свидетельствовал, что турки полагали, что граф Дибич, который был тогда в полном генеральском мундире, и есть русский государь, и не хотели верить, когда офицеры им указывали на императора⁷⁰.

30 сентября состоялся торжественный молебен, который «никогда не изгладится из памяти» русских воинов, когда «с рассветом дня полки с распущенными знаменами, с барабанным боем собрались с разных сторон на молебствие по случаю покорения крепости Варны, которой разрушенные обгорелые стены чернелись вдали»⁷¹. По окончании молебна император подъехал к лейб-гвардии Саперному батальону и собственноручно повязал на его знамя офицерский Георгиевский крест. «Каждый полк был чем-либо приветствован от монарха»⁷², — сообщал Лукьянович. Обойдя все войска, Николай I вторично обратился к саперам со словами: «Поздравляю вас с Георгиевским знаменем; вы мне, старому товарищу, доставили этот прекрасный праздник». «Батальон восторженно отвечал своему августейшему шефу»⁷³, — с гордостью вспоминал Фелькнер.

30 сентября в 11 час. утра из Варны на корабль «Париж» явились греческий митрополит с богатыми и влиятельными жителями города, с хлебом и солью, «поздравившие государя с покорением Варны. При этом митрополит благословил монарха иконой Пресвятой Богородицы и предложил ему эту икону в дар. Государь принял их очень милостиво и объявил им, чтобы они обратились с просьбой о нуждах своих в созданный Комитет. В компетенцию этого Комитета входило изыскание средств для улучшения состояния города и обеспечения участи его жителей. В это же время император подарил митрополиту богато украшенный бриллиантовый крест, приказав тут же выдать ему 500 червонцев на исправления церквей, пострадавших во время осады»⁷⁴, — свидетельствовал И.В. Ботьянов.

Николай I пожелал осмотреть Варну, поэтому город постарались спешно привести в порядок, очистив от «мертвых тел и нечистот, оставленных неприятелем на улицах не зарытыми». «1 октября государь в сопровождении адмирала Грейга, всего своего штаба и иностранных посланников, с присоединившимся великим князем Михаилом Павловичем и графом Воронцовым имел торжественный въезд в Варну», — сообщил Ботьянов. Генерал-майор П.Я. Купреянов в своих записях передал слова Николая I, который, въезжая в крепость через широкий пролом, сказал: «Смерть короля Владислава отомщена»⁷⁵.

В Варне Николай I прежде всего отправился в церковь, «чудесным образом уцелевшую от разрушений». «Церковь была маленькой, очень старой и темной, она была спрятана в глубине двора. Эта церковная служба посреди смерти и разрушений мусульманской страны в греческой святыне, находившейся под властью полумесяца, была величественной и несколько меланхоличной, она оставила у меня глубокое впечатление»⁷⁶, — вспоминал Бенкендорф. Император повелел «выдать еще 500 червонцев митрополиту для вспоможения жителям, пострадавшим от осады. По окончании осмотра крепости, государь сделал распоряжение о приведении ее в хорошее состояние. Слухи прошли, что султан приказал отвоевать Варну у нас во что бы то ни стало»⁷⁷, — записал Ботьянов.

Прапорщик лейб-гвардии Гренадерского полка В.М. Еропкин также вспоминал об этом дне: «Играли марш из “*Dame Blanche*”*, который раздавался в улицах крепости; христиане бросались на колени перед государем и кричали нам: “братья, братья”»⁷⁸.

На 4-й день после занятия крепости, 2 октября, после 35-дневного пребывания на флоте, Николай I перешел на 100-пушечный линейный корабль «Императрица Мария» и отправился в Одессу. Во время плавания разыгралась буря, ветром и течением поврежденный корабль несло к югу. По свидетельству князя Н.С. Голицына, Николай I на палубе иногда давал советы, как управлять кораблем. Капитан Папахристо**, небольшого роста, но отважный моряк-грек, смело сказал государю, что по морскому уставу единственным и полным хозяином на корабле является его капитан, ответственный как за целостность корабля, так и за жизнь всех находящихся на нем, а в этом случае особенно — за жизнь самого императора. Поэтому он попросил довериться ему и предоставить право самому командовать на корабле. Николай I признал справедливость этого замечания и уже больше не вмешивался в управление кораблем. Капитан же велел привязать себя к большой мачте и с рупором в руках отдавал команде нужные приказания. Несмотря на полученные повреждения, «Императрица Мария» благополучно достигла Одессы⁷⁹.

Фонтон же эту историю рассказал иначе. Буря, по его словам, «дошла до такой свирепости», что не виделось иного выхода, как войти в Босфорский пролив и оказаться в плену у турок. «Командир корабля папа Христо имел достоинство не скрывать этого от императора, который принял это известие со свойственным ему мужеством духа» — «потомок Петра показался в несчастье достойным предка». Некоторое сходство с царем флигель-адъютанта Александра Аркадьевича Суворова, князя

* Марш Кавалергардского полка (1826) из оперы Франсуа Адриена Буальдьё «Белая дама» (1825).

** Папахристо Григорий Аргирович (1780–1848), вице-адмирал, участник русско-турецкой войны 1806–1812 гг., русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Кавказской войны. В 1826 г. капитан 2-го ранга, командир 35-го флотского экипажа и строившегося линейного корабля «Императрица Мария», с января 1829 г. капитан 1-го ранга, с 1835 г. контр-адмирал.

Италийского, графа Рымникского, позволило предложить следующий вариант спасения императора: выдать Суворова за Николая I и потом найти способ отправить его в качестве офицера в Петербург. К счастью, все обошлось. «И, слава Богу, — добавлял Фонтон. — Царю русскому следует посетить Царьград, когда Софийская мечеть опять будет храмом Св. Софии. Боюсь, однако же, что долго следует ждать»⁸⁰, — заключал Фонтон.

В «Воспоминаниях» Бенкендорфа таких любопытных нюансов нет. Бенкендорф писал, что все члены свиты улеглись в гамаки, и только император, граф Потоцкий* и он сам оставались на ногах. Им приходилось страховаться, чтобы передвигаться по кораблю, и кричать друг другу в ухо, чтобы услышать что-либо при страшном ветре. «Всегда сдержанный и снисходительный император» высказал Бенкендорфу только «небольшой упрек» за то, что он посоветовал «довериться опасностям мореплавания вместо того, чтобы передвигаться по суше»⁸¹.

После падения Варны русские войска выступили на зимние квартиры за Дунай — сначала гвардия эшелонами, а потом и 2-й пехотный корпус со всей кавалерией. «Возвращались, мы шли грязно, холодно, но спокойно...»⁸², — записал офицер Егерского полка. Отход от Шумлы и Силистрии русских войск и переправа через Дунай проходили в тяжелейших условиях разбушевавшейся стихии. «Количество умерших от холода и военных тягот солдат и окончание кампании — все несло на себе отвратительный отпечаток разгрома и поражения»⁸³, — констатировал Бенкендорф. Потери были огромны. «Армия в эту кампанию лишилась 16 генералов и около 1 500 штаб- и обер-офицеров»⁸⁴, — отмечал Энгельбах. Он служил в 1-й Конно-егерской дивизии. 12 июня 1828 г. эта дивизия из Курской губернии прибыла в лагерь Главной армии при Карасу «в составе 3 200 человек на коне с 2 конными ротами и 24 орудиями». Она находилась у Шумлы, а после снятия блокады с боями отошла к Силистрии. «При вступлении на зимние квартиры дивизия представляла 300 человек на коне с 6 орудиями»⁸⁵.

* Потоцкий Станислав Станиславович (1787–1831), граф, генерал-майор (1813), генерал-адъютант (1817), в 1828 г. получил чин тайного советника и назначен обер-церемониймейстером Высочайшего Двора.

В своих воспоминаниях и записках офицеры старались выявить упущения, просчеты, недочеты при подготовке и проведении кампании 1828 г., в результате чего русская армия несла огромные потери не столько от сражений с неприятелем, сколько от плохой организации и болезней. Размышления офицеров адресовались, в первую очередь, генералитету русской армии. Имя императора не задевала и тень критики, что объясняется не только верноподданныческими чувствами офицеров, но и той высокой репутацией, которую сумел завоевать Николай I во время кампании 1828 г.

Рассмотренное эпистолярное наследие русских офицеров, участников русско-турецкой войны 1828–1829 гг., убедительно свидетельствует о том, что Николай I заслужил их любовь и уважение своим высоким и ответственным отношением к воинскому долгу, оказанной храбростью, профессионализмом и инженерными познаниями, а также отеческим вниманием к больным и раненым, щедростью в наградах, милосердием в отношении к поверженному врагу. Офицеры свидетельствовали, что присутствие императора на театре военных действий оживляло всех «надеждой и весельем»⁸⁶. Без сомнения, чувства офицеров к своему императору были искренни, поскольку зиждились на прочной основе разделенных вместе военных трудов и тягот бивачной жизни кампании 1828 г., а также триумфа первых побед над турками и торжества капитуляции Варны.

Примечания

¹ *Тарасов Б.Н.* Рыцарь самодержавия. Черты правления Николая I // Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. Т. 1. М., 2000; *Соловьев П.К.* Николай I и «петровская легенда»: общество, власть, личность // Освободительное движение в России. Вып. 18. Саратов, 2000. С. 52–60; *Миронос А.А.* «Просвещенная бюрократия» и наука в социокультурном контексте Николаевского времени // Николаевская Россия: власть и общество. Материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха. Саратов, 26–27 апреля 2002 г. Саратов, 2004; *Соловьев В.М.* Русская культура с древнейших времен до наших дней. М., 2004; *Высочков Л.В.* Николай I. М., 2006; *Шевченко М.М.* Историческое значение политической системы императора Николая I: Новая точка зрения // XIX век в истории России. Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация. М., 2007. С. 281–302; *Боханов А.Н.* Рыцарь на троне: император Николай I и

его эпоха // Русский журнал. 2007. № 6. С. 80-87; *Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб, 2009; *Ружицкая И.В.* «Просвещенная бюрократия» (1800–1860-е гг.) [о П.Д. Киселеве, Д.Н. Блудове, М.А. Корфе]. М., 2009.

² *Сапронов П.А.* Русская культура IX–XX вв. Опыт осмысления. СПб, 2005. С. 595.

³ Там же. С. 595, 599, 600–601.

⁴ *Жидков В.С., Соколов К.Б.* Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб, 2001. С. 6–7.

⁵ *Сапронов П.А.* Русская культура IX–XX вв. С. 599.

⁶ *Высочков Л.В.* Указ. соч. С. 352.

⁷ Ф.П. Фонтон довольно обстоятельно представил иностранных представителей: «Можно сказать, тут вся Европа». Французский посланник герцог де Мортемар Казимир Луи, принц Тоннэ-Шарант. «С ним полковник граф Сэн Альдегонд и огромная свита молодежи, принадлежащей старой Франции, между которыми громкие имена Крюсоль и Ларош-Жакэлэн». Посол австрийский Ф. Гессен-Гомбургский, австрийский фельдмаршал, ландграф Гессен-Гомбурга (1839–1846), «с многочисленными белыми, серыми и коричневыми мундирами». «Посланник прусский Шелер и генерал-адъютант короля граф Ностиц со множеством синих мундиров». Датский посланник граф Бломе (Блом), генерал от кавалерии датской службы, «знанный всем за красный мундир», министр иностранных дел Ганновера граф Дёрнберг, генерал-лейтенант ганноверской службы, министр финансов и иностранных дел Ганновера. См.: *Фонтон Ф.П.* Воспоминания Фонтон. Юмористические, политические и военные письма из Главной квартиры Дунайской армии. 1828–1829. Т. 1. Лейпциг, 1862. С. 73–74.

⁸ В «Отечественных записках» при написании фамилии П.П. Должикова была допущена ошибка – П. Должников.

⁹ В 1827 г. Должиков прислал в Общество сведения о находящихся в Черниговском городском магистрате грамотах, универсалах, а также известия о двух летописях, хранившихся в библиотеке Черниговской семинарии. В 1832 г. в Общество «от соребнователя, 19-го Егерского полка штабс-капитана Должикова из Варшавы» пришло «письмо о памятнике язычества и каменосечного искусства славян вислянских с приложением бронзовой медали древнего мизийского города Марцианополиса, развалины коего находятся в Болгарии, вблизи крепости Варна» // Труды и летописи ОИДР. Ч. VIII. М., 1837. С. 174.

¹⁰ Биографические сведения взяты в большинстве случаев из «Русского биографического словаря» (в 25-ти томах), который издавался Санкт-Петербургским Императорским Русским историческим обществом под наблюдением его председателя А.А. Половцова с 1896 г. по 1918 г.

¹¹ *Макавеев А.* Извлечение из походных записок русского офицера, веденных во время войны с турками в 1828 и 1829 годах // Военный сборник (далее – ВС.) 1860. Т. 11. № 2. С. 463.

¹² *Лукьянович Н.А.* Описание Турецкой войны 1828 и 1829 годов. Ч. 1. СПб, 1844. С. 113.

¹³ Дубецкий И.П. Записки Иосифа Петровича Дубецкого // Русская старина (далее – РС.). 1895. Ч. 2. № 5. 1828 г. С. 87.

¹⁴ *Фонтон Ф.П.* Указ. соч. С. 74.

¹⁵ *Пуццоло П.Л.* Воспоминания кавалерийского офицера // Современник. 1854. № 7–8. С. 91.

- ¹⁶ *Глебов П.Н.* Воспоминания армейского офицера // Отечественные записки (далее — ОЗ.). 1839. Т.4. № 7. С. 236–237.
- ¹⁷ *Купреянов П.Я.* Действия Праводского отряда в 1828–1829 гг. (Посмертные записки генерала Купреянова с планом) // ВС. 1875. Т. 101. № 2. С. 160.
- ¹⁸ *Симанский Л.А.* Походные записки за 1828 г. от 29 мая, т.е. от поступления полков бригады в действие против неприятеля в отряде генерал-лейтенанта князя Мадатова, генерал-лейтенанта Ридигера и генерал-майора Акинфиева // Журнал Русского военно-исторического общества. 1911. Кн. 3. № 3. С. 11.
- ¹⁹ Там же. С. 16.
- ²⁰ *Купреянов П.Я.* Указ. соч. С. 162.
- ²¹ *Фонто́н Ф.П.* Указ. соч. С. 99.
- ²² Там же.
- ²³ *Лукьянович Н.А.* День под Варною (Отчет другу). // Сын отечества и Северный архив (далее — СОСА.). 1830. Т. 10. № 7–12. С. 264–264.
- ²⁴ *Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. 1802–1837. М., 2012. С. 368.
- ²⁵ *Купреянов П.Я.* Указ. соч. С. 161–162.
- ²⁶ *Тучков П.А.* Главные черты моей жизни. Записки генерал-адъютанта Павла Алексеевича Тучкова // РС. 1881. № 11. С. 480.
- ²⁷ *Бенкендорф А.Х.* Указ. соч. С. 368.
- ²⁸ *Фонто́н Ф.П.* Указ. соч. С. 60.
- ²⁹ *Бенкендорф А.Х.* Указ. соч. С. 372.
- ³⁰ Там же. С. 374.
- ³¹ *Глебов П.Н.* Указ. соч. С. 228.
- ³² *Фонто́н Ф.П.* Указ. соч. С. 66–67.
- ³³ *Бенкендорф А.Х.* Указ. соч. С. 374.
- ³⁴ Фонто́н ошибался, когда писал, что Тучков в 1828 г. был полковником, а Бенкендорф графом.
- ³⁵ *Фонто́н Ф.П.* Указ. соч. С. 72–77.
- ³⁶ *Тучков П.А.* Указ. соч. С. 482.
- ³⁷ Там же. С. 483.
- ³⁸ *Симанский Л.А.* Указ. соч. С. 23.
- ³⁹ Там же. С. 41–43.
- ⁴⁰ *Бенкендорф А.Х.* Указ. соч. С. 377–378.
- ⁴¹ Там же. С. 378.
- ⁴² Там же. С. 379.
- ⁴³ Там же. С. 379.
- ⁴⁴ *Симанский Л.А.* Указ. соч. С. 48.
- ⁴⁵ Там же. С. 380–381.
- ⁴⁶ Там же. С. 382.
- ⁴⁷ *Глебов П.Н.* Осада Варны в 1828 г. // ОЗ. 1843. Т. 29. № 7–8. С. 58.
- ⁴⁸ *Бенкендорф А.Х.* Указ. соч. С. 387.
- ⁴⁹ Там же. С. 387–388.
- ⁵⁰ *Ботьянов И.В.* Пребывание императора Николая Павловича на Черноморском флоте в 1828 г. // Морской сборник. 1869. Т. 103. № 8. С. 3.
- ⁵¹ *Бенкендорф А.Х.* Указ. соч. С. 389.

- ⁵² Там же. С. 14.
- ⁵³ *Фелькнер В.И.* Из воспоминаний бывшего гвардейского сапера о Турецкой войне 1828 г. // Инженерный журнал. 1865. № 5. С. 141.
- ⁵⁴ *Фонто́н Ф.П.* Указ. соч. С. 145.
- ⁵⁵ *Фелькнер В.И.* Указ. соч. С. 139.
- ⁵⁶ *Высочков Л.* Николай I. С. 46.
- ⁵⁷ *Фелькнер В.И.* Указ. соч. С. 140.
- ⁵⁸ Там же. С. 140–141.
- ⁵⁹ *Ботьянов И.В.* Указ. соч. С. 3.
- ⁶⁰ *Фелькнер В.И.* Указ. соч. С. 160.
- ⁶¹ *Лукьянович Н.А.* Описание Турецкой войны 1828 и 1829 годов. Ч. 2. СПб, 1844. С. 106–107.
- ⁶² *Фонто́н Ф.П.* Указ. соч. С. 171.
- ⁶³ *Фелькнер В.И.* Указ. соч. С. 191.
- ⁶⁴ *Веригин А.И.* Воспоминания об осаде Варны // РС. 1879. Т. 24. № 3. С. 512–513.
- ⁶⁵ Там же. С. 513.
- ⁶⁶ Там же. С. 514.
- ⁶⁷ Там же. С. 523–524.
- ⁶⁸ *Лукьянович Н.А.* Три месяца за Дунаем // СОСА. 1833. Т. 33. С. 228–229.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ *Глебов П.Н.* Воспоминания. Письмо первое. 1828. // СОСА. 1834. № 44. С. 599.
- ⁷¹ *Лукьянович Н.А.* Три месяца за Дунаем. С. 236.
- ⁷² Там же. С. 238.
- ⁷³ *Фелькнер В.И.* Указ. соч. С. 191.
- ⁷⁴ *Ботьянов И.В.* Указ. соч. С. 29.
- ⁷⁵ *Купреянов П.Я.* Указ. соч. С. 177.
- ⁷⁶ *Бенкендорф А.Х.* Указ. соч. С. 393.
- ⁷⁷ *Ботьянов И.В.* Указ. соч. С. 30.
- ⁷⁸ *Еропки́н В.М.* Мои воспоминания о Турецкой кампании 1828 г. // Русский архив. 1877. Кн. 3. № 12. С. 413.
- ⁷⁹ *Голицын Н.С.* Записки князя Н.С. Голицына // РС. 1881. № 9. С. 110.
- ⁸⁰ *Фонто́н Ф.П.* Указ. соч. С. 196.
- ⁸¹ *Бенкендорф А.Х.* Указ. соч. С. 398.
- ⁸² 25 лет лейб-гвардии в Егерском полку (из записок старого егеря) // ВС. 1877. № 2. С. 400.
- ⁸³ *Бенкендорф А.Х.* Указ. соч. С. 396.
- ⁸⁴ *Энгельбах А.Ф.* Воспоминания о действиях 1-й конно-егерской дивизии в Турецкой кампании 1828 года // ВС. 1858. Т. 2. С. 367.
- ⁸⁵ Там же. С. 337, 379.
- ⁸⁶ *Глебов П.Н.* Воспоминания армейского офицера. С. 228.

*Виктор Иванович
КОСИК*

БАЛКАНЫ: ОТ НИКОЛАЯ I ДО НИКОЛАЯ II

*Посвящается памяти
Александра Львовича Погодина*

Один эпиграф

Краткость — сестра таланта. Иногда пригодная для истории.

Одно напоминание

В начале 1830-х годов, когда в Смирне произошел переворот и возникла угроза Константинополю со стороны бунтовщиков, русский десантный отряд высадился на Босфоре и занял оборону на его азиатском берегу, в долине Ункиар-Искелесси. Там же был поставлен российскими солдатами памятник: «В память Олега полки Николая». Потом все же решили не дразнить турок и ограничились надписью даты рождения государя: «Июня 25-го дня 1833 года». На этот день пришлось и подписание известного Ункиар-Искелессийского договора, по которому Россия значительно укрепляла позиции в Османской империи. После отплытия наших судов на родину турки высекли на камне и свою надпись: «Сей отломок скалы воздвигнут в память пребывания русских войск гостями в этой долине. Да уподобится дружба между обеими державами твердости и постоянности камня сего, да будет она долго воспеваема устами друзей»¹. Однако дружба в политике — вещь непостоянная.

Одна тривиальность

Если XIX век принято гордо именовать временем национальных движений, то для России это будет время, когда, по словам профессора Виктора Георгиевича Карасева (1922–1991), Балканы стали камнем на шее России. Я бы сказал несколько иначе: Балканы — это крест России, принесшей себя в жертву славянам. По-иному и трудно представить другую историю великой православной державы, самодержцы которой неоднократно вступались за своих «меньших» братьев.

Итак, сама политическая история самих балканских православных стран, политика России на Балканах неоднократно были и являются предметом исследований историков, прежде всего славянских. Свое горькое слово здесь сказал и Ф.М. Достоевский². Оно известно всем и может восприниматься как пророческое в определенных ситуациях. Однако его трудно «подверстать» под всю историю балканских славян.

Итак, для начала небольшая зарисовка с цитатами о наших императорах.

Пожалуй, наиболее интересными очерками в этой сфере являются две статьи русского эмигранта, жившего в Белграде, историка Александра Львовича Погодина (1872–1947).

Если для «прогрессистов» Николай I — «жандарм Европы», «душитель свободы», то для сербов — покровитель и защитник возрождавшейся сербской государственности. Достаточно вспомнить Аккерманскую конвенцию (1826 г.) и Адрианопольский договор (1829 г.).

Имя русского императора славилось в стихах черногорского владыки Петра II Петровича Негоша — «Пустынник Цетинский» (1834 г.). Для него русский император — «Марс славянства», «царь славянского Олимпа». Завершая свою оду, поэт пишет: «Будь здрав, царь славян. Все твои враги с тревогой взирают на тебя. Защити своих детей — славян, разгони

всех их врагов». Не менее вдохновенны строки Негоша по случаю рождения наследника Александра Николаевича: «Живи и здравствуй, будь восстановителем и щитом славянских прав, как твой доблестный отец. Расти скорее, Александр, солнце славянского племени. Ты, верховная глава всего света, озаришь нас и согреешь свободой»³.

Погодин прав, когда замечает, что все эти оды поддерживали в читающем сербском народе веру в Россию — щит славянства, в единоверный и единоплеменный, единоплеменный русский народ.

Николай I славился и в «Песнях новых всепресветлейших и самодержавнейших императорских величеств всероссийских, то есть: Петра Великого, Екатерины II, Александра I и Николая I» одного из создателей сербской литературы Иоакима Вуича, величавшего русского императора могущественным защитником, покровителем славянства⁴.

Но прекраснотушие хорошо для од, юбилеев, дам; в политике же все гораздо прозаичнее, там бал правят идеи, нередко плохо уживающиеся между собой, совсем противные друг с другом.

Так, сербы не раз выступали против курса императора в Восточном вопросе, вернее, в Славянском. Известен отход уставобранительской Сербии от России, когда перемена режима происходила без ее согласия (возведение на сербский престол в 1842 г. Александра Карагеоргиевича, вместо недолго правившего Михаила Обреновича).

В 1841 г. белградская газета «Србске народне новине» поместила статью. В ней были и такие строки: «Я признаю, говорит автор, что русский любит серба, но как любит хозяин слугу, в преданности и услужливости которого уверен. Я признаю, что русский трактатами с Турцией повысил положение Сербии, но я бы хотел, чтобы сербы в этот момент ... сделали один чрезвычайный шаг и протестовали против всяких благодеяний. Тогда Россия выполняла средствами Сербии свой рассчитанный на столетия план «ослабления Турции», и когда ее орел не мог своим клювом ударить по башне св. Софии, он желал хотя бы раскинуть свои покровительствующие крылья

от Черного моря до Авалы*. А это покровительство является наполовину владычеством... И если бы когда-нибудь был поднят вопрос о независимости Сербии, то ей было бы легче освободиться от турецкого ярма, нежели от русской дружбы»⁵.

Парижский мир 1856 г. открыл широкое поле для различных влияний. Россия перестала быть державой-покровительницей и стала одной из великих держав, заинтересованных в судьбах Османской империи. Но народ в своей массе сохранял традиционную веру в Россию.

Имя нового императора, Александра II, всплыло в прессе в связи с польским восстанием 1863 г., как доказательство восстановившейся мощи России (почти вся сербская печать сразу или постепенно поддержала Россию), и в связи с Великими реформами. В 1864 г. в новисадском «Србобране» была помещена заметка, в которой с восхищением говорилось о деятельности русского царя: «Он стремился исправить и привести в порядок благими мерами то, чего его отец хотел достигнуть силой и гордым самодержавием»⁶.

Русскому царю было посвящено несколько од и славословий (например, в 1866 г. — «На глас сречного избавления Неговог величанства цара Русског Александра II»⁷). В Сербии никогда не забывали, что только Россия всегда была против турок.

Хотя не следует забывать, что «вечная благодарность», случается, «надоедает» и взоры обращаются в другую сторону.

В истории известен период, когда Белград «променял» Москву на Вену. Я говорю о Милане Обреновиче, время правления которого (1868—1889) связано с охлаждением русско-сербских отношений.

Здесь можно вспомнить и другой сюжет, а именно, Первую мировую войну и вступление в нее России под флагом защиты сербского государства. Был ли прав Николай II, выбрав для страны войну? Труднейший вопрос, который для меня остается открытым, учитывая миллионы русских солдат, отдавших свои жизни на фронтах войны, в том числе и в боях с болгарями, и, главное, уход с политической карты мира самой царской России, расстрел царя.

* Авала — гора в Сербии, в 15 км от Белграда.

А что Сербия? Она спаслась, вошла в число стран-победительниц и поставила в центре Белграда, на Калемегдане, памятник в благодарность Франции, а русским «достался» памятник на кладбище. Впрочем, в год столетия начала Великой войны в Белграде открыт памятник Николаю II. Но Россию уже не вернешь.

Теперь немного о «родных неприятелях» сербов — болгарях. Для болгарского народа имя России также было священным.

В болгарских землях вера в мессианское предназначение России обернулась не только формированием образа освободителя «дядо Ивана» (в годы царствования Николая I гораздо чаще можно было услышать — «дядо Никола»), но и возникновением мнения об особом характере болгаро-русских отношений.

Эти прорусские симпатии особенно ярко проявились во время русско-турецких войн.

Традиционные настроения постепенно меняются после поражения России в Крымской войне. Многие из русофилов уже не хотят таковыми называться. Облегчения участи страны ищут даже в милости султана, в смене религии, в восстании. Вера, надежда и любовь к России пошатнулись — особенно в политизированной интеллигенции, настойчиво искавшей свой путь к национально-церковному освобождению страны и собиранию исторических земель.

Но в то же время Россия оставалась для болгар страной, где они получали образование. Именно болгарские студенты представляли наиболее многочисленный «отряд», по сравнению с другими учащимися из южнославянских стран. За период от Крымской кампании до Освобождения в российских учебных заведениях получило образование 267 болгар⁸. Известный болгарский историк Н. Генчев писал, что четыре пята болгарских учителей были подготовлены в России⁹.

И тем не менее, все это не означало, что только вместе с Россией болгары видели путь к освобождению. Приведу любопытный монолог одного из болгарских учителей из статьи К.Н. Леонтьева «Панславизм и греки» (1873 г.): «Без турок, в настоящее время и надолго, мы слабее всех на свете, вместе с турками мы сильнее и греков, и сербов, ибо нас *больше*, ибо

мы все *вместе райя*, и не разбиты ни как греки, на *две половины*, турецкую и свободную, ни как сербы, на *четыре* части: турецкую, австрийскую, черногорскую и белградскую. Мы никогда не бунтовали, как греки и сербы, мы *сознательно* не хотели помочь им во время их движений. Поэтому мы имеем право на доверие правительства. У нас нет независимых центров, вроде Цетинья, Афин и Белграда, из которых, при случае, может грозить туркам война; у нас нет *династий* своих, нам *не-чего* присоединять к независимому центру; у нас нет ни Крита, ни Боснии, ни Эпира, ни Фессалии, ни Герцеговины. Мы все вместе *райя*. Да здравствует же Абд-Уль-Азис-хан, султан наш и *царь болгарский!*

— Что делать, мы свыклись с турками, — сказал мне, смеясь, однажды, еще третий болгарин. — Как-нибудь проживем. Этнография же говорит, что мы отчасти одной породы с ними»¹⁰.

Подобные настроения нашли и свое документальное подтверждение в известном меморандуме Болгарского тайного центрального комитета султану (1867 г.). Суть этого любопытнейшего письма-обращения заключается в предложении по оформлению турецко-болгарской монархии, «в рамках которой создать болгарское конституционное царство со своим Народным собранием, собственной армией под командованием болгарских офицеров и отдельной болгарской администрацией; во главе дуалистической монархии должен был стоять султан, и к его титулу падишаха прибавлялся титул «царь болгар»»¹¹.

Повторю, далеко не все болгары мыслили будущее своей страны в единстве с иноверцами. Это удел интеллигентов.

Народ — другое дело. Достаточно вспомнить русско-турецкую войну 1877–1878 гг., когда русские воины сражались вместе с болгарскими братьями, когда русские участвовали в строительстве новой, освобожденной Болгарии.

Во власти, в политике жили тогда, и продолжают существовать сейчас, два течения — русофильское и русофобское.

Русофильство было особенно популярно в доосвободительский период Болгарии, когда на Россию возлагались надежды на освобождение болгарского народа от турецкого владычества.

«Расцвет» русофобства пришелся на время разрыва русско-болгарских отношений. Представляется, что если феномен русофильства в основном характерен для болгарского народа, то русофобство имело большее хождение среди болгар, готовых делать ставку на то, что выгодно, что помогает сохранить власть.

В то же время хочу подчеркнуть следующее: оба эти феномена связаны не только с любовью или нелюбовью к России, но и с самим политическим курсом, дипломатией Российской империи. В ней видели силу, которая должна быть поставлена на службу интересов братского болгарского народа, всего славянства. Если этого не наблюдалось — усиливалось русофобство.

И еще одно замечание: и русофильство, и русофобство характерны для страны, только встающей на путь своего государственного развития, когда молодая государственность нуждается в помощи и опекунстве, с одной стороны, когда набирающий силы национализм с его лозунгом «Болгария для болгар» ищет опору для освобождения от плотного опекунства бывших освободителей в других странах.

И небольшой прыжок в современность: оба эти течения благополучно бытуют и сейчас на Балканах.

Для некоторых болгар настоящая свобода страны связана с уничтожением в душе «дядо Ивана», с искоренением всего русского. Для других — Россия по-прежнему остается силой, способной помочь Болгарии сохранить свое славянство.

И если с освобождением у России все получалось хорошо, то с опекунством плохо. Именно из-за «плохого» опекунства, держания Болгарии «на коротком поводке» ширились явления русофобства.

Повторю, если русофильство имело более мощную корневую базу, связанную с культурой, этносом, традицией, то русофобство возникало на политической почве, когда, как писал осенью 1885 г. русский дипломатический агент в Софии А.И. Кояндер, все хорошее приписывалось болгарским властям, а все плохое — России¹².

В качестве иллюстрации нравов можно привести пример, когда Андрей Ляпчев, будущий видный государственный де-

ятель Болгарии, примкнувший после детронации первого болгарского князя в 1886 г. Александра I Баттенберга к русофобскому лагерю, в котором выделялись З. Стоянов, Д. Петков, Д. Ризов, организовал банду, которая подстерегла около Пловдива первого премьер-министра свободной Болгарии Т. Бурмова и нанесла ему побои только за то, что он «ходил в Россию продавать Болгарию»¹³.

Тогда именно Европа, точнее, Вена, «подарила» болгарам нового князя — Фердинанда из дома Кобургов. Для Болгарии и Австро-Венгрии Фердинанд был гораздо более приемлемой фигурой, нежели навязываемая Петербургом фигура русского подданного князя Н.Д. Мингрели, проваленного в Софии, по-прежнему, опасавшейся превращения страны в «Задунайскую губернию» России. Выступая своеобразным спасителем от «русской угрозы», Фердинанд надеялся, что болгары будут отстаивать его, защищая свой суверенитет. Именно «русская опасность» заставила Софию поспешить с возведением на трон самовыдвиженца Фердинанда. Замечу, что болгарский монарх «мешал» не только царю. Он начинал действовать на нервы и фактическому властителю страны Ст. Стамболову, который ради «независимости» страны от той же России, жертвовал «свободой», свирепо подавляя инакомыслие, преследуя русофилов.

В своем русофобстве Стамболов был весьма жесток. Так, получив известие о распространении холеры в России (начало 1890-х годов), он якобы произнес, что туда надо было бы еще и чуму.

И в то же время политическое русофобство Стамболова могло закончиться гораздо раньше. Будучи умным политиком, он не мог не понимать, что рано или поздно Фердинанд постарается избавиться от него. И в начале 1888 г. русофоб Стамболов хотел превратиться в русофила Стамболова, обещавшего России выдворить князя из страны в обмен на определенные гарантии, в том числе материального характера (известное письмо Стамболова в МИД России от 25 февраля 1888 г.).

Тогда Фердинанда спасли, скорее всего, недоверие русской дипломатии к Стамболову и уверенность в том, что выдворение князя устроится без особых денежных затрат.

Тут же следует заметить, что на первых порах своего княжения Фердинанд был для болгар своеобразным символом болгарской независимости, для русских «узурпатором» болгарского престола, для турок — фигурой, вносившей помехи и сложности в международную сферу, прежде всего в русско-турецкие отношения.

В сущности, Фердинанд был своеобразным заложником в сложной игре между Софией и Петербургом. Он все же тогда больше был объектом, нежели субъектом в международных отношениях и только начинал вести свою игру. И попытка отнести его к лагерю русофилов или русофобов была бы некорректной, хотя для Петербурга, не признававшего князя, он был русофобом, захватившим болгарский престол. Несмотря на негласную поддержку Вены и Стамбула, все попытки Фердинанда добиться какого-либо ощутимого продвижения по вопросу узаконивания его прав на престол великими державами терпели неудачу. В сущности, время показывало правоту царского тезиса, что если Россия может обойтись без Болгарии, то последняя не в состоянии обойтись без России.

Даже отстранение от власти Стамболова весной 1894 г. Фердинандом не поколебало позицию императора. Хотя, устраивая отставку «спасителю» Болгарии, оппозиционные силы надеялись, что она положит начало процессу нормализации отношений с Россией, покажет ей, что Болгария встала на путь русофильства. На это рассчитывал и сам Фердинанд, охотно пожертвовав своим «надзирателем». Во главе нового правительства встал К. Стоилов, понимавший необходимость отмены русофобского курса и недопущения грубого произвола во внутренней политике. Долгожданная победа князя была результатом многих факторов, прежде всего осознания необходимости многими видными политическими деятелями Болгарии примирения с Петербургом, невозможности дальше выдерживать «внешнеполитический террор», внутренний террор русофобства.

После 1894 г. бывший русофоб Андрей Ляпчев стал одним из активных пропагандистов болгаро-русского сближения. По его мнению, без примирения с Россией Болгария не мог-

ла зажить нормальной жизнью страны, в которой есть конституция.

Для него, как пишет видный болгарский историк В. Божинов, Россия стала представлять единственную искреннюю заступницу прав христианского населения в Турции (читай в Македонии. — *В. К.*), уже потому, что «только она так гуманна (некоторые бы сказали — наивна)», потому что за освобождение чуждых народов проливала кровь «своих избранных сыновей»¹⁴.

Наступали новые времена и для Болгарии, и для ее князя, награжденного императором Николаем II орденом св. Владимира 1-й степени. Русофобство уходило в тень. Стремясь «ублаготворить» Россию и «утешить» Болгарию, князь в одном из своих выступлений того времени заговорил об «оживляющих лучах восточной зари в противоположность мертвящему зною западного союза»¹⁵.

Из русофоба он стал русофилом. Эта перемена еще раз подчеркивает политическую составляющую этих двух феноменов — русофобства и русофильства.

В 1899 г. один из видных политических деятелей Ст. Данев в отношениях с Россией видел «выражение государственной идеи, будучи убежден в том, что только благодаря им» Болгария «в один прекрасный день получит свои естественные границы»¹⁶.

Да и Болгария была нужна России, царь которой не мог не питать надежд на водружение креста над Святой Софией. Хотя не следует забывать, что для многих в России Болгария была падчерицей, а Сербия — дочерью. Оглядка князя на Вену, дистанцирование Болгарии от России предопределяли осторожность Северной Пальмиры в болгарских делах, но не отстраненность.

Всматриваясь в балканский мир, можно в очередной раз говорить, что в «игре на качелях» были замечены и русские дипломаты, попеременно делавшие ставку на ту или иную сторону, исходя из конкретных условий складывавшейся ситуации.

Тогда императорскую Россию можно было бы сравнить с неким «переходящим знаменем», обладание которым упрочивало положение его держателя на Балканах.

Здесь надо вспомнить и балканский национализм, портивший как хрупкий балканский мир, так и настроения Петербурга, пытавшегося закрепиться на «сумасшедших Балканах», где идеи о прошлом величии и обширности былых владений претворялись в междоусобные боевые схватки за Македонию вплоть до борьбы с бывшей освободительницей в Первой мировой войне.

И если говорить о болгарских националистах, то их неприязнь, недоверие к России, ее политике могли бы быть сконцентрированы в следующих словах-объяснениях:

1. Я люблю Россию, но ненавижу русскую политику.
2. Я люблю Россию, но только когда она не решает свои вопросы за счет меня.
3. Я люблю Россию, но ненавижу самодержавие.
4. А за что я должен любить Россию, если после 1878 г. моя родина оказалась под двойным русско-турецким игом?
5. А за что я должен любить Россию, если она всегда была для меня мачехой?
6. А за что я должен любить Россию, если освобождение ею моей страны связано с оккупацией?
7. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию Македонии.
8. Я ненавижу Россию, потому что она лишила Болгарию ее первого князя.
9. Я ненавижу Россию, потому что я всегда «меньший брат» для нее.

Началась Первая мировая война. Власти в Софии делали самые успокоительные заявления о том, что «Болгария никогда и ни при каких условиях не присоединится к лагерю, воюющему против России, и не займет Македонию или Добруджу», не сговорившись предварительно с Петербургом.

Однако в это трудно было поверить, пока в правительстве заседали лица, не раз заявлявшие о необходимости отхода от России и союза с Австро-Венгрией¹⁷.

Можно напомнить, что в начале августа 1914 г. русское правительство запросило Софию относительно ее планов. И что

же? Как писал позднее Р. Пуанкаре, «король не принял на себя никаких обязательств. Он сослался на свое правительство, с которым он, однако, обычно мало считается. В свою очередь председатель совета министров сослался на короля. Фердинанд и его соратники остаются верны себе. Их двуличие, несомненно, сулит нам сюрпризы»¹⁸.

И в то же время ситуация была слишком сложной, чтобы упрекать только Софию и короля Фердинанда. Так, 1 сентября 1915 г. Россия с союзниками заявили в последний раз Софии, что они готовы гарантировать после победоносной для них войны уступку ей Сербией македонских земель, отошедших Белграду по договору 1912 г. Эта гарантия обуславливалась бы ручательством Болгарии заключить с державами Антанты военную конвенцию относительно вступления в войну с Османской империей¹⁹.

Однако эти обещания рассчитаться после войны, в которую надо вступать сейчас, не устраивали Софию, особенно на фоне побед немецкого оружия.

Болгарскую позицию можно попробовать понять, если знать, что в Софии одну из главных причин своих несчастий болгарские националисты видели в «злокозненности русской дипломатии»: «Россия, — говорят они, — была арбитром между нами и сербами. Ее подпись скрепляла наш договор с ними. И, однако, что сделала она, когда сербы отказались от этого договора и предъявили нам свои ни на чем не основанные требования? Одного ее слова было бы достаточно, чтобы образумить сербов, но она не только не сказала этого слова, но, напротив, устами покойного Гартвига*, как будто поощряла сербские претензии. И когда в результате этих претензий разразилась война, Россия не сделала ничего, чтобы остановить набросившихся на нас турок и молчаливым свидетелем присутствовала при нашем ограблении в Бухаресте и Царьграде. Нас карали за “непослушание”, но сама беспощадность кары доказывала, что дело было не только в непослушании. Нам мстили за дерзкое поползновение на независимость, за Родосто и Адрианополь,

* Н.К. Гартвиг — русский посланник в Сербии (1909–1914).

за наши мечты о “великой Болгарии”, создание которой не входило более в планы русской дипломатии. Нас приносили в жертву “великой Сербии”... Можем ли мы после этого горького опыта доверять России, когда она обещает нам какие-то неопределенные “компенсации, широко отвечающие нашим национальным aspirations?”²⁰.

В Софии были готовы ради успеха дела «национально-го объединения» пойти в «объятия» Тройственного союза. И здесь, безусловно, играло свою роль то обстоятельство, что Россия в войне поддерживала Сербию, соперницу и «обидчицу» болгар в македонском вопросе.

Как писал в начале 1915 г. русский корреспондент И. Калина в «Вестнике Европы», «чаще всего и категоричнее всего болгары объясняют свой нейтралитет и свое безучастие в будущей вокруг них борьбе своею “ненавистью” к Сербии»²¹.

Эйфория побед над сербами настолько охватила Софию, что было решено переименовать храм-памятник Александра Невского (воздвигнут на средства болгарского народа в память царя-освободителя Александра II и всех сложивших свои головы на поле брани русских солдат за освобождение Болгарии) в собор свв. Кирилла и Мефодия.

В то же время говорить о каком-то «девятом вале» русофобства нельзя. Так, 17-й пехотный полк Доростольский Его Императорского Высочества Великого князя Владимира Александровича и 3-й конный полк Ее Императорского Высочества Великой княгини Марии Павловны продолжали сохранять свои наименования.

Хотя все достаточно сложно, учитывая начавшиеся боевые схватки на Балканах русских с болгарами, когда «освобожденные» бились насмерть с «освободителями»²².

И можно даже задать провокационный вопрос: а была ли нужна императорская Россия Балканам?

Да, нужна, следуя известной пословице: «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти».

Это провокация, можно сказать.

Однако она не так страшна, как застывшая история.

Примечания

¹ Феоктистов Е. Эпизод из истории русской политики на Востоке // Русский вестник. Т. 77. М., 1868. С. 606, 615–617.

² Достоевский Ф.М. ПСС в 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 79.

³ Цит. по: Погодин А.Л. Личность и деятельность императора Николая I в сербском общественном мнении его времени // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1934. № 11. С. 53, 54.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Цит. по: Там же. С. 64.

⁶ Цит. по: Погодин А.Л. Император Александр и его время в оценке сербского общественного мнения. Шестидесятые годы // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1936. № 13. С. 7.

⁷ Там же. С. 35.

⁸ Генчев Н. Франция в българското духовно възраждане. София, 1979. С. 231.

⁹ Там же. С. 240.

¹⁰ Леонтьев К.Н. Собр. соч. Т. 5. М., 1912. С. 33–34.

¹¹ Цит. по: Косев Д. Новая история Болгарии. М., 1952. С. 292.

¹² См.: Косик В.И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. С. 160.

¹³ Божинов В. Земното кълбо не престава да се върти, ако ние и да спим. София, 2005. С. 32.

¹⁴ Там же. С. 41.

¹⁵ Цит. по: Мартыненко А.К. Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967. С. 129.

¹⁶ Бербенко К. Политические партии в Болгарии. Прогрессивно-либеральная партия // Славянские известия. № 3. СПб, 1910. С. 222.

¹⁷ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Д. 1353. Л. 227 об.–232.

¹⁸ Цит. по: Айрапетов О.Р. Балканы в стратегии Антанты и ее противников (1914–1918 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 194.

¹⁹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1915. № 11. С. 349.

²⁰ Калина И. Из Болгарии // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 295–296.

²¹ Там же.

²² Шкундин Г.Д. Морально-психологические аспекты русско-болгарского вооруженного противостояния в Добрудже в 1916–1917 гг. // Първата световна война и събитията на Добруджанския фронт. Тутракан, 2011. С. 71–84.

*Искра Васильевна
ЧУРКИНА*

ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНЕ И РОМАНОВЫ (50–60-Е ГОДЫ XIX В.)

Закрепленные источниками отношения между русскими и балканскими славянами восходят к X в., когда русские приняли христианство. Поскольку они приняли его от Византии, то в русские земли двинулись для его распространения византийские миссионеры, в том числе и болгары.

Когда в русском государстве укрепилось христианство, общение между балканскими славянами и русскими увеличилось. В сербских землях русские паломники, шедшие на Афон, способствовали распространению христианства — будущий св. Сава (сын сербского великого жупана Стефана Немани Растко) именно с русскими паломниками отправился на Афон, где принял монашество в русском монастыре св. Пантелеймона. После захвата земель балканских славян турками и падения Константинополя в 1453 г., сербские и болгарские монахи приходили в русские земли и получали там религиозные книги и церковную утварь для своих церквей и монастырей. В то время никаких поползновений со стороны русских государей на укрепление своего влияния на Балканах не было, они стремились прежде всего объединить русские земли в единое государство и освободить их от татарского ига.

Положение изменилось при Иване III. Московский князь сумел объединить русские земли под своим началом и в 1480 г. окончательно освободить их от татарской власти. Иван III женился на византийской принцессе Софии Палеолог и именно под ее влиянием стал рассматривать Балканы как объект русского влияния. Эта тенденция усилилась при Иване IV Грозном, провозгласившем себя русским царем. При нем в обра-

зованных кругах стала укрепляться идея о Москве как третьем Риме. В начале XVII в. Россия пережила трудные времена, связанные с интервенцией в ее пределы поляков и шведов. Во время правления царя Алексея Михайловича (1645–1676), второго представителя династии Романовых, положение России укрепилось настолько, что она смогла присоединить к себе правобережную Украину (1654). При царе Алексее в Россию прибыл хорватский католик Юрий Крижанич. По-видимому, он имел какое-то задание от Папы, однако, будучи горячим хорватским патриотом, мечтал об освобождении своей родины от чужеземного гнета. Он видел единственный путь к этому в объединении славян под властью русского царя. Об этом Крижанич написал в своем трактате «Политика», находясь в ссылке в Сибири, куда он был отправлен царем, подозревавшим, что целью Крижанича являлось склонить русских к унии с Римом. Труд Крижанича знали образованные русские люди, в том числе и сын Алексея Петр I. Именно он впервые обратил серьезное внимание на Балканы. Петр I стремился вывести Россию не только к Балтийскому морю, но и открыть ей доступ к Черному и далее к Средиземному морям. Первую задачу ему удалось выполнить, вторую — нет. Первый Азовский и Прутский походы окончились неудачей. Однако эти южные походы не были для России безрезультатными. Выступление ее против Турции привело к усилению симпатий к России со стороны балканских православных народов, находившихся под властью Османской империи. Первыми из них стали черногорцы, которым после Прутского похода (1711) российское правительство стало ежегодно посылать вспомоществование. Всякое движение на Балканах подвластных Османской империи народов Россия стремилась поддержать и использовать в своих целях. При Екатерине II антитурецкие выступления развернулись в греческих областях, и русское правительство активно их поддерживало. Екатерина II даже написала знаменитый Греческий проект, предусматривавший создание христианской империи на Босфоре во главе с одним из великих русских князей. Греческое освободительное движение поддерживал и Александр I. Когда в начале XIX в. против Османской

империи восстали сербы, они также стали получать ощутимую помощь от России. В борьбе с турками Романовы вплоть до Первой мировой войны старались опереться на подвластные Порте народы, особенно это касалось черногорцев и сербов, которым Россия всегда старалась оказывать покровительство не только как единоверным, но и как этнически близким ей народам. При этом она поддерживала их в самых смелых мечтаниях вплоть до образования независимых государств.

Положение изменилось после Венского конгресса 1814 г., когда Священный союз во главе с Россией провозгласил неизблемость границ, установленных в Европе после победы над Наполеоном. Русский историк XIX в. Н.А. Попов так характеризовал этот период: «Произошла перемена в самой идее, проникавшей отношения России к восточным христианам и южным славянам, а в форме этих отношений русские дипломаты заботятся не столько об их освобождении, сколько об их благосостоянии и внутреннем управлении; от защиты и покровительства Россия перешла к вмешательству во внутренние дела»¹. На это же указывал один из самых горячих поборников помощи славянам со стороны России, русский историк Михаил Петрович Погодин. Он писал накануне Крымской войны записки о неверной политике России, которые ходили по рукам в придворных кругах и которые, как он полагал, должны были дойти до представителей императорской фамилии. В частности, фрейлина жены наследника престола Марии Александровны, дочь поэта Ф.И. Тютчева, Анна Федоровна Тютчева записала в своем дневнике 26 июня 1853 г., что ее отец принес рукопись Погодина. «В этих записках, посвященных нашей внешней политике с начала этого века, — отмечала она, — он доказывает простым изложением фактов и их последствий, до какой степени эта политика противоречила интересам России». Это началось с 1812 г., продолжала пересказ записок Погодина Тютчева, когда Александр I, а затем и Николай I выступили охранителями божественного права государей против «либеральных стремлений народов». «Мы дорого расплачиваемся сейчас за наше стремление служить полицией в Европе, и нас ненавидят, как вообще всегда ненавидят полицию»².

Проводя в жизнь главную идею Священного союза — сохранение статус кво в Европе, Россия удерживала подвластные Османской империи народы от борьбы против турок. Равнодушие русских властей и дипломатии отмечали и сербы. Так, Алекса Симич, один из убежденных русофилов, описывал графине А.Д. Блудовой впечатление боснийского православного священника Павле Карето-Твртковича о своей встрече в начале 40-х годов XIX в. с неким чиновником в петербургской канцелярии графа К.В. Нессельроде, русского министра иностранных дел. Тврткович повсюду в России, от Одессы до Петербурга, встречал участие со стороны русских людей, которые принимали его как брата: «Звали меня на обеды и ужины и одаряли меня щедро все, и малые, и великие, и дворяне, и горожане, и духовенство». «А когда я был в канцелярии графа Нессельроде, — продолжал пересказ впечатлений священника Алекса Симич, — и изложил ему (чиновнику канцелярии. — *И.Ч.*) свою просьбу, я подумал, что я не в России, в Петербурге, а в Стамбуле во дворце султана. Там меня встретил один чиновник не как русский министр, но как султанский чиновник, говоря мне, что мы подданные султана и должны быть покорны ему и что такие жалобы не могут быть приняты в императорском министерстве, и тому подобное, и отпустил меня безо всякой надежды, оставив меня и мое отечество произволу турецкой свирепости»³.

Во время европейской революции 1848–1849 гг. у южных славян как Австрийской, так и Османской империй вновь усилились надежды на Россию, особенно после того, как Николай I, руководствуясь своим правилом поддерживать статус кво в Европе, в апреле 1849 г. двинул русскую армию в пределы Габсбургской монархии для подавления венгерской революции. Вторжение русской армии приветствовали хорваты, в том числе близкий к венскому двору Йосип Юрай Штросмайер, а также воеводинские сербы, у которых в то время велись боевые действия против венгров. По свидетельству настоятеля церкви при российском посольстве в Вене М.Ф. Раевского, к нему приходили многие сербы. «А народ, — писал он графине Блудовой в декабре 1849 г., — уверяю вас, беспрестанно едет ко мне

... Ты наш православный священник, ты русский, тебя слушает патриарх, моли его за нас. Русские, одни русские могут помочь нам. Пиши в синод, пиши к батюшке. Венгерцам помог, нам ли не поможет»⁴. Под «батюшкой» сербы явно подразумевали Николая I. По настоятельному совету Раевского патриарх Раячич направил императору Николаю I письмо с просьбой помочь воеводинским сербам, чьи церкви и дома пострадали во время военных действий с венграми. «Свирепством сих врагов, — указывалось в письме, — 11 храмов божиих ово совсем, ово же отчасти разорены и всех к богослужению потребных утварей и книг лишены». Далее Раячич сообщал, что в результате действий венгров (он их называл врагами. — *И. Ч.*) на сербских землях остались без жилья, одежды и пищи 150 тыс. человек⁵. В ответ на просьбу Раячича российский Синод разрешил собирать пожертвования сербам по всем церквам империи в течение года. Все собранные средства шли сербам через Раевского. Русское общество откликнулось на просьбу патриарха. Всего в Воеводине на средства, пришедшие из России, было восстановлено и отремонтировано 47 православных церквей, более 60 церквей были снабжены богослужебными книгами и церковной утварью, было восстановлено несколько народных школ⁶. Несомненно, сборы средств в пользу церкви не могли состояться без разрешения Николая I. Об этом прямо писал в 1852 г. патриарху Раячичу новгородский митрополит Никанор. Посылая пожертвования со своей митрополии сербам, он указывал, что российский Синод с разрешения императора Николая I приглашал православных сделать посильные пожертвования в пользу сербов⁷.

Разрешение императора было получено благодаря хлопотам ряда придворных и дипломатов, сочувствовавших славянам. Особенно активно действовала в этом направлении графиня А.Д. Блудова, которую поддерживали и некоторые лица из императорской фамилии. Так, согласно ее письму Раевскому от 9(21) января 1850 г., ей передали пожертвования для сербов от великих княгинь: Елены Павловны, жены младшего брата императора Михаила, Александры Иосифовны, жены великого князя Константина Николаевича, Марии Николаевны, дочери

Николая I, а также великой княжны Екатерины Михайловны, дочери Елены Павловны и Михаила Павловича⁸. Именно при поддержке ряда русских высокопоставленных чиновников и членов императорской фамилии графине Блудовой удалось организовать сбор средств для сербов. О разговоре с царем она сообщила Раевскому в письме от 9(21) января 1850 г.: «Стало быть искреннее желание его должно быть, чтобы наши единоверцы остались верными и церкви своей и своему государю: пока они будут повиноваться, может быть и терпеть от своих правителей, они могут быть уверены, что по делам церкви они найдут охотное вспомоществование, буде нужно и защиты. Всегда прямой дорогой надо действовать, явно просить». В этом же письме Блудова подчеркивала, что если австрийское правительство признает сербов мятежными, то русское правительство не станет потакать и мнимым мятежникам⁹.

Как можно видеть, Николай I не отступал от своих убеждений и выступлений подданных против своих государей, будь то австрийский император или турецкий султан, он не одобрял. Однако деятельность тех русских людей, которые сочувствовали славянам, в то время уже не вызывала его отторжения. В письме к Раевскому от 8 (20) июня 1852 г. Блудова замечала: «Очень радуюсь благосклонности нашего великого и возлюбленного государя к вам и знаю, что вы вполне умеете укрепить его милость»¹⁰. Благосклонно относилась к Раевскому и императрица. В письме от 25 февраля 1861 г. обер-прокурор Синода А.П. Толстой благодарил Раевского за присылку сделанного им перевода на немецкий язык собрания православных дневных молитв и сообщал, что императрица «весьма одобряет Ваш труд и желает распространения его между русскими протестантами». Толстой просил Раевского присылать ему и другие его переводы православных текстов на немецкий язык¹¹.

В конце 40 – начале 50-х годов не все представители императорской семьи придерживались взглядов Николая I в отношении славян и международной политики в Европе. М.П. Погодин несколько раз с конца 30-х годов XIX в. побывал в славянских землях Габсбургской монархии и каждый раз по возвращении в Россию писал записки высоким российским

сановникам о положении там славян. Одну из первых своих записок, написанную в 1838 г., он адресовал «Государю цесаревичу великому князю Александру Николаевичу». В ней Погодин описывал положение зарубежных славян, которых, по его подсчетам, было 30 миллионов, «рассыпанных по всей Европе от Константинополя до Венеции и от Мореи до Балтийского и Немецкого (так в XIX в. называлось Северное море. — *И. Ч.*) морей, славян, в которых течет одна кровь с нашею, которые говорят одним языком и, следовательно, по закону природы нам сочувствуют, несмотря на географическое и политическое разлучение, составляют одно нравственное целое с нами по происхождению». Далее Погодин описывал достоинства русских и остальных славян, подчеркивая, что знаменитый славянский поэт Коллар (словацкий национальный деятель. — *И. Ч.*) в поэме «Дочь Славы» предсказывал им великое будущее¹². Несомненно, что Погодин писал эту записку наследнику, зная его сочувственное отношение к славянам.

О сочувствии наследника и недовольстве его политической отца во время Крымской войны свидетельствует фрейлина его жены А.Ф. Тютчева. В своем дневнике 27 октября 1853 г. она сделала следующую запись: «Они (наследник и его жена. — *И. Ч.*) говорили, что Россия никогда не будет у себя хозяйкой, пока не получит Дарданеллы, что естественными союзниками России являются славянские народы, которых во что бы то ни стало нужно вырвать из-под ига Турции и образовать из них самостоятельные государства... Оба с большой горечью высказывались по поводу политической системы, введенной Александром I на основах Священного союза, системы глубоко антинациональной, как показали последствия». Здесь же Тютчева замечала: «Я никогда не упускаю случая довести до сведения великого князя и великой княгини мнения, которые мне приходится слышать в обществе и которые не всегда доходят до них»¹³. Имея в виду близкие дружеские отношения ее отца Ф.И. Тютчева с М.П. Погодиным, можно с определенностью полагать, что погодинские записки, ходившие в рукописном виде в обществе, были хорошо известны великокняжеской чете.

Такое же сочувствие к славянам проявляла великая княгиня Елена Павловна. В 1847 г. она побывала с визитом в Вене и была тронута вниманием к ней М.Ф. Раевского. Особенно Елену Павловну восхитило его богослужение, за которое она наградила его наперсным крестом. В дальнейшем Елена Павловна постоянно через Раевского оказывала помощь славянам. Переписку с ним она вела через свою фрейлину княжну Е.В. Львову. Свои записки о положении в Австрийской империи, которые с 1849 г. Раевский стал доставлять А.Д. Блудовой, он предназначал не только ее отцу графу Д.Н. Блудову, но и лицам императорской фамилии, прежде всего великой княгине Елене Павловне и наследнику престола. В письме от 19 апреля (1 мая) 1853 г. Блудова сообщала Раевскому: «Ваши записки всем понравились — Конст[антину] Николаевичу и Елене Павловне, и, кажется, должны дойти и до наследника»¹⁴. Через графиню Блудову шли и пожертвования сербам Воеводины. Среди жертвователей были также члены императорской семьи. 23 марта 1851 г. гофмаршал двора цесаревича Олсуфьев писал графине Блудовой, что на восстановление разрушенного сербского монастыря Ковиль наследник дал 300 рублей, а великая княжна Мария Александровна — 150 рублей. «Их высочества желают, — добавлял Олсуфьев, — чтобы деяние их было от неизвестных»¹⁵. Через Блудову в 1854 г. от великого князя Константина Николаевича и его жены великой княгини Александры Иосифовны были переданы 400 рублей на проезд из Белграда до Петербурга двух девочек православного вероисповедания для учебы в петербургских учебных заведениях¹⁶.

Таким образом, уже до середины 50-х годов прослеживаются симпатии к славянам со стороны представителей императорской фамилии, которые подкреплялись благотворительными акциями с их стороны.

К середине XIX в. обостряется борьба за влияние на Ближнем Востоке: Англия и Франция стремились вытеснить оттуда Россию. Поводом для войны послужил спор об обладании религиозными христианскими святынями между католиками и греко-православным духовенством. В феврале 1853 г. Николай I потребовал от Порты передачи всех ее православных поддан-

ных под покровительство России. Султан, поддержанный Англией и Францией, отказался это сделать. В ответ Николай I в июле 1853 г. приказал русским войскам перейти реку Прут и занять княжества Молдавию и Валахию, находившиеся в вассальной зависимости от Османской империи. Турки потребовали вывода русской армии из Дунайских княжеств, Россия отказалась это сделать, и Порта объявила ей войну. В ее начале победы одерживали русские войска. Это воодушевило балканских славян. Раевский в письме к А.Д. Блудовой от 12 января 1854 г. сообщал: «Теперь народ в Турции готов к восстанию». Но уже 26 марта он с горечью отмечал, что русское посольство требует удерживать сербов и черногорцев от военных столкновений с турками¹⁷. В своей книге Н.А. Попов, современник тех событий, тоже указывает, что в Сербии, Дунайских княжествах и Греции население приветствовало войну России с Турцией¹⁸.

Все это будоражило тех представителей российской общности и дипломатии, которые сочувствовали славянам и надеялись, что война Турции с Россией приведет к освобождению славян, находившихся под игом Османской империи. М.П. Погодин утверждал в письме к графине Блудовой от 7 декабря 1853 г., что единственными союзниками России являются 10 миллионов славян в Турции и 20 миллионов славян в Австрии, что на сторону России поголовно встанут черногорцы, сербы и босняки, Военная Граница, хорваты, далматинцы, славонцы и др. «Покажите им прекрасную святую цель освобождения от несносного иноплеменного ига, под которым они стонут четыреста лет, умейте управить их силами живыми, могучими, восторженными, и вы увидите, какие чудеса ими сотворятся»¹⁹. В том же духе писал Блудовой и один из идеологов славянофилов Константин Сергеевич Аксаков 7 октября 1854 г., когда уже развернулись военные действия в Крыму. Он подчеркивал, что в настоящее время внутри России борются два элемента: русский и иностранный. Если восторжествует православный дух, преследуемый Нессельроде, то русским будет легко восторжествовать над англичанами, французами, немцами, турками. «Если Россия явится тем, что она есть в сущности, то есть святою Русью, славянскою

державою, предводительницею славянских племен, то победа России несомненна»²⁰.

На основании записок Раевского, писем к Блудовой русских корреспондентов из славянских земель и письма Погодина была составлена записка для императора и наследника. Как определил Е.В. Тарле, автором ее был историк А.Н. Попов, являвшийся чиновником Второго отделения собственной его величества канцелярии²¹. В письме к Раевскому от 8 января 1854 г. Блудова писала, что указанная записка выдержана в русском и православном духе, т.е. «надобности России освободить все племена славянские в нынешнюю войну и с ними вместе громить Царьград, потом составить конфедерацию из Греции, Болгарии и Сербии с Черногорией и Молдавоваляхией по языкам и народностям» под покровительством России. По словам Блудовой, эта записка понравилась Николаю I²².

Однако этим надеждам не суждено было осуществиться. Европейские державы решительно поддержали Турцию. В марте 1854 г. Англия и Франция объявили России войну. Попытка русского правительства заручиться нейтралитетом со стороны своих соратников по Священному союзу Австрии и Пруссии потерпела неудачу. 28 марта 1854 г. они подписали в Вене протокол, в котором предписывали России вывести свои войска из Валахии и Молдавии. В мае 1854 г. турецкое правительство попросило Австрию занять некоторые территории Османской империи, что та и сделала, введя свои войска в Албанию и Боснию. В сентябре 1854 г. в Крыму была высажена англо-французская армия, в сентябре 1855 г., после многомесячной героической обороны, пал Севастополь. Это предопределило поражение России в Крымской войне.

О том, каковы были взгляды Николая I во время войны, свидетельствует письмо графини Блудовой Раевскому от 5 (17) мая 1853 г. В нем она сообщала о своем разговоре с императором. Николай I заявил, что Россия не желает захватить Сербию и не позволит это сделать Австрии. В случае победы России, утверждала Блудова, «думают округлить княжество (хотя, разумеется, не дадут ни Царьграда, ни Душанова царства), но если пойдут крутить против нас на революционный лад

польско-французский, Вы знаете, что эта мысль быть представителями антиреволюционного духа есть единственное непоколебимое правило у нас»²³. Как можно видеть, даже во время войны Николай I не желал отходить от своего главного принципа — защиты сохранения существующих режимов.

18 февраля (2 марта) 1855 г. император умер. Его правление было оценено русскими общественными кругами, даже консервативного толка, отрицательно. Преданный императорскому дому М.П. Погодин 7 апреля 1855 г. писал поэту Ф.И. Тютчеву, что воспринимает смерть Николая I как чудо. В последующей записке от 16 мая 1855 г. «Потребности минуты» он так разъяснял свои слова: «Прежняя система отжила свой век. Сам Бог, взяв с поприща действий покойного государя, показал нам, что для России нужна другая система»²⁴. Даже в придворных кругах, близких к новому императору Александру II, политика Николая I вызывала осуждение. Фрейлина новой императрицы Марии Александровны А.Ф. Тютчева записала в своем дневнике, что за всякую неудачу на фронте винили Николая I. «Обвиняют его в чисто личной политике, которая ради удовлетворения его собственного самолюбия, ради достижения европейской славы отказалась от исторических традиций России, предала наших братьев православных славян и превратила в полицмейстера Европы государя, который мог и должен был возродить восток и православие»²⁵. В статье, опубликованной в сербской печати в конце 1851 — начале 1852 гг. и написанной скорее всего А.Д. Блудовой, указывалось: «Есть, однако, большая разница между лукавыми интригами и подлою завистью иных людей, или кабинетов, или представителей народных, и чрезмерным великодушием, рыцарским бескорыстием двух последних царей русских»²⁶. Эта была попытка оправдать деятельность Александра I и Николая I еще до начала Крымской войны.

С восшествием на престол Александра II практически все круги русского общества связывали большие надежды, в том числе и во внешней политике, поскольку были известны его недовольство внешней политикой отца и симпатии по отношению к славянам. Фрейлина А.Ф. Тютчева, находившаяся

с молодой императорской четой в достаточно доверительных отношениях, записала 24 июня 1855 г. в дневнике свои разговоры с ними на эту тему. «Впрочем, — отмечала она, — в интимных беседах государь и государыня вовсе не стесняются говорить о том, что наша политика в прошлом была неправильна в самой основе, так как имела в виду гораздо больше интересы Западной Европы, не имеющие ничего общего с интересами России, между тем как интересы славянского и православного мира, с которыми Россия солидарна, совершенно не принимались во внимание или же ставились на задний план и приносились в жертву интересам Европы»²⁷. О симпатиях к славянам Константина Николаевича и Елены Павловны писала в своем дневнике и сестра двух известных славянофилов Вера Сергеевна Аксакова. 11 февраля 1855 г. она отмечала: «Наследник, конечно, не имеет твердых убеждений, но Константин Николаевич совершенно предан русскому направлению ... Придворные круги, особенно вел[икая] кн[ягиня] Елена Павловна, интересуются Москвой и славянофилами»²⁸. Однако уже 21 февраля Вера Сергеевна скорректировала свое мнение об Александре Николаевиче. «Александр принял мысли своего брата и вполне разделял его мнение насчет настоящих обстоятельств, — писала она. — Это сказал сам в[еликий] к[нязь] Константин Погодину, когда этот последний представлялся ему. «Скажите все это брату, он вполне разделяет мои мысли». Наследник (речь идет об Александре II. — *И.Ч.*) принял очень хорошо Погодина, водил его к жене и пригласил обедать. Просил Погодина прислать ему экземпляр всех его писем»²⁹. Любопытно, что молодой император решил встретиться с Погодиным, который был идеологом внешней политики России, в корне отличавшейся от внешней политики Николая I, и не только пригласил его на обед и познакомил с императрицей, но и попросил передать ему его труды по данному вопросу, буквально через несколько дней после смерти своего отца.

Конечно, русское общество ожидало не только изменения внешней политики России, но и прежде всего решения крестьян-

* Впоследствии М.П. Погодин издаст труд: «Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856». М., 1874.

янского вопроса и проведения других либеральных реформ. В это время на имя нового императора поступали записки от ряда российских общественных деятелей. В том числе в марте 1855 г. такую записку подал и К.С. Аксаков. В ней он достаточно резко характеризовал положение в России. «Правительство, а с ним и верхние классы, — писал Аксаков, — отделились от народа и стали ему чужими. И народ, и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах ... Народ не имеет доверенности к правительству, правительство не имеет доверенности к народу ... Взятничество и чиновный организованный грабеж — страшны ... Все это происходит главнейшим образом от угнетательной системы нашего правительства». Прежде всего Аксаков предлагал уничтожить «гнет, наложенный государством на землю». И далее он указывал на отдельные «внутренние язвы», требующие особых усилий для исцеления: «раскол, крепостное состояние, взяточничество». Свою записку он заканчивал следующим предложением: «Правительству — неограниченная свобода правления, исключительно ему принадлежащая, народу — полная свобода жизни и внешней, и внутренней, которую охраняет правительство»³⁰. Согласно записям в дневнике А.Ф. Тютчевой от 13 января 1856 г., эту записку прочитала императрица Мария Александровна и вполне с нею согласилась³¹.

В первое десятилетие нового царствования Александр II и его брат Константин Николаевич были в дружеских отношениях с князем А.И. Барятинским, имевшим достаточно радикальные для своего круга взгляды. В 1858 г. он был назначен наместником и главнокомандующим на Кавказе. Ближайшим его сотрудником, а именно чиновником для особых поручений, был Р.А. Фадеев, впоследствии прославившийся своим панславистским трудом «Мнение о восточном вопросе». Барятинский многие свои мысли о способах замирения Кавказа озвучивал через брошюры и статьи Фадеева. В качестве одной из важных мер для этого он полагал экономические действия: развитие пароходства на Каспийском море, соединение Черного моря с Каспийской железной дорогой. В книге «Местное военное управление покоренными народами Кавказа», на-

писанной Фадеевым по указанию Барятинского, говорилось о необходимости гражданского благоустройства в регионе, расширения образования, улучшения нравственного и материального быта местного населения. Предлагалось действовать на Кавказе «с особенною осторожностью, чтобы мерами преждевременными, чуждыми еще понятиям и нравам кавказских горцев, не внушить в них недоверия и отвращения ко всем нашим нововведениям и не вызвать сопротивления с их стороны». В следующей книге — «Шестьдесят лет Кавказской войны», написанной Фадеевым тоже по поручению Барятинского, утверждалась важность для России завоевания Кавказа, поскольку это даст ей возможность установить контроль над Каспийским и Черным морями и помимо этого является ее долгом перед христианской Грузией. Главную ошибку русской политики на Кавказе автор видел в искоренении стародавних обычаев местных жителей и истреблении местной знати.

Всем этим взглядам на Кавказскую войну сочувствовали боевые русские генералы — М.Д. Скобелев, А.П. Ермолов, П.Е. Коцебу и др.

В начале 60-х годов Барятинского заинтересовал и славянский вопрос. По взглядам на него он был близок к М.П. Погодину, и при его содействии был избран почетным членом Московского университета. Барятинский считал необходимым для России поддержать славянские движения. При этом он выступал за предоставление Польше независимости и за перенос российской столицы в Киев³².

Об изменении внешней политики России с приходом к власти Александра II свидетельствует и факт создания славянских благотворительных комитетов, целью которых объявлялась помощь славянам. Так, в 1856 г. в Петербурге образовался благотворительный комитет, в котором главную роль играла графиня Блудова. Основной состав его сформировался из тех придворных и чиновников, которые оказывали благотворительную помощь сербскому населению Воеводины, после опустошения ее венграми. Петербургский славянский благотворительный комитет имел достаточно узкую сферу деятельности — главным образом помощь православным церквям и школам³³.

Гораздо более разносторонней являлась деятельность Московского славянского благотворительного комитета, который был официально утвержден правительством в 1858 г. С.А. Никитин в своей монографии подчеркивает, что комитет в Москве был создан в результате совместных усилий правительства, московских славянофилов и болгарских эмигрантов из Одесского болгарского настоятельства. «Правительство рассматривало вновь создавшуюся организацию, — подчеркивает Никитин, — как удобное орудие для проведения русской политики на Балканах. Политика Горчакова преследовала цель укрепления русских связей с балканскими народами и устранения всего, что ослабляет эти связи»³⁴. Московский славянский благотворительный комитет активно поддерживал министр иностранных дел А.М. Горчаков, он был связан с Азиатским департаментом МИД, а также с министерством народного просвещения. Несомненно, славянские комитеты были созданы благодаря прямой поддержке Александра II. В 1862 г. правительственные субсидии Московскому славянскому комитету составляли 20 % от всех денежных поступлений в его кассу³⁵. То, что Московский славянский благотворительный комитет пользовался дотациями со стороны правительственных кругов, признавал один из его главных учредителей, практически непосредственный его руководитель на протяжении многих лет — Иван Сергеевич Аксаков. В статье, посвященной десятилетию его создания, он писал, что комитет пользовался пособиями со стороны императрицы и министерства народного просвещения³⁶. В числе первых лиц, внесших пожертвования в фонд Московского комитета были великий князь Константин Николаевич и его жена Александра Иосифовна, которые прислали 30 ящиков с религиозными книгами³⁷.

Поражение России в Крымской войне и заключение Парижского мирного трактата в 1856 г. оказали определенное влияние на правящие круги Сербии. Сербский князь Александр Карагеоргиевич придерживался туркофильских взглядов. Его ближайший советник, глава протурецкой группиров-

ки уставобранителей Илия Гарашанин возлагал свои надежды на помощь Франции в деле расширения прав Сербии. Однако Парижский мирный трактат разрушил иллюзии Гарашанина, Франция совсем не желала способствовать ему в достижении его заветной цели — создание независимой сильной Сербии. Недовольство политикой Александра Карагеоргиевича привело к его свержению в 1858 г. В этом году одну из главных ролей сыграл Гарашанин, завязавший к тому времени тесные отношения с представителями русского консульства в Белграде. Сербским князем был избран Милош Обренович, а после его смерти в 1860 г. им стал его сын Михаил. Обреновичи проводили прорусскую внешнюю политику, и Гарашанин стал их ближайшим соратником.

В 1860 г. И.С. Аксаков посетил славянские земли. Официально его целью было ознакомление со славянскими деятелями, подыскание среди них корреспондентов для своего будущего издания. Кроме того, он хотел навестить своего старшего брата К.С. Аксакова, лечившегося за границей. Помимо указанных целей И.С. Аксаков хотел узнать о движении славян за освобождение от турецкого и австрийского ига. Сначала он остановился в Вене, где лично познакомился с М.Ф. Раевским, который свел его с рядом славянских национальных деятелей. Полное взаимопонимание И.С. Аксаков нашел и с новым русским посланником в Вене В.П. Балабиным, сторонником поддержки славянских национальных движений. Поездка И.С. Аксакова по южнославянским землям Австрии, по Черногории и Сербии, встречи с русофильски настроенными славянскими деятелями воодушевили его. Ему особенно понравилась Черногория, в Белграде он также нашел сторонников своих идей.

Князь Михаил Обренович и Гарашанин имели общую цель — объединение всех сербских земель вокруг княжества и независимость Сербии. Еще в 40-е годы Гарашанин пытался создать в Боснии и Герцеговине сеть организаций, которые бы содействовали присоединению этих земель к Сербии. В числе его соратников в то время был и сербский литератор Матия Бан. После прихода к власти Обреновичей он заявил о созда-

нии в Белграде тайного комитета для формирования подобной сети в этих провинциях и подготовки там восстания с целью присоединения их к Сербии. В 1859 г. Бан обратился к русскому посланнику в Вене В.П. Балабину за денежной помощью. В бумагах графини Блудовой сохранился план действий, представленный Баном. Главной целью комитета объявлялась подготовка восстания в Боснии и Герцеговине, чтобы «избавить эти области от турок и воссоединить их с Сербским княжеством». На организацию восстания Бан просил 100 тыс. червонцев, предназначавшихся для покупки оружия³⁸. Комитет Бан сформировал при поддержке князя и Гарашанина. Но связаться с русскими властными кругами Бан смог только после приезда в Белград И.С. Аксакова. Последний дал ему 3.000 рублей из средств Московского славянского благотворительного комитета, а затем через Балабина, русского генерального консула в Белграде А.Е. Влангали и М.Ф. Раевского стал добиваться получения займа в России для сербского князя. Благодаря усилиям этих людей, и прежде всего Балабина, Александр II согласился предоставить князю Михаилу бессрочный и беспроцентный заем в 900 тыс. рублей. Деньги эти должны были пойти на восстание сербов в Боснии и Герцеговине. И.С. Аксаков сообщил об этом Раевскому 5 мая 1861 г. «Наше дело в Сербии признано нашим правительством, — писал он, — и, несмотря на страшное безденежье и угрожающее банкротство, государь назначил сербскому князю выдать 300 т[ысяч] дукатов, т.е. 900 т[ысяч] р[ублей] сер[ебром]»³⁹. Князь Михаил однако отказался от займа, о чем с возмущением писал в цитированном письме Раевскому И.С. Аксаков. Как оказалось, Михаил был прав — он раньше, чем русские, разобрался в плутнях Бана. Этот случай, несомненно, свидетельствует о том, что в начале 60-х годов Александр II стремился помочь Сербии, несмотря на тяжелое финансовое положение России.

Поведение князя Михаила и сама афера Матии Бана не оказали существенного влияния на отношение Александра II и его правительства к Сербии. Весной 1862 г. сербы сами обратились к русскому правительству с просьбой о займе. Он им был необходим для приобретения оружия для народного войс-

ка, которое было решено создать на Преображенской скупщине. В Петербург для переговоров по этому вопросу отправился Милан Петрониевич. В марте 1862 г. Россия предоставила Сербии заем в 300 тыс. австрийских червонцев из 6 % годовых. В благодарственном письме императору Александру II князь Михаил писал: «Я счастлив, государь, узнать от Петрониевича, ... что Вы в Вашей благожелательности к нам сообразовали исполнить желание, которое я не осмелился ясно выразить у подножия Вашего трона. Я черпаю новые доказательства Вашей заботы в том, что Ваше величество не прекращает считаться с интересами Сербии». Трудно сказать, получен ли был этот кредит деньгами. По документам известно, что сербы получили из России 39.200 ружей и 3.000 сабель⁴⁰.

Политика Александра II по отношению к балканским славянам благоприятствовала сербам и в области дипломатии. Россия неизменно поддерживала Сербию на дипломатической арене. Князь Михаил Обренович вместе со своим ближайшим сподвижником И. Гарашанином продолжали видеть свою главную опору в России. В июне 1862 г. произошли столкновения турок с белградцами, окончившиеся бомбардировкой Белграда из белградской крепости. Сербское правительство решительно потребовало выселения турок из Сербии и уничтожения турецких крепостей. На конференции держав в Константинополе в июле 1862 г. Россия вместе с Францией поддержала сербские требования, Австрия и Англия выступили за введение австрийских войск на территорию Сербии. В результате было вынесено компромиссное решение: две из шести турецких крепостей были разрушены, все турецкое гражданское население выселено из Сербии, но австрийские войска не были введены в сербские земли. Вопрос был окончательно решен, опять-таки при активном содействии России, в 1867 г. Осенью 1866 г. князь Михаил обратился к турецкому правительству с просьбой передать все крепости Сербии, выведя из них турецкие гарнизоны. В ответ он обещал взять на себя расходы по содержанию крепостей и оборону границ империи. Русский посол в Константинополе граф Н.П. Игнатьев в беседе с великим визирем поддержал просьбу князя Михаила. Против этого не

возражали и остальные великие державы. В феврале 1867 г. турецкое правительство официально выразило согласие на передачу оставшихся турецких крепостей сербам, а все турки должны были покинуть Сербию⁴¹. Россия поддержала и стремление Сербии организовать союз балканских народов с целью полного изгнания турок с Балкан. В 1866–1867 гг. князю Михаилу удалось заключить союзы с Черногорией, Болгарским революционным комитетом, Грецией и Румынией — с каждой из них в отдельности, но дальнейшее осуществление этого плана было прервано сначала отставкой Гарашанина, а затем и гибелью самого князя Михаила в 1868 г.

Что касается Черногории, то со времен Петра I она находилась под покровительством России и большею частью действовала в русле ее политики. Когда после смерти владыки Петра II Петровича-Негоша в 1851 г. в Черногории разгорелась борьба за власть между братом Петра II Перо и его племянником Данилой, поддержка России обеспечила победу Данилы. Однако после поражения в Крымской войне Данила стал ориентироваться на Францию. В течение двух лет русский консул в Дубровнике П.Н. Стремоухов не имел никаких сношений с черногорским князем. По мнению И.С. Аксакова, только тот факт, что Франция лишь однажды выделила помощь Черногории, заставил Данилу вновь обратиться к России, которая возобновила свои субсидии⁴². Помимо выплаты обычной ежегодной субсидии (начиная со времен Петра I) русское правительство оказало Черногории большую помощь в создании образовательных учреждений. В январе 1869 г. черногорский князь Никола побывал в Петербурге, где попросил средств для развития просвещения в Черногории. Его просьба была удовлетворена: на создание Богословско-учительской семинарии в Цетинье было выделено 8000 рублей (4.000 рублей от государственного казначейства и 4.000 рублей от Синода). Кроме того, выделили 5.700 рублей для Женской школы⁴³.

Не осталась в стороне и Босния и Герцеговина. Им помощь шла от Синода и славянских комитетов. С помощью сербского митрополита Михаила и российских славянских комитетов в Боснии сербским просветителем Васой Пелагичем в 1866 г.

была основана семинария, которая должна была готовить православных священников и учителей. Когда в 1869 г. Пелагич был арестован и приговорен турецким судом к 101 году тюремного заключения, русский посол в Константинополе граф Н.П. Игнатьев помог ему бежать на русском пароходе в Одессу⁴⁴.

С конца 50-х годов внимание русского правительства привлекает Габсбургская империя, в которой в то время начался политический кризис. Попытка австрийского императора после победы над революцией вернуться к абсолютистской форме правления не удалась. Помимо роста социального и национального напряжения усилению кризиса способствовала неудачная война Австрии против Сардинского королевства и Франции в 1859 г., в результате которой она потеряла Ломбардию. Австрийский император вынужден был издать Октябрьский диплом (1860) и Февральский патент (1861), которые вводили в стране некоторые конституционные нормы: парламент, определенную свободу слова, собраний, организации обществ и т.д. Это способствовало усилению национальных движений, в том числе и славянских народов, за переустройство государства на федералистской, централистской или дуалистической основе. Росту напряжения в стране способствовала и новая неудачная война Австрии с Пруссией и Италией 1866 г., завершившаяся для Габсбургской монархии отторжением от нее Венеции. Многим политикам, как в Австрии, так и за рубежом, ее распад казался неизбежным. Такая перспектива привлекла внимание и русских правящих кругов.

Почти до конца 60-х годов русский император вел активную политику сближения со славянами и оказания им возможной помощи. После поражения России в Крымской войне он стремился возродить у славянских деятелей веру в могущество России (как и у своего народа). В это время были проведены два торжественных мероприятия, призванные поднять престиж империи за рубежом и в самой России.

Первым таким мероприятием стало празднование в 1862 г. Тысячелетия России. Его отметили по всей стране, но основные торжества происходили в Великом Новгороде, куда в 862 г.

был призван на княжение варяг Рюрик, который сумел создать первое государственное объединение восточных славян. В честь праздника многие русские чиновники и ученые получили награды. Но также были отмечены русскими орденами виднейшие политики и ученые зарубежных славян. В исторической литературе установилось мнение, что инициатором награждения славянских деятелей выступил М.Ф.Раевский. Активный деятель славянских комитетов, славист А.Ф. Гильфердинг, являвшийся личным другом Раевского, был также убежден в этом. «Какое прекрасное дело Вы затеяли, многоуважаемый Михаил Федорович, — писал он Раевскому 24 августа 1862 г., — советуя оказать западным славянам внимание и сочувствие России по случаю ее тысячелетия раздачею русских орденов лучшим ее деятелям!»⁴⁵. С помощью Гильфердинга Раевский составил список славянских деятелей, получивших затем русские награды. Но был ли он инициатором этого мероприятия? Письма Раевского к графине Блудовой указывают, что дело обстояло совсем по-другому. Так, 19 августа (по-видимому, 1862 г.) Раевский сообщал Антонине Дмитриевне: «По случаю тысячелетия России (это говорю вам по секрету) просили Балабина представить к орденам более знаменитых славянских деятелей в Австрии». В том же письме Раевский замечал, что видел императрицу, и она выразила желание встретиться с ним после своего переезда в Царское село⁴⁶. Встреча эта состоялась, о чем свидетельствует записка К. Вяземского Раевскому: «Государыня императрица примет Вас в субботу в час без четверти»⁴⁷. Приведенные документы указывают, что инициатором награждения славянских деятелей выступила императорская семья, а Раевский только выполнял ее волю. Официально составление списка славян, представляемых к награждению русскими орденами, Раевскому поручил министр просвещения А.В. Головин. За выполнение этого поручения Раевский получил от Александра II наперсный крест с сапфирами⁴⁸. Всего российских орденов были удостоены 30 славян, из них 28 являлись подданными Австрии.

Эта акция, предпринятая российскими властями, оправдала их ожидания. Словенский национальный деятель Г. Блаж

рассказывал М.Ф. Раевскому в своем письме от 29 сентября 1867 г. о том впечатлении, которое произвело на него награждение русским орденом лидера словенцев Янеза Блейвейса: «Когда во время празднования тысячелетия Российской империи Россия наградила орденами выдающихся нерусских славян, и такой орден получил мой друг и соотечественник д-р Блейвейс, я почувствовал несказанную радость. С этого момента мне стало легче на душе, так как я преисполнился уверенностью, что Россия включает нас в круг своих интересов — что мы, таким образом, можем не опасаться быть поглощенными Италией или кем-либо другим»⁴⁹.

Вторым мероприятием русского правительства, которое призвано было поднять престиж России в глазах славян, своего народа и всей Европы было проведение Этнографической выставки и Славянского съезда в Москве в 1867 г. Инициатором проведения Этнографической выставки народов России выступило Общество любителей естествознания, основанное в 1863 г. при Московском университете. Эту инициативу подхватили славянофилы. Профессор Московского университета Н.А. Попов предложил создать на Всероссийской этнографической выставке отдел, посвященный зарубежным славянам. Идея проведения такого масштабного мероприятия получила поддержку императорской семьи, почетным его председателем стал великий князь Владимир Александрович.

Обеспечить экспонатами Славянский отдел было поручено М.Ф. Раевскому. Видным славянским национальным деятелям были разосланы просьбы присылать комитету Московской выставки экспонаты, относящиеся к их народам. Затем им и тем, кто прислал экспонаты на выставку, были отправлены приглашения принять в ней участие. Условия были самые льготные: проезд от Вены до Москвы оплачивался комитетом по проведению выставки, оплату жилья и пропитание гостей тоже брал на себя комитет. Конечно, такие огромные затраты комитет не мог оплатить сам, значительная помощь пришла от многочисленных благотворителей и правительства.

Уже в конце 1865 г. славянофилы стали думать о проведении в Москве съезда славянских политиков, используя их при-

езд на Этнографическую выставку. Инициатором этого выступил русский славист В.И. Ламанский. 23 октября 1865 г. он писал Н.А. Попову: «Знаете, что бы надо устроить у вас в Москве по случаю Этнографической выставки в 1867 году. Во-первых, устроить несколько публичных чтений о славянстве... Во-вторых, устроить в то время в Москве первый славянский съезд... Но чтобы удалось это дело теперь, надо начать и провести его без шума»⁵⁰. План проведения Славянского съезда в период Этнографической выставки не вызвал возражения со стороны российских властей.

Приглашение на Этнографическую выставку и съезд славянских национальных деятелей вызвало положительный отклик у славян, особенно австрийских, которые рассматривали поездку в Москву как протест против преобразования Габсбургской монархии в дуалистическое государство Австро-Венгрии.

Власти в Вене восприняли желание славянских политиков посетить Москву как измену их законному государю, то есть Габсбургам. Немецкая пресса начала настоящую травлю тех лиц, которые собрались поехать на Этнографическую выставку. Так, газета «Нойе Фрайе Прессе» провозгласила встречу славян в Москве панславистским сборищем и подчеркивала: «Побратимство на панславистской основе — это заговор против Австрии; кто в нем участвует, тот вызывает всю Австрию, и вопль негодования, — вот единственный ответ, который могут дать народы Австрии тем, кто примыкает к преступному покушению на ее существование»⁵¹.

Австрийское правительство активно пыталось помешать приезду славян в Москву. Австрийский посланник в Петербурге граф Ревертера несколько раз разговаривал с А.М. Горчаковым и министром внутренних дел России П.А. Валуевым, указывая на нежелательность приезда австрийских славян в Москву, но русские министры заняли позицию невмешательства. Валуев заявил, что российское правительство стоит в стороне от организации Этнографической выставки. А Горчаков ответил, когда в дело вмешался и министр иностранных дел Габсбургской монархии Ф. Бейст, что императорский двор

покровительствует Этнографической выставке, которая ничего общего не имеет с утопиями московской партии. Когда венские власти обратились к О. Бисмарку, как им поступить в сложившихся обстоятельствах, тот посоветовал всех, кто поедет в Москву, обвинить в государственной измене и арестовать⁵².

Несмотря на все это, значительное число приглашенных славянских деятелей из Австро-Венгрии отправилось в Москву. Всего в Россию поехали 81 чел., из них — 63 являлись подданными Габсбургской монархии (27 чехов, 16 сербов, 10 хорватов, 4 русина, 3 словака, 3 словенца), а также 12 сербов из княжества Сербия, 2 черногорца, 1 болгарин, 1 поляк (кашуб) из Пруссии⁵³.

Приехавших в Россию славянских гостей ожидали пышные встречи на всем пути их следования до Петербурга, а затем до Москвы. Так было в Варшаве, Гродно, Ченстохове, Вильно, Острове, Пскове, Твери и других городах. В Петербурге славяне пробыли несколько дней. Их принимали граф Шереметьев, члены Дворянского собрания, великий князь Константин Николаевич, министр иностранных дел А.М. Горчаков, министр просвещения Д.А. Толстой и другие чиновники и представители высшего света. Но самым знаменательным был прием наиболее выдающихся славянских деятелей (26 человек) Александром II 14 мая в Царском селе. На приеме царь произнес краткую речь. «Здравствуйте, господа, — сказал он. — Я рад видеть вас, славянских братьев, на родной славянской земле. Надеюсь, что вы останетесь довольны приемом как здесь, так и особенно в Москве. До свидания!»⁵⁴. Эти в общем любезные, но мало что значащие слова истолковывались славянскими гостями по-своему. Согласно записям в дневнике адъютанта великого князя Константина Николаевича А.А. Киреева, слова Александра II «до свидания» сербы поняли как «до свидания в Вене и Царьграде». «На стену лезут! — заключал А.А. Киреев. — Мы их успокаиваем»⁵⁵. А на словенцев, согласно воспоминаниям одного из словенских лидеров Й. Вошняка, наибольшее впечатление произвели слова Александра II: «Сердечно приветствую вас. Очень рад, что вижу своих родных братьев здесь на родной славянской земле»⁵⁶.

Великий князь Константин Николаевич уделил особое внимание чешским деятелям. 12 мая ему были представлены Палацкий и Ригер. Переводчиком у них выступал младочешский журналист и переводчик русских классиков на чешский язык Э.Вавра. Интерес Константина Николаевича к славянскому вопросу не был совершенно платоническим. С.А. Никитин на основании записей Э. Вавры сообщает о Константиновом плане, о котором чешские лидеры вели разговор с великим князем во время встречи с ним. Суть его заключалась в образовании Западнославянской империи, охватывающей чешские и польские земли и возглавляемой русским великим князем, предположительно сыном Константина Николаевича Вячеславом. Эта империя должна была находиться под покровительством России⁵⁷.

В Москве славян принимала вся московская знать, начиная с городского головы князя А.А. Щербатова. Но в основном главную заботу о славянских гостях взяли на себя славянофилы. Здесь помимо пиров и концертов проводились совещания славянофилов с виднейшими славянскими деятелями, обсуждались дальнейшие контакты между славянами, вопрос об общеславянском языке, общеславянском журнале и т.д. Далеко не во всем удалось достичь согласия, да и принятые на Славянском съезде решения так и не были проведены в жизнь. Но все же посещение славянами Московской этнографической выставки произвело на славянскую общественность большое впечатление. Современный чешский историк М. Главачка отмечает: «До сих пор непонятная славянская взаимность после этой поездки конкретизировалась и превратилась в русско-чешскую, русско-сербскую, русско-черногорскую и тому подобную взаимность»⁵⁸. Среди славянских политиков, особенно молодых, возросли русофильские настроения.

Однако русское правительство после демаршей со стороны венских властей вынуждено было умерить открытое выражение симпатий к австрийским славянам. А.М. Горчаков и сам император Александр II были трезвыми политиками, они понимали, что в данное время конфронтация России с Габсбургской монархией и Пруссией нежелательна. Тем более, что

положение в Австро-Венгрии постепенно стабилизировалось, с Пруссией также был заключен мир, при этом на достаточно приемлемых для побежденной стороны условиях. Уже во время Этнографической выставки русское правительство должно было сделать некоторые уступки австрийским властям. Так, наиболее активным устроителям Этнографической выставки и Славянского съезда в Москве — М.Ф. Раевскому, А.Ф. Гильфердингу, О.М. Бодянскому — было запрещено принимать участие в праздничных мероприятиях. На это жаловался Бодянскому Раевский в письме от 1 сентября 1867 г.⁵⁹ В высших сферах обсуждался вопрос об отзыве Раевского из Вены. Об этом он сообщил своему другу, черногорскому архимандриту Ничифору Дучичу. 28 февраля 1868 г. Дучич выражал сочувствие Раевскому по поводу его перевода в Петербург и высказывал уверенность, что и в Петербурге он также будет действовать в пользу славян⁶⁰. Однако Раевский остался в Вене. Но свою деятельность в Австро-Венгрии ему пришлось ограничить. В 1870 г. Раевский писал, что его главными задачами являются забота о русинском обществе Русская основа, помощь бедным славянским студентам, распространение среди славянских студентов русского языка, вспомоществование славянским журналам и литературным славянским обществам⁶¹.

В 1866 г., когда началась война между Австрией и Пруссией, произошло охлаждение отношений между Александром II и князем Барятинским. Барятинский представил царю план, согласно которому Россия должна поддержать Пруссию, а после ее победы над Австрией способствовать тому, чтобы немецкие земли были присоединены к Пруссии, Венгрия получила бы независимость, а славянские земли отошли бы под покровительство России. Это план обсуждался в узком кругу: Александр II, великий князь Константин Николаевич, военный министр Д.А. Милютин, министр иностранных дел А.М. Горчаков и князь Барятинский. Фантастический план Барятинского был отвергнут⁶².

Таким образом, до 1867 г. политика Александра II и всей императорской фамилии по отношению к славянам вполне согласовывалась с политикой славянофилов. Это отмечал

И.С. Аксаков в своей статье, посвященной Этнографической выставке и Славянскому съезду в Москве: «Признание всеславянского братства было произнесено и с высоты престола (что составляет величайшую славу и честь нынешнего царствования), и в тех низших слоях общества, которые доселе были ему совершенно чужды»⁶³. Вместе с тем во внутренней политике взгляды российских правящих кругов резко отличались от взглядов славянофилов. То, что печатали славянофилы в своих изданиях, вызывало решительное противодействие со стороны императора и властей. Еще статья К.С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика — народ», напечатанная в 1857 г. в газете «Молва», вызвала осуждение Александра II. Такое же недовольство властей вызывали и другие издания славянофилов, прежде всего И.С. Аксакова. После первого номера в 1859 г. была запрещена его газета «Парус» по прямому настоянию шефа жандармов В.А. Долгорукова — за резкую критику правительства, выступления против крепостного права и пр.⁶⁴ Не раз подвергалась репрессиям самая знаменитая газета Аксакова «День» (1861—1865). Один раз она была приостановлена на 6 месяцев и дважды на 3 месяца. Кроме того, почти все передовые «Дня», которые писал сам И.С. Аксаков, подвергались цензурной правке⁶⁵. Что же касается его газеты «Москва», то за 22 месяца ее существования она получила 10 предостережений и 3 раза была приостановлена⁶⁶.

Соглашаясь с тем, что Россия, а, следовательно, и русские императоры, имели определенные политические цели на Балканах, главной из которых был захват черноморских проливов, нужно иметь в виду, что помощь балканским народам не имела своей причиной только эти цели. Психология людей XIX века, в данном случае российских императоров, была тесно связана с их религиозными убеждениями, с православием. И совершенно справедливо Л.В. Кузьмичева отмечает, что для них огромную роль сыграла та великая миссия, «которую возложили на себя русские императоры, — сохранения православия», и за нее русские цари чувствовали свою ответственность⁶⁷.

К этому только хотелось бы добавить, что под влиянием славянофилов и представителей русского общества, сочувст-

вовавших и славянам неправославного вероисповедания, а католического, протестантского и даже мусульманского, в какой-то мере мессианское чувство стало проявляться у ряда членов императорской фамилии и по отношению к ним. Это особенно проявилось в 60-е годы XIX в.

В конце 60-х годов в связи с изменением политической обстановки: укреплением Габсбургской империи, после введения в ней дуализма, настороженным отношением Запада к России, которая не имела союзников и просто сочувствующих ей среди великих держав, — действия российских правящих кругов на международной арене стали более осторожными. Решение славянского вопроса не ушло с повестки дня, а было отодвинуто на неопределенное время. Наиболее радикальные круги российской общественности, прежде всего славянофилы, были этим недовольны. С этого времени их политические стремления во внешней политике стали расходиться со взглядами правительственных кругов.

Примечания

¹ *Попов Н.А.* Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 гг. Т.2. М., 1869. С. 314.

² *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Т. I. М., 1928. С. 146.

³ Российский Государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1274 (Панины-Блудовы). Д. 23526. Л. 1 об.—2 об.

⁴ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2424. Л. 187 с об.

⁵ Северная пчела. 16.06.1851. № 133.

⁶ Русь. 01.11.1884. С. 27.

⁷ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2612. Л. 1.

⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2423а. Л. 4.

⁹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 347. Д. 14.

¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 15.

¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 71.

¹² *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853—1856. М., 1874. С.2.

¹³ *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Т. I. М., 1928. С. 162, 163.

¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф.347. Д. 15.

¹⁵ РГАДА.Ф.1274. Оп. 1. Д. 624. Л. 1 с об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1274. Д. 1691. Л. 1.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2423а. Л. 102 об., 111.

- ¹⁸ Попов Н.А. Россия и Сербия. С. 334, 345.
- ¹⁹ Погодин М.П. Историко-политические письма. С. 78.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 1274. Д. 809. Л. 1об., 2.
- ²¹ Тарле Е.В. Крымская война // Соч. Т.8. М., 1959. С.462.
- ²² ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 14.
- ²³ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 12.
- ²⁴ Погодин М.П. Историко-политические письма. С. 307, 317.
- ²⁵ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Т. 2. М., 1929. С. 67.
- ²⁶ РГАДА. Ф.1274. Д. 2775. Л. 2.
- ²⁷ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Т. 2. С. 40.
- ²⁸ Дневник Веры Сергеевны Аксаковой (1854—1855). СПб, 1913. С. 50, 51.
- ²⁹ Там же. С. 62, 63.
- ³⁰ Константин Сергеевич Аксаков. Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. М., 2010. С. 245, 246, 251.
- ³¹ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Т. 2. С. 104.
- ³² Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев. Генерал и публицист. Волгоград, 1997. С. 11—17, 24, 25.
- ³³ Чуркина И.В. К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // Балканские исследования. Вып.10. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан. XVIII—XX вв. М., 1987.
- ³⁴ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960. С. 36, 39.
- ³⁵ Там же. С. 44.
- ³⁶ Москвич. 29.12.1867.
- ³⁷ Попов Н.А. Религиозная и национальная благотворительность на Востоке и среди славян // Журнал министерства народного просвещения. 1871. Июнь. С. 238.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 1274. Д. 945. Л. 1 с об.
- ³⁹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. IV. СПб, 1896. С. 51, 52.
- ⁴⁰ Карасев А.В. Сербия и Балканский союз // Международные отношения на Балканах. 1856—1878 гг. М., 1986. С.168.
- ⁴¹ Там же. С. 179.
- ⁴² Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т.IV. С. 51, 52.
- ⁴³ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40—80 годы XIX века. М., 1975. С. 187.
- ⁴⁴ Поплыко Д.Ф. Васа Пелагич и Россия. М., 1983.
- ⁴⁵ Зарубежные славяне и Россия. С. 132.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2424. Л. 136 об., 138.
- ⁴⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 19.
- ⁴⁸ Русь. 01.06.1884.
- ⁴⁹ Зарубежные славяне и Россия. С. 39, 42.
- ⁵⁰ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 167.
- ⁵¹ Цит. по: Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 171.
- ⁵² Там же. С. 171—173.

- ⁵³ Там же. С. 174, 175.
- ⁵⁴ Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867. С. 221, 232.
- ⁵⁵ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 195.
- ⁵⁶ *Vošnjak J.* Spomini. Zv.I. Ljubljana, 1906. S. 247, 248.
- ⁵⁷ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 196, 240.
- ⁵⁸ *Главачка М.* Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г. // Славяноведение. 2007. № 4. С. 63.
- ⁵⁹ *Титов А.* Протоиерей Михаил Раевский в своих письмах // Афиши и объявления. М., 1884. С. 51, 52.
- ⁶⁰ Отдел рукописей Государственной Национальной библиотеки. Ф. 608. Д. Архимандрит Ничифор Дучич. Л. 337.
- ⁶¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 13. Л. 1, 5 об., 9, 10 об., 12 об.
- ⁶² *Кузнецов О.В.* Р.А.Фадеев. С. 25, 26.
- ⁶³ Константин Сергеевич Аксаков. Иван Сергеевич Аксаков. Избранные труды. С. 571.
- ⁶⁴ *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С.65.
- ⁶⁵ Там же. С. 117–119.
- ⁶⁶ *Смирнов В.Д.* Аксаковы. Их жизнь и литературная деятельность. СПб, 1895. С. 72, 73.
- ⁶⁷ *Кузьмичева Л.В.* Сербская государственная идея в 60-70-е гг. XIX в. Проблема идеологического выбора // Двести лет новой сербской государственности. М., 2005. С. 155.

*Ирина Феликсовна
МАКАРОВА*

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР II И ПОДГОТОВКА БУДАПЕШТСКОЙ КОНВЕНЦИИ 1877 Г.

В отечественной историографии, посвященной Восточному кризису 1875–1878 гг., существуют две аксиомы — о бескорыстии балканской политики Российской империи и ведущей роли общественных сил в процессе ее формирования. В их контексте позиция императора Александра II накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. обычно трактуется историками как «противоречивая» и «пассивная». Вот что, например, пишет по этому поводу, суммируя наиболее часто встречающиеся мнения, современный отечественный исследователь С.А. Кучуков: «Император пустил балканскую проблему на самотек», «у Александра не существовало своего понимания балканской проблемы», «император и его окружение скорее оказались во власти обстоятельств, неудержимого исторического развития событий, чем принимали решение», «русское самодержавие в 1875–1877 гг. шло в фарватере действий общественных движений. Фактически до конца 1876 г. у царя не было устоявшегося мнения относительно того, начинать войну или нет. Именно русское общество подталкивало царя к определению позиции по Восточному вопросу»¹.

Эти и подобные им высказывания вступают в серьезное противоречие с некоторыми архивными материалами, касающимися истории подготовки секретного документа, подписанного между Россией и Австро-Венгрией в 1877 г. и известного как Будапештская конвенция. В научной литературе отношение к этому документу, равно как и к предшествовавшему ему соглашению, заключенному между императорами Алек-

сандром и Францем-Иосифом летом 1876 г. на встрече в замке Рейхштадт (Богемия), весьма неоднозначно. Балканские, прежде всего сербские, ученые нередко называют Рейхштадское соглашение и Будапештскую конвенцию предательством национальных интересов южных славян², западные — частью дипломатической подготовки России к широкомасштабной агрессии на Балканы³. Позиция отечественных историков, за исключением, пожалуй, лишь нескольких авторов, издавших свои работы в 20–30-е годы XX в.⁴, традиционно отличалась и продолжает отличаться высокой степенью уклончивости. В современной историографии, причем, как в трудах обобщающего характера⁵, так и в специальных исследованиях⁶, наибольшей популярностью пользуются оценки, восходящие к тексту двух советских изданий «Истории дипломатии»⁷. Суть этих оценок сводится к двум основным позициям: во-первых — «политика царского правительства во второй половине 1876 г. пыталась решить нелегкую дипломатическую задачу: оказать поддержку балканским славянам, но при этом не столкнуться с Австро-Венгрией», во-вторых — Россия была вынуждена идти на союз с Габсбургами ради нейтрализации угрозы со стороны Австро-Венгрии в случае начала войны с Турцией⁸.

Выявленная в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) массивная подборка документов*, посвященная истории подготовки Будапештской конвенции⁹, позволяет не только внести некоторые уточнения в эти оценки, но и поставить под вопрос достоверность тезиса о «противоречивости» и «пассивности» позиции российского императора накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Данная статья не претендует на рассмотрение всего сложного комплекса вопросов, связанных со спецификой взаимоотношений России и Австро-Венгрии в рассматриваемый период, равно как и на подробный историографический экскурс. Ее задача предельно ограничена: представить выявленный материал в качестве документального опровержения вышеназванного тезиса.

* Впервые данный комплект документов был частично использован Е.К. Вяземской при анализе эволюции взглядов российской дипломатии по вопросу автономии Боснии и Герцеговине в кандидатской диссертации «Восстание в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1875 г. – апрель 1877 г.)», защищенной в 1984 г., а также ряде статей.

Подборка документов включает в себя переписку российского посла в Вене Е.П. Новикова с министром иностранных дел А.М. Горчаковым, временно управлявшим делами российского МИД А.Г. Жomini, а также императором Александром II, относящуюся к периоду с августа 1875 г. по конец декабря 1876 г. Основная тема переписки — ход переговорного процесса между Е.П. Новиковым и министром иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши по сближению позиций, касающихся политического будущего балканских провинций Османской империи.

Необходимо отметить сразу, в рассматриваемых документах личность Александра II присутствует постоянно. Часть писем Е.П. Новиков адресовал непосредственно императору, монаршие пометы в изобилии присутствуют на полях посольских донесений, а подавляющее большинство инструкций и депеш, поступавших в Вену из Петербурга, помечены высочайшей визой — «Быть по сему». Что касается эмоционального фона документов, то, пожалуй, первое, что бросается в глаза, это сугубо прагматичная и конструктивная позиция русской стороны. Освободительная, а тем более мессианская риторика в них отсутствует полностью, речь идет исключительно о базовых государственных интересах договаривающихся сторон и выработке взаимоприемлемых решений. Что касается темы освобождения турецких славян, то как таковая, она предметом обсуждений не являлась. С некоторой натяжкой в данном ключе можно говорить, пожалуй, лишь о проблеме так наз. «болгарской автономии», которую Петербург последовательно и жестко лоббировал на всех этапах двусторонних консультаций.

Судя по выявленным документам, своеобразным толчком к будущим переговорам, завершившимся в итоге подписанием Будапештской конвенции, стала российская инициатива о предоставлении восставшим провинциям Боснии и Герцеговины широкой внутренней автономии, озвученная в августе 1875 г. на встрече в Вене министров иностранных дел России, Германии и Австро-Венгрии. Тем же временем, а именно 9 (21) августа 1875 г., датируются и высочайше утвержденные инструкции, отправленные из Петербурга послу Е.П. Новико-

ву¹⁰, которые открыли шлагбаум для переговорного процесса. На данном этапе российскому послу предписывалось инициировать диалог с Д. Андраши с целью «вызвать к жизни согласие с Австрией» на случай обоих сценариев развития событий на Востоке, т.е. победы или поражения Порты. Основной темой обсуждения должна была стать тема создания в «треугольнике между верхним течением Дуная и Далмацией» «более или менее автономных вассальных государств», «складывающихся по закону национального притяжения». Существенная деталь — волей императора послу был фактически дарован карт-бланш в вопросе выбора «способа и момента» для начала переговоров. Оговаривалась лишь необходимость выстраивания диалога таким образом, чтобы с формальной точки зрения инициатива принадлежала австрийской стороне. Вскоре из Петербурга последовало дополнительное разъяснение. В утвержденной императором депеше от 29 августа (9 сентября) Новикову было прямо указано, что «согласие с Австрией является коренной необходимостью нашей политики в Европе и на Востоке» и что «Австрия заинтересована, как и мы, получить от нынешнего кризиса улучшенное статус-кво»¹¹.

Уже 1 (13) октября Новиков докладывал лично императору о своем первом успехе в выполнении порученного задания¹². Подчеркнув в качестве своей особой заслуги выстраивание контактов таким образом, что инициатива исходила со стороны Андраши («я эти разговоры не вызывал»), он сообщил о начале обсуждения заданной темы и изложил позицию австро-венгерского министра. Он сообщил, в частности, что, по мнению Андраши, на данный момент между двумя империями на Балканах не существует «никаких принципиальных разногласий», но, чтобы избежать в будущем и «предупредить возникновение каких-либо горячих проблем», необходим конструктивный диалог. Андраши подчеркнул, что венский кабинет не является в настоящий момент принципиальным противником идеи учреждения в регионе «небольших славянских автономий», а если и отвергает это решение применительно к Боснии и Герцеговине, то лишь потому, что «не считает его жизненным» (в силу сосредоточения там слишком

большого количества мусульман). Однако в качестве условия для дальнейшего выстраивания переговорного процесса министр напомнил о принципиальном несогласии Вены «терпеть на флангах Австрии политические формации, которые заключали бы в себе опасность для самой монархии, ... например, агломерацию, формирующую зародыш большого южного славянского государства», способного стать центром притяжения для австрийских славян. Следует отметить особо, что на этом докладе Новикова сохранились многочисленные одобрительные пометы Александра II — «Это естественно», «Это то, что он мне сам много раз повторял», «Это так», «Да».

Успешно начатые, конфиденциальные переговоры были, однако, внезапно прерваны по распоряжению самого же императора. По воспоминаниям историка С.С. Татищева, служившего в 1875–1876 гг. секретарем русского посольства в Вене, в октябре 1875 г. А.М. Горчаков известил Новикова по телеграфу, что «государю неуютно отделяться в восточных делах от своих союзников и он вполне одобряет проект реформ, составленный для Боснии и Герцеговины австро-венгерским министром иностранных дел»¹³. Этот проект, известный в историографии как нота Андраши, был поддержан великими державами — гарантами Парижского мирного договора (1856), и уже 18 (30) декабря 1875 г. вручен Порте. Однако фактический отказ османского кабинета, а затем и повстанцев принять предложенный план реформ к исполнению предопределил неизбежность нового раунда многосторонних международных консультаций. В частности, на май 1876 г. в Берлине была запланирована встреча министров иностранных дел России, Германии и Австро-Венгрии, приуроченная к визиту в немецкую столицу Александра II.

Состоявшаяся встреча получила громкую известность благодаря подписанию так наз. Берлинского меморандума, содержащего рекомендации, нацеленные на урегулирование балканского кризиса при соблюдении принципа сохранения территориальной целостности Османской империи. Гораздо менее известен другой факт: на переговорах между А.М. Горчаковым, О. Бисмарком и Д. Андраши откровенно и, возможно, впервые

была публично озвучена схема дележа европейских провинций Турции. Предложение прозвучало из уст австро-венгерского министра: по его мнению, в случае развала Османской империи Россия могла бы претендовать на возврат отторгнутой от нее в 1856 г. части Бессарабии, а Австро-Венгрия на так наз. турецкую Хорватию (Боснийскую Крайну). В секретной записке российского МИД от 1 (13) мая 1876 г., содержащей пересказ деталей этого разговора, сообщалось, что при этом Андраши еще раз обозначил принципиальную позицию своего правительства: «Австро-Венгрия, не имея возможности терпеть формирование рядом с собой большого славянского государства, не будет возражать, при необходимости, против маленьких автономий под господством султана»¹⁴.

Хотя схема территориального передела Балкан и прозвучала из уст Андраши, в историографии принято называть в качестве истинного автора ее идеи Бисмарка. Сохранились свидетельства, что впервые предложенный вариант был высказан им в январе 1876 г. английскому послу О. Расселу (плюс эксклюзивное предложение — предоставление Великобритании свободы действий в Египте), а затем российскому послу в Берлине П.П. Убри¹⁵. Имеются документальные доказательства — письмо Д. Андраши императору Францу Иосифу о том, что накануне встречи в Берлине трех министров иностранных дел Бисмарк излагал свою идею и министру Австро-Венгрии¹⁶.

Берлинская встреча знаменательна еще одним малоизвестным фактом. Выявленные документы свидетельствуют, что именно в процессе ее подготовки Новиков получил из Петербурга распоряжение (телеграмма от 29 марта (10 апреля) 1876 г.¹⁷) о необходимости организации конфиденциальной встречи императора Александра с Францем-Иосифом («в месте и по выбору» последнего). Важно отметить, что, судя по дате телеграммы, желание русского императора, вскоре воплотившееся во встречу в Рейхштадте, не могло быть связано с обострением балканского кризиса, поскольку время начала восстания в болгарских землях и заключения военного союза между Сербией и Черногорией относится к более позднему сроку.

Переговоры в замке Рейхштадт состоялись 26 июня (8 июля) 1876 г. на фоне уже набравшей к тому времени обороты сербо-черногорско-турецкой войны. Их итогом стало достижение конфиденциального соглашения, суть которого была предельно откровенно, если не сказать цинично, сформулирована в секретной записке от 10 (22) июля 1876 г. непосредственным участником подготовки и оформления итоговых документов Новиковым. «Австрия и Россия, — писал он в докладе Горчакову, — равно заинтересованные в великой ликвидации, должны либо договориться, либо действовать самостоятельно, с риском столкнуться как враги. Интересы мира и самой России побуждают склониться к договоренности; Рейхштадтская программа является золотой серединой. Первостепенный интерес России требует, чтобы Оттоманская империя не была заменена могущественной греческой или славянской политической единицей, которая была бы в силе устранить русское влияние в этом регионе. Рейхштадтская программа целиком отвечает этой необходимости предложенным дроблением Турции на мелкие автономные или независимые государства: болгарское, сербское, албанское и греческое — достаточно большие, чтобы существовать, слишком маленькие, чтобы освободиться от России, и предназначенные обеспечить России длительное влияние в бассейне Черного моря. Это дробление взамен гарантирует монархии Габсбургов упрочение могущества на Адриатике в противовес сербским и, особенно, итальянским притязаниям. ... Рейхштадтский проект — лишь черновой набросок, он не касается ни деталей, ни вопроса о путях, средствах и политических линиях, но он создает единство трех северных дворов по отношению к Западной Европе. ... Будущее не сможет упрекнуть тех, кто заключил Рейхштадтское соглашение, в отсутствии предусмотрительности и интуиции»¹⁸.

Поскольку итоговый документ по результатам встречи не был оформлен юридически, в отечественной историографии, традиционно нацеленной на изучение освободительной составляющей балканской политики России, принято преуменьшать значение этого, не слишком выгодного для поддержания имиджа покровительницы угнетенных славян, соглашения.

Один из способов действия в этом направлении — стремление избегать употребление термина «соглашение», заменяя его расплывчатым понятием «договоренности» (предложение С.А. Никитина) или еще более аморфным — «гипотеза» (предложение В.Д. Конобеева)¹⁹. Широко распространено также мнение (в том числе и в специальной литературе²⁰), что русский и австро-венгерский варианты записи Рейхштадского соглашения были составлены договаривающимися сторонами не сразу по итогам встречи, а самостоятельно и спустя некоторое время, результатом чего стало появление серьезных разночтений, обнаружившихся лишь осенью 1876 г. в ходе непосредственной работы над текстом Будапештской конвенции. Однако данное утверждение приходит в прямое противоречие с информацией секретаря российского посольства в Вене С.С. Татищева, кстати, убежденного монархиста и горячего патриота. Описывая в своей книге события тех дней, он прямо пишет: «Взаимные обязательства монархов не были занесены в протокол, а только записаны, со слов обоих министров, присутствовавших при свидании, русским послом при венском дворе»²¹, т.е. Е.П. Новиковым. Аналогичную информацию можно обнаружить и в дипломатической переписке. В докладе Горчакову от 3 (15) ноября 1876 г.²² Новиков мимоходом упоминает не только факт своего участия в оформлении австрийского варианта записи соглашения (со слов Д. Андраши), но и составления для руководства российского МИД памятной записки (от 10 (22) июля 1876 г.), в которой излагается содержание этой записи.

В Рейхштадте результатом трудов Новикова стало появление двух не вполне идентичных записей: предельно краткого, тезисного варианта, записанного им со слов князя Горчакова, и более развернутого австрийского, записанного со слов графа Андраши. Оба варианта Рейхштадского соглашения опубликованы и хорошо известны историкам²³. Документ констатировал позицию невмешательства России и Австро-Венгрии в войну Сербии и Черногории с Портой, но на случай поражения турецкой армии оговаривал схему новой конфигурации границ на Балканах. В частности, Россия получала право восстановить «свои естественные границы до 1856 г. и уве-

личить свою территорию со стороны Черного моря и в Азиатской Турции в той степени, в какой ей это потребуется для установления более удобных границ в этом направлении и в качестве эквивалента за часть территории, присоединяемой к Австро-Венгрии» (австрийский вариант текста). Австро-Венгрия приобретала право аннексировать, согласно русской записи текста, «турецкую Хорватию и некоторые пограничные с ней части Боснии», согласно австрийской записи — основную часть Боснии и Герцеговины за исключением части Герцеговины, расположенной между Сербией и Черногорией и отходящей к этим княжествам (с границей по течению реки Лима). Территориальные приращения предусматривались для Греции. Константинополь с пригородами получал шанс стать вольным городом. На территории Румелии, Боснии и Албании допускалось появление автономных образований (по русской записи — независимых княжеств). В соглашении особо подчеркивалась недопустимость появления на Балканах нового крупного государства.

Начиная с момента встречи двух императоров и вплоть до конца 1876 г., ссылки на «идеи Рейхштадта» стали постоянной составляющей дипломатической переписки между Петербургом и Веной, тем своеобразным камертоном, с которым обе стороны регулярно сверяли степень приемлемости тех или иных политических инициатив в отношении Балкан. Например, оценивая в начале сентября 1876 г. британское предложение по урегулированию Восточного кризиса, включавшее в себя план перемирия и идею автономного управления для Боснии, Герцеговины и Болгарии, князь Горчаков отмечал, что эта программа не противоречит «идеям Рейхштадта, основная цель которых — избежать Великой Сербии и обеспечить территориальное увеличение Австрии в случае распада Турции»²⁴. Именно в духе развития идей Рейхштадта трактовалось и российское дополнение к этому британскому проекту, изложенное в личном письме императора Александра к Францу-Иосифу. Монаршее послание доставил в Вену 14 (26) сентября 1876 г. генерал-адъютант граф Сумароков-Эльстон. В качестве меры принуждения Порты Александр II предлагал следующие меры:

параллельное занятие Боснии австро-венгерскими, а Болгарии русскими войсками, вступление в Босфор эскадры великих держав. Информация о содержании этого письма была в тот же день передана русским послом в Лондоне П.А. Шуваловым английскому министру иностранных дел Э. Дерби²⁵.

Франц-Иосиф предложение об оккупации Боснии и Болгарии отклонил, но к идее морской демонстрации перед Константинополем отнесся сочувственно. Комментарии графа Андраши к отказу австрийского императора от этой российской инициативы были изложены Новиковым в письме Горчакову от 20 сентября (2 октября) 1876 г.²⁶ По словам российского посла, аргументы, отвергающие идею оккупации, которые Андраши привел в беседе с графом Сумароковым-Эльстоном, излагались им российской стороне еще год назад*. Сводились они к нескольким пунктам: временная оккупация Боснии и Герцеговины непременно спровоцирует фанатизм мусульман; австрийской стороне чрезвычайно трудно гарантировать обратный вывод своих войск, поскольку, во-первых, данные провинции в силу их географического положения вряд ли будут готовы вернуться под господство Турции, во-вторых, Западная Европа, скорее всего, благосклонно отнесется к возможности австрийского обладания ими. Поэтому, с точки зрения графа Андраши, отказ Франца-Иосифа от этой комбинации является благом для всех заинтересованных сторон. Что же касается идеи ввода эскадр в Босфор, то позитивная реакция императора, по словам министра, объясняется, прежде всего, желанием обеспечить отсрочку распада Османской империи. Впрочем, по мнению Андраши, российские предложения в любом случае вряд ли имеют шансы на успех, поскольку ориентированы на консенсус великих держав. В связи с трудностями по достижению подобного консенсуса министр предложил обратить внимание на возможность реализации так наз. второго Рейхштадтского решения, т.е. комбинированной военной ак-

* Данная оговорка заставляет вспомнить распространенную в западной историографии версию о существовании российских планов по разделу Османской империи, относящихся к второй половине 1875 г. – началу 1876 г., о чем еще в начале XX в. писал австро-венгерский историк Е. Вертхаймер. Подробно см.: *Wertheimer E. Graf Julius Andrássy. Bd. 2. Stuttgart, 1911. S. 297–298.*

ции Австро-Венгрии и России. В этой связи Новиков посчитал своим долгом отметить, что у него сложилось впечатление о склонности австрийской стороны именно к этому варианту развития событий. «Андраши не намерен ускорять падения Османской империи, — писал он Горчакову, — но, когда настанет момент, не остановится перед совместными с Россией военными действиями в рамках Рейхштадтских соглашений. ... Андраши сказал, что не последует примеру России, если война не будет развязана самой Турцией, но сохранит нейтралитет, если успехи России не выйдут за рамки Рейхштадта и не создадут угрозы Константинополю»²⁷.

Относительно трудностей в деле достижения международного консенсуса по Балканам Андраши не ошибся. В Лондоне идея вторжения русских войск в болгарские провинции вызвала скандал. Об этом 27 сентября (9 октября) 1876 г. поспешил сообщить императору из английской столицы П.А. Шувалов. Он вынужден был констатировать, что русское предложение вызвало в Англии бурю негодования. Однако эта реакция была обусловлена, по его мнению, «никак не решительной позицией России по отношению к Восточному вопросу, но единственно вероятностью оккупации Болгарии русскими войсками. Английский народ, — подчеркнул он, — желает энергичных мер с целью положить конец турецкому конфликту, но в этом круге идей он не допускает мысли о вступлении наших войск в пределы Османской империи»²⁸. По информации графа Шувалова, ситуация усугубляется еще и тем, что премьер-министр Б. Дизраэли подозревает Россию в подготовке войны с Турцией. Именно в качестве составной части этой подготовки Дизраэли рассматривает факт упорного лоббирования Петербургом идеи болгарской автономии. Истинную цель учреждения этой автономии он видит в стремлении создать в регионе надежный для России стратегический плацдарм (под видом болгарского государства-сателлита, возглавляемого пророссийски настроенным князем), предназначение которого — помочь Петербургу «удовлетворить свои амбиции в день падения Османской империи»²⁹.

Осенью 1876 г. подозрения английского премьера относительно подготовки России к войне вряд ли можно было на-

звать абсолютно беспочвенными. Одновременно с отправкой в Вену графа Сумарокова-Эльстона из Ливадии, где на тот момент находился император Александр, канцлер А.М. Горчаков, военный министр Д.А. Милютин и посол в Стамбуле Н.П. Игнатьев, последовало высочайшее повеление о подготовке к мобилизации войск Одесского, Харьковского, Киевского и части Кавказского военных округов³⁰. Серединой сентября—октябрем 1876 г. датируется и дипломатический зондаж, предпринятый российской стороной для выяснения позиции Берлина на случай проведения ею изолированной военной акции против Порты и возможного конфликта с Австро-Венгрией (справедливости ради, стоит, впрочем, отметить, что аналогичный зондаж был предпринят и со стороны Вены — так наз. миссия барона Мюнха). Не дожидаясь ответа от германского правительства, император Александр провел 3 (15) октября 1876 г. в Ливадии знаменитое совещание с участием цесаревича Александра Александровича, великого князя Николая Николаевича и министра финансов М.Х. Рейтерна. Обсуждался вопрос о возможности вооруженного вмешательства России в дела Балкан. По запросу императора министр финансов подготовил даже смету расходов на ведение боевых действий, не преминув, впрочем, при этом отметить, что война приведет «не только к расстройству, но ... к погрому наших финансовых и экономических интересов»³¹. На совещании было решено, что в случае разрыва с Турцией основным объектом военных операций станет Константинополь. Вспоминая события тех дней, великий князь Николай Николаевич, назначенный тогда же главнокомандующим Дунайской армией, писал государю из Сан-Стефано в феврале 1878 г.: «Когда ты объявил мне свою волю назначить меня главнокомандующим действующей армии, я у тебя спросил, к какой цели должен стремиться, ты мне лаконично ответил: «Константинополь!», и ровно через шестнадцать месяцев я, со всею гвардией, под Царьградом»³². Тогда же, в начале октября 1876 г., в Ливадии стартовали переговоры с румынским премьер-министром И. Брэтиану, посвященные заключению военной конвенции, касающейся «прохода российских войск через Румынию, для действия за Дунаем»³³.

Именно с этого времени тема войны начала звучать открытым текстом и в дипломатической переписке между Петербургом и Веной. В первых числах октября между императорами России и Австро-Венгрии произошел очередной обмен посланиями, в которых обсуждалось предложение Александра II о своевременности практической реализации так наз. второго Рейхштадтского решения. Суть ответа Франца-Иосифа на предложение русского монарха была изложена Новиковым (со слов Андраши) в секретном письме Горчакову от 11 (23) октября 1876 г.³⁴ Из пересказа следовало, что австрийский император признал необходимость скорейшей реализации идей Рейхштадта, а именно, параллельного «австро-русского вмешательства», однако оговорил эту реализацию условием — если это вмешательство «будет вызвано сопротивлением Турции». Конкретные детали будущей совместной операции следовало, по его мнению, оговорить в специальной конвенции. В вопросе о выборе времени для начала военных действий первенство он признавал за Россией. Лишь после этого Австрия намеревалась вступить в Боснию и Герцеговину. Как писал Новиков, Австрия займет «Боснию и Герцеговину, чтобы уже не оставить их, но она не провозгласит того заранее, не объявит даже войны Турции; она вмешается под предлогом необходимости не позволить длиться анархии в приграничных турецких провинциях, правительство которых не способно восстановить порядок». Около этой фразы сохранилась помета Александра II: «Это же именно то, чего мы хотели бы, и это совершенно не принято нами во внимание». Что касается заключения двусторонней конвенции, то в ходе ее подготовки особое внимание, по словам Андраши, следовало уделить секретности. По его мнению, весь процесс переговоров и итоговый документ должны были остаться исключительно «тайной двух императоров» и ни в коем случае не стать достоянием «министров, не говоря уж об остальных державах. Только тогда можно будет надеяться на возможность создания впечатления изолированной деятельности, в то время как в действительности она будет происходить в соответствии с заранее условленным планом».

По поводу обсуждаемых в Вене перспектив военных действий Новиков высказался абсолютно недвусмысленно в письме Горчакову от 18 (30) октября 1876 г.³⁵ «Война, — писал он, — а, в сущности, говоря открыто, совместная австро-русская интервенция, будет предусмотрена лишь на случай, если Порта окажет сопротивление программе, происшедшей из европейского согласия, и если это сопротивление выразится в резне. Гипотеза войны, основываясь на этом условии, становится достаточно проблематичной. ... Остается альтернатива, согласно которой мы, принимая во внимание лишь наши собственные нужды, самостоятельно начнем кампанию либо будущей весной, либо раньше. Именно ... ее здесь ожидают от нас. Австро-Венгрия ответила бы на нее окончательным вводом своих войск в Боснию и Герцеговину ... исключительно со ссылкой на свои собственные интересы и с явной целью предохранить свою собственную территорию от анархической заразы соседей ... это не будет войной ... это будет всего-навсего оккупацией залога, но с тайной мыслью более не возвращать его. Хотя и согласованная с нами, она не представится таковой Европе, поскольку наше согласие останется в тайне».

В переписке между Петербургом/Ливадией и Веной, датированной осенью — началом зимы 1876 г., трудно обнаружить ссылки на какие-либо внешнеполитические события, которые оказывали бы принципиальное влияние на вектор переговоров. Ни победы турецких войск над сербами, ни планы подготовки международной конференции в Константинополе, ни, тем более, активность славянофильски настроенной русской общественности не находили в этой переписке ни должного отражения, ни эмоционального отклика. Исключение составляет, пожалуй, лишь реплика А.Г. Жomini, с досадой брошенная им в письме Новикову по поводу принятия Портой русского ультиматума о перемирии: «Если бы он (ультиматум — Авт.) был отвергнут, — написал он 21 октября (2 ноября) 1876 г., — это упростило бы нашу позицию в том, что касается характера разрыва, и руки у нас были бы развязаны в том, что касается войны»³⁶.

Создается вполне определенное впечатление, что для узкого круга лиц, посвященных в ход переговоров в Вене, факт

неизбежности скорой войны с Турцией не вызывал сомнений. Во всяком случае, в выявленных документах невозможно обнаружить никаких намеков на нерешительность со стороны высшего политического руководства Российской империи. В качестве даты начала военных действий в дипломатической переписке наиболее часто мелькают упоминания о грядущей зиме или весне. Что же касается скорости подготовки текста конвенции с Австро-Венгрией, то для нее был характерен явно ускоренный режим.

В отечественной историографии прочно утвердилось мнение (обязанное своим происхождением очевидцу событий С.С. Татищеву), что переговоры между Новиковым и Андраши по подготовке Будапештской конвенции начались в ноябре 1876 г. после получения известия о мобилизации русских войск³⁷. Однако все вышеприведенные документы противостоят этому свидетельству. По этому поводу можно выдвинуть две версии: предположить, что степень секретности, созданная вокруг предварительной стадии переговоров, была до такой степени высокой, что даже секретарь посольства оставался в полном неведении, или же, что Татищев намеренно искажал истину в угоду соображениям идеологического порядка.

Исходя из выявленных материалов, можно с полным основанием утверждать, что ноябрем 1876 г. следует датировать не начало переговоров, а непосредственную работу над текстом конвенции. В частности, уже 21 октября (3 ноября) 1876 г. датируются составленные А.Г. Жомини и высочайше утвержденные инструкции для Новикова, определившие конкретное содержание основных статей будущего документа³⁸. Поскольку эти инструкции явили собой, в силу своего директивного характера, фактически российскую программу-максимум, предопределившую для Новикова весь ход дальнейшей работы над текстом конвенции, имеет смысл процитировать их подробно. «Насколько мы поняли виды императора Франца-Иосифа из письма, которое он направил нашему Августейшему Покровителю, — отмечалось в инструкциях, — кабинет Вены допускает совместную акцию лишь в случае, если распад Оттоманской империи, осуществившись сам собой, вынудил бы Европу же-

лать вмешательства. Его Величество предпочел бы дожидаться этого момента, который, по его мнению, не слишком отдален. Если же, однако, наш Августейший Покровитель счел бы своим долгом предупредить его, действуя незамедлительно, император Франц-Иосиф согласился бы на акцию, независимую на вид, но на деле согласованную таким образом, чтобы вести к общей цели путями, приспособленными к исключительному положению и к парламентским нуждам Австро-Венгрии. Что касается нас, то нет возможной альтернативы. Россия слишком взволнована событиями, происходящими на Востоке, она в них слишком непосредственно заинтересована ... Его величество не верит более в европейскую дипломатию ... Император полон решимости действовать самостоятельно и без промедлений. Мы должны, таким образом, основывать наш союз на второй из альтернатив, предложенных в письме Франца-Иосифа. Речь идет о том, чтобы связать оба правительства точными обязательствами. ... Такова задача, которую доверяет Вам наш Августейший Покровитель. Первая фаза будет главным образом дипломатической. Австрия обязуется занять позицию абсолютно благожелательного нейтралитета по отношению к изолированной акции России. Она парализовала бы этой позицией попытки коллективного вмешательства или посредничества, которые, возможно, предпримут другие кабинеты. ... Поскольку любое решение Европы на основании договора от 18 (30) марта и отдельного договора от 15 апреля 1856 г. требует единодушия держав-участников договоров, от Австро-Венгрии зависело бы сделать это единодушие невозможным. ... На этой стадии вопроса необходимо будет уточнить практические меры, посредством которых эта позиция благожелательного нейтралитета должна была бы претвориться в военную точку зрения. Следует обусловить, в частности: 1) чтобы австро-венгерское правительство оказало содействие организации русских санитарных заведений по линии железной дороги Лемберг—Черновиц, так же как движение вагонов, необходимых санитарной службе, из Царства Польского в Румынию и обратно 2) чтобы оно не чинило никаких препятствий членам комиссии и агентам русского правительства, осуществляющим в пределах австрийской территории закупки

и заказы предметов, необходимых русской армии, и заключению с железнодорожными и пароходными компаниями контрактов о военных перевозках (за исключением войск) и фурнитуры для судов и вагонов. В случае если венский кабинет сочтет необходимым вступить в Боснию, момент и способ приступить к этому будут зависеть от его суждения. Следует, однако, пожелать, чтобы эта мера была лишена всякого признака враждебной нам оппозиции даже в том случае, если она не приобретет характера солидарности с нашей оккупацией Болгарии. Во всяком случае, необходимо будет, чтобы венский кабинет обязался не распространять зоны своего военного влияния на Румынию, Сербию, Герцеговину и Черногорию. Главное, чтобы эти страны сформировали сплошную зону, предназначенную предохранить от всякого контакта армии обеих империй. Австрийское правительство должно будет, равным образом, обязаться ни в чем не стеснять ни наших военных операций, ни операций христианских провинций, которые присоединятся к нам против турок. Есть, наконец, один деликатный вопрос, который венский кабинет должен помочь нам разрешить. Это вопрос о Дунае. Необходимость устроить там порт и защитить его от турецких канонерок вынудит нас создать временные трудности для навигации на этой реке, гарантированной договорами. Мы должны подготовиться к протестам. Венский кабинет ... будет в состоянии смягчить эту проблему до размеров временного инцидента, неизбежного в случае войны, но не задевающего великих принципов, сохранение которых интересует Европу. С этой целью мы готовы, со своей стороны, взять формальные обязательства соблюдать принцип нейтралитета Дуная и восстановить его, как только нужды войны позволят это сделать. Время года, естественно приостанавливающее судоходство по этой реке, облегчит венскому кабинету задачу устранения дипломатических трудностей, которые могли бы возникнуть вокруг этого вопроса. Останется, наконец, урегулировать последствия войны. Они могут составить предмет отдельного обязательства. В этом акте необходимо будет четко уточнить объем взаимных выгод, которые оба двора выговаривают для себя, сообразовываясь с тем, что было условлено в Рейхштадте ...».

Данные инструкции имели характер официального, открытого для австрийской стороны документа. Одновременно с ними Новиков получил датированные тем же числом секретные разъяснения³⁹. При оформлении конвенции послу было рекомендовано обратить особое внимание на точность формулировок, учитывая, как было сказано, все риски, связанные с конституционным характером монархии Габсбургов. В частности, отмечалось: «Мы должны оградить себя от парламентских сюрпризов; конституционные правительства подчинены им и всегда могут прикрыться ими. Именно это соображение вы должны в особенности иметь в виду. ... Возможно, вы сочтете необходимым заключить открытый акт и секретный договор. Мы не имеем ничего противного. Подпись императора Франца-Иосифа имела бы значение обязательства чести. Этот секретный акт должен был бы содержать регламент последствий войны и четко определить размер приобретений, на которые претендует Австрия». Особое беспокойство А.Г. Жомини вызывала проблема аннексии Герцеговины, которая, согласно австрийской записи Рейхштадского соглашения, должна была стать зоной австрийской оккупации, а в русской оказалась должным образом не прописана. Трудно сказать, было ли это беспокойство временно управлявшего делами российского МИД чиновника искренним, вызванным плохим знанием ситуации, или являлось частью задуманного Петербургом торга. В пользу первого предположения говорит жалоба на Андраши, высказанная Жомини российскому послу: министр «обещал мне подробную карту Боснии» с обозначением зон, отходящих к Австро-Венгрии, но до сих пор «ее не направил». Перед Новиковым была поставлена задача прояснить данный вопрос в ходе грядущих консультаций. Впрочем, сопровождающая фраза — «Мы не хотим сутяжничать из-за размеров приобретений», явно намекала на нежелательность превращения этого пункта в яблоко раздора. В качестве ответного жеста от австрийской стороны ожидалось понимание озабоченности России в отношении ее приобретений на востоке Балкан («наша умеренность дает нам право требовать определенной взаимности»).

В тот же день, которым датированы инструкции Новикову, император Александр принял в Ливадии британского посла лорда Лофтуса и постарался развеять подозрения английской стороны относительно агрессивных планов России на Балканах. Сохранился опубликованный Татищевым подробный пересказ письма британского посла министру иностранных дел Э. Дерби с отчетом об этой аудиенции⁴⁰. В ходе беседы обсуждалась тема созыва международной конференции. Учитывая высокую вероятность ее провала, император высказался в пользу свободы действий для России на Балканах. При этом он подчеркнул, что Россия не стремится к завоеваниям, он «дал священное честное слово», что не имеет намерения завладеть Константинополем, прибавив, правда, что если обстоятельства и вынудят его занять часть Болгарии, то лишь на время — для обеспечения мира и безопасности христиан.

Спустя несколько дней император Франц-Иосиф принял по просьбе Александра II посла Е.П. Новикова в связи с возложенным на того неким секретным поручением. Этим поручением оказался акт официального вручения австрийскому императору вышеупомянутых открытых инструкций. Подробный отчет об этой аудиенции посол отправил канцлеру Горчакову 3 (15) ноября 1876 г.⁴¹ По его наблюдениям, реакция императора на предложения российской стороны была в высшей степени позитивной. «Я смог констатировать, — пишет он, — как трудно ему было освоиться с идеей неизбежной и близкой войны России с Турцией, но все-таки он с ней смирился». Прочитав документ, Франц-Иосиф несколько раз повторил: «Мы, видимо, договоримся», добавив, что предстоит только сделать несколько уточнений, например, относительно фразы о «не распространении» зоны австрийского военного влияния на Герцеговину. Благодаря этому повороту разговора Новикову удалось вызвать императора на обсуждение темы аннексии Герцеговины. Франц-Иосиф высказался на этот счет следующим образом: «Эта провинция была включена в Рейхштадте в сферу нашего влияния. Впрочем, мы не претендуем на то, чтобы полностью обладать ею. Было решено, что Черногория должна иметь в ней свою долю». Новиков заметил в ответ, что

в представлении российского кабинета, в Рейхштадте речь шла «главным образом о части Герцеговины, соседствующей с Черногорией и Старой Сербией», на этом тема была закрыта. Однако в своем докладе в Петербург Новиков посчитал долгом дать необходимые разъяснения. «На вероятную аннексию большей части Герцеговины, — напомнил он, — как входящей в треугольник, заключенный между Далмацией, Хорватией и Словенией, было указано мне графом Андраши еще во время встречи в Рейхштадте в числе предрасположений, касающихся будущего. ... Впрочем, поскольку узкая полоса земли, отделяющая сегодня Сербию от Черногории, была в этой же записке присуждена обоим княжествам, с руслом Лима в качестве границы между ними, это уже формирует ту сплошную зону, на необходимость которой указывают мои инструкции и которая предназначена предохранять армии двух империй от непосредственного контакта».

К моменту аудиенции у Франца-Иосифа процесс работы над текстом будущей конвенции был в самом разгаре. Об этом Новиков сообщил Горчакову в другом письме, датированном тем же 3 (15) ноября 1876 г.⁴² Он отметил, в частности, что пункт о единстве действий на Константинопольской конференции разногласий не вызывает, в том числе и по вопросу о предоставлении Болгарии статуса автономии. Андраши без труда поддержал идею доброжелательного нейтралитета Австро-Венгрии в случае начала Россией изолированной военной акции. При обсуждении вопроса о методах противодействия странам-гарантам Парижского мирного договора (в случае начала изолированной военной акции России) Андраши заметил: «Если Вы вступите в Турцию, а Англия и Франция обратятся к нам, чтобы именем Конвенции потребовать прекращения использования силы ..., мы заявим, что не расцениваем ваши передвижения как повод к войне». Австрийский министр согласился также с необходимостью создания нейтральной зоны, которая надежно разделила бы две армии от контакта.

Уже 14 (26) ноября 1876 г. Новиков отправил в Петербург составленный им проект будущей конвенции⁴³. Параллельно этот же текст он представил на рассмотрение Андраши. Про-

ект предполагал достижение следующих договоренностей. В первом параграфе значилось: осуществлять действия, «независимые на вид, но на самом деле согласованные, которые отвечали бы общим предвидениям и частной позиции обоих государств». Во втором параграфе констатировалось: «согласие по вопросу о необходимости потребовать на конференции в Константинополе широкой автономии, окруженной серьезными гарантиями, для Болгарии». В третьем и четвертом параграфах австрийская сторона обязалась соблюдать в случае начала Россией военных действий «позицию благожелательного нейтралитета и парализовать, таким образом, попытки вмешательства или коллективного посредничества, которые могли бы быть предприняты другими державами, как в ходе конференции, так и позднее». Параграф пятый был посвящен проблеме судоходства на Дунае. Шестой и седьмой — конкретным вопросам технического взаимодействия в ходе предстоящей военной операции. Имелось в виду содействие австрийской стороны в организации русских временных госпиталей на железнодорожных линиях Краков — Леополь (Львов) — Черновцы (между Границей и Сучавой) с ветками на Волочиск и Броды, допуск русских раненых в местные госпитали «по ныне действующему австрийскому военному тарифу»; благоприятствование перемещению российских железнодорожных составов из Королевства Польского в Румынию и обратно, а также деятельности агентов по закупкам «предметов, необходимых для русской армии, и заключению с железнодорожными и паровозными компаниями контрактов на военные перевозки» (за исключением войск и на поставку судов и вагонов). В восьмом параграфе за Австро-Венгрией оговаривалось право «свободы выбора и способа занятия Боснии своими войсками». В девятом параграфе стороны принимали взаимные обязательства не стеснять друг друга в ходе проведения военных операций и не распространять сферы своего влияния: Россия — на Боснию (и многоточие), Австрия — на Румынию, Сербию, Черногорию (и многоточие). Предполагалось создание нейтральной зоны. Десятый параграф налагал на австрийскую сторону обязательство не стеснять военные действия русских войск и военные

операции христианских провинций, которые пожелали бы объединиться с Россией против Порты. Русская сторона брала на себя аналогичное обязательство в отношении операций австрийских войск. Одиннадцатый и двенадцатый параграфы указывали на необходимость заключения дополнительной конвенции, касающейся урегулирования территориальных изменений на Балканах. Стороны брали на себя обязательство сохранять достигнутые договоренности в строгой тайне.

Замечания российского руководства к проекту Новикова были изложены послу в депеше от 23 ноября (5 декабря) 1876 г.⁴⁴ В документе сообщалось, что проект одобрен царем и что по большинству пунктов возражений не имеется. Конкретные замечания министра иностранных дел касались параграфа, посвященного определению территории военной оккупации и нейтральных зон. Горчаков не высказал никаких возражений против распространения зоны военного влияния Австро-Венгрии на Герцеговину, но указал на желательность создания нейтральной зоны на той части ее территории, которая отделяет Сербию от Черногории. Особое внимание он уделил вопросу статуса Сербии и участия ее населения в предстоящей войне. Этой теме министр посвятил наибольшее количество строк, что указывает на ее важность для Петербурга. «Если бы австрийское правительство согласилось на совместную акцию, — писал он, — было бы естественным сохранить нейтралитет как Сербии, так и Черногории. Но в случае единоличного действия Россия не может отказаться от содействия этих двух стран; кроме того, невозможно было бы удержать их народы от вооруженных действий, а в таком случае следует урегулировать организацию их военных действий. В остальном Россия не намерена осуществлять там иного влияния, кроме того, которое по необходимости отвечает военным требованиям. Россия согласна также на освобождение от ее влияния, в случае необходимости, западной части Сербии, граничащей с Боснией. Но полный нейтралитет Сербии и Черногории невозможен для России, так же как и введение в Сербию и Черногорию австрийских войск или распространение на них австрийского военного влияния».

Предварительные замечания Андраши к проекту (до ознакомления с ним императора Франца-Иосифа) касались в основном конкретных деталей. Они были изложены Новиковым в докладе Горчакову от 16 (28) ноября 1876 г.⁴⁵ Основные проблемы возникли в связи с обсуждением вопросов военнотехнического взаимодействия. Андраши обещал содействие венского кабинета в организации санитарных учреждений и приеме русских раненых в австрийские госпитали по действующему войсковому тарифу. Рядом с этой фразой сохранилась помета Александра II: «Это уже больше, чем я надеялся». Однако министр категорически возражал против военного транзита, ссылаясь на нарушение статуса нейтралитета Австро-Венгрии. Сложными для обсуждения оказались вопросы о нейтральной зоне, о границах русской оккупации и участии в войне местных христиан. Андраши воспринял в качестве технической ошибки включение в нейтральную зону территории Герцеговины. Он напомнил, что аннексия большей части этой провинции в пользу Австро-Венгрии была оговорена в Рейхштадте. Рядом с этой фразой сохранилась помета Александра II: «Нет, речь шла лишь о части Боснии».

Исходя из этой реплики русского императора, можно предположить, что в Рейхштадте все же могла иметь место элементарная путаница в терминологии. Дело в том, что во второй половине XIX в. Босния и Герцеговина составляли единый Боснийский вилайет, фигурировавший в документах того времени чаще всего под общим названием «Босния»⁴⁶. В частности, именно этим термином обычно именовал Андраши (и не только он) обе территории в переписке со своими дипломатами⁴⁷. Новиков и Горчаков, как профессионалы в делах Балкан, и судя по их переписке, были в курсе данного обстоятельства, но, исходя из пометы Александра II, русский император, похоже, этого действительно мог не знать (равно, кстати, как и А.Г. Жomini). Впрочем, в дальнейшем эта тема на переговорах более не всплывала. Из этого факта можно сделать лишь один вывод: необходимая информация Александру II была предоставлена.

Что касается дальнейших замечаний Андраши к проекту, то одни из наиболее серьезных касались определения гра-

ниц нейтральной зоны. Министр настаивал на включении в нее Сербии, Черногории и разделявшего их участка Герцеговины. С этим пунктом Александр II также не был согласен. «Это то, чего мы не можем допустить», — оставил он помету. Однако в итоговый текст Будапештской конвенции вошел именно данный вариант. Большие сомнения вызвало у Андраши желание России использовать военный потенциал местных христиан. На его взгляд, эта попытка могла, спровоцировав ожесточенные этнорелигиозные конфликты, привести к анархии, способной угрожать безопасности приграничных австрийских провинций. Он также опасался, что участие балканских народов в военных действиях могло породить с их стороны претензии на самостоятельность при определении будущих границ в регионе (без учета договоренностей, достигнутых между Россией и Австро-Венгрией). Новиков подобные опасения не разделял. Он полагал, что «это анархическое движение перестанет быть опасным, когда будет управляться Россией». Рядом с этими словами сохранилась помета Александра II: «Я надеюсь на это». Опасения Андраши относительно возможных территориальных претензий славян вызвали у императора не понимание, а лишь язвительный комментарий: «Это высшая степень коварства, ибо он хотел бы, чтобы Австрии, а не нам обе эти провинции были обязаны увеличением». Андраши не упорствовал. В окончательном варианте конвенции было записано, что австрийское правительство «не будет противиться комбинированным действиям сербских и черногорских сил вне пределов их государств совместно с русскими войсками».

После консультаций, проведенных с императором Францем-Иосифом, Андраши подготовил для обсуждения с российской стороной отредактированный им текст. Предложенный им вариант конвенции⁴⁸ максимально полно совпадает с подписанным в Будапеште официальным документом. Разночтения касаются главным образом статьи VIII. Андраши предложил формулировку, предполагающую не распространять военные операции австрийских войск на Румынию, Болгарию, Сербию и Черногорию. В окончательном варианте текста за-

писано — на Румынию, Сербию и Черногорию. В отношении аналогичных обязательств российской стороны расхождения следующие: в проекте Новикова значилась лишь Босния и многоотчие, у Андраши и в подписанном в Будапеште документе — Босния, Герцеговина, Сербия и Черногория. Кроме того, русский посол предлагал поместить столь важный для российской стороны пункт об автономии Болгарии в статью II, у Андраши и в итоговом варианте он помещен в статью I.

Значительная часть заключительной стадии переговоров, прошедшей в Будапеште, куда Новиков прибыл 20 ноября (2 декабря) 1876 г., была посвящена конкретным вопросам военно-технического взаимодействия. Именно по этим вопросам (в отличие от политической составляющей конвенции) договаривающиеся стороны никак не могли прийти к консенсусу. В данной связи военный министр Д.А. Милютин даже предоставил российскому послу особые полномочия, о чем канцлер Горчаков сообщил Новикову в телеграмме от 16 (28) ноября⁴⁹. Переговоры проходили трудно. Российской стороне так и не удалось включить в текст разрешение на циркуляцию российских транспортов по железным дорогам Австро-Венгрии, в том числе из Царства Польского в Румынию⁵⁰.

Окончательный вариант текста быстро прошел процедуру необходимых согласований в Петербурге, откуда 15 (27) декабря 1876 г. был отправлен обратно Новикову⁵¹. В сопроводительном письме отмечалось, что император «ничего не имеет возразить против соображений» (т.е. поправок) графа Андраши и доверяет австрийскому министру «самому составить на этих основаниях акт». Согласно изложенной в письме высочайшей воле, военная конвенция должна была быть подписана незамедлительно, причем, одновременно с подготовленным в ходе переговоров дополнительным секретным актом, «имеющим такую же силу и значение».

По информации С.С. Татищева, готовый текст обеих частей конвенции был направлен Александром II с личным письмом германскому императору Вильгельму 31 декабря 1876 г. (из текста не очень понятно, о каком стиле — старом или новом, идет речь, поскольку автор склонен по своему усмотрению ис-

пользовать оба варианта)⁵². По сведениям того же источника, хотя в качестве официальной даты подписания Будапештской конвенции значится 3 (15) января 1877 г., однако из-за интриг О. Бисмарка этот акт произошел на самом деле значительно позднее — в начале апреля 1877 г.⁵³, т.е. в самый канун русско-турецкой войны. Данная точка зрения, дополненная предположением о разновременном подписании двух частей Будапештской конвенции⁵⁴, получила статус общепризнанной в отечественной историографии. Однако документальных подтверждений тому в выявленных материалах обнаружить не удалось. Впрочем, для заявленной в статье темы данное обстоятельство не представляется слишком значительным. Гораздо важнее, что подписанный текст конвенции⁵⁵, исключительно близко совпадающий с проектом Новикова и полученными им высочайше утвержденными инструкциями, является безоговорочным свидетельством успеха отечественной дипломатии. Из основных положений российской программы-максимум посол не смог добиться включения в окончательный вариант текста лишь пункта о военном транзите через территорию нейтральной Австро-Венгрии и появления на документе подписи императора Франца-Иосифа.

В заключение имеет смысл констатировать, что документальная история подготовки Будапештской конвенции оставляет не слишком много места для рассуждений о «пассивности» и «нерешительности» русского императора накануне войны 1877–1878 гг., о бескорыстной защите Россией интересов балканских славян, о тяжелых и вынужденных дипломатических уступках Габсбургам, о том, что в 1875–1877 гг. русское самодержавие двигалось не собственным выверенным курсом, а в фарватере общественных движений. Скорее эта история достаточно наглядно иллюстрирует факт наличия у высшего политического руководства России ясного понимания национальных интересов именно своей страны, жесткой воли и последовательности в их реализации, причем, вне зависимости от соответствия оных надеждам и претензиям турецких христиан.

Примечания

¹ Кочуков С.А. «За братьев-славян». Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012. С. 342, 339, 353, 155.

² Попов Џ. Srbija na putu oslobođenja. 1808–1878. Beograd, 1980; Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији у 19 веку. Београд, 1982; Екмечић М. Устанак у Босни. 1875–1878. Београд, 1996; Екмечић М. Друго кретање између клања и орања: историја Срба у Новом веку. 1492–1992. Београд, 2008; Войводић М. Русско-сербские отношения периода Восточного кризиса 1875–1878 гг. в сербской историографии // Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб, 2010.

³ Seton-Watson R. Disraeli, Gladstone and Eastern Question. London, 1935; Harris D. Diplomatic History of the Balkan Crisis of 1875–1878. Stanford-London, 1936; Sumner B. Russia and the Balkans. 1870–1880. Oxford, 1937; Hegedüs R. The Foreign Policy of Count Julius Andrassy // The Hungarian Quarterly. 1937. V. 3. № 3/4; Rupp G. Wavering Friendship. Russia and Austria 1876–1878. Cambridge, London, 1941; Bridge F. From Sadowa to Serajevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary 1866–1914. London, 1972; Mac-Kenzie D. The Serbs and Russian Pan-slavism. 1875–1878. New York, 1967; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М., 2007.

⁴ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. М., 1923; Пушкаревич К.А. Балканские славяне и русские освободители: Славянские комитеты и события на Балканах перед русско-турецкой войной 1877–1878 гг. // Труды Института славяноведения АН СССР. М.-Л., 1934.

⁵ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII–начало XX в. М., 1978; Киняпина Н.С. Външната политика на Русия през XIX в. София, 1980; Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981; Международные отношения на Балканах. 1856–1878. М., 1986; Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) М., 1999; История дипломатии. М., 2005; Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006; Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005; Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М., 2010; История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие. 1856–1878. М., 2012.

⁶ Вяземская Е.К. Восстание в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1875 г. – апрель 1877 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Вяземская Е.К. Российская дипломатия и вопрос об автономии Боснии и Герцеговины в 1876 г. // Советское славяноведение. 1984. № 1; Вяземская Е.К. Из предыстории Будапештской конвенции 1877 г. ИНИОН РАН. Деп. рук. № 17124. М., 1984.

⁷ История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в новое время. 1872–1919. М., 1945; История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в новое время. 1871–1914. М., 1963.

⁸ История дипломатии. Т.2. М., 1963. С. 95, 111; История дипломатии. М., 2005. С. 596.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия. Д. 127. Д. 128. Д. 129.

- ¹⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 112. Л. 557–562.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 114. Л. 119–119 об.
- ¹² АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 113. Л. 12–17.
- ¹³ *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 2. М., 1996. С. 278.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 86. Л. 29–29 об.
- ¹⁵ *Hegedüs R.* Op. cit. P. 629.
- ¹⁶ *Harris D.* Op. cit. P. 292.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 129. Л. 66.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 128. Л. 206–211.
- ¹⁹ *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 176; *Конобеев В.Д., Мазаев В.И.* Россия и национально-освободительное движение болгарского народа (от Апрельского восстания 1876 г. до русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) // 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. 1878–1978. М., 1978. С. 16.
- ²⁰ *Вяземская Е.К.* Российская дипломатия и вопрос об автономии Боснии и Герцеговины в 1876 г. С. 29–30.
- ²¹ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 294.
- ²² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 127. Л. 292–298 об.
- ²³ Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917 гг. М., 1952. С. 144–148.
- ²⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 129. Л. 181 об.
- ²⁵ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 303.
- ²⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 128. Л. 294–299 об.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 128. Л. 282–288 об.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 76. Т. 2. Л. 165–167.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 76. Т. 1. Л. 229–232.
- ³⁰ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 315.
- ³¹ *Степанов В.А.* Михаил Христианович Рейтерн // Отечественная история. 1994. № 6. С. 47.
- ³² *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 436.
- ³³ Российский государственный Военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 485. Д. 1568. Л. 2–2 об.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 128. Л. 308–313 об.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 128. Л. 314–320 об.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 129. Л. 202.
- ³⁷ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 331–332.
- ³⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 129. Л. 215–220 об.
- ³⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 129. Л. 207–210 об.
- ⁴⁰ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 308–310.
- ⁴¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 127. Л. 292–298 об.
- ⁴² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 127. Л. 306–311.
- ⁴³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 127. Л. 330–337 об.
- ⁴⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 129. Л. 281–286.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 128. Л. 341–350.

⁴⁶ *Rupp G.* Op. cit. P.145.

⁴⁷ *Вяземская Е.К.* Из предыстории Будапештской конвенции 1877 г. С. 17.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 127. Л. 434–443.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 127. Л. 388 об.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 127. Л. 389.

⁵¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1876. Д. 129. Л. 317–317 об.

⁵² *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 334.

⁵³ Там же. С. 334–335.

⁵⁴ Например, авторы «Истории дипломатии» (Т. 2. М., 1963. С. 112), а за ними и большинство советских историков относят датировку основной части конвенции к 3 (15) января 1877 г., а ее дополнительной части к 6 (18) марта 1877 г.

⁵⁵ Сборник договоров России с другими государствами. С. 149–155.

Светлана Ивановна
ДАНЧЕНКО

СЕРБСКИЙ ВОПРОС В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА III

«Хорошей стороной прошлого царствования, — писал об эпохе Александра III В.Н. Ламздорф в своем дневнике, — была, безусловно, внешняя политика, восстановившая мир в умах и путем весьма ловких и подходящих средств сумевшая препятствовать всему, что было бы способно этот мир нарушить»¹.

Когда 20 октября 1894 г., процарствовав 13 лет, Александр III скончался, многие органы русской периодической печати откликнулись на это событие стихотворными публикациями. Так, в «Живописном обозрении» (№ 46, автор В. Петрович) мы читаем:

*И — оставлена порфира...
И в печальный смутный час
Миротворец в царство мира,
В голубую высь эфира,
Улетел, покинув нас!..*

В газете «Южный край» (№ 4739) автор Василий Иванов писал:

*Изведав ужасы и беды,
Какие может дать война,
Он знал, что лаврами победы
И так увенчана страна.
Не сотворив себе кумира
Из громких подвигов войны,
Он светом благостного мира
Путь озарил родной страны.*

А Аполлон Коринфский во «Всемирной иллюстрации» в стихотворении «Последнее прощание (Из эпопеи скорбных дней)» назвал Александра III «мира всемирного воин»².

Так думали, оценивали и писали современники и подданные Александра III. Ту же оценку дают ему наши современники и коллеги. Например, известная исследовательница В.А. Твардовская, автор очерка об Александре III в книге «Романовы. Исторические портреты. 1762–1917. Екатерина II – Николай II» (М., 1997), констатирует: «“Титул” миротворца Александр III действительно заслужил своей внешнеполитической деятельностью»³. Так же высказываются по этому вопросу и другие современные историки – Н.С. Киняпина, М.Ю. Золотухин, В.М. Хевролина. О.Р. Айрапетов в своем фундаментальном труде «Внешняя политика Российской империи (1801–1914)» (М., 2006), публикуя циркуляр русского МИД от 4 (16) марта 1881 г., подчеркивает, что новый император считал сохранение мира для России основным приоритетом своей внешней политики⁴.

28 марта (9 апреля) 1882 г. после отставки А.М. Горчакова МИД возглавил Н.К. Гирс, с 1875 г. являвшийся товарищем министра иностранных дел и фактически после Берлинского конгресса 1878 г. заменявший престарелого князя. Однако Александр III любил повторять, что он «сам себе министр иностранных дел». И действительно император активно вникал во все нюансы внешнеполитической деятельности, о чем красноречиво свидетельствуют хотя бы его многочисленные пометы на донесениях российских дипломатов из-за границы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи. Если говорить о донесениях из Сербии, то замечания эти были довольно дельные, по существу, хотя часто далекие от соблюдения дипломатического этикета.

80-е – начало 90-х годов XIX в. – важный период в развитии сербской государственности, когда во взаимодействии многих факторов рождалась новая Сербия. Провозглашение государственного суверенитета страны поставило на повестку

дня вопрос о переустройстве всех общественных отношений и утверждении новых гражданских и политических структур. Кроме того, встал вопрос о способе включения традиционного сербского общества в европейскую модель социально-экономического и политического развития. Отношения с другими государствами, в первую очередь с Россией и Австро-Венгрией, являлись важнейшей составляющей данного процесса, по признанию как современников событий, так и их исследователей.

Позиция Петербурга по отношению к Сербии в рассматриваемый период вписывалась в общее русло балканской политики России, ориентированной на укрепление влияния в регионе путем поддержки молодых независимых государств, учитывавшей, разумеется, собственные российские государственные интересы, в том числе отдаленные геополитические задачи.

После Берлинского конгресса 1878 г. Сербия начала переходить в сферу экономического и политического влияния Австро-Венгрии. Это одна из главных особенностей развития независимого Сербского государства.

Причины утраты влияния России в Сербии носили комплексный характер. Наряду с субъективными (стремление князя Милана Обреновича заручиться поддержкой Габсбургской монархии при проведении им внутренней и внешней политики), существовали и объективные причины. К ним, прежде всего, относились крайне слабые экономические позиции России на Балканах, а также реакционный характер самодержавия, накладывавшийся и на сферу внешней политики, что настраивало против царизма прогрессивные круги балканского населения, и, наконец, усиление влияния иностранного капитала, захватывающего командные позиции в экономике молодых балканских государств. При слабом развитии внутренних рынков сельскохозяйственных продуктов чрезвычайно важное для балканских государств значение приобретали внешние рынки. При этом они испытывали нужду в промышленных товарах и капиталовложениях в развивающуюся национальную промышленность. Австро-Венгрия являлась главным торговым партнером всех балканских стран, исключая Грецию. Это и определило, в значительной мере, их внешнеполитическую

ориентацию, в том числе и Сербии⁵. «Расчет Петербурга на “благодарность” освобожденных народов, — справедливо отмечает М.Ю. Золотухин, — строился на песке. В политике конца XIX века соображения морального плана не играли решающей роли. Для сохранения взаимности нужны были другие связи, прежде всего экономические. Относительная отсталость России не позволяла ей конкурировать на Балканах с более развитыми странами Запада. Сильные позиции здесь австро-венгерского капитала обеспечили преобладание австрийского влияния в Сербии...»⁶.

Вместе с тем, Петербург не собирался полностью сдавать свои позиции в Сербии Вене, используя для этого различные «мирные» средства и опираясь на традиционные русофильские пристрастия широких масс сербского народа.

Основополагающим для политики России в сербском вопросе в рассматриваемый период являлся тезис, содержащийся во вступительной части доклада Азиатского департамента МИД за 1881 г.: «... Мы не можем безразлично смотреть, как этот (сербский. — С.Д.) народ, который нам обязан своим существованием и своей независимостью, становится сателлитом Австрии»⁷.

С 1877 г. российским министром-резидентом в Белграде являлся Александр Иванович Персиани (1842–1896), прослуживший на этом посту почти 17 лет. Прекрасно образованный, хорошо знавший Сербию, ее правителей и народ, особенности исторического развития Сербского государства, опытный дипломат, Персиани, следуя инструкциям из Петербурга, а иногда и несколько отклоняясь от их буквального выполнения, прилагал немало усилий, чтобы в непростой и быстро изменяющейся ситуации в независимой Сербии способствовать поддержанию российско-сербских отношений на должном уровне, расширению, насколько это было в тот период возможно, российско-сербских связей, чем заслужил уважение в различных слоях сербского общества. Секретарь Й. Ристича Б. Петрович в своих воспоминаниях о главе тогдашнего сербского правительства назвал Персиани «искренним другом Сербии и корректным русским дипломатом»⁸.

Небезынтересно и другое высказывание о Персиани, принадлежащее русскому ученому-слависту П.А. Кулаковскому (1848–1913), в 1878–1882 гг. профессору русского языка и литературы белградской Великой школы. 31 мая 1879 г. он писал И.С. Аксакову в Москву: «Что касается наших дипломатов в Сербии, то они хороши. Персиани — горячий поклонник русского влияния на славян, поклонник славянской идеи, всем, что касается Сербии, очень интересуется. Конечно, он все-таки чиновник петербургский, но благородство и прямота ставят, по моему мнению, его выше многих лиц подобного сорта. Всякая неудача политическая России его страшно бесит. Все, что касается Сербии, что улучшает или путает отношения России к Сербии, его глубоко интересует. Он готов на всякую инициативу добрую»⁹.

В целях восстановления утраченного влияния в Сербии и противодействия «австрийскому натиску» российская дипломатия уже с конца 70-х годов XIX в. пыталась использовать различные каналы и, в первую очередь, строительство железной дороги на территории княжества. Однако в этом предприятии Петербург потерпел неудачу: 8 июля 1878 г. глава сербского правительства подписал конвенцию, которая предоставила Австро-Венгрии право строительства сербской железной дороги, отвергнув предложения российских компаний. На первом этапе предполагалось построить линию Белград—Ниш—Вране, соединив ее с системой венгерских железных дорог через Савский мост и Землин (Земун). Дипломатический представитель Великобритании в Белграде охарактеризовал подписание конвенции как «первый шаг Австро-Венгрии к аннексии Сербии»¹⁰.

В октябре 1880 г. ушло в отставку либеральное правительство во главе с Й. Ристичем. Новый сербский кабинет возглавил Милутин Гарашанин (1843–1898). К власти пришли напредняки, либералы-прогрессисты, получившие образование в Европе, приверженцы «западных ценностей», которые взяли курс на «европеизацию» и «модернизацию» Сербии.

24 апреля 1881 г. правительство заключило торговый договор с Австро-Венгрией, который устанавливал такие низкие таможенные ставки, что можно было говорить о таможенной

унии двух государств. По этому договору сербская сельскохозяйственная продукция получила свободный доступ на австрийские рынки, что было весьма выгодно для сербского крестьянства, составлявшего большинство населения Сербии. С другой стороны, на уничтожение в зародыше была обречена промышленность княжества, не способная в таких условиях выдержать конкуренцию дешевых австрийских товаров.

Логическим продолжением экономического стало политическое подчинение страны. Инициатором его был сам князь Милан, считавший, что только монархия Габсбургов может обеспечить твердые гарантии сохранения за ним и его потомками сербского престола, в противовес притязаниям представителей соперничающей династии Карагеоргиевичей. Ради этого он сознательно пошел на ограничение суверенитета Сербии и 16 (28) июня 1881 г. без ведома скупщины и правительства заключил тайную политическую конвенцию с Австро-Венгрией сроком на 10 лет, поставившую под серьезное сомнение суверенитет Сербии.

Следует отметить, что, несмотря на самую строгую секретность, в условиях которой велись переговоры по данному вопросу, в сербских и европейских дипломатических и общественных кругах сразу же после заключения конвенции появились слухи о ее существовании. Н. Пашич, глава сербских радикалов, будущий глава правительства, писал, что знал о ней, но с ее содержанием ознакомился лишь после прихода к власти короля Александра Обреновича, в апреле 1893 г.¹¹. Судя по документам Архива внешней политики Российской империи, в России также было известно о тайном политическом союзе между Сербией и Австро-Венгрией. Во всяком случае, уже в феврале 1882 г. Персиани получил инструкции МИД, предписывавшие ему учитывать факт его существования. «Каковы бы ни были основы соглашения, заключенного между Сербией и Австрией, — писал Н.К. Гирс Персиани, — его осуществление — дело длительное. Многие обстоятельства и, особенно, реакция народа против подобного подчинения Австрии смогут изменить положение дел... Наша позиция тем временем должна быть осторожной»¹².

Учитывая новые реалии, сложившиеся к началу 1880-х годов в независимой Сербии, не осложняя отношений с партнерами по Союзу трех императоров — Австро-Венгрией и Германией, Петербургу предстояло выработать концепцию политики в сербском вопросе. При этом приходилось учитывать различные факторы политической жизни Сербии, такие как король, партии, отдельные влиятельные деятели, настроения народа.

Александр III и его окружение не доверяли князю (королю) Милану Обреновичу, справедливо видя в нем главного «творца» и «вдохновителя» проавстрийского внешнеполитического курса, опору гегемонии Габсбургской монархии в Сербии. А ведь поначалу все было иначе. Отношения между весьма энергичным, амбициозным Миланом и наследником российского престола Александром Александровичем, встречавшимися во время Восточного кризиса и русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на театре военных действий, были если не дружескими, то вполне достойными для людей такого положения. В 1876 г. будущий император Александр III даже стал крестным отцом сына Милана и его жены Натальи (в девичестве Кешко), которого молодые родители тоже называли Александром. Казалось, все прекрасно, и беспокоиться не о чем. Но как уже отмечалось, события развивались иначе, чем мыслилось в Петербурге, и в силу ряда причин (в значительной мере экономического характера, также сказались обиды сербских правящих кругов в связи с «проболгарской» позицией России на заключительном этапе Восточного кризиса) после Берлинского конгресса Сербия «поплыла в австрийских водах».

Судя по пометам Александра III на донесениях А.И. Персиани из Белграда и другим источникам, действия сербского монарха, пошедшего против «державы-покровительницы» и собственного народа, настроенного антиавстрийски, вызывали в Петербурге неизменное порицание. Вместе с тем это была, по словам самого Милана, лишь «платоническая оппозиция»¹³, в чем наглядно проявлялся прагматизм политики России в отношении Сербии. Руководители внешней политики Российской империи не верили в искренность намерений Милана, делавшего в начале бурных для Сербии 1880-х годов (возникновение

политических партий, борьба за конституционную реформу, деятельность оппозиции в скупщине, Тимокское восстание 1883 г.) попытки нормализовать ухудшавшиеся двусторонние отношения, особенно после отставки и изгнания из страны в 1881 г. известного русофила, митрополита сербского Михаила.

В связи с поражением Сербии в войне с Болгарией в 1885 г., когда страна переживала тяжелый внутривнутриполитический кризис, а король Милан намеревался даже отречься от престола и поручить королеве Наталье возглавить регентство при малолетнем Александре, в Петербурге, судя по секретной дипломатической переписке, серьезно рассматривался вопрос о смене династии в Сербии.

Следует признать, что в этот период российская политика в сербском вопросе заметно активизировалась. Проанализировав сложившуюся обстановку и те последствия, которые, по мнению официального Петербурга, могло иметь отречение Милана от престола, министр иностранных дел России Н.К. Гирс направил в Белград указания, содержавшие как объяснение позиции его ведомства, так и программу действий в отношении Сербии на ближайшее время. Руководители российской дипломатии констатировали, что Россия, как и прежде, не может безучастно относиться к происходящему в Сербии. «Если ввиду уже несколько лет продолжающегося между сербским королем и народом разлада, — отмечалось в инструкциях Персиани, — мы и предпочитали до сих пор воздерживаться от прямого вмешательства в их взаимные отношения, то при этом мы руководствовались исключительно нежеланием обострять эти отношения и ускорять кризис, который мог бы повлечь неблагоприятные для Сербии последствия. Ввиду последних осложнений, мы считаем своевременным выйти из этого положения и употребить все зависящие от нас усилия с тем, чтобы, насколько возможно, обеспечить Сербию от грозящих ей опасностей». Весьма важным, на наш взгляд, является следующее положение инструкции Гирса: «Предшествовавший и несогласный с доброжелательными советами нашими образ действий короля Милана не может внушать нам ни малейшего к нему доверия. Ввиду этого Вам ни в коем случае не следует

принимать участия в усилиях других держав... примирить короля с народом»¹⁴ (подчеркнуто нами. — С.Д.).

Приведенный документ является исключительно важным с точки зрения российско-сербских отношений рассматриваемого периода. Впервые в дипломатической переписке глава внешнеполитического ведомства детально изложил позицию официального Петербурга в отношении короля Милана, учитывая изменившуюся обстановку. «Подвижка» руководителей российской дипломатии по этому вопросу не вызывает сомнений. Примечательно уже то, что он подробно анализируется, а Персиани получает детальные инструкции. Главным является то, что если раньше, несмотря на негативное отношение к Милану Александра III и его окружения, он, тем не менее, признавался «единственно возможным правителем в Сербии», то теперь официальный Петербург был уже не против его «ухода», легитимного, разумеется. Более того, в вышеприведенном документе как вполне реальная рассматривается возможность смены династии в Сербии: «В случае неизбежности отречения короля Милана, — наставлял Гирс Персиани, — австро-венгерское правительство решится, по всей вероятности, поддерживать права его сына под регентством королевы Натальи. Но, с другой стороны, весьма вероятно, что вследствие внушенной королем Миланом к себе ненависти, часть сербского народа выскажется в пользу князя Петра Карагеоргиевича, который успел приобрести в Сербии известную популярность благодаря преимущественно родственному союзу с семейством князя Николая черногорского*. Мы не видим достаточных причин заранее высказываться в пользу которого либо из двух означенных претендентов, и нам казалось бы, что нравственная поддержка наша должна быть обеспечена за тем из них, на стороне которого окажется большинство сербского народа и вступление которого на престол сопряжено с наименьшими потрясениями и волнениями»¹⁵.

Вопрос о смене династии в этот критический момент сербской истории стоял вполне определенно. В высших диплома-

* Потомок Карагеоргия князь Петр Карагеоргиевич был женат на старшей дочери князя Николы княжне Зорке (1864–1890). — *авт.*

тических сферах России данная возможность рассматривалась всесторонне. Персиани было предписано подробно изложить свои соображения «о замещении верховной власти в случае отречения Милана», что он и сделал в донесениях в МИД от 28 ноября (10 декабря) 1885 г. и 22 декабря 1885 г. (3 января 1886 г.).

По мнению российского министра-резидента, в случае отречения Милана возможны три варианта:

«1) Регентство без участия королевы; 2). Регентство, имеющее королеву Наталью во главе и 3). Перемена династии».

Персиани был убежден, что первый вариант был бы самым законным, но он неосуществим, «так как борьба партий дошла до такого ожесточения, что ни одна из них не допустит перехода верховной власти в руки политических соперников, без междоусобной войны».

Второй вариант Персиани считал возможным, но для интересов России в Сербии нежелательным, так как «своенравие и неустойчивость взглядов ее (королевы Натальи. — С.Д.) не представляют никаких гарантий для будущего...» «Прочнее других, — рассуждал он, — является кандидатура князя Петра Карагеоргиевича, но восшествие его на сербский престол сопряжено с затруднениями, которые прежде всего ему создаст Австрия лишь для того, чтобы доказать королю Милану, что она не забывает оказанных им услуг монархии. Поэтому нужно главным образом заручиться уверенностью, что австрийское правительство не воспрепятствует его избранию, прибегая к принудительным мерам, т.е. к военному вмешательству»¹⁶.

Возвращаясь к этому вопросу месяц спустя, Персиани высказался уже более определенно, отметив, что «одна лишь перемена династии могла бы дать нам возможность проводить в Сербии... политику, основанную на общих между Россией и Сербией интересах». Идею регентства, в том числе и во главе с королевой Натальей, он считал совершенно несостоятельной. В случае же перехода сербского престола к Петру Карагеоргиевичу Персиани считал возможным влиять на него через его тестя, черногорского князя Николу.

Забегая вперед, отметим, что на сообщении Персиани, датированном 28 февраля 1886 г., о возможном отъезде из Сербии

короля Милана Александр III написал: «Мне кажется, что кроме Карагеоргиевича нет другого кандидата»¹⁷.

В состоянии сильнейшего душевного расстройства в конце января 1886 г. Милан даже пошел на переговоры с Персиани, который уже давно не мог получить аудиенцию во дворце. Он заявил российскому дипломату, что разочаровался в проавстрийской политике и решил «возвратиться под могущественное покровительство России». Но тут же выдвинул свои условия: содействие Петербурга Сербии в деле увеличения ее территории, а также сохранение сербского престола, в случае его отречения, за Александром. Если последнее неприемлемо, Милан желал бы, чтобы его сына «приняли в Россию, составили бы ему положение и обеспечили бы его в материальном отношении»¹⁸. В довольно сдержанном ответе из Петербурга это предложение было расценено как очередной маневр Милана и отмечалось, что территориальные изменения не оправдываются обстоятельствами и противоречат международным соглашениям, но юный Александр всегда может рассчитывать на покровительство России¹⁹.

Рассуждения о возможной замене на сербском престоле Милана так и остались всего лишь рассуждениями на страницах дипломатических документов, а Персиани неоднократно получал указания с Певческого моста быть осторожным и осмотрительным и не забывать о «миролюбивом» курсе России в сербском вопросе. Вместе с тем в высших сферах Петербурга не скрывали радости, когда секретной телеграммой от 21 февраля 1889 г. российский посланник уведомил МИД об отречении Милана. На телеграмме Александр III начертал: «Слава Богу»²⁰. Персиани оценивал акт отречения как «победу русской политики в Сербии»²¹.

Российскую политику в сербском вопросе в этот период определяла прежняя установка, заключавшаяся в том, что главным виновником охлаждения российско-сербских отношений признавался король Милан, проводивший проавстрийский курс вопреки «национальным устремлениям» сербского народа. Вот почему факт отречения оценивался в Петербурге как начало «новой эры» в истории межгосударственных отно-

шений России и Сербии, ибо «бескровным путем», не вступая в открытый конфликт с Австро-Венгрией, был удален ее главный оплот. То, что с удалением Милана влияние Габсбургской монархии в Сербии пойдет на убыль, в Петербурге не вызывало сомнений.

Однако, как показали дальнейшие события, радость была преждевременной и по существу напрасной. Отрекшись от престола на 35 году жизни и выехав из страны, Милан не собирався уходить из политики. В мае 1890 г. он вернулся в Сербию, внеся свою лепту в очередной (из многих) политический кризис и дестабилизацию внутривнутриполитической жизни Сербского государства.

Александр III был возмущен этим и поэтому благосклонно отнесся к просьбе сербского правительства, которое в феврале 1891 г. возглавил глава Радикальной партии Никола Пашич, ссудить 2 млн франков, «под гарантию королевских имуществ, приносящих доход в 72 тыс. франков ежегодно»²², ибо именно за эту сумму экс-король согласился отречься от всех прав члена правящей династии и выехать из Сербии. Правда, вначале Александр III колебался (его слова: «Он, получивши эти 2 млн франков, надует и нас, и Сербию»)²³. Но затем все же согласился. Сделка была оформлена через Волжско-Камский коммерческий банк и сохранялась в секрете. Милан обязывался выплачивать деньги по этой ссуде и окончательно отречься от всяких попыток вернуться к управлению страной и вообще приезжать в Сербию²⁴.

В этот период в МИД России возникла идея принять Милана в русское подданство — он сам высказал это желание в разговоре с Персиани. На Певческом мосту полагали, что в этом случае можно было бы найти надежный способ закрыть ему путь в Сербию. Однако Александр III резко выступил против подобных планов, написав на документе под названием «Докладная записка о возможности принятия Милана Обреновича в русское подданство» (от 8 апреля 1891 г.): «Я бы очень желал отделаться от этой личности и вовсе не принимать его в подданство. Слишком много хлопот, неприятностей и осложнений»²⁵. Позднее, в феврале 1892 г., Милан сделал еще одну попытку

стать подданным царя-миротворца — с этой просьбой он обратился к послу России во Франции барону Моренгейму²⁶, но вновь получил отказ.

Итак, получив огромные деньги, Милан покинул страну. Однако азартному игроку и отчаянному кутиле их хватило ненадолго, ибо «король-пройдоха», как называли его на модных европейских курортах, в многочисленных казино и на ипподромах швырял франки направо и налево. И предчувствие не обмануло Александра III — нарушив все договоренности, Милан 9 (21) января 1894 г. вернулся в Сербию и вскоре фактически стал соправителем своего сына, короля Александра.

Возмущению императора не было предела: Милан нарушил слово! Обманул русского царя! 15 января 1894 г. товарищ министра иностранных дел В.Н. Ламздорф записал в своем дневнике: «Новости из Сербии далеко не хороши. Обстановка здесь осложняется, и весьма нелегко заниматься какими-либо предсказаниями относительно предстоящего развития событий. Молодой король Александр отныне не вызывает у нас большого доверия, и все же очень важно не слишком нажимать на него, чтобы не создать себе еще одного противника на Балканах, отбросив Александра в объятия Австрии. Милан, по всей вероятности, не уберется из страны, не получив за это соответствующего вознаграждения»²⁷. А 25 января 1894 г. В.Н. Ламздорф сделал следующую запись, имея в виду настроения при дворе в связи с сербским вопросом: «Государь озабочен положением в Сербии и относится с резким неодобрением к молодому королю Александру. Он даже сказал: “Уж лучше бы Карагеоргиевичей вместо этих Обреновичей”»²⁸.

Судя по документам, В.Н. Ламздорф представлял то направление российской дипломатии, сторонники которого, несмотря на непримиримую позицию Александра III, считали, что не следует столь прямолинейно связывать вопрос «благоволения» России к Сербии с пребыванием короля Милана в стране и что необходимо по возможности проявлять больше гибкости в сложившейся ситуации. Прекрасной иллюстрацией в связи с этим является эпизод приема главы сербского правительства Дж. Симича в Петербурге. Дело в том, что на телеграмме по по-

воду вероятного его приезда с письмом от короля Александра Обреновича Александр III написал: «Я полагаю даже поставить условием приема мною Симича непременный отъезд Милана из Сербии (подчеркивание императора. — С.Д.), иначе я отклоняю его прием». Мнение же Ламздорфа было таково: «Отказывать по этой причине (пребывание Милана в Белграде. — С.Д.) в приеме Симичу, после того, как он уже получил разрешение прибыть и притом с письмом от молодого короля, в котором содержатся объяснения (можно сказать — извинения), означает применять оскорбительный метод и совершать шаг в пагубном направлении нанесения мелких обид и придиорок по мелочам — в том самом направлении, которое уже завело нас в болгарский тупик»²⁹.

Однако Александр III был последователен в непримиримости, уверенный в своей самодержавной непогрешимости. Он, конечно, никогда не жаловал Милана, но прежде был сдержаннее, хотя бы в официальных документах и на приемах. А в этот, последний год своей жизни, уже страдая от тяжелой болезни, он не скрывал раздражения и употреблял отнюдь не дипломатические выражения. Так, 3 февраля 1894 г. В.Н. Ламздорф отметил в своем дневнике, что на очередном донесении из Белграда «его величество написал: «Что за подлец и мерзавец этот Милан». И тремя днями позже: «Какая может быть возможность поддержки с нашей стороны и сочувствия, когда этот скот Милан возвращается в Сербию и мутит всех и когда король Александр обращается за советами к своему подлецу-отцу и противозаконно призывает его в страну!»³⁰ А во время бала в Зимнем дворце 20 февраля 1894 г. Александр III в присутствии свиты и многочисленных гостей сказал тогдашнему сербскому посланнику Н. Пашичу: «Когда же скот Милан покинет Сербию?»³¹

Категоричная позиция официального Петербурга в отношении экс-короля не изменилась и в последующий период, вплоть до кончины Александра III. Так, в марте 1894 г., во время аудиенции Н. Пашича у замещающего министра иностранных дел Н.П. Шишкина, последний вновь заявил, что российское правительство осуждает появление Милана в Сербии³².

17-м марта 1894 г. датировано личное письмо Н.К. Гирса А.И. Персиани, содержавшее анализ внутривосточной ситуации, сложившейся в Сербии после приезда экс-короля. Главной задачей российской дипломатии министр считал способствовать тому, чтобы «за событиями... сохранился внутренний характер». Особое беспокойство руководителей внешнеполитического ведомства России вызывала возможная постановка в Сербии династического вопроса. «Вопрос этот, — отмечалось в письме, — может... причинить нам весьма серьезные затруднения, так как в случае падения существующего режима, сербы едва ли обратят свои взоры на нового представителя туземной династии, например, на одного из Карагеоргиевичей. Гораздо вероятнее, что в Белграде водворится нечто подобное республиканскому порядку, или какой-нибудь иностранный принц неславянской крови и не православного вероисповедания, как в Румынии и Болгарии. В первом случае могут произойти беспорядки, неудобные для Австро-Венгрии, и вызвать с ее стороны нежелательное воздействие на Сербию, во втором случае Сербия делается, по всей вероятности, жертвой враждебных нам происков»³³.

Александру III принадлежат слова: «В 1876 и 1877 гг. наше несчастье заключалось в том, что мы шли с народами, вместо того, чтобы идти с правительствами. Российский император всегда должен идти только с правительствами»³⁴. Однако с Сербией этого не получилось.

Особенностью российско-сербских отношений в царствование Александра III являлось то, что правящие круги России должны были в своей политике в Сербии опираться не на законного монарха, вследствие крайне негативного отношения к его личности, а на те политические силы, которые были достаточно влиятельны и могли способствовать стабилизации политической жизни. Разумеется, при этом учитывалась их внешнеполитическая ориентация.

Напредняки («прогрессисты»), связанные торговыми и промышленными интересами с Веней, взявшие курс на «модернизацию» и «европеизацию» страны, в которых, по выражению Персиани, Габсбурги нашли «послушный инструмент

своей политики»³⁵, не вызывали доверия в Петербурге, вплоть до середины 1890-х годов. Либералы во главе с Й. Ристичем в рассматриваемый период не имели почти никакого влияния в политической жизни Сербии. Вместе с тем «умеренность и постепенность» Ристича в ведении государственных дел, его мудрость и огромный опыт государственного и политического деятеля делали его в глазах Петербурга одной из главных фигур сербской политики, не считаться с которой было нельзя.

Что же касается Радикальной партии, то здесь мы имеем дело с типичным примером «подвижки», под влиянием политических реалий, в отношении официальной России к так наз. «революционной» партии. Открытые в отечественных архивах документы свидетельствуют о том, что вначале оно было настороженным и даже негативным. Опасения вызывали якобы «нигилистическое» прошлое ее вождей — последователей Светозара Марковича и друзей русских революционеров, а также «революционный» дух их программы. Отношение к радикалам менялось постепенно, по мере поступления из Белграда информации о деятельности их партии, антиавстрийская и анти-милановская направленность которой импонировала российским правящим кругам. Постепенно, но достаточно быстро, так как уже в начале 1880-х годов Александр III, судя по некоторым его резолюциям на полях донесений Персиани, довольно благожелательно высказывался о радикалах и был явно настроен в их пользу. Так, на сообщении из Белграда от 21 января 1882 г. о том, что «оппозиция хотя и в меньшинстве в скупщине, но ведет энергичную борьбу с министерством», «отказалась подписаться на ответном адресе на тронную речь и даже не явилась во дворец», российский император начертал: «Утешительно»³⁶. А на секретной телеграмме, посланной Персиани из Белграда в МИД 3 (15) июня 1882 г. с сообщением о том, что, несмотря на все попытки напредняков путем внеочередных выборов изменить состав скупщины, в нее постоянно избиралось «все возрастающее число оппозиционеров», имеется одобрительная помета Александра III: «Прекрасно»³⁷.

Именно А.И. Персиани, на наш взгляд, принадлежала главная заслуга в том, что официальный Петербург довольно быст-

ро изменил свое отношение к Радикальной партии, которую в России стали также называть партией «сербских патриотов». В мае 1883 г. Персиани писал о «глубокой разнице, существующей между крайней либеральной партией в Сербии (еще одно название Радикальной партии, встречающееся в дипломатической переписке. — С.Д.) и европейскими революционными кружками»³⁸. Осенью этого же года Персиани с уверенностью заявлял: «Радикальная партия в Сербии ничего общего не имеет ни с так называемым русским нигилизмом, ни даже с духом крайних либеральных партий Запада»³⁹. А в одной из бесед с румынским посланником в Белграде он утверждал, что радикалы — не типичные революционеры, какими их изображает король Милан. В силу сложившихся обстоятельств они вынуждены бороться революционными средствами против его режима, так как он не заботится о государственных интересах и нуждах своего народа⁴⁰.

Ценным свидетельством является также характеристика радикалов еще одним очевидцем событий сербской истории начала 1880-х годов — уже упоминавшимся российским ученым-славистом П.А. Кулаковским. О Радикальной партии он писал следующее: «Несмотря на некоторые пункты, в которых эта партия выражала свои радикальные желания, программа ее в сущности очень умеренна, требует коренных реформ в стране и указывает правильный путь внешней политике Сербии...»⁴¹ К письму И.С. Аксакову в Москву от 14 января 1881 г. Кулаковский приложил программу Радикальной партии. «Из нее Вы увидите, — писал он, — что в сущности это своеобразные либералы-прогрессисты с оттенком фантастическим, но никак не коммунары и не наши нигилисты. Эта партия здесь довольно крепка теперь, и кто знает, не захватит ли в руки власть вскоре»⁴².

Говоря о сербских радикалах, Кулаковский неоднократно подчеркивал, что они являются сторонниками укрепления дружественных отношений с Россией. Так, в письме к тому же Аксакову от 21–27 мая 1882 г. он писал, что радикалы «представляют здоровый элемент народности и из всех сил проповедают о спасении сербской народности от Австрии»⁴³. В одной из своих

корреспонденций из Белграда в «Московских ведомостях» он, сообщая о работе сербской скупщины, не обошел вниманием радикалов, подчеркнув, что «названием радикальной партии... не должно смущаться, ибо ряды этой партии теперь постоянно пополняются просто патриотами, сербскими националистами. Между радикалами много священников и притом самых даровитых, самых видных...»⁴⁴

Следует также отметить, что такой важный документ как конституционный проект радикалов 1883 г. привлек самое пристальное внимание российского министра-резидента в Белграде А.И. Персиани, который подробно изложил его содержание в донесении в МИД от 25 сентября 1883 г.⁴⁵

После подавления Тимокского восстания 1883 г., когда под влиянием репрессий и гонений со стороны режима в Радикальной партии усиливается умеренное течение, выразившее готовность к компромиссу с другими партиями в целях достижения власти, радикалы начинают признаваться той силой, на которую Россия, в своем противостоянии с Австро-Венгрией, может опереться внутри самой Сербии и с помощью которой могут быть восстановлены дружественные российско-сербские отношения.

В Петербурге «сочувственно» относились к планам радикальных лидеров по ограничению личного режима короля Милана и проведению конституционной реформы, но неизменно сдерживали их стремление совершить в Сербии государственный переворот, считая его преждевременным, могущим привести к нежелательным внешнеполитическим «коллизиям».

Позиция российских официальных кругов прекрасно прослеживается в дипломатических документах. Так, в ноябре 1887 г. министр иностранных дел России Н.К. Гирс писал: «... О сербской радикальной партии мы судим в принципе на основании программы... Руководствуясь программой этой, мы далеки от мысли приравнять радикалов к русским нигилистам или западным ультралибералам, так как из означенной программы исключены все насильственные и незаконные действия... Напротив того, программа эта заслуживает внимания в том отношении, что она обеспечивает церковные

каноны от всяких нарушений и требует сохранения традиционных отношений Сербии к России. Мы не можем отказать в сочувствии этим пунктам программы, и предубеждения наши относительно радикалов обусловливались исключительно доходившими до нас... слухами, что они намерены были... совершить насильственный переворот в Сербии». И в заключение Н.К. Гирс резюмировал позицию российской дипломатии: «Так как... радикальная партия умножается и будущность принадлежит ей, то нам казалось бы полезным не отталкивать ее от себя и даже поддержать доверие к России в тех ее членах, которые остаются верными своей первоначальной программе. При этом... в сношениях с сербскими радикалами следует соблюдать известную осторожность, дабы не дать правительству сколько-нибудь благовидного предлога упрекнуть нас в поощрении замыслов более беспокойных членов той же партии»⁴⁶.

Разумеется, Александр III и его окружение понимали, что радикалы выступают против короля Милана, чья австрофильская политика привела Сербию на грань экономической и финансовой катастрофы, к ухудшению российско-сербских отношений. С другой стороны, развитие событий в сторону насильственного свержения Милана было чревато серьезными международными осложнениями, которых так старательно избегала Россия по главе с царем-миротворцем уже почти десятилетие. И именно с этой точки зрения «внутренний переворот в Сербии» по-прежнему признавался «нежелательным». Вместе с тем, весной 1888 г., судя по дипломатической переписке между Петербургом и Белградом, произошла некоторая «подвижка» в позиции России. Так, в депеше А.И. Персиани от 11 марта 1888 г. выражалось беспокойство в связи с «неподлежащим никакому сомнению замыслом Милана» — покончить с радикалами. В этих условиях признавалось неразумным «советовать сербским патриотам подчиняться произволу короля, который довел страну до ее настоящего плачевного состояния и может подготовить ей еще худшую участь». В том случае, если переворот «назреет», согласно заявлению Н.К. Гирса, Россия будет вынуждена оказать содействие «вождам сербской партии», однако лишь в рамках «собственных интересов», ибо «Россия

как великая держава имеет свое призвание и... не может дать себя отвлечь от своего пути совершающимися в государствах Балканского полуострова событиями, когда ее собственные интересы обязывают ее твердо держаться намеченной ею национальной политики»⁴⁷.

Впоследствии радикалы пользовались благосклонностью и поддержкой Петербурга, особенно в период их правления (1889—1892 гг.). Их деятельность на законодательном и экономическом поприще встретила полное одобрение, а радикальный режим был признан «удобным». Радикалам оказывалась всяческая помощь, а лидер партии Н. Пашич был весьма популярной и уважаемой личностью при императорском дворе. В свою очередь лидеры радикалов, стремившиеся в борьбе против Милана опереться на Россию, в своих контактах с представителями российской дипломатии старались подчеркнуть не свой «радикализм», а принадлежность к сербскому национальному течению, выступавшему против австрийской гегемонии, и стремление к проведению конструктивных реформ, необходимых для независимой Сербии.

В заключение следует обозначить этапы политики России в сербском вопросе в царствование Александра III. На первом, продолжавшемся примерно до середины 80-х годов, российская дипломатия потерпела ряд «поражений» в Сербии. Это и неудавшаяся попытка участия в строительстве сербской железной дороги, и удаление из Сербии сербского митрополита-русофила Михаила, переживаемое в Петербурге весьма болезненно, и австрофильство «облагодетельствованного» Россией Милана. Эти неудачи в значительной мере были связаны с недостаточным учетом Петербургом новых реалий, сложившихся в Сербии после 1878 г. В этот период весьма тщательно собиралась и анализировалась информация о всех сторонах общественно-политической жизни Сербского государства и формировался курс в сербском вопросе, который стал определяющим в последующий период. Учитывая австрийские претензии на Сербию, российской дипломатии приходилось длительное время маневрировать, чтобы не потерять регион своего традиционного влияния. И ее заслугой, несомненно, являлось то,

что межгосударственные отношения с Сербией не были прерваны, как с Болгарией, хотя неоднократно они были на грани разрыва.

На втором этапе, после 1886 г., когда у власти в Сербии находились сначала либералы, а затем радикалы, активность российской дипломатии значительно возросла. Она приложила немало усилий для формирования в 1887 г. либерального кабинета Й. Ристича, после удаления напредняков с политической арены. Межгосударственные российско-сербские отношения, благодаря изменению внешнеполитического курса, принятого кабинетами Й. Ристича, С. Груича и Н. Пашича, заметно улучшились; расширились экономические и торговые связи.

Однако нестабильность общественно-политической жизни Сербии по-прежнему вызывала беспокойство правящих кругов России. Российская дипломатия всеми силами стремилась предотвратить внутривнутриполитический кризис в Сербии. В условиях обострения отношений с Болгарией Петербург был весьма заинтересован в сохранении относительного спокойствия в сопредельной стране.

Особое внимание обращалось на «замирение» соперничающих между собой лидеров сербских политических партий в преддверии конституционной реформы 1888 г. Позиция российской дипломатии, направленная на «утишение» партийных страстей и политических амбиций лидеров партий, имела большое значение. «Мы не упускали случая внушить вожакам народных партий, что для правого их дела им надо воздерживаться, насколько возможно, от смут, могущих привести к внешним осложнениям»⁴⁸, — отмечалось в отчете российского дипломатического ведомства. О важности этого тезиса как основополагающего принципа внешней политики России в сербском вопросе свидетельствовало его включение в Политический отчет министра за 1888 г.⁴⁹

В целом политика России в сербском вопросе в царствование Александра III была достаточно осторожной. И хотя король Милан практически во всем, происходившем в стране, видел «руку России», это не соответствовало действительности. «Платоническая оппозиция» Петербурга проявлялась не толь-

ко в отношении самого сербского монарха, но также сторонников его личного режима и их деяний. Вмешательства России в «сербские дела» как такового не было. Образно говоря, она дала возможность Сербии «вариться в собственном соку». Вместе с тем, позиция, занятая Петербургом в связи с действиями сербского монарха, была важна для оппозиционных сил в их борьбе против Обреновичей.

Следует признать, что Россия в своей политике в Сербии не использовала всех возможностей для укрепления и развития межгосударственных отношений. В конце XIX в. уже недостаточно было «племенного и религиозного родства», которому традиционно, с незапамятных времен, придавалось большое значение. Весьма слабы были экономические связи, несмотря на то, что предложения от предпринимателей, желавших получить правительственную поддержку и государственные гарантии, поступали; недостаточно широки были и общественные контакты, которым следовало бы придать больший размах, обеспечив им государственную помощь.

Примечания

¹ Цит. по: *Киняпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994. С. 34.

² Император Александр III в русской поэзии. 26 февраля 1845 г. – 20 октября 1894 г. Сост. Вера М. Бузни. СПб, 1912. С. 65, 72, 97.

³ *Твардовская В.А.* Александр III // Романовы. Исторические портреты. 1762–1917. Екатерина II – Николай II. М., 1997. С. 573.

⁴ *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 361.

⁵ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С. 231.

⁶ Там же. С. 257–258.

⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Отчеты. 1881 г. Л. 25–25 об.

⁸ Јован Ристић. Биографске и мемоарске белешке од Бранка Петровића. Београд, 1912. С. 89.

⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 14. Д. 190. Л. 10.

¹⁰ См.: *Шемякин А.Л.* Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 168.

¹¹ См.: *Протић Ст.* Одломци из уставне и народне борбе у Србији. Београд, 1911. С. 142.

¹² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1882 г. Д. 10. Л. 56–56 об.

¹³ 20 декабря 1882 г. Персиани отправил в Петербург донесение, в котором сообщил о своем разговоре с королем Миланом в связи с обострением политической борьбы в Сербии. При этом сербский монарх выразил российскому дипломату недовольство за поддержку либералов. «Я счел долгом, — писал Персиани в МИД, — просить короля разъяснить, к кому именно относится этот упрек, ко мне ли лично, или к политике императорского правительства. “Нет, — ответил мне король, — ни на Вас, ни на Ваше правительство я не могу жаловаться. Русская политика поддерживает оппозицию, но не действует против меня, это, так сказать, платоническая оппозиция (подчеркивание мое. — С.Д.)”». (АВПРИ. Ф. Политархив (далее — ПА). 1882 г. Д. 419. Д. 198–198 об.). Недовольство короля вызвал резкий тон российской печати, обвинявшей его в том, что он «сделался рабом австрийского правительства..., им подкуплен и т.п.» (Подробнее об этом см.: Данченко С.И. Русско-сербские общественные связи (70–80-е годы XIX в). М., 1989. С. 48–53, 59–61.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. 1885 г. Д. 76. Л. 67 об.—68 (Инструкция Н.К. Гирса А.И. Персиани датированы 20 ноября 1885 г.).

¹⁵ Там же. Л. 68–69.

¹⁶ АВПРИ. Ф. ПА. 1885 г. Д. 431. Л. 323 об.—325 об. (А.И. Персиани — Н.К. Гирсу 28 ноября 1885 г.).

¹⁷ Там же. Д. 434. Л. 62, 72.

¹⁸ Там же. Л. 24–27 об. (А.И. Персиани — Н.К. Гирсу 2 февраля 1886 г.).

¹⁹ Там же. Л. 57–59 об.

²⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 98. Л. 32.

²¹ АВПРИ. Ф. ПА. 1889 г. Д. 443. Л. 22 об.—23 (А.И. Персиани — Н.К. Гирсу 1 марта 1889 г.).

²² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1891 г. Д. 11. Л. 18 (Секретная телеграмма А.И. Персиани в МИД 25 февраля 1891 г.).

²³ Ламздорф В.Н. Дневник. 1891–1892 гг. М.-Л., 1934. С. 62.

²⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1894 г. Д. 12. Л. 8–9.

²⁵ АВПРИ. Ф. ПА. 1891 г. Д. 450. Л. 91–98 об.

²⁶ См.: Шемякин А.Л. Милан Обренович — архитектор сербской перестройки? Полемические размышления // Историки-слависты МГУ. Книга 7. Х.Х. Хайретдинов. Исследования и материалы, посвященные 65-летию со дня рождения Х.Х. Хайретдинова. М., Изд-во МГУ, 2008. С. 195.

²⁷ Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896 гг. М., 1991. С. 23.

²⁸ Там же. С. 31.

²⁹ Там же. С. 36.

³⁰ Там же. С. 37, 39.

³¹ Там же. С. 44–45.

³² См.: Раденић А. Прогони политичких противника у режиму Александра Обреновића. 1893–1903. Београд, 1973. С. 540–541.

³³ АВПРИ. Ф. ПА. 1894 г. Д. 463. Л. 42–43 об.

³⁴ История дипломатии. Т. 2. М., 1963. С. 133.

³⁵ АВПРИ. Ф. ПА. 1882 г. Д. 419. Л. 137 об.

³⁶ Там же. 1882 г. Д. 420. Л. 2.

- ³⁷ Там же. Ф. Канцелярия. 1882 г. Д. 10. Л. 37.
- ³⁸ Там же. Ф. ПА. 1883 г. Д. 424. Л. 71.
- ³⁹ Там же. Л. 134.
- ⁴⁰ *Раденић А.* Указ. соч. С. 783.
- ⁴¹ Московские ведомости. 6 ноября 1881 г.
- ⁴² Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом). Ф. 572. Д. 44. Л. 14.
- ⁴³ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 191. Л. 2 об.
- ⁴⁴ Московские ведомости. 10 июня 1882 г.
- ⁴⁵ АВПРИ. Ф. ПА. 1883 г. Д. 424. Л. 134 об.—137 об.
- ⁴⁶ АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. 1887 г. Д. 78. Л. 40 об.—41 об. (Н.К. Гирс — А.И. Персиани 30 ноября 1887 г.).
- ⁴⁷ АВПРИ. Ф. ПА. 1888 г. Д. 439. Л. 62—63.
- ⁴⁸ Там же. Ф. Отчеты. 1888г. Л. 13 об.
- ⁴⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 568 (В.Н. Ламздорф). Оп. 1. Д. 55. Л. 114.

*Петр Ахмедович
ИСКЕНДЕРОВ*

БАЛКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ НИКОЛАЯ II*

Российский император Николай II, без преувеличения, является ключевой фигурой для понимания как самого института монархии в нашей стране в конце XIX — начале XX вв., так и отдельных сторон ее внутренней и международной жизни. Неоднозначные личностные качества самого императора, пестрота его ближайшего окружения, специфика места Российского государства в системе внешнеполитических векторов и ориентиров того времени, наконец, объективные задачи, стоявшие перед Петербургом в Европе и во всем мире — эти и многие другие факторы определяли балканскую политику России на Балканах. Если попытаться выстроить упрощенную ее конструкцию, то можно было бы сказать, что Николай II был убежденным маринистом, и сфера его геополитических интересов тяготела к Дальнему Востоку. Что же касается развития ситуации на Балканах, то она явно опережала планы и расчеты российской дипломатии — что результировалось как в далеко не выгодных России Балканских войнах 1912–1913 гг., так и в катастрофических событиях лета 1914 г. Но это, разумеется, лишь голый остов рассматриваемых событий.

Российские и иностранные дипломаты не скрывали своего критического отношения к фигуре последнего монарха применительно к его внешнеполитическим делам. Министра иностранных дел России С.Д. Сазонова раздражало, что Николай II обладал неустойчивым характером и часто менял свои решения. Британский дипломатический представитель в Петербурге Дж. Бьюкенен докладывал, что «император... прискорбно

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (Грант РГНФ № 14-01-00264 «Историческая типология межнациональных конфликтов на примере Балкан»).

слаб». Однако развитие ситуации в отношениях России с балканскими странами и народами отнюдь не сводилось исключительно к фигуре последнего российского монарха...

Рубежом в развитии отношений России с балканскими народами следует считать Великий Восточный кризис 1875–1878 гг., конкретнее — подписанный по его завершении Берлинский трактат. Данный документ оформил международно-признанную независимость Сербии, Черногории и Румынии, достигнутую при активной — в том числе военной — поддержке со стороны России. Кроме того, были значительно расширены автономные права Болгарии, которая вскоре смогла, опираясь на положения Берлинского трактата и опять-таки на поддержку Санкт-Петербурга, решить основные вопросы своего национально-государственного строительства, провозгласив независимость в 1908 г. Отныне балканские народы стали выступать в качестве не только объектов, но и субъектов международных отношений. Это требовало от них постижения тех приемов и принципов, на которых базировалась политика великих держав в регионе. Последние же — и в том числе Россия — были теперь вынуждены принимать в расчет не только расстановку общеевропейских сил и положение в Османской империи (как это происходило на протяжении предыдущих десятилетий и даже столетий), но и аппетиты молодых балканских монархий, считавших обретение международно-признанной независимости лишь первым шагом на пути «собирания своих исконных земель». Причем, эти земли толковались настолько расширительно, что немаленький Балканский полуостров даже чисто теоретически не мог удовлетворить одновременно чаяния болгар, сербов, греков, румын и черногорцев, и это не считая так же активно конституировавшихся в то время албанского и македонского этносов.

Неудивительно, что развитие отношений России с «ново-рожденными» балканскими государствами с 1880-х годов стало носить противоречивый и переменчивый характер. Первым после завершения Великого Восточного кризиса крупным вооруженным конфликтом в регионе стала сербо-болгарская война 1885 г. В ней друг против друга выступили два народа,

традиционно рассматривавшиеся российским общественным мнением и правящими кругами как опора России на Балканах. Внезапно вспыхнувший военный конфликт оказался столь неожиданным для российской дипломатии, что она даже не смогла выступить посредником при заключении мира. Эту роль взяла на себя Австро-Венгрия, министр иностранных дел которой Г. Кальноки успешно разыграл «российскую карту». Он убедил правителя Болгарии Александра Баттенберга в том, что продолжение успешного наступления на сербской территории «неизбежно вызовет революцию в Сербии, немедленную оккупацию этой страны Австро-Венгрией, последующее вторжение в Болгарию российских войск и смещение самого Баттенберга»¹. Подобная трактовка дальнейшего развития событий вызвала недоумение не только в Санкт-Петербурге, но и в Берлине, но главное было сделано: Сербия и Болгария заключили мир на принципе *status quo ante bellum*, подчеркнув, что «между Королевством Сербия и Княжеством Болгария устанавливается мир со дня подписания данного договора»².

Пагубные последствия этой войны ощущались в регионе вплоть до начала XX века, серьезно затрудняя развитие отношений России с Белградом и Софией и вынуждая Санкт-Петербург сделать ставку на сближение по балканским вопросам с Австро-Венгрией. Соответствующие соглашения, заключенные в период с 1897 по 1908 гг., вошли в историю под названием «Русско-австрийская Антанта» и были направлены на сохранение в регионе статус кво³. Однако односторонняя аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г., против которой резко выступили Россия и Сербия, сделала невозможным их возобновление.

Боснийский кризис 1908–1909 гг. был разрешен мирным путем, однако привел к серьезному изменению расстановки сил на Балканах с точки зрения позиций и интересов России. Сербия стала рассматривать Австро-Венгрию в качестве непосредственной угрозы для своего существования и территориальной целостности, а Вена опасалась роста антиавстрийских выступлений в своих областях, населенных югославянскими народами. По этой причине сербское руководство окончатель-

но перестало ориентироваться на Габсбургскую монархию, как оно это делало в предшествующие десятилетия, — произошел переход к устойчивой и всесторонней ориентации на Россию. Как заявил в январе 1909 г. в стенах Народной скупщины Сербии тогдашний сербский министр иностранных дел М. Милованович, «для всех поборников балканской свободы, для всех, кто сегодня выдвигает в качестве основы для решения балканского вопроса принцип — «Балканы — балканским народам», — ясно, что для этого принципа и данного решения не существует другой опасности, кроме Австро-Венгрии»⁴.

Неоднозначные изменения стали происходить во внешнеполитическом курсе Болгарии, в руководстве которой постоянно боролись влиятельные группировки, ориентировавшиеся на Россию и Австро-Венгрию.

Агрессивный курс монархии Габсбургов на Балканах вкупе с нарастанием экономического и военно-политического кризиса в Османской империи послужили объективной основой как для сближения европейских стран между собой, так и для налаживания их взаимоотношений с Россией под лозунгом создания антитурецкого блока под эгидой Санкт-Петербурга. Ядром этого блока выступили Сербия и Болгария.

Проходившие при активном участии российской дипломатии переговоры о заключении Балканского союза под покровительством России с участием Сербии, Болгарии и Греции стали самой значимой попыткой трех государств региона того времени достичь своих военно-политических целей совместными усилиями, при этом в договоре закреплялось обязательство Сербии и Болгарии предоставить все спорные вопросы будущего разграничения на усмотрение российского императора. Это с одной стороны свидетельствовало о росте авторитета России, но с другой угрожало ей вовлечением в будущие сербо-болгарские политические споры и даже военные конфликты вокруг дележа «турецкого наследства». Ситуация осложнялась усилением на Балканах албанского фактора, который должны были учитывать Белград, София и Санкт-Петербург. Как подчеркивал российский поверенный в делах в Сербии В.Н. Штрандтман, проявляемая турками «по отношению к

албанцам крайняя уступчивость будет иметь последствием предъявление и со стороны христиан Македонии повышенных требований, до автономии включительно, которые, как известно императорскому правительству, могут встретить в Болгарии только сочувственный отклик, но вместе с тем явятся новой серьезной угрозой для мира на Балканском полуострове»⁵.

Антисербские настроения среди албанцев питались не только их собственными национальными устремлениями, входившими в противоречие с территориальным расширением Сербии и дипломатическими усилиями государств Центрального блока во главе с Германией и Австро-Венгрией, — но и активностью балканских соседей, среди которых ведущая роль принадлежала определенным болгарским кругам. Уже в 1903 г. — в период Илинденского восстания — тесные связи установились между албанскими и македонскими лидерами. Дополнительный импульс они получили во время младотурецкой революции 1908 г. В первую очередь это относилось к Временной македонской революционной организации и ее легальной структуре в Османской империи в лице Народной федеративной партии во главе с Димитром Влаховым и Яне Санданским и левому крылу албанского национального клуба⁶.

Подобные контакты отвечали интересам Болгарии, где рассчитывали, что предоставление автономии албанцам сделает более вероятным аналогичный сценарий и в отношении Македонии, и начали оказывать содействие албанским лидерам уже во время албанского антитурецкого восстания 1910 г.⁷

Пытаясь воспрепятствовать укреплению связей по линии «Албания—Македония—Болгария», правительство Сербии убеждало Софию в том, что появление на балканской карте самостоятельного Албанского государства представляет для болгарских интересов едва ли не меньшую угрозу, чем для сербских, ибо, как уже планировали в Вене, в ее состав должны войти не только Старая Сербия (ныне — Косово), но и три четверти Македонии. Болгарские власти не вняли предупреждениям Белграда, что, однако, не помешало двум государствам заключить антитурецкий союз. В результате напряженных переговоров 13 марта 1912 г. на свет появился сербо-болгарский

договор о дружбе и союзе с секретным приложением, предусматривавшим совместное вооруженное выступление Болгарии и Сербии против Турции и последующий раздел Македонии⁸. Разрешение всех возможных спорных вопросов возлагалось на верховный арбитраж российского императора⁹. В результате подписания аналогичных болгаро-греческих документов 29 мая 1912 г. Балканский союз пополнился Афинами, а в сентябре 1912 г. — Черногорией. Эти документы не только легли в основу действий союзников в Первой Балканской войне, но и послужили основой для последующих все более ожесточенных дискуссий на предмет раздела турецкого наследства, которые в итоге летом 1913 г. вылились не в российский арбитраж, а в новые кровопролитные сражения между недавними союзниками.

Российская сторона изо всех сил пыталась отвести балканских союзников от войны, но те, хотя на словах и выказывали преданность своей «исконной покровительнице», тем не менее, не скрывали своих истинных намерений. Как сообщал в августе 1912 г. в Санкт-Петербург российский поверенный в делах в Афинах князь С.Л. Урусов, «болгарский посланник, г-н Хаджи-Мишев, не пропускал случая повторять мне, что Болгария ничего без поддержки России не предпримет и что раз до сих пор лозунг остается прежний — соблюдение статус-кво, то и болгарское правительство, — правда, скрепя сердце, — не будет его нарушать. Но вчера посланник высказал мне, что события в Албании и Македонии поведут, по его мнению, к такому нарушению статус-кво, что о дальнейшем соблюдении его кем бы то ни было из балканских государств не может быть и речи»¹⁰.

12 августа 1912 г. российский дипломатический представитель в Софии А.В. Неклюдов имел разговор с главой болгарского правительства И. Гешовым, в ходе которого тот попросил собеседника «не скрывать от императорского правительства, что дарование албанцам Портой известных прав, как то территориальной воинской повинности, назначения администрации из албанцев и других, приближающихся в сущности к автономии, а в особенности распространение этих прав на все четыре вилайета — представилось бы совершенно нестерпи-

мым для болгарского, сербского и греческого населения этих вилайетов (Косовский, Скутарийский, Янинский и Битольский. — *П. И.*). В Македонии, Старой Сербии и Эпире начались бы самая страстная агитация и возобновление усиленной деятельности революционных комитетов и банд, дабы добиться распространения этих прав и на неалбанское христианское население. Болгарское правительство наряду с Сербией и Грецией поставлено было бы в самое безвыходное положение и принуждено поэтому заранее установить обеспечение и болгарскому населению тех же прав, которые будут предоставлены Портой албанцам»¹¹. А сербский посланник в Афинах в беседах с князем Урусовым подчеркивал, что «если защиты сербам от России не будет, то им волей-неволей придется, после неравной борьбы, перейти под австрийское владычество и работать годами и десятилетиями над соединением всех сербов Двуетиной монархии»¹².

Воинственные настроения в балканских столицах обрекали на неудачу все попытки России и других великих держав удержать балканские страны от военных соблазнов. Как позднее вспоминал российский министр иностранных дел С.Д. Сазонов, «достигшие полного объединения в военном отношении, балканские союзники горели желанием помериться силами с исконным врагом и свести с ним окончательные счета за вековое и безжалостное угнетение», и побудить их согласиться на очередную коллективную попытку великих держав добиться выполнения Турцией много раз обещанных и никогда не выполнявшихся до конца реформ не представлялось возможным»¹³.

Балканские войны 1912–1913 гг. застали Россию, по существу, врасплох. Российский посол в Париже А.П. Извольский весьма обоснованно писал С.Д. Сазонову 10 октября 1912 г. что, как бы ни закончилась Первая Балканская война, она создаст для России значительные трудности. Извольский, Сазонов, председатель Совета министров В.Н. Коковцов, да и сам Николай II, придерживались мнения, что самое лучшее для России в сложившихся обстоятельствах — сохранять нейтралитет, не вмешиваясь в военный конфликт балканских союзни-

ков с Турцией. Император подтвердил свою позицию 21 октября 1912 г., получив доклад товарища министра иностранных дел А.А. Нератова о ситуации на Балканах и сделав следующие пометы на полях: «Я настаиваю на полном невмешательстве России в предстоящие военные действия». При этом «мы обязаны принять всякие меры для ограждения своих интересов на Черном море», — добавил Николай II.

Активизация албанского фактора и обострение сербо-албанских противоречий, стремительно вовлекавших в свою орбиту другие государства Балканского полуострова и великие державы, стали одним из главных вызовов для российской дипломатии и лично Николая II накануне Первой мировой войны.

Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов оперативно проинформировал о решениях Всеалбанского конгресса российских дипломатических представителей в Белграде, Софии, Париже, Лондоне, Вене и Берлине. Он особо отметил важность того, чтобы Сербия в сложившейся непростой ситуации соблюдала осмотрительность в албанском вопросе и, в частности, отказалась от планов присоединения прибрежных областей Центральной Албании: «Сербы не должны ставить нас перед необходимостью публично отречься от солидарности с ними, поддерживая то, что мы считаем излишним»¹⁴.

Основной задачей российской дипломатии на «албанском направлении» являлось не только и не столько защита интересов Сербии и Черногории, а противодействие попыткам Австро-Венгрии «добиться преобладающего влияния в Албании»¹⁵.

Позиция же Австро-Венгрии по албанскому вопросу с самого начала указанных событий во многом определялась ее нежеланием допустить усиление Сербии. Опираясь на поддержку Германии, она разработала проект предоставления Албании автономии. По словам начальника Генерального штаба австро-венгерской армии генерала Конрада фон Гётцендорфа, эта страна «должна быть принята во внимание не только как сила, противостоящая Италии, но и как союзник против Сербии и Черногории»¹⁶. Италия, со своей стороны, также выступила с поддержкой указанного плана, опасаясь нежелательного для ее стратегических интересов в регионе выхода

Сербии на Адриатическое море. Неслучайно, выступая 12 августа 1913 г. — спустя два дня после подписания Бухарестского мирного договора — в Палате общин британского парламента, Э. Грей весьма откровенно и не без цинизма описал подход великих держав к албанской проблеме: «Я не сомневаюсь, что, когда положение о границах Албании будет оглашено полностью, оно вызовет немало нареканий со стороны лиц, хорошо знакомых с местными албанскими условиями и рассматривающих этот вопрос исключительно с точки зрения этих местных условий, но следует помнить, что при выработке этого соглашения важнее всего было сохранить согласие между самими великими державами»¹⁷.

Однако на Балканах далеко не все согласились вверить дело албанского разграничения исключительно в руки великих держав. И в первую очередь это касалось Сербии. Ведь вопрос о границах Албании, как не раз отмечалось на заседаниях Совета министров Сербии и в заявлениях самого Пашича, являлся, с момента отказа от Дурреса, той проблемой, вокруг которой были сосредоточены все помыслы сербов¹⁸. Так, говоря еще в период работы Лондонского совещания послов великих держав о выдвинутом австро-венгерской делегацией требовании присоединения к Албании Джяковицкого и Дебарского округов, сербский премьер отметил, что Россия должна самым энергичным образом выступить против этого требования. По его словам, «ни армия, ни сербский народ никогда не согласятся очистить земли, занятые ценой неисчислимо тяжелых жертв, и ни одно правительство не в силах будет противиться патриотическому народному движению». Одновременно российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг сообщал 8 февраля 1913 г. из Белграда, что и в сербской армии, и в политических кругах все более проявляется недовольство правительством Пашича из-за его уступчивости, в связи с чем, по мнению российского дипломата, удержаться у власти оно может лишь при условии благоприятного для Сербии разрешения сербо-албанского пограничного вопроса. В противном случае, по его наблюдениям, существовала вероятность возникновения в стране серьезных внутривнутриполитических осложнений и перехода власти от радика-

лов к военной партии, которая будет вооруженными методами бороться против реализации постановлений международной мирной конференции, идущих, по мнению ее представителей, вразрез с сербскими национальными вождениями¹⁹.

Российские призывы к сдержанности оказали определенное влияние на настроения в Белграде, однако не заставили правительство пересмотреть свои приоритеты в отношении Албании. На экстренном заседании Совета министров Сербии было принято решение о частичном отводе сербских войск с албанской территории (в том числе и из Ороши), с сохранением, однако, позиций, преграждавших албанцам доступ на сербскую территорию, вплоть до нормализации положения внутри Албании. По окончании заседания управляющий МИД Сербии М. Спалайкович встретился со Штрандтманом (информация о данной беседе была немедленно сообщена российским поверенным в делах в Санкт-Петербург секретной телеграммой от 12 сентября) и на замечание последнего о возможности для Сербии защитить свои границы путем перевода войск на позиции, находящиеся на сербской территории вдоль намеченной сербо-албанской пограничной линии, возразил, что «ключи проходов, ведущих в Сербию, лежат в Албании» и что до «установления порядка в Албании сербское правительство не считает себя вправе оставить беззащитной эту границу, постоянно подвергающуюся нападениям и к тому же Комиссией (по разграничению. — *П. И.*) окончательно еще не установленную»²⁰. Он также заявил о том, что подобный же ответ сербское правительство намеревается дать и на новое коллективное обращение великих держав, представители которых в Белграде уже получили от своих правительств соответствующие инструкции²¹.

Однако после дополнительных консультаций с итальянским поверенным в делах, убедившись в реальности возникновения серьезных осложнений в случае отказа Сербии считаться с требованиями европейского сообщества, Спалайкович признал желательность для своей страны полного освобождения албанской территории и пообещал вновь обсудить этот вопрос на заседании Совета министров. После указанного обсуждения Пашич обратился к Штрандтману с просьбой довести до све-

дения министерства иностранных дел России следующее заявление кабинета — что было сделано российским поверенным в делах в секретной телеграмме от 15 сентября 1913 г.: «Сербское правительство, желая, в согласии с дружественными указаниями России, избежать нарекания со стороны держав, выражает готовность отозвать свои войска из Албании, в каковом смысле завтра будут отданы соответствующие приказания. Вместе с тем оно однако не может еще раз не отметить то состояние анархии, которое ныне царит в Албании и следствием коего, по всей вероятности, явится возникновение новых беспорядков с уходом сербских войск, а равно вынуждено предвидеть необходимость для последних, в видах обеспечения сербской окраины от нападений, принимать и в будущем обусловливаемые обстоятельствами меры. Поэтому сербское правительство искренне надеется, что к водворению в Албании надежных административных и полицейских властей будет приступлено возможно скоро, ибо до осуществления этого условия ему крайне трудно совмещать обязанности по охране жизни и имущества своих подданных с желанием строго уважать пограничную линию, пока еще только намеченную»²².

Тем не менее, сообщив о принятом на заседании кабинета решении российскому и французскому дипломатическим представителям, Спалайкович еще раз повторил оговорку о неизбежном, по мнению сербского правительства, возникновении новых беспорядков в Албании и о вероятном новом занятии сербскими войсками тех же позиций, что позволяло реально оценить отношение Пашича к принятому им самим решению. В самом деле, в тот же день австро-венгерскому поверенному в делах было заявлено не об очищении территории Албании, а об отводе сербских войск на правый берег реки Черный Дрин как на крайнюю возможную линию их отхода.

Это несоответствие было объяснено российскому представителю простым недоразумением, происшедшим вследствие того, что Спалайкович передал данное сообщение фон Сторку не лично, а через начальника политического отдела министерства иностранных дел. Однако последний в беседе со Штрандтманом подчеркнул, что в данном случае Спа-

лайковичем была сделана сознательная попытка, во-первых, удовлетворить австро-венгерское правительство минимально уступкой из опасения навлечь на себя неудовольствие Пашича слишком поспешным решением вопроса, а во-вторых, вызвать затяжку времени в расчете на то, что какие-либо новые антисербские выступления албанцев убедят Международную разграничительную комиссию в необходимости изменить в пользу Сербии постановления Лондонского совещания послов великих держав относительно сербо-албанской границы, в первую очередь в том, что касается Люмы.

Однако внешнеполитические планы сербского правительства распространялись не только на Люмский округ. Управляющий министерством иностранных дел в своих беседах со Штрандтманом постоянно возвращался к вопросу об Охридском озере, которое решениями Лондонского совещания было частично присуждено Албании. В ответ на сообщение русского поверенного в делах, сделанное согласно прямому распоряжению товарища министра иностранных дел России А.А. Нератова, о незыблемости установленной великими державами пограничной линии, пересекающей озеро от деревни Лин до монастыря Св. Наума, Спалайкович настоятельно просил еще раз поставить перед министерством иностранных дел вопрос о том, что Сербия предвидит для своих жизненных интересов «гибельные последствия от доведения албанской границы до Охридского озера, которое таким образом будет служить исключительно удобным местом для совершения албанцами всякого рода разбоев»²³.

Во время встречи Спалайковича с дипломатическими представителями России и Франции, состоявшейся 18 сентября 1913 г., представитель министерства иностранных дел Сербии сообщил, что, по имеющимся у его правительства сведениям, албанское население прилегающих к сербо-албанской границе округов, а также Ново-Пазарского санджака готовит антисербское восстание. В сложившихся условиях в Белграде было решено усилить сербские гарнизоны, расположенные на границах с Албанией и Черногорией, а также закрыть доступ албанцам в города Дзяковица и Дебар²⁴.

В сербском правительстве существовали два взгляда на стоящие перед страной насущные задачи. С одной стороны, присутствовало понимание необходимости использовать мирную передышку, наступившую после двух Балканских войн, для того, чтобы организовать административное управление, судебные власти, пограничную и иные службы в присоединенных к Сербии областях, а с другой стороны, — и этот взгляд превалировал, — среди членов правительства существовало твердое убеждение в том, что «Австро-Венгрия и Италия не дадут порядку водвориться в Албании и, что, следовательно, необходимо теперь же добиваться исправления установленной на Лондонской конференции послов, невыгодной для Сербии в стратегическом и экономическом отношениях, границы»²⁵.

Тем временем, итальянский поверенный в делах в Сербии, по поручению маркиза А. ди Сан-Джулиано, передал сербскому правительству еще одно настоятельное указание итальянского кабинета соблюдать крайнюю осмотрительность в албанских делах, ибо военная партия в Австро-Венгрии оказывает энергичное давление на свое правительство с целью побудить его предпринять решительные действия против Сербии. В ответ Спалайкович отметил, что Сербия вынуждена предпринимать решительные действия ввиду угрожающей ей со стороны Албании опасности и добавил, что отношение Австро-Венгрии к этому вопросу ему безразлично, ибо венское правительство, по его мнению, не решится на активные выступления. Одновременно сербское правительство получило аналогичные советы и от Германии. Бетман-Гольвег заявил сербскому поверенному в делах в этой стране, что Австро-Венгрия ищет удобный повод для вмешательства в балканские дела, и что Россия в данных условиях не окажет поддержку сербским устремлениям²⁶.

Однако в конце сентября — начале октября 1913 г. сербские власти были мало озабочены реакцией и позицией Европы. Правительство королевства разрабатывало собственную далекоидущую стратегию в албанском вопросе, и она преследовала цель решать его отнюдь не только военными мерами. Штрандтман, имевший неоднократные беседы со Спалайковичем,

передал тогда в МИД России изложение той программы, которую решил взять на вооружение кабинет Пашича.

По свидетельству дипломата, сербское правительство пришло к выводу о возможности использования внутренних неурядиц в Албании в целях решения двух задач: добиться пересмотра в свою пользу пограничной сербо-албанской линии, намеченной решениями Лондонского совещания послов великих держав, и содействовать приходу к власти в Албании правительства, не находящегося под влиянием Австро-Венгрии и проявляющего дружеское расположение по отношению к Сербии. С этой целью оно решило оказать посильное содействие Эссад-паше, ведущему борьбу против правительства Исмаила Кемали, поставив условием получение Сербией, в случае его прихода к власти, соответствующего приращения своей сербской территории.

Сообщив Штрандтману о планах сербского правительства использовать Эссад-пашу, Спалайкович стал убедительно просить его сохранить данную информацию в строгой тайне и не сообщать ее в Санкт-Петербург, из опасения крайне нежелательной для Сербии огласки. Он также привел некоторые конкретные детали указанного плана. В частности, в ближайшие же дни специальное доверенное лицо должно было отправиться из Белграда через Салоники и Афины в Дуррес. Эссад-паше, испытывающему финансовые затруднения, будут посланы необходимые денежные средства. От самого же Эссада, с которым сербское правительство уже в течение некоторого времени находилось в тесном контакте, Пашич ожидает военного разгрома и изгнания находящегося во Влере албанского правительства в лице Исмаила Кемали, а также Исы Болетини, и занятия им поста генерал-губернатора. Своим первым указом Эссад-паша должен будет признать суверенитет турецкого султана (о его лояльности к Турции свидетельствовал, в частности, флаг с орлом и полумесяцем) и согласиться на пересмотр сербо-албанской границы в соответствии с требованиями Сербии. Вслед за этим сербские войска оккупируют уступленную территорию под предлогом временного нахождения там в интересах сохранения порядка и на основании соответствующей просьбы самого Эссад-паши. Наконец, после укрепления сво-

их позиций внутри страны, Эссад-паша должен будет провозгласить себя албанским князем.

В ответ Штрандтман обратил внимание Спалайковича на серьезные негативные последствия, с которыми неминуемо столкнется его страна в случае осуществления вышеуказанного плана, ибо великие державы единодушно и решительно выступят против подобной политики. В ответ управляющий сербским МИД принялся убеждать российского дипломата, что «страна не должна довольствоваться Лондонской границей, которую Австрия создала для того, чтобы Сербия не могла приступить к мирному развитию своих сил; что добрососедские отношения с Эссадом обеспечат спокойствие на Балканском полуострове; что нынешняя благоприятная минута не повторится, так как через три года Австрия перевооружится и Болгария оправится, и, наконец, что сербское правительство сумеет успокоить Европу, указав в особом обращении к державам на вынужденный и чисто временный характер принимаемых военных мер, обусловленных вторжением албанцев на сербскую территорию»²⁷. Одновременно он заявил, что сожалеет по поводу принятого несколько дней назад сербским правительством решения о выводе войск из Албании, ибо последнее албанское нападение, закончившееся взятием Дебара, могло бы быть отбито с гораздо меньшими потерями со стороны сербских войск, если бы они находились на прежних стратегических позициях в глубине албанской территории; согласившись, однако, со своим собеседником в том, что и в этом случае Сербия не могла бы рассчитывать на свою полную защищенность от нападения албанцев, ибо численность сербского пограничного отряда, занимавшего позиции в албанских ущельях, не превышала одного батальона.

Как уже говорилось выше, информация о состоявшейся беседе была немедленно доведена Штрандтманом до сведения российского внешнеполитического ведомства, откуда он вслед за этим получил две секретные телеграммы, датированные 28 и 29 сентября 1913 г. и подписанные товарищем министра иностранных дел Нератовым, в которых говорилось, что, несмотря на заявления Спалайковича о якобы строго секретном харак-

тере сообщения, он поделился своими соображениями относительно нового направления сербской политики в албанском вопросе также и с итальянским дипломатическим представителем в Белграде, который немедленно поставил в известность свое правительство; причем управляющий министерством иностранных дел Сербии заявил итальянскому дипломату, что данный план уже встретил полную поддержку со стороны правительства России. В связи с этим Нератов дал указание Штрандтману в кратчайшие сроки поставить Спалайковича в известность о позиции России, всегда выступавшей против намерений Сербии следовать авантюрной и создающей угрозу международной безопасности политике, а также сообщить ему, что по сведениям, имеющимся у российского правительства, личность Эссад-паши в любом случае не может внушать доверия, ибо его поддержка может быть получена лишь путем выделения ему крупных денежных сумм, а в этом отношении Сербия не может составить конкуренции Австро-Венгрии, так же как и в отношении вооруженных сил - вне зависимости от сроков перевооружения австро-венгерской армии²⁸. Кроме того, по словам товарища министра, предание международной огласке тайных замыслов Сербии неминуемо вызовет «самое решительное осуждение со стороны всех держав, утомленных длительным политическим кризисом и стремящихся к водворению прочного мира»²⁹.

После получения данных инструкций Штрандтман ознакомил с их содержанием Спалайковича. Тот в ответ заявил, что «Сербия ни в каком случае не сделает опрометчивого поступка, который мог бы иметь гибельные последствия, прежде всего, для нее самой и что и впредь она будет вести политику строгого благоразумия»³⁰. Что же касается сообщений итальянского поверенного в делах, то, по словам Спалайковича, сербское правительство уже сделало официальные заявления здешнему итальянскому, а также австро-венгерскому представителям, что Сербия действовала и в будущем будет действовать лишь оборонительными методами, не имея намерения захватывать чужие территории и уважая постановления Лондонского совещания. По мнению Спалайковича, выразившего российскому

представителю свое глубокое сожаление по этому поводу, речь шла либо о недоразумении, заключавшемся в недостаточной информированности поверенного в делах Италии в Санкт-Петербурге о миролюбивой позиции Сербии, либо о его сознательной попытке таким путем выяснить отношение самой России к албанской проблеме³¹.

В феврале 1913 г. в Стамбуле состоялся съезд албанских эмигрантов, привлечший к себе внимание России. Они высказались за создание албано-сербского государства под эгидой Петра I Карагеоргиевича, но при сохранении Албанией независимости. М.Н. Гирс сообщал в этой связи в Петербург: «Я полагаю, что к мысли о будущем собирании албанских земель вокруг Сербии мы можем отнестись лишь сочувственно и что само зарождение движения является удобной почвой для развития того недоверия к стремлениям Австрии, которое ныне особенно сказывается». Николай II начертал на этом преисполненном похвального геополитического цинизма документе «Да», а Сазонов направил меморандум австрийскому посольству в Санкт-Петербурге, предложив совместно рассмотреть вышеуказанный вариант. Дальнейшая судьба документа неизвестна, однако сам ответ Вены, очевидно, был отрицательным.

Здесь самое место отметить, что другие великие державы отдавали должное усилиям России по содействию выгодному для нее сближению государств балканского региона в столь противоречивой геополитической обстановке. Как указывал видный государственный деятель Австро-Венгрии и будущий министр иностранных дел Дьюла Андраши-младший, «триумфом политики России было то, что ей удалось создать под своим протекторатом Балканский союз — в первую очередь против Турции, во вторую, если понадобится, — против нас»³². А орган венских правящих кругов газета «Нойе фрайе прессе» называла созданный под покровительством России Балканский союз «кинжалом, направленным в сердце Австро-Венгрии»³³.

В этой связи следует особо подчеркнуть, что, несмотря на исторически тесные связи России со славянскими народами Балканского полуострова, российская дипломатия отнюдь не формировала список своих действительных и потенциальных

союзников в регионе исключительно по этнорелигиозному признаку. В частности, в 1910–1911 гг. Сазонов в рамках своего «нового курса» выдвинул идею создания Всебалканского союза с участием Турции. Согласно его проекту, турецкая сторона должна была сохранять суверенный контроль над черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы, но одновременно предоставить преимущественное право прохода через них российскому флоту и флотилиям дружественных ей причерноморских государств. Однако этот проект не был реализован в том числе вследствие жесткого противодействия тогдашней «владычицы морей» Великобритании.

Союзнические отношения между Россией и балканскими странами исторически осложнялись (и продолжают осложняться) не только действиями ее геополитических конкурентов, но и развитием ситуации у самих союзников. Не секрет, что «дипломатам, аккредитованным в балканских странах, приходилось (и поныне приходится. — *П. И.*) также учитывать внутривосточную обстановку на Балканах. Балканские монархии часто меняли свою внешнеполитическую ориентацию, поддавались диктату великих держав, соперничали друг с другом. В 1912–1913 годах они объединились для борьбы с Турцией, после окончания войны начали междоусобную борьбу за раздел добычи»³⁴. Как справедливо подчеркивают не только российские, но и сербские исследователи, «балканские союзники, хотя и пользовались поддержкой России, в то же время проявляли самостоятельность и даже нередко вступали в противоречия с последней. Без ее согласия они начали войну с Турцией, что подрывало самые основы «нового курса» Сазонова, нацеленного на создание Всебалканского союза. В Петербурге не были осведомлены о военной конвенции, заключенной Болгарией и Сербией в 1912 году»³⁵. Болгарский кабинет И. Гешова и сербские правительства М. Миловановича и Н. Пашича тщательно скрывали от России данный документ³⁶. Кроме того, начало Первой Балканской войны, отсчет которой ведется с объявления Черногорией войны Турции 8 октября 1912 г., означал нарушение балканскими союзниками целого ряда международных соглашений с участием России. В частности,

под угрозу было поставлено выполнение русско-черногорской военной конвенции 1910 г., предусматривавшей оказание Россией содействия в развитии черногорских вооруженных сил путем предоставления Цетинье ежегодной военной субсидии, военных материалов, а также непосредственного направления российских военных специалистов. Согласно статье седьмой данной конвенции, черногорское правительство брало на себя обязательство «не предпринимать никаких военных действий без предварительного соглашения с императорским правительством, а также не заключать военные соглашения с каким бы то ни было иным государством без согласия Его Императорского Величества»³⁷. Однако правительство черногорского короля Николы не провело никаких консультаций с Россией по поводу начала войны и даже не поставило в известность о своих намерениях российского военного агента подполковника Н.М. Потапова³⁸.

Но если конечные результаты Первой Балканской войны, увенчавшейся убедительной победой союзников, объективно отвечали интересам России, то Вторая (Межсоюзническая) Балканская война 1913 г., в которой Болгария выступила против остальных членов Балканского союза из-за дележа македонских земель, стала еще одним существенным дипломатическим поражением России на Балканах. Россия всячески пыталась убедить Белград и Софию решить свои противоречия дипломатическим путем, в том числе на основе верховного арбитража российского императора Николая II, прописанного в вышеуказанном болгаро-сербском союзном договоре 1912 г., и пыталась противодействовать складыванию антиболгарских блоков Сербия—Греция и Сербия—Румыния. Как указывал С.Д. Сазонов в телеграммах российским дипломатическим представителям в Белграде и Софии Н.Г. Гартвигу и А.В. Неклюдову, «стремясь сохранить самое полное беспристрастие к обеим сторонам, мы считаем долгом напомнить об одном постановлении, которое при всяком толковании договора не может утратить силы, а именно что любой спор по поводу толкования или исполнения как договора, так и военной конвенции передается на решение России». Глава российского

внешнеполитического ведомства подчеркнул необходимость «приложить все усилия к примирению Болгарии с Сербией»³⁹. 8 июня 1913 г. Николай II направил личные послания руководству Болгарии и Сербии, в которых еще раз призвал стороны «сохранить союзнические отношения и согласиться на его арбитраж, указав, что в случае, если на Балканах вспыхнет братоубийственная война, Россия оставляет для себя полную свободу действий»⁴⁰.

За день до подписания сербо-греческого договора об анти-болгарском военном союзе — 14 мая 1913 г. — Сазонов в своих посланиях российским представителям в Белграде и Афинах подчеркнул, что «сербское и греческое правительства ведут, по-видимому, уклончивую и опасную игру, заявляя нам о своих мирных намерениях и в то же время уклоняясь от прямых и определенных ответов на наши представления, деятельно готовясь к совместной борьбе с Болгарией»⁴¹. Гораздо более жестко, но в аналогичном ключе высказывался по поводу Межсоюзнической войны и ее последствий для интересов России и самих балканских народов большевистский орган «Рабочая правда»: «Не мир, а ряд столкновений, ряд кровавых драм, состязание в вооружениях, игра дипломатов, опасения иностранного вмешательства и интриги, иудины поцелуи и иудины предательства — вот что предстоит Балканам...»⁴².

Однако еще более сложным вызовом для российской политики на Балканах стала Первая мировая война. Место Сербии в пророссийском лагере изначально не вызывало сомнений. Сербский принц-регент Александр Карагеоргиевич 15 декабря 1914 г. обнародовал приказ по сербской армии, содержащий следующие оптимистические строки: «Мы должны еще некоторое время выполнять нашу тяжелую обязанность и стоять за наших великих и могучих союзников, которые воюют за нас и повергнут нашего общего противника на его собственной территории. Тогда наступит мир, длительный мир. Он достойно вознаградит нас за все жертвы...»⁴³. К слову, понятно, что глагол «стоять» прозрачно намекал на «возможность неучастия сербских вооруженных сил в дальнейших совместных операциях»⁴⁴.

Перспективы же участия в Первой мировой войне Болгарии оставались неопределенными вплоть до сентября 1915 г. Хотя статус побежденной стороны во Второй Балканской войне объективно толкал Софию в объятия коалиции Центральных держав, симпатии к Антанте — отождествлявшейся в первую очередь с освободительницей-Россией — были сильны в болгарском общественном мнении, о чем свидетельствуют донесения российского посланника в Софии А.А. Савинского. 22 октября 1914 г. дипломат сообщал Сазонову: «Ко мне по несколько раз в день поступали и поступают письменные и устные заявления учреждений, групп и отдельных лиц с выражением самых горячих чувств государю императору и России, с предложением услуг добровольцев. Я указал Радославу (глава кабинета. — *П. И.*), что правительство систематически подавляет эти чувства, что мне тоже документально известно, и что, таким образом, он ведет политику вразрез с общественным мнением. В ответ на мои замечания Радославов, фактически делавший против России всяческие гадости, утверждал 19-го, впрочем, как и ранее, что против нас никогда не пойдет и что он скоро докажет, что он — друг России»⁴⁵. Как говорится, комментарии излишни... Именно Васил Радославов, узнав 24 июля 1914 г. о содержании австро-венгерского ультиматума Сербии, фактически означавшего объявление войны, воскликнул: «Это большое счастье для Болгарии»⁴⁶.

Как вполне обоснованно сообщал в сентябре 1914 г. из Софии германский военный атташе барон К. фон дер Гольц, мнение о том, что Болгария не должна вступать в войну, но обязана вернуть отторгнутую у нее Бухарестским мирным договором 1913 г. Македонию, преобладало в стране. Впрочем, по мнению представителя Германии — не только в Болгарии: «Общий балканский идеал состоит в том, чтобы получать, но ничего взамен полученного не давать»⁴⁷.

В секретной телеграмме от 15 сентября 1915 г. Савинский в продолжение предыдущей телеграммы развил мысль об ориентации Болгарии. «Борьба с немецкой пропагандой в Болгарии, на что германской миссией тратятся колоссальные средства, является настоятельно необходимой, — писал дипло-

мат. — Располагая ничтожной суммой в 40.000 франков..., нам удалось открыть три новые газеты, из коих две — «Балканский сговор» и «Свободное мнение» — пользуются громадной популярностью, так как в них принимают участие все лучшие силы страны... Помимо этого организовано бюро русских корреспондентов, которые под руководством и.о. вице-консула Богоявленского, ведающего вообще под моим наблюдением всем делом прессы, пишут анонимные статьи для всех болгарских газет, помещают там выдержки из русских газет и таким путем освещают события в желательном для нас смысле»⁴⁸.

Однако российские усилия — как дипломатические, так и финансовые — не смогли достичь своей цели. Трагические для Болгарии итоги Второй Балканской войны объективно делали невозможным ее нахождение в одном лагере с Сербией...

Как не без цинизма, но весьма метко писал еще в июне 1913 г. российский поверенный в делах в Черногории Н.А. Обнорский, российское правительство, безусловно, в целом может рассчитывать на координацию своих дипломатических усилий с союзными балканскими государствами, однако, тем не менее, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что «если балканские славяне и являются солидарными с Россией в основных чертах своей внешней политики, то в отдельных ее задачах они, как государства молодые и еще далеко не завершившие своего естественного развития, долго еще будут склонны ко всякого рода политическим авантюрам и, следовательно, уклонениям от твердого курса славянской политики, руководимой Россией. Вот почему всякие политические и в особенности военно-политические соглашения между нашим великим, уже давно сложившимся и ведущим мировую политику отечеством и еще развивающимися отдельными славянскими государствами на Балканах представляются, по моему скромному мнению, весьма для нас неудобными и едва ли целесообразными. «Установившийся среди хорошо сложившихся культурных наций принцип международной этики по отношению к договорам, сформулированный в свое время одним из величайших исторических народов — римлянами — «*pacta servanda sunt*» («договоры должны выполняться». — *П. И.*) — по-видимому,

долго еще будет чужд культурно слабым и не особенно твердым в морали народам Балканского полуострова...», — заключал Н.А. Обнорский. И это — один из важных аспектов балканских реалий, в которых приходилось столетие назад — да и приходится сегодня — действовать российской дипломатии...⁴⁹

В определенной степени подтверждается правота выдающегося русского литератора и дипломата Дмитрия Дашкова, занимавшего в 1820-х годах посты управляющего делами Константинопольской миссии, статс-секретаря и товарища министра внутренних дел. В 1828 г., в разгар очередной русско-турецкой войны, он доказывал «невыгодность для российской политики распада империи османов, ибо славянские государства, которые могли бы здесь возникнуть, будут еще настолько слабы, что с большой долей вероятности окажутся под влиянием европейских держав, значительно укрепивших на Балканах свое политическое присутствие. Все это невыгодно, прежде всего, самой России, поэтому существование слабой Османской империи отвечает интересам российской внешней политики в этом регионе...»⁵⁰.

Примечания

¹ В «пороховом погребе Европы». 1878—1914. М., 2003. С. 172.

² Цит. по: *Skakun M.* Balkan i velike sile. Beograd, 1986. S. 277.

³ Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917. М., 1952. С. 303—308.

⁴ Рад Народне Скупштине сазване у редован сазив за 1908. годину. Стенографске белешке. Књига I. Београд, 1909. С. 311.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 612.

⁶ Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења 1878—1918. Београд, 1983. С. 165—166; Историја на македонскиот народ. II. Скопје, 1969. С. 326—327.

⁷ Први Балкански рат. Београд, 1959. С. 79, 83, 90.

⁸ Историја српског народа... С. 260.

⁹ В «пороховом погребе Европы»... С. 476.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 592.

¹¹ Там же. Л. 607.

¹² Там же. Л. 592.

¹³ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 80.

¹⁴ Там же. С. 56.

¹⁵ История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. М., 1997. С. 334.

¹⁶ Цит. по: *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 150.

¹⁷ Албанский узел. М.-Л., 1925. С. 63.

¹⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 9. По образному выражению российской исследовательницы Е.Ю. Гуськовой, хотя великие державы создавали независимую Албанию, сербское правительство не шло ни на какие уступки по поводу Косово и Метохии, называя их «святой землей» сербского народа, с которой начиналась сербская государственность. — Подробнее см.: *Гуськова Е.Ю.* Кризис в Косове. История и современность // Новая и новейшая история. 1999. № 5.

¹⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 12.

²⁰ Там же. Л. 340. Вопросы состава, принципов и сроков деятельности Международной комиссии по определению северной и северо-восточной границ Албании активно дебатировались на Лондонском совещании послов еще в начале 1913 г. При этом, пожалуй, ключевую роль играл временной фактор. Как признавался в беседе с российским посланником в Белграде Пашич, «в виду топографического характера местностей работы комиссии могут затянуться на многие месяцы, в течение коих Сербии пришлось бы содержать свою армию на местах в настоящем боевом положении; а это неминуемо повлекло бы громадные расходы и сильное недовольство в войсках со всеми последствиями внутренних неурядиц». — АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 113. Л. 11. В итоге непосредственные работы на местности начались в октябре 1913 г. В состав комиссии входили шесть делегатов — по одному от каждой из великих держав, а также необходимый для осуществления конкретных работ на местности персонал, в первую очередь, геодезисты и топографы, и корпус вооруженной охраны. В силу существовавших между членами Комиссии разногласий по вопросам определения государственной принадлежности тех или иных территорий и толкования соответствующих решений Лондонской конференции, а также наступивших в горах неблагоприятных погодных условий, сделавших практически невозможными какие-либо изыскания в указанных областях, работы по окончательному определению сербо-албанской границы не были завершены, и в начале декабря 1913 г. члены Комиссии прекратили работы по разграничению. — Подробнее см.: АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530, 531.

²¹ Там же. Д. 531. Л. 340.

²² Там же. Л. 343.

²³ Там же. Д. 530. Л. 166.

²⁴ Там же. Д. 531. Л. 345.

²⁵ Там же. Л. 350.

²⁶ Там же. Л. 352.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 358—359. Что же касается показателей, характеризующих Сербию и Австро-Венгрию в военном отношении, то к началу Первой мировой войны кадровая численность сербской армии в мирное время составляла 52 000 человек, а союзной с ней Черногории — 2 000 человек; в случае же военной опасности их боевая численность могла составить 247 000 человек у Сербии и 60 000 у Черногории. Численность же предвоенной армии,

имевшейся в распоряжении Австро-Венгрии, составляла 478 000 человек. С началом военных операций ее командование могло поставить «под ружье» 1 421 250 человек // *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914–1918 гг. Том первый. Кампании 1914–1915 гг. М., 1938. С. 20–21.

²⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 358.

³⁰ Там же. Л. 362.

³¹ Там же.

³² Цит. по: *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* На путях к мировой войне 1914–1918. М., 1940. С. 104.

³³ Neue Freie Presse. 1912. 3 Sept.

³⁴ *Писарев Ю.А.* Великие державы... С. 5.

³⁵ Там же. С. 9.

³⁶ *Борђевић Д.* Како су велике силе сазнали за склапање Балканског савеза 1912. // Исторически гласник. 1954. № 4. С. 127–143.

³⁷ Историјски записи. Књига 16. Свеска 3–4. Титоград, 1959. С. 115.

³⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3341. Л. 7.

³⁹ В «пороховом погребе Европы»... С. 497.

⁴⁰ *Гешов И.* Балканский союз: Воспоминания и документы. СПб, 1915. С. 57–58.

⁴¹ Цит. по: *Гешов И.* Балканский союз... С. 60.

⁴² Рабочая правда. 1913. 14 июля.

⁴³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3773. Л. 19.

⁴⁴ Цит. по: За балканскими фронтами первой мировой войны. М., 2002. С. 136.

⁴⁵ Международные отношения в эпоху империализма: Документы. Сер. 3. Т. 6. Ч. 1. М.-Л., 1935. С. 289.

⁴⁶ Цит. по: Болгария в XX веке: Очерки политической истории. М., 2003. С. 54.

⁴⁷ Цит. по: *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Т. 1. М.-Л., 1947. С. 238.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3773. Л. 41.

⁴⁹ Там же. Д. 3341. Л. 23.

⁵⁰ Цит. по: *Кудрявцева Е.П.* Русская дипломатия и планы государственного устройства Сербии в первой половине XIX в. // Двести лет новой сербской государственности. СПб, 2005. С. 107.

*Олег Рудольфович
АЙРАПЕТОВ*

ПОПЫТКА УДЕРЖАНИЯ КОНТРОЛИРУЕМОГО МИРА НА БАЛКАНАХ В СЕРЕДИНЕ 90-Х ГОДОВ XIX В.

В 1894 г. в Турции начался очередной, на этот раз «армянский» кризис. По условиям статьи 16-й Сан-Стефанского мира султан обязывался провести в турецкой Армении реформы «без замедления»: «Ввиду того, что очищение русскими войсками занимаемых ими в Армении местностей, которые должны быть возвращены Турции, могло бы подать там повод к столкновениям и усложнениям, могущим вредно отразиться на добрых отношениях обоих государств, Блистательная Порта обязуется осуществить, без замедления, реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и ограничить безопасность последних от курдов и черкесов»¹. Это положение было подтверждено статьей 61-й Берлинского трактата: «Блистательная Порта обязуется осуществить, без дальнейшего замедления, улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, Державам, которые будут наблюдать за их применением»². Таким образом, обязательства, взятые в отношении армянского вопроса в Сан-Стефано Турцией по отношению к России, были распространены на все европейские государства. Реформы так и не были проведены, Абдул-Гамид II еще в начале 1878 г. разогнал абсолютно послушный ему парламент, не желая мириться даже с имитацией ограничения собственной власти и контроля над ней.

«Я сделал ошибку, — заявил султан, — когда захотел взять пример с моего отца, Абдул-Меджида, который добивался реформ убеждениями и либеральными учреждениями. Я последую по следам моего деда, султана Махмуда. Как и он, я сейчас понимаю, что только силой можно править народом, который Бог доверил под мою защиту»³. Начался режим, получивший название «зулюм» — гнет. В стране была установлена система тотального шпионажа и доносительства, ставшего обязанностью каждого государственного чиновника и даже просто лояльного подданного. Жесточайшая цензура и официальная перлюстрация писем (они не принимались почтамтами в запечатанных конвертах) дополняли механизм контроля над любым проявлением мысли⁴. Таким образом был реализован принцип личной власти монарха, фактически заменившей собой центральную администрацию. «Порта (т.е. правительство. — *О.А.*) превратилась в тень своей бывшей власти, — докладывал Солсбери 4 июля 1885 г. британский посол в Турции В. Уайт, — и она полностью сосредоточилась во Дворце»⁵. Естественно, что подобное турецкое правительство не собиралось самостоятельно, без внешнего давления, выполнять свои обязательства по реформам, к тому же оно имело основания опасаться, что их проведение отнюдь не усилит слабеющую Османскую империю.

Режим Абдул-Гамида провоцировал один кризис за другим. Постоянно растущие в числе и численности отряды курдской конницы были фактически выведены из-под контроля местной администрации и развернули террор против христианского населения. Вымогательства, грабежи, насильственные переселения — все эти традиционные приемы турецкого администрирования привели к нарастающему исходу армянского населения из пограничной полосы в Россию. Оставленные земли заселялись курдами. Но этот результат уже не казался властям достаточным⁶. С 1890 г. одно за другим следовали массовые убийства армян: в 1890 г. — в Самсуне, в 1891 г. — в Анкаре. В 1893 г. местные оттоманские власти потребовали выплаты налогов от армянских деревень в Сасуне, недалеко от Муша. Армянские общины, уже заплатившие их иррегулярным конным формированиям хамидие, отказались делать это дважды. В от-

вет на это курды и турки атаковали Сасун, разгромили город и деревни рядом с ним. По данным международной комиссии, в состав которой входили русский, французский и английский консулы, в резне погибло около 900 человек⁷.

5 октября 1893 г. английский консул в Эрзеруме докладывал послу в Константинополь: «Сэр, я имею честь доложить, что среди армян пограничных районов данного вилайета развернулось постоянное и продолжающееся движение по эмиграции на русскую территорию... Вряд ли можно сомневаться в том, что многие армяне эмигрировали бы также из внутренних районов, если бы не сопротивление властей и опасности, подстерегающие их на дороге к границе»⁸. По предложению великих держав в Турецкой Армении должны были быть проведены реформы: учреждено генерал-губернаторство, обеспечено участие христиан в администрации, сокращена сфера действия хамидие. Султан отреагировал на это предложение словами: «Это дело закончится кровью». Очевидно, то, что произошло раньше, «кровью» для турецкого монарха не было по причине недостаточного масштаба. В 1894–1895 гг. в Малой Азии прошла массовая резня армянского населения, в ходе которой погибло около 300 тыс. человек. «Хиос, Сирия, Болгария, Армения, — отмечал британский историк конца XIX столетия, — это воистину названия, которые ассоциируются с наиболее характерными делами турок за последние три четверти века»⁹.

В августе 1895 г. эти действия получили жесткую оценку со стороны Великобритании. Протест шести европейских держав (Англии, России, Франции, Австро-Венгрии, Германии и Италии) привел к подписанию султаном 20 октября 1895 г. рескрипта, провозглашавшего реформы в Западной Армении. Этот документ остался лишь листком бумаги. Его появление вызвало новую волну погромов и убийств, начавшихся в Константинополе и за три последних месяца 1895 г. прокатившихся по 15 вилайетам Малой Азии: наиболее масштабный характер резня приняла в столице империи, Трапезунде, Эрзеруме, Диарбекире, Арабкире, Битлисе, Урфе. Во всех случаях резня начиналась по сигналу, проходила 24–48 часов с участием полицейских и жандармерии и проводилась исключительно по религиозному

принципу с целью максимального сокращения армяно-григорианской общины. Единственным спасением для армян, которое предлагали местные власти, был переход в ислам¹⁰.

Жалованье армии султана систематически разворачивалось. В 1895 г., например, оно было выплачено всего за 4 месяца, с марта по сентябрь 1896 г. — за 1¹¹. Участие в грабежах для офицеров и солдат имело, таким образом, и вполне материальную мотивацию. В организации резни были задействованы целые воинские части, в ряде случаев использовалась артиллерия. Захваченных людей подвергали варварским мучениям, в массовом порядке практиковалось сожжение заживо, награбленное имущество продавалось затем за бесценок на городских рынках¹². 11 ноября 1895 г. германский посол в Турции барон фон Заурма сообщал: «Сведения, которые вновь и вновь поступают сюда от очевидцев, таковы, что просто волосы поднимаются дыбом. Окрестности Эрзерума превращены в пустыню и в дымящиеся руины. Деревни частично горят и по сей день. В Эрзеруме трупы, которые не успевают быстро хоронить, просто выбрасываются на съедение собакам... Последняя резня в Диарбекире превосходит все, что в этом роде бывало здесь. По рассказам французского посла (одна Франция имеет там большое консульское представительство), число жертв трудно установить, потому что убитых большими массами бросают в пламя горящих базаров. Нельзя без ужаса видеть, как в закоулках и на перекрестках улиц расправляются с беззащитными армянами, словно с овцами»¹³.

Целенаправленная политика по вытеснению и уничтожению автохтонного христианского населения Западной Армении, которую десятилетиями проводило турецкое правительство, начала приносить желаемые для Константинополя плоды¹⁴. Например, армянское население Эрзерумского вилайета, согласно данным весьма условной османской статистики, в 1881 г. составляло 136 147 чел. (турецкое — 105 565), в 1887 г. эти показатели составили уже соответственно 106 768 и 428 495 чел. (турок вместе с курдами), в 1890 г. — 109 819 и 441 671 чел., в 1892 г. — 134 967 и 500 782 чел¹⁵. Очевидно, этого показалось недостаточно. Наметившаяся тенденция восстановления чис-

ленности христианского населения настораживала турецкое правительство, и в результате организованной им масштабной резни туркам удалось добиться резкого сокращения армянского населения, и прежде всего в сельской местности. Например, по данным русского консула к 1898 г. только в 2 округах Ванского вилайета из 919 армянских дворов, зарегистрированных до резни, остался только 291, в то время как показатели курдов увеличились с 21 до 189¹⁶.

Весной 1896 г. история с Сасуном повторилась в округе Зейтун, правда, здесь армянское население успело организовать оборону, отбить атаки мародеров и даже осадить местный гарнизон. Широкомасштабной резни удалось избежать только после энергичного вмешательства британского посольства. В июне 1896 г. турецкими властями была организована резня в городе Ван, 26 августа 1896 г. армянские националисты в качестве протеста и привлечения внимания к положению своего народа предприняли захват здания банка «Оттоманский кредит» в Константинополе. Банк был захвачен в 13.00 и очищен в 24.00. После переговоров террористы были вывезены за пределы Турции, а в ее столице два дня шли погромы христиан и армян — по данным британского посольства, было убито около 5,5 тыс. чел¹⁷. Точных цифр не было, потому что тела жертв массами вывозили в море и топили (эти отвратительные сцены наблюдали свидетели на иностранных судах, оказавшихся в порту Константинополя¹⁸), тем не менее русское представительство не расходилось в оценках последствий резни с британцами.

19 (31) августа 1896 г. русский военный агент в Турции докладывал в Петербург: «В Константинополе убито за два дня более 5 500 беззащитных армян, в том числе много других христиан; положительно выяснено, что избиения совершались заранее правительством организованными шайками под руководством чинов полиции. Благодаря решительным представлениям дипломатического корпуса, а особенно нашего посла, вчера и сегодня спокойнее, но паника продолжается»¹⁹. По данным информированного сотрудника американского колледжа, турецкие власти имели информацию о захвате банка и не препятствовали ему, предпочитая подготовить вместо этого

масштабную резню²⁰. «Это была не стычка, — отмечала русская свидетельница событий, — война, подавление восстания, а просто какое-то отвратительное, повальное, массовое убийство, *охота на человека* (разр. авт. — О.А.); по крайней мере, такой вид имело избиение в той части города, которую мы могли наблюдать; но от других проходило слышать, что и там было то же самое»²¹. В результате убийств, арестов, депортаций и других форм преследования за короткий промежуток времени армянское население города было сокращено на 75 тыс. чел.²²

Взаимопонимание между державами ограничилось лишь констатацией результата этой массовой «охоты на человека», организованной турками. Попытки Великобритании прибегнуть к угрозе и военно-морским демонстрациям не были поддержаны ни Петербургом, ни Парижем. Первый не желал обострения ситуации в районе Проливов, второй стремился удержать территориальную целостность своего должника — Османской империи. Что касается Германии, то Вильгельм II возмущался событиями только в узком кругу приближенных, одновременно заявив султану, что считает «подавление армянского восстания его правом и его обязанностью как суверена»²³. В результате по предложению России было принято паллиативное решение — в Константинополь каждая из великих держав направила по второму стационару (т.е. военному судну, постоянно находившемуся на рейде столицы на основании договора с Турцией). Предполагалось, что в случае необходимости экипажи кораблей смогут составить силу, способную если не остановить погромы, то защитить жизнь и имущество европейцев²⁴.

Единственным следствием этих событий стало окончательное превращение султана в парию Европы, Гладстон публично назвал Абдул-Гамида «султаном-убийцей». Еще ранее Солсбери заявил в парламенте, что Британия поставила «не на ту лошадь, поддержав Турцию против России в Крымскую войну»²⁵. Представляется, что в год 40-летия Парижского мира 1856 г. эти слова были не просто экскурсом в историю. Эти слова были услышаны в Европе. Правда, они прозвучали после того, как в 1895 г. предложение Солсбери о необходи-

мости подготовки к противостоянию с Россией на Проливах не было, как это было ранее в таких случаях, безоговорочно поддержано в правительстве²⁶. Еще большее раздражение премьер-министра вызвали упрямство военных моряков и их оценки опасности со стороны французского флота. Сам он в январе 1896 г. заявил, что война с Америкой «более реальна, чем будущая русско-французская коалиция»²⁷.

В июле 1896 г. русский посол в Турции А.И. Нелидов находился в Петербурге, где он получил инструкции по проведению в Турции политики, направленной на сохранение status quo²⁸. «Но с тех пор, — докладывал он 6 (18) сентября из Константинополя, — благодаря стараниям армян, дела приняли здесь столь быстрое течение, политическое разложение сделало такие громадные успехи, что, на мой взгляд, продолжение подобного порядка вещей едва ли возможно, и какой-нибудь переворот, в том или другом виде, весьма вероятен. Положение здесь так тревожно, так непрочное, что, по всеобщему сознанию, новые волнения почти неизбежны. Вызовут ли их армяне, — что, впрочем, ими открыто заявлено, — возбудит ли их мусульманская чернь, или недовольные турки — софты (т.е. духовенство. — О. А.) или военные — попытаются произвести революцию, о которой все открыто говорят, — уличные беспорядки легко могут возникнуть, и напуганные до крайности иностранные колонии, особенно английская и французская, громко требуют защиты от своих правительств»²⁹. Ввиду того, что эти события могут привести к увеличению числа стационаров в Золотом Роге или даже прорыву флота какой-либо европейской державы или держав в Мраморное море и десанту в Константинополе, Нелидов предлагал повысить готовность Черноморского флота к походу, с тем, чтобы в случае необходимости он смог бы прийти в Верхний Босфор раньше англичан³⁰.

Восточный кризис вынудил Николая II совершить поездку по Западной Европе³¹. В сентябре 1896 г. в замке Балмораль (Шотландия) состоялась встреча императора с английским премьером. Дневник Николая II краток: «Имел разговор с Salisbury»³². Существует и английская версия описания двух этих бесед, имевших место 27 и 29 сентября³³. Разговор на этой

встрече шел преимущественно о Восточной политике. Солсбери был опытным политиком, к этому времени он уже в третий раз возглавлял правительство. Свой разговор с Николаем II, согласно русской версии встречи, он начал с зондажа, предложив открыть Проливы для судов всех наций, но встретил резко отрицательную реакцию собеседника³⁴. Британская версия начинается с заявления Николая I о том, что он выступает за сохранение status quo, в том числе и территориального, так как любая попытка со стороны любой из держав захватить ту или иную часть Османской империи объединит против нее всех остальных. При этом император отказался поддержать предложение Солсбери об организации свержения Абдул-Гамида, так как вряд ли можно было надеяться, что его преемник будет чем-нибудь лучше своего предшественника³⁵.

Солсбери придерживался противоположенной точки зрения, считая, что страх перед возможностью повторения такой же судьбы будет лучшей гарантией нормального поведения нового султана. Британский премьер, по собственному признанию, не верил в продуктивность «бумажных реформ и конституций» на турецкой почве и считал, что только контроль со стороны послов великих держав может стать гарантией нормального управления Османской империей. Сразу после этого разговор перешел к наиболее важному для интересов Великобритании вопросу — к Египту, там, где, по мнению Николая II, весьма чувствительны были французы³⁶. Фактически Солсбери намекнул на возможность соглашения. Англия шла на уступки в вопросе о Проливах, а Россия обязывалась поддержать Лондон в Египте³⁷. С лета 1891 г. Турция неоднократно поднимала вопрос об эвакуации британских войск из Египта, от своих претензий на особую роль в этой стране не отказалась и Франция³⁸. Солсбери не доверял правящему хедиву* и явно хотел сменить его, что было невозможно сделать в одиночку и без санкции Константинополя. Поэтому он совершил экскурс в историю, вспомнив о предложении Николая I о разделе Османской империи, по которому Англия получала бы Египет, а Франция — Сирию³⁹.

* Хедив — наместник Египта.

Экскурс в историю привел к тому, что Николай II намекал на желательность расширения французской доли, после чего подчеркнул, что у России никогда не было никаких воинственных планов в отношении Индии. В отношении Персии и Западной Армении император также подчеркнул свою привязанность к политике сохранения status quo. Его не устраивала перспектива оккупации последней, так как это было бы весьма дорогостоящим предприятием, которое, по мнению Николая II, не помогло бы армянам, так как оставшаяся часть армянской диаспоры в Османской империи превратилась бы в заложника и жертву такого решения. Status quo был обещан и в отношении дальневосточных дел, где Россия собиралась провести железную дорогу через Манчжурию исключительно в интересах торговли. Все это не вызывало никаких возражений у Солсбери⁴⁰. Гораздо большую проблему представляла судьба Проливов. «Россия не хочет иметь Константинополь или иную часть турецкой территории на любой стороне проливов, — заключил император. — Она хочет только владеть дверью и иметь возможность укреплять ее»⁴¹. При этом он подчеркнул, что Россия не собирается ни свергать султана, ни создавать новую морскую державу на Средиземном море⁴².

Двойственность позиции Николая II была очевидна, и его собеседник отплатил ему такой же монетой. Солсбери начал ссылаться на необходимость учитывать интересы других стран, и прежде всего Франции и Австро-Венгрии. Последний довод явно вывел императора из равновесия, и он отметил, что Дунайская монархия сохраняется только лишь личностью правящего монарха, после смерти которого Венгрия и Богемия (т.е. Чехия. — О.А.), а также остальные славянские провинции станут независимыми, а у Габсбургов останется только «Австрийская марка»⁴³. Солсбери констатировал полное совпадение взглядов, за исключением Проливов, где британская позиция, по его словам, претерпевала изменения и зависела теперь исключительно от союзников, которых Англия, опять же по словам ее премьера, не могла покинуть, во-всяком случае на момент его беседы с русским самодержцем⁴⁴. Столь необычная беседа могла означать только одно: Англия перестала чувствовать себя

всесильной в районе Проливов. В январе 1897 г. Вильгельм II прямо обратился к британскому военному атташе в Германии с вопросом, не ведутся ли между Англией и Россией переговоры по вопросу о разделе Османской империи, на что получил следующий ответ: «Ну, Вы видите, ваше Величество, мы не можем одни бороться за Стамбул, и так как другие не будут бороться за него, то у нас нет никого, кто бы помог нам»⁴⁵.

Однако сопротивление (во всяком случае, пассивное) пришло с совершенно неожиданной для Берлина, Лондона и Петербурга стороны. Против русского плана активизации действий на Проливах самым категорическим образом выступило правительство Франции, максимальной его уступкой русскому союзнику было согласие на дипломатическую поддержку⁴⁶. Таким образом, не только Великобритания не имела прочной поддержки союзника. В этой обстановке император Николай II временно отказался от планов экспедиции на Босфор и выбрал традиционную политику «слабого соседа» по отношению к Турции. Следует отметить, что в Петербурге сохранялись настороженность и недоверие к нежеланию морских держав действовать, и, как следствие — сохранялась и готовность к действиям, правда, вынужденным. В 1896 г. часть держав все же отправила свои суда к берегам Османской империи: английская эскадра находилась у Дарданелл, австрийская — у Салоник, французская — у Бейрута. Зоны особых интересов стран на случай распада или раздела Турции были продемонстрированы довольно явно⁴⁷.

18 (30) ноября 1896 г. Нелидов вновь подал записку о необходимости подготовки захвата Проливов⁴⁸. 23 ноября (5 декабря) под председательством императора в Царском Селе было собрано Особое совещание, в котором приняли участие военный министр ген. П.С. Ванновский, управляющий Морским министерством вице-адмирал П.П. Тыртов, начальник Главного штаба ген. Н.Н. Обручев, управляющий МИД Н.П. Шишкин, министр финансов С.Ю. Витте и вызванный в Россию А.И. Нелидов⁴⁹. Министр финансов энергично возражал против изолированных действий в районе Проливов, считая их крайне рискованными. В результате было принято решение действовать исключительно в случае прорыва европейских

флотов в Мраморное море и нарушения, таким образом, международных договоров об их закрытии для военных судов. В такой ситуации Нелидов получал право вызвать суда русского Черноморского флота секретной телеграммой. Столь экстраординарные полномочия объяснялись опасностью внезапного развития событий⁵⁰. 11 (23) января 1897 г. проект десанта на верхний Босфор был окончательно утвержден императором. Зона его возможных действий не затрагивала Константинополь. В тот же день Николай II утвердил на этот случай и общий план действий — проект «Общей инструкции командующему войсками Одесского Военного округа»⁵¹.

Опасность действительно была велика, однако кризис на Проливах так и не состоялся. В итоге единственной страной, немедленно извлекавшей из этих событий выгоду, была Германия. Еще в сентябре 1896 г. Вильгельм II вновь посетил Константинополь с частным визитом. На сопровождавшего кайзера статс-секретаря по иностранным делам Бюлова османский монарх произвел впечатление паталогически подозрительной личности: «Особое недоверие султан питал к своим иностранным миссиям, к своему флоту и к электричеству. Для своих заграничных представительств султан изобрел сложную систему шпионажа. За главой миссии следил секретарь, за секретарем — военный атташе, за военным атташе — его товарищ морской атташе, за морским атташе — посол... Всех этих вещей Вильгельм II не видел, или, скорее, не хотел видеть в своем пристрастии к султану и всему турецкому»⁵². Возможно, причиной «слепоты» кайзера было отсутствие у султана предубеждений к железнодорожным концессиям.

Выбор Германией времени для установления контактов с Абдул-Гамидом был сделан исключительно удачно. «После армянской резни (1893—1896 гг. — *О.А.*) султан воспринимался своими братьями-монархами как-то холодно, — вспоминал Чарльз Элиот, секретарь британского посольства в Константинополе в 1893—1898 гг., — и этот спонтанный визит христианского императора по пути к Святому Городу вызвал большие толки. Он завершился предоставлением Германии концессии на строительство Багдадской железной дороги...»⁵³. Следует отметить, что

моральная поддержка Германии пришла как нельзя кстати для турок, опасавшихся, что эскадры европейских держав перейдут от демонстрации флагов к действию. 18 октября 1898 г. германский кайзер вместе со своей супругой снова посетил Константинополь. Это был уже государственный визит, и в столице Османской империи чета Гогенцоллернов задержалась на 4 дня.

Именно во время этого посещения Турции германская промышленность получила концессию на строительство железнодорожного пути от Константинополя в Малую Азию, который положил начало дороге Берлин–Багдад–Басра (первоначальное немецкое название – *Berlin–Byzantium–Basra*). Немцы начали вытеснять англичан из Турции. Участие Великобритании в морских демонстрациях европейских держав вызывало раздражение султана. Визиты Вильгельма II на этом фоне стали гораздо более продуктивными, и план Берлин–Багдад–Басра получил поддержку султана. Это было грандиозное предприятие, весьма похожее на замысел англичан в 1856 г., но только по масштабу. Завершение данной железнодорожной линии должно было вывести продукцию германской промышленности к берегам Персидского залива и Красного моря (учитывая ветку на Мекку и Медину через порт Акаба), а сырьевые ресурсы этих территорий сделать доступными для предпринимателей Второго рейха. Германская экономика бурно росла, и ей были необходимы рынки сбыта и рынки сырья. «Вопрос не в том, хотим ли мы колонизировать пространство или нет, — заявил несколько позже фон Бюлов, — но в том, что мы должны колонизировать, хотим мы этого или нет»⁵⁴. Стремление развить успех Анатолийской железнодорожной концессии 1888 г., в том числе и с помощью демонстрации личной дружбы германского императора к султану, и привело к реализации плана трех «Б». Поначалу германский план не был реализован полностью, окончательно право на строительство железной дороги до Багдада и Басры германское «Общество Анатолийских железных дорог» получило 24 декабря 1899 г.⁵⁵ Этому железнодорожному строительству, так и не законченному к началу Первой мировой войны, придавалось колоссальное значение в Берлине и Константинополе.

Активизация германской политики в Османской империи вопреки ожиданиям Лондона конца 80-х годов XIX в. с первых же своих шагов получила отчетливый анти-английский оттенок и совпала с принятием в 1898 г. программы по созданию океанского флота⁵⁶. «Мы не можем позволить ни одной державе, — заявлял в рейхстаге в 1899 г. Бюлов, — ни одному иностранному Юпитеру заявить нам: “Что поделывать? Мир уже поделен”»⁵⁷.

Вслед за Константинополем кайзер проследовал в Иерусалим, куда с триумфом въехал 29 октября 1898 г. После поклонения Гробу Господню Вильгельм 8 ноября 1898 г. посетил могилу Салах-ад-Дина в мечети Омейядов в Дамаске. Это был весьма сложный для положения Англии на Ближнем Востоке период. 2 сентября 1898 г. 26 тыс. английских и египетских солдат под командованием ген. Г. Китченера разбили при Омдурмане 60-тысячное ополчение махдистов и полностью поставили Судан под контроль Великобритании. 19 сентября английские войска и канонерские лодки, поднимавшиеся вверх по Нилу, встретились с небольшим французским отрядом под командованием майора Жана-Баптиста Маршана. 11 французских офицеров и 150 сенегальских стрелков летом 1896 г. вышли из Браззавиля (современное Конго) и за 24 месяца пересекли Африку, заняв 10 июля 1898 г. маленький глинобитный форт Фашода (совр. Кодок, Судан). Китченер ультимативно потребовал вывода французского отряда «из владений хедива», возникла угроза англо-французской войны. Кризис был преодолен к концу октября 1898 г., а 3 ноября 1898 г. Маршан получил официальный приказ вывести свой отряд из Фашоды. Франция отказывалась от претензий на долину Нила. Именно в начале ноября 1898 г., когда в Лондоне чествовали нового лорда — Горацио Китченера Хартумского, кайзер приехал в Дамаск. Именно тогда совершенно по-особенному прозвучали слова германского императора, сказанные над гробницей человека, разгромившего крестоносцев, грозного врага Ричарда Львиное Сердце: «Его Величество Султан и 300 миллионов мусульман мира, рассеянных по всему миру и почитающих его как своего Халифа, могут быть полностью уверенными в том,

что Германский император является и во все времена останется их другом»⁵⁸. К ужасу Бюлова, сопровождавшего Вильгельма и пожелавшего откорректировать дамасскую речь, она была опубликована без правки по приказу кайзера⁵⁹. Его слова не остались без отклика, и в 1900 г. Лондон принял под покровительство Кувейт, где по первоначальному замыслу должен был завершиться железнодорожный путь по плану трех «Б»⁶⁰. Немцы не смогли помешать этому, тем не менее поддержка Германии пришла в весьма тяжелое для султана время.

В 1895 г. вновь обострилась проблема Крита. Еще по условиям Органического устава 1868 г. высшим органом власти на острове провозглашалось Народное собрание при равенстве прав христиан (4/5 населения острова, в основном — греки) и мусульман (1/5 населения острова), в которое должны были войти 49 христиан и 31 мусульманин. Положения этого документа не выполнялись. Согласно статье 23 Берлинского договора султан обязывался провести на Крите реформы, предполагавшие передачу управления островом генерал-губернатору христианину из числа собственных подданных: «Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крит органический устав 1868 г., с изменениями, которые будут признаны справедливыми. Подобные же уставы, примененные к местным потребностям, за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не было предусмотрено настоящим трактатом. Разработка подробностей этих новых уставов будет поручена Блистательной Портой в каждой области особым Комиссиям, в коих туземное население получит широкое участие. Проекты организаций, которые будут результатом этих трудов, будут представлены на рассмотрение Блистательной Порты. Прежде обнародования распоряжений, которыми они будут введены в действие, Блистательная Порта посоветуется с Европейской Комиссией, назначенной для Восточной Румелии»⁶¹.

Все эти обязательства не выполнялись, что привело к серии восстаний в 1885, 1888, 1889 гг. В мае 1895 г. генерал-губернатором был, наконец, назначен христианин — Александр Каратео-

дори-паша, но его попытки реформировать режим управления столкнулись с сопротивлением мусульманской части населения. Что касается греков, то большая их часть уже не хотела ничего, кроме воссоединения с Грецией, и любая уступка этой программе рассматривалась ими как предательство⁶². Диалог и даже сосуществование двух общин стали уже невозможными. В сентябре 1895 г. на острове начались волнения, которые быстро переросли в открытое восстание. В декабре 1895 г. был организован комитет обороны против Турции, который, однако, не смог установить единства среди лидеров повстанцев и подчинявшихся им отрядов, начавших партизанскую войну.

В начале 1896 г. генерал-губернатор был отставлен, и власть была передана турецкому чиновнику — вали. Тот распорядился об отсрочке созыва Народного собрания, на остров стали прибывать турецкие войска. В ответ на это восстание приняло еще больший размах, его руководители провозгласили объединение с Грецией⁶³. В Афинах еще в 1895 г. группой молодых офицеров греческой армии было организовано Национальное общество — «Этники Этерия», строившееся по образцу и подобию «Филики Этерия». В течение двух лет количество его членов выросло с 60 до 3000, с представительствами в 56 греческих городах и 83 греческих общинах, находившимися за пределами Греческого королевства⁶⁴. Общество «Этники Этерия» стало одним из центров организации помощи критянам. В феврале 1897 г. в Афинах было получено известие о том, что турецкие солдаты начали резню греков на Крите. Эта новость привела к огромному национальному подъему в стране. Проходили многочисленные демонстрации, на остров отправились отряды греческих добровольцев. 11 февраля 1897 г. на Крите высадилось 1500 вооруженных волонтеров⁶⁵.

Греческое правительство отреагировало на эти события безуспешной попыткой организовать коалицию балканских государств. Болгария, Сербия и Черногория не поддержали предложений Афин о создании единого антитурецкого фронта⁶⁶. Король явно опасался войны и старался избежать ее, но гораздо больше он боялся «улицы». Поначалу Афины надеялись на вмешательство великих держав, которые могли бы, как и ранее,

установить блокаду греческих берегов и дать возможность выйти из кризиса, сохранив достоинство, т.е. со ссылкой на непреодолимую силу враждебного внешнего вмешательства. Однако оно было невозможно, и прежде всего из-за позиции, занятой Лондоном. После армянской резни антитурецкие настроения в Великобритании были чрезвычайно сильны, и единственная страна, традиционно выступавшая в качестве инициатора и организатора блокад во имя сохранения территориальной целостности Османской империи, категорически отказалась повторять эти действия⁶⁷.

Англия, Франция, Россия, Австро-Венгрия и Италия направили к берегам Крита по одному крейсеру, но только с целью наблюдения и присутствия, без четких инструкций к действиям. От военно-морской демонстрации отказалась только Германия⁶⁸. Статс-секретарь по иностранным делам А.Г. Маршаль фон Биберштейн сформулировал политику Второго рейха следующим образом: «Не выдвигаясь вперед, мы тем не менее серьезно работаем в антигреческом направлении»⁶⁹. В отличие от своего дипломата, Вильгельм II был настроен гораздо более воинственно. Он даже предложил организовать военно-морскую блокаду Пирея и уничтожить небольшой греческий флот, однако германские предложения так и не были поддержаны остальными державами. Тем временем, оставшись один на один с собственным общественным мнением, греческое правительство начало действовать. На Крит продолжилась отправка вооруженных добровольцев, а вслед за ними и регулярных частей греческой армии, у берегов острова начала действовать небольшая греческая эскадра под командованием принца Георга.

Очередное обострение обстановки в районе, примыкающем к Дарданеллам, опять вызвало опасение в Петербурге, и на случай «вооруженного вмешательства Европы в турецкие дела» 11 (23) января 1897 г. Николай II утвердил план Босфорской экспедиции. Узнав о движении европейских военных эскадр из Средиземного моря к Константинополю, русский посол в Турции должен был предупредить командующих Черноморским флотом и войсками Одесского военного округа телеграммой «Давно без известий». После этого на Черном море долж-

на была немедленно начаться подготовка к десанту на верхний Босфор («никоим образом не касаясь Константинополя»). Операция могла начаться только по особому приказу императора: в первый рейс флот должен был перевезти 30 500 чел. при 104 орудиях из Севастополя и Одессы, во второй — около 23 000 чел. и в третий — около 20 000 чел.⁷⁰ Однако и этот план так и остался на бумаге. В марте 1897 г. против него категорически выступил МИД. В.Н. Ламздорф не верил в то, что план имел достаточное техническое обеспечение и опасался провала, который привел бы к весьма нежелательным для России последствиям⁷¹. Доводы Ламздорфа прозвучали на фоне достигнутого, как казалось, европейского единения в Восточном Средиземноморье. 18 февраля 1897 г. великие державы выпустили совместное обращение, предлагавшее решение критской проблемы — острову предоставлялась автономия под сюзеренитетом султана. На принятие этой программы, исключавшей возможность объединения Крита с Грецией, давалось 6 дней. Турция приняла ее, Греция — отвергла. Эскадра держав с целью локализации конфликта начала осуществлять морскую блокаду острова.

Абдул-Гамида активно подталкивал к войне Вильгельм II. В конце февраля 1897 г. он открыто обратился к турецкому послу на приеме: «Почему ваши войска до сих пор еще не переступили греческую границу? Передайте султану, что если он ценит мою дружбу, он должен действовать с величайшей энергией»⁷². Поддержка, оказанная кайзером, укрепляла позиции Германии в Турции и обнадеживала турок, превосходивших греков в живой силе и ее организации. Кроме того, подобная позиция Берлина свидетельствовала о том, что в очередной раз реального выступления великих держав так и не состоится. 2 марта 1897 г., после долгих препирательств, они представили совместную ноту в Константинополе и Афинах с предложениями вывести с Крита греческие войска и предоставить острову автономию. Султан дал подобные обещания, однако им уже никто не верил ни на Крите, ни в Греции, ни в Европе. Что касается Афин, то королевское правительство отказалось принять эти предложения⁷³. 15 марта 1897 г. в Греции началась мобилизация армии,

напряжение между Турцией и Грецией завершилось волнениями в Македонии, куда 29 марта (10 апреля) 1897 г. с территории королевства вторгся отряд греческих добровольцев силою до 2,5 тыс. чел. Правительство Греции заявило о том, что оно не в состоянии было препятствовать этим действиям, что и послужило поводом для объявления Турцией 17 апреля войны⁷⁴.

Греческая регулярная армия была малочисленна, в 1892 г. она насчитывала 28 114 чел., в 1893 г. по финансовым соображениям правительство было вынуждено сократить ее до 22 607 чел. Предполагалось, что армия при мобилизации могла быть увеличена до 200 000 чел. за счет ополчения, но оно было чрезвычайно слабо обучено и не имело подготовленных офицерских и унтер-офицерских кадров⁷⁵. Последнее не могло не сказаться во время войны. Мобилизация греческой армии была завершена к 4 апреля 1897 г., и в результате ее численность составила 66 570 чел. при 136 орудиях. Турецкие войска в Фессалии и Эпире насчитывали 94 тыс. чел. при 210 орудиях⁷⁶. Греки надеялись на поддержку со стороны болгар, однако эти надежды не оправдались. В самом начале военных действий болгарский князь Фердинанд находился в Берлине, где Маршалль фон Биберштейн недвусмысленно объяснил ему: «Греки своей авантюристской политикой не добьются ничего другого, кроме вполне заслуженных побоев». Практически тем же грозили и болгарам. Фердинанд сделал вид, что удивился, ответив следующим образом: «Разве он в течение ряда лет не отдал все свои силы, чтобы... насильственно подавлять в своей стране все национальные устремления?»⁷⁷ Турки могли быть спокойны и концентрировать действия на одном участке своей европейской границы. Война продолжалась всего 30 дней. Турецкие войска, превосходившие греков в численном и качественном отношениях, нанесли им ряд поражений в Фессалии и Эпире. К 6–7 мая на всех направлениях греческие войска отступали в полном беспорядке. Огромная заслуга в успехах турок принадлежала работе германской военной миссии. В Афинах начались антиправительственные выступления, король Георг I обратился к России с просьбой о посредничестве. Турки подходили к Фермопилам, создавая реальную угрозу греческой столице⁷⁸.

В этой обстановке Николай II отправил Абдул-Гамиду телеграмму с просьбой о прекращении военных действий, высказав при этом желание «видеть Турцию сильной и процветающей, умеющей охранять порядок и спокойствие во всех своих землях». Султан согласился с предложением императора и в ответной телеграмме выразил надежду, что «мощная поддержка России поможет Турции извлечь из достигнутых успехов надлежащие выгоды»⁷⁹. 8(20) мая было заключено греко-турецкое перемирие, за которым последовали переговоры об условиях мира. Вслед за этим великие державы приступили к решению критского вопроса. 26 апреля (8 мая) и 5(17) мая 1897 г. министры иностранных дел России и Австро-Венгрии М.Н. Муравьев и граф А. Голуховский обменялись письмами. В результате было достигнуто секретное австро-русское соглашение о сохранении status quo на Балканах. Оно выявило значительные разногласия в вопросе о режиме Проливов, австрийского присутствия в Ново-Базарском санджаке, перспектив создания Албании (это было австрийское предложение), но обе державы были заинтересованы в сотрудничестве и обязались достичь более конкретной договоренности в будущем⁸⁰. Голуховский стремился как можно дольше сохранять status quo в регионе. Позже он изложил свое credo следующим образом: «...во-первых, делать все, что возможно, для избежания конфликтов между Турцией и балканскими государствами, во-вторых, если такие конфликты все-таки возникнут, то локализовать их»⁸¹.

В мае 1897 г. была ужесточена морская блокада Крита, турецкие войска и отряды греческих добровольцев вынуждены были начать эвакуацию с острова. Вслед за этим по договоренности Англии, России, Австро-Венгрии, Германии, Италии и Франции войска этих держав начали занимать остров⁸². Первые десанты с целью успокоения обстановки начались еще раньше. Уже 12(24) марта 1897 г. сюда прибыли первые русские войска — батальон 14-го стрелкового полка, усиленный затем батальоном Житомирского полка и 6-й горной батареей (части менялись приблизительно раз в году). Они обеспечивали контроль над русским сектором управления, в который вошли 4 провинции острова⁸³. Летом 1898 г. русский экспедиционный корпус здесь

был усилен полевой жандармской командой из 2 офицеров и 20 конных жандармов, к которым потом присоединился отряд черногорцев (40 рядовых и 2 офицера) для охраны 4 русских консульств в этих провинциях. Эти войска и приступили к разоружению населения и водворению порядка⁸⁴.

Позже султан признал административную автономию Крита при условии гарантии жизни и имущества мусульманских жителей острова. Гарантировать мир и спокойствие должны были международные военные силы под командованием назначаемого султаном генерал-губернатора⁸⁵. Первоначальной кандидатурой России был родственник черногорского князя, но это предложение встретило самое энергичное сопротивление Цетинье и Белграда, и в результате, несмотря на протесты Турции, Россия и Англия предложили кандидатуру сына греческого короля принца Георга. Франция и Австро-Венгрия присоединились к этому предложению, и в ноябре 1898 г. он был назначен генерал-губернатором⁸⁶.

На переговорах о заключении мира с Грецией Турция требовала уплаты контрибуции и передачи ей всей территории Фессалии. Последнее условие поначалу поддерживалось только Германией, но к осени 1897 г. и кайзер посоветовал султану отказаться от неумеренных территориальных требований. В сентябре 1897 г. в Константинополе был подписан предварительный договор между Грецией (интересы которой представляли послы 6 великих европейских держав) и Турцией. После окончательного утверждения этого текста 4 декабря 1897 г. был подписан мирный договор, по которому турецкие войска покидали занятые ими в ходе военных действий территории в Фессалии, сохранив несколько стратегически важных перевалов и одну деревню. Это, конечно, было символическим приобретением⁸⁷. Сокращен был и размер контрибуции — с 10 до 4 млн турецких лир (92 млн франков)⁸⁸. Тем не менее, и эти условия поставили Грецию на грань финансового кризиса. 17 (29) марта 1898 г. она вынуждена была заключить внешний заем в 170 млн франков под гарантией России, Англии и Франции, в Афинах была учреждена международная контрольная комиссия для наблюдения за правильностью поступлений по контрибуцион-

ному займу и другим долгам греческого правительства⁸⁹. Вслед за преодолением греко-турецкого кризиса, султан обещал провести реформы в Македонии, где по окончании войны резко возрос террор албанцев против славянского населения и пограничных областей Сербии. Значительная часть албанцев возвратилась с фронта с оружием и в полной убежденности в своей безнаказанности⁹⁰. Тем не менее, напряжение на Балканах, которое могло грозить новой войной, временно разрядилось.

Примечания

¹ ПСЗ. Собрание второе. СПб, 1880. Т. 53. Законы 1878 года. Отд. 1. № 58264. С. 161.

² *Мартенс Ф.[Ф.]* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб, 1888. Т.8. Трактаты с Германиею. 1825–1888. С. 674.

³ *Jelavich B.* History of the Balkans. Eighteenth and Nineteenth Centuries. Cambridge University Press. Vol. 2. 1999. P. 80.

⁴ *Алиев Г.З.* Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.). М., 1972. С. 49–56.

⁵ *Smith C.L.* The Embassy of Sir William White at Constantinople 1866–1891. Oxford University press, 1957. P. 159.

⁶ Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов под ред. М.Г. Нерсисяна. Ереван, 1982. С. 22–24.

⁷ *Edwards S.H.* Sir William White. For six years ambassador at Constantinople. His life and correspondence. London, 1902. P. 105.

⁸ Геноцид армян в Османской империи... С. 24.

⁹ *Edwards S.H.* Op. cit. P. 105.

¹⁰ *Eliot Ch.* Turkey in Europe. London, 1908. P. 406–408.

¹¹ *Алиев Г.З.* Указ. соч. С.49.

¹² Геноцид армян в Османской империи... С. 25–35.

¹³ *Ерусалимский А.С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951. С. 143.

¹⁴ Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914 года. Приложение № 6. Статистика населения 6 армянских вилайетов. Пг., 1915. С. 273–290.

¹⁵ Там же. С. 273–274.

¹⁶ Геноцид армян в Османской империи... С. 158.

¹⁷ *Eliot Ch.* Op. cit. P.409–413.

¹⁸ Геноцид армян в Османской империи... С. 125.

¹⁹ Там же. С. 121.

²⁰ *Washburn G.* Fifty years in Constantinople and recollections of Robert College. Boston-New York, 1909. P. 246.

²¹ Геноцид армян в Османской империи... С. 127.

²² *Washburn G.* Fifty years in Constantinople and recollections of Robert College. P. 249.

- ²³ *Ерусалимский А.С.* Указ. соч. С. 198–199.
- ²⁴ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 104.
- ²⁵ *Grenville J.A.S.* Lord Salisbury and foreign policy. The close of the XIX century. London, 1964. P. 25.
- ²⁶ *Jefferson M.M.* Lord Salisbury and the Eastern Question, 1890–1898 // *The Slavonic and East European Review*. 1960. № 92. P.50.
- ²⁷ *Ibid.* P. 51.
- ²⁸ Проект захвата Босфора в 1896 г.// КА. М.-Л., 1931. Т. 4–5 (47–48). С. 56.
- ²⁹ Там же. С. 57.
- ³⁰ Там же. С. 57–58.
- ³¹ *Киняпина Н.С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века. (1878–1898). Изд-во МГУ, 1994. С. 185.
- ³² Дневники императора Николая II. М., 1991. С.169.
- ³³ См.: *Lord Salisbury's Conversations with the Tsar at Balmoral*, 27 and 29 September 1896 // *The Slavonic and East European Review*. 1960. № 92. P. 216–222.
- ³⁴ *Пономарев В.Н.* Свидание в Бальморале и англо-русские отношения в 90-х гг. XIX века.// Исторические записки. 1977. № 99. С.348.
- ³⁵ *Lord Salisbury's Conversations...* // *The Slavonic and East European Review*. 1960. № 92. P. 216.
- ³⁶ *Ibid.* P.217.
- ³⁷ *Киняпина Н.С.* Указ. соч. М., 1994. С.185.
- ³⁸ *Smith C.L.* Op. cit. P.149–150.
- ³⁹ *Lord Salisbury's Conversations...* // *The Slavonic and East European Review*. 1960. № 92. P. 217.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 218.
- ⁴¹ *Пономарев В.Н.* Указ. соч. // Исторические записки. 1977. № 99. С. 348.
- ⁴² *Lord Salisbury's Conversations...* // *The Slavonic and East European Review*. 1960. № 92. P. 219.
- ⁴³ *Ibidem.*
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 220.
- ⁴⁵ *Ерусалимский А.С.* Указ. соч. С. 242.
- ⁴⁶ *Michon G.* The Franco-Russian Alliance 1891–1917. London, 1929. P. 92–93.
- ⁴⁷ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 104.
- ⁴⁸ Проект захвата Босфора в 1896 г. С. 60–64.
- ⁴⁹ Там же. С. 64.
- ⁵⁰ Там же. С. 66–67.
- ⁵¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Ед. хр. 587. Л. 306–310.
- ⁵² *Бюлов Б.* Воспоминания. М.-Л., 1935. С. 129.
- ⁵³ *Eliot Ch.* Op.cit. P. 420.
- ⁵⁴ *Kennedy P.* The rise and fall of the Great Powers... P. 272.
- ⁵⁵ *Ерусалимский А.С.* Указ. соч. С. 193–194; 500.
- ⁵⁶ *Ерусалимский А.С.* Указ. соч. С. 313; 340–342; *Жерве Б.* Германия и ее морская сила // МС. 1914. № 9. С. 147.
- ⁵⁷ *Kennedy P.* The rise and fall of the Great Powers... P. 274.
- ⁵⁸ *Hopkirk P.* Like hidden fire. The plot to bring down the British Empire. New York-Tokyo-London, 1994. P. 21–24.

- ⁵⁹ Бюлов Б. Указ. соч. С. 132.
- ⁶⁰ Альконост. Современная политика Великих Держав // МС. 1915. № 1. С. 69.
- ⁶¹ Мартенс Ф./Ф./ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб, 1888. Т. 8. Трактаты с Германиею. 1825–1888. С. 657.
- ⁶² Stavrianos L.S. The Balkans since 1453. London, 2002. P. 470.
- ⁶³ Киняпина Н.С. Указ. соч. С. 137–138.
- ⁶⁴ Glenny M. The Balkans 1804–1999. Nationalism, war and the Great Powers. London, 1999. P. 193.
- ⁶⁵ Stavrianos L.S. Op. cit. P. 470.
- ⁶⁶ Киняпина Н.С. Указ. соч. С. 139.
- ⁶⁷ Stavrianos L.S. Op. cit. P. 470.
- ⁶⁸ Киняпина Н.С. Указ. соч. С. 138.
- ⁶⁹ Ерусалимский А.С. Указ. соч. С. 261.
- ⁷⁰ Русско-германские отношения. Проект захвата Босфора в 1897 году // КА. М., 1922. Т. 1. С. 153–154; 161–162.
- ⁷¹ Fuller W.C. Strategy and Power in Russia 1600–1914. New York-Oxford-Singapore-Sydney, 1992. P. 371–372.
- ⁷² Ерусалимский А.С. Указ. соч. С. 266.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Stavrianos L.S. Op. cit. P. 470.
- ⁷⁵ Bickford-Smith A.H. Greece under King George. London, 1893. P. 241–245.
- ⁷⁶ A history of the Hellenic Army 1821–1997. An army directorate publication. Under direction of Lt.-Gen. Kyrochistos Ioannis. Athens, 1999. P. 69–70.
- ⁷⁷ Ерусалимский А.С. Указ. соч. С. 270.
- ⁷⁸ Erickson E. J. Defeat in detail. The Ottoman Army in the Balkans, 1912–1913. Westport-Connecticut-London, 2003. P. 15.
- ⁷⁹ Киняпина Н.С. Указ. соч. С. 144.
- ⁸⁰ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 303–308.
- ⁸¹ Бюлов Б. Указ. соч. С. 253.
- ⁸² Stavrianos L.S. Op. cit. P. 471.
- ⁸³ Русские на Крите // Разведчик. 1899. № 436. С. 171.
- ⁸⁴ Отфановский К.К. Русские полевые жандармы на острове Крит (из воспоминаний полковника К.К. Отфановского) // Военная быль. Париж. 1967. № 84. С. 22–23.
- ⁸⁵ Киняпина Н.С. Указ. соч. С. 146.
- ⁸⁶ Stavrianos L.S. Op. cit. P. 471.
- ⁸⁷ Ibid. P. 471.
- ⁸⁸ Киняпина Н.С. Указ. соч. С. 145.
- ⁸⁹ Столетие Министерства иностранных дел. СПб, 1902. С. 194.
- ⁹⁰ Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. М., 2006. Т. 1. (1878–1997). С. 45–46.

*Барвара Борисовна
ХЛЕБНИКОВА*

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ДИНАСТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И ЧЕРНОГОРИИ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

История династических связей Черногории с царствующим домом Романовых и другими европейскими монархиями заслуживает особого внимания исследователей потому, что проливает свет на ускользнувшие из официальных документов подробности общественно-политической жизни этой славянской державы. Какими бы политическими мотивами не было продиктовано заключение династического брака, все равно это дело семейное. Значит, личности тех, кто находится на престолах, раскрываются полнее, становятся яснее их эмоции, темпераменты, характеры, настроения; сильные и слабые стороны высвечиваются гораздо ярче, чем в повседневной официальной, так сказать, «протокольной» деятельности.

Для семьи Петровичей-Негошей браки с представителями европейских правящих дворов имели гораздо большее значение, чем для любой другой династии. Во-первых, потому что Негоши не могли похвастаться «августейшими» корнями, были выходцами из народа, вели свой род от пастухов. Такое низкое происхождение в Европе, взявшей на вооружение после падения Наполеона I принцип легитимизма, могло стать серьезной помехой в политических контактах. Однако решительность и целеустремленность князя Николы, артистизм и личное обаяние, вера в свои силы и умение снискать расположение современников помогли ему преодолеть казалось бы непреступные барьеры и войти на равных в круг европейских монархов.

Во-вторых, политическая элита с каждым династическим браком связывает определенные расчеты и надежды. В Черногории это обстоятельство было особенно актуально. Для крупных монархий брачные договоры никогда не имели такого жизненно важного значения, как для крохотной славянской страны. Княжество было маленьким и бедным, больше других нуждалось во внешней поддержке, в протекции со стороны сильных покровителей. Удачные браки членов княжеской семьи становились специфическим ресурсом государственного строительства. Чем шире были семейные связи князя Николы, тем крепче были его позиции на международной арене. Это было очевидно современникам, особенно тем, кто не видел смысла в усилении правящего дома Негошей-Петровичей. Значительная часть югославянской интеллигенции считала, что Черногория — это только часть «сербства», что идея полного освобождения и слияния югославянских народов в единый государственный организм является вопросом ближайшего будущего. Черногорцам отводилась роль застрельщиков национально-освободительной борьбы славян Балканского полуострова, но мало кто сомневался в том, что княжеству придется влиться в общую сербскую державу. Сам Никола дал повод так думать, часто заявляя в начале своей политической карьеры о великой мечте сербов об объединении. Но он совсем не исключал, что во главе объединенной сербской державы встанет именно его династия. Поэтому ее возвышение и укрепление было первоочередной задачей черногорского господара, стремившегося к осуществлению этой цели всю свою жизнь, тем самым раздражая соперников и конкурентов, давая повод к обвинениям в сепаратизме и эгоизме.

В-третьих, изучение династических связей Черногории представляет особый интерес для российских историков потому, что с Домом Романовых у нее сложились не просто тесные отношения. Есть много необъяснимого и даже мистического в том, как последовательно и настойчиво покровительствовали русские цари народу, всегда демонстрировавшему воинственность, непокорность, стремление идти собственным путем. Политическая заинтересованность России в союзниках на

Балканах только отчасти объясняет желание русских императоров взять Черногорию под опеку. Довольно быстро российские государственные умы осознали, что рассчитывать на послушность и предсказуемость черногорцев не приходилось. Тем не менее, Николай II до последних дней своего царствования не отказался от патроната над Черногорией, оказывая ей щедрую материальную и постоянную моральную поддержку.

Продвижение дома Петровичей по династической лестнице вверх началось еще в 1889 г., когда воспитанница Смольного института и бесприданница Милица, дочь черногорского господаря, вышла замуж за великого князя Петра Николаевича Романова. Затем ее примеру последовала другая дочь Николы Анастасия (Стана), ставшая женой Георгия Лейхтенбергского, князя Романовского, внука Николая I. Брак Станы оказался неудачным, закончился разводом. В 1907 г. Анастасия снова вышла замуж, на этот раз за великого князя Николая Николаевича, брата Петра Николаевича. Подобный союз противоречил принятым в Русской Православной церкви нормам семейного права, но для высоких особ было сделано исключение.

Известия о помолвках, а затем и свадьбах дочерей князя вызвали в Черногории бурю восторга. Номер официального «Гласа Црногорца», посвященного этим новостям, был напечатан от первой до последней страницы красным цветом. Историк Н. Шкеревич оценил реакцию общества следующим образом: «Черногорский народ воспринял этот семейный успех своего господаря с удивлением и воодушевлением, как будто князь замужеством своих дочерей перенес на себя часть могущества российского императора»¹.

Особое внимание всей славянской прессы привлек тост Александра III, поднятый 18 мая 1889 г. за князя Николу как за единственного верного друга России. По мнению современников, это была не просто пафосная хвалебная фраза. В те дни разные знаки внимания были оказаны ему императорской семьей во время свадебных торжеств. Никола получил в подарок старинную саблю, которую некоторые называли «оружием короля Уроша», тем самым подчеркивалась преемственность дома Петровичей и прежних сербских государей, правивших

до турецкого нашествия. Русский царь обещал быть крестным отцом детям Николы, которым, возможно, предстояло появиться на свет. Черногорский монарх становился шефом российского элитного 15-го Стрелкового полка. И все же больше всего шума в Европе наделал вышеупомянутый тост. Одни простодушно полагали, что этими словами Александр III охарактеризовал качество российско-черногорского сотрудничества. Другие считали, что отличая черногорского монарха, русский царь брал реванш за потерю влияния в Сербии. Третьи, чаще других это были западноевропейские журналисты, подозревали, что император подчеркнул военную мощь России, оправившейся от потрясений Крымской войны, намекнув на то, что и без поддержки великих держав его страна может решать внешнеполитические задачи.

Отдельно следует вспомнить реакцию югославянской прессы на заключение браков Романовых и Петровичей. Загребская газета «Obzor», сетуя на то, что не хватает слов, чтобы выразить радость по поводу грядущего события, написала, что такие дни следует занести в славянские календари не красными, а золотыми буквами. «Obzor» утверждал, что тост царя, посвященный Николе, окрылил всех славян, которые борются и страдают. Не могли не порадовать цетинского правителя и рассуждения издателей «Obzor»'а о роли Черногории в истории югославян. Газета писала, что когда повсюду на Балканах развевалось древнее турецкое знамя («конски реп»), только на вершине Ловчена «сиял честный христианский крест», и за него проливали кровь «черногорские львы»². Значит, действительно на общественное мнение было произведено то воздействие, на которое рассчитывал черногорский двор. Если славянские газеты так высоко оценили исключительные заслуги его в прошлом, то, по мнению Николы, он имел полное право претендовать на высокое положение в настоящем. Почти так же писал о замужестве дочерей князя загребский «Србобран»: «В сербстве и во всем славянстве нет сердца, которое не кипит от радости этого родства и этого знаменательного события. От русской Невы до черногорской Зеты, от чешской Белой горы до Балканских гор и везде, где встречаются славянские горы и

реки, разливается и течет в груди славянства радость»³. Своим тостом, по словам газеты, русский царь возвысил черногорского монарха над друзьями и врагами и вселил новые надежды в души православных. Таким образом, «Србобран» отметил общеславянское значение установившихся династических связей. В хоре радостных приветствий выделился «Браник» из Нови Сада, подчеркнувший, что не только славянство выиграло от русско-черногорского брака. Российский двор тоже следовало поздравить с ценным приобретением, так как он «получил княгиню, которая воспитана в православной вере и с колыбели приучена любить все славянское и русское»⁴. В Задаре «Српски глас» утверждал, что раньше Черногория была одинока, теперь приобрела мощного друга: «Тем самым русский царь отдал должное сердцу и памяти народной сербской династии», подтвердив, что она не прерывалась на Балканах⁵.

Все эти славословия не просто радовали князя Николу, а становились моральным обоснованием его амбиций. Соперничество с сербскими правителями выглядело оправданным, право на престол югославянской державы очевидным, коль скоро в глазах международной общественности правитель Черногории — настоящий оплот славянской свободы. Без родственных связей с Романовыми планы Николы Петровича не могли пойти так далеко. В 1896 г. не без помощи российского двора еще одна дочь Николы, Елена, стала женой итальянского короля Виктора Эммануила III. Были и другие, удачные для Негошей династические браки, и все они заключались при поддержке и одобрении российского императорского Дома.

Правда, в деле укрепления семейных уз с европейскими монархами часто возникали протокольные затруднения, связанные со слишком невысоким статусом Петровичей-Негошей, но эти препятствия черногорский двор научился удачно преодолевать. В качестве примера стоит вспомнить женитьбу старшего сына Николы княжича Данилы на принцессе Мекленбургской. Титул Петровичей для этого брака был слишком скромным, и Никола развил бурную деятельность, чтобы его повысить. Князь просил российских руководителей признать за ним право называться королевским высочеством. С точки

зрения традиционной иерархии монархов в Европе, это было довольно необычно, но политические соображения (стремление повысить авторитет малых союзников России на Балканах) заставили ближайших сотрудников Николая II отнестись к просьбе с пониманием и поддержать ее. Черногорский монарх очень настойчиво торопил российскую элиту принять нужное ему решение. Об этом иронично писал из Цетинья министр-резидент К.А. Губастов в донесении от 7 сентября 1900 г., когда уже был официально подписан договор о заключении брака между Черногорией и княжеством Мекленбург-Стрелиц⁶. Российский дипломат сообщал о содержании своей беседы с тогдашним министром иностранных дел Черногории Гавро Вуковичем: «Хотя г. Гавро и согласен со мною, что 40-летняя годовщина княжения не может быть признана вполне достаточным внешним поводом для возвышения титула, и что нынешний год в виду финансовых невзгод... весьма для этого неудобен, но черногорский министр уверяет, что не имеет более сил сдерживать нетерпеливое желание господаря получить давно приготовляемое прибавление к носимому им титулу»⁷. С помощью России Никола добился желаемого и в декабре 1900 г. принял титул королевского высочества⁸.

Вопрос о том, почему Романовы так последовательно поддерживали своих черногорских родственников, до сих пор, на наш взгляд, не получил полного ответа. Можно сослаться на установившееся в исторической науке мнение, что Россия считала Черногорию верным союзником и надеялась использовать ее в своих интересах. Однако это широко распространенное заблуждение не находит фактического подтверждения в дипломатических и военных источниках. Напротив, красной нитью через донесения российских представителей, работавших в княжестве, проходит утверждение, что черногорские правящие круги не являются надежным партнером, что помощь России они используют не по назначению, что в критическую минуту опереться на них Россия не сможет. Количество таких пессимистических оценок и прогнозов многократно превосходит положительные отзывы о состоянии российско-черногорских официальных связей. Вся эта негативная инфор-

мация систематически доводилась до сведения МИД России и самого царя, который собственноручно писал резолюции на подобных докладах. Нет никаких сомнений, что Николай II был хорошо информирован о черногорских делах.

Тем не менее, любая просьба о помощи, в том числе самая нескромная, внимательно рассматривалась, обсуждалась и удовлетворялась, хотя бы и в меньшем размере. Например, осенью 1900 г. Николай II, отдыхая в Ялте, лично передал министру финансов С.Ю. Витте письмо князя Николы, в котором содержалась просьба «о выдаче черногорскому правительству ссуды в 6 миллионов франков» или о гарантиях займа на соответствующую сумму⁹. Царь приказал С.Ю. Витте приготовить доклад по этому поводу. Затем было принято высочайшее решение помочь 750 тыс. рублей. 18 октября 1900 г. император повелел «выдать из Государственного банка черногорскому правительству означенную ссуду»¹⁰. Задним числом стали разбираться, каким образом письмо черногорского правителя попало к Николаю II. Одновременно русские дипломаты, работавшие в княжестве, сообщали неожиданные для руководства МИД новости. В начале ноября 1900 г. секретарь российской миссии в Цетинье С.А. Лермонтов прислал министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу телеграмму: «Вернувшийся из Ялты Миюшкович (высокопоставленный черногорский чиновник, в те годы был на дипломатической работе, позже возглавил правительство. — В. Х.) доложил князю, что государь император всемилостивейше повелеть соизволил уплатить все долги Черногории»¹¹. Изумленный В.Н. Ламздорф ответил из Ялты в Цетинье 7 ноября 1900 г.: «Ни мне, ни министру финансов решительно ничего не известно о миссии и пребывании в Ялте упоминаемого Вами Миюшковича. К сообщению его подлежало бы относиться с крайней осторожностью»¹². Вскоре лоббистский механизм был раскрыт, С.А. Лермонтов сообщил, что письмо князя Николы императору было передано через министра двора В.Б. Фредерикса¹³. Остается догадываться, кто попросил министра двора об этой услуге. Очевидно у князя Николы были возможности через дочерей и их соратников в придворном окружении прямо обращаться к Николаю II,

минуя «трудные препятствия» в лице МИД России и высших должностных лиц, пытавшихся не допускать чрезмерного финансирования Черногории. Это подтверждал в своих воспоминаниях княжеский министр иностранных дел Г. Вукович.

Архивные материалы и личные пометы царя на докладах и депешах, касавшихся черногорских дел, позволяют восстановить картину принятия благоприятных для князя Николе решений. Многие из архивных дел, по которым можно раскрыть механизмы обсуждения различных просьб господаря и проведения тех или иных мероприятий в отношении Черногории, составлялись в течение долгих лет. Поэтому они ясно демонстрируют динамику российско-черногорских отношений, в них нет налета сиюминутности, случайности. Напротив, подобные многолетние дела являются надежным свидетельством того, что личная позиция императора Николая II в отношении черногорского двора была постоянной на протяжении длительного времени. Возьмем многостраничное дело 1895–1912 гг. «Военная субсидия. Отпуск Черногории предметов военного снаряжения. Назначение русского военного агента»¹⁴. Из него мы узнаем, что, несмотря на плачевное социально-экономическое положение Черногории и ухудшившиеся отношения между княжеским правительством и российской дипломатической миссией, князь Никола в 1901–1902 гг. просил существенно повысить размер русской военной субсидии для проведения реформы своей армии. Министерства — иностранных дел, финансов, и военное — скрупулезно изучили этот вопрос, С.Ю. Витте составил обстоятельные справки о том, сколько уже потрачено денег в помощь Черногории и сколько тратится ежегодно; он категорически высказался против новых выплат. В.Н. Ламздорф предоставил в распоряжение царя критические донесения министра-резидента П.М. Власова о том, что никакой армии в княжестве нет, есть только милиция, не приспособленная к современной войне. При этом П.М. Власов ссылался на мнение французских, австрийских и английских специалистов, посещавших Черногорию в разное время. Первые 98 листов дела подводят читателя к мысли, что черногорцам в помощи откажут. Но на 99 странице мы с удивлением узна-

ем, что «по высочайшему повелению» 19 апреля 1902 г. военная субсидия увеличена на 249 тыс. рублей в год. Самое интересное начинается дальше. 28 мая 1902 г. военный министр А.Н. Куропаткин обратился к министру иностранных дел с просьбой сообщить подробности, как, по какому соглашению и в каком порядке следует выплачивать деньги. Ответ В.Н. Ламздорфа обескураживал, но он как раз и проливает свет на то, как удавалось правящим кругам Черногории «добывать» деньги в России: «Высочайшее повеление об увеличении производимой Черногорскому княжеству субсидии состоялось вследствие непосредственного обращения князя Николая к государю императору, и МИДом соглашения по сему предмету заключено не было.

Что касается до контроля над расходованием ассигнованных сумм, то установление такового едва ли было бы допущено князем Николаем как несовместимое с достоинством независимого государства»¹⁵. То есть, никаких договоров, в которых были бы прописаны условия предоставления материальной помощи, подписано не было; никаких формальных обязательств по отношению к России черногорский монарх на себя не брал, контролировать его действия и требовать от него отчета с международно-правовой точки зрения было невозможно. И несмотря на всю правовую неурегулированность вопроса о субсидиях, они постоянно и существенно увеличивались. Такое поведение императорского двора выглядело несколько легкомысленным. Снова мы можем только предполагать, по каким соображениям царь удовлетворил просьбу черногорского монарха. Возможно, надеялся на благодарность и послушность. Может быть, сыграла свою роль особая религиозность императора, верившего в то, что он обязан помогать братским православным народам. Достоверно узнать, что толкало Николая II проявлять такую отзывчивость по отношению к черногорцам, пока не удастся.

Если личные мотивы Николая II остались нам неизвестны, то последствия его щедрости очень ясно видны по материалам рассматриваемого дела. Черногорский монарх не ответил взаимностью императорскому двору. В 1904 г., когда уже началась русско-японская война, выросло напряжение и в Европе, на

Балканах. В этот критический для России момент правитель Черногории повел себя так, как будто никогда не слышал призывов к сдержанности и как будто он не осведомлен о политике статус кво, проводимой Петербургом. Он посетил российскую миссию в Цетинье и заявил министру-резиденту А.Н. Щеглову, что не знает как выстраивать отношения с Австро-Венгрией и Турцией, которые могут быть источником опасности для Черногории. А.Н.Щеглов сообщил о «возбуждении» князя своему начальству. В.Н. Ламздорф обратился к военному министру, тот к императору. Последний, похоже, был удивлен и раздражен непонятливостью союзника. В очередной раз из Петербурга в Цетинье ушло прямое и непосредственное указание на то, чего ждет царь от черногорского монарха: «Его величество соизволил высказать, что было бы соответственным дать его высочеству указание в том смысле, что относительно как Турции, так и Австро-Венгрии князю Николаю следует сообразовываться с началами политики, принятыми нами в настоящее время относительно этих государств. В противном случае какой-либо несвоевременной мерой черногорское правительство может вызвать еще большие замешательства на Балканском полуострове, которые в свою очередь поведут в нежелательному осложнению положения покровительницы Княжества, занятой в настоящее время войной с Японией...»¹⁶.

Эта мнимая непонятливость черногорского двора, плохо скрываемое раздражение Петербурга и постоянное повторение в официальной переписке России и Черногории одних и тех же настоятельных рекомендаций проявлять сдержанность и не обострять конфликтов с соседями свидетельствуют о том, что Черногория была не столько союзником и партнером, сколько источником беспокойств и напряжений для российского правительства. Трудно судить о мотивах действий Николая II, который тщательно скрывал свои чувства от окружающих. Но очевидно, что император не нашел ожидаемого отклика в душе черногорского правителя. Царская щедрость (за счет российской казны) и великодушие по отношению к слабому не дали результата, — Никола Петрович считал себя суверенным правителем, имеющим право действовать по собственному усмотре-

нию. Так он и поступил в 1905 г., испортив до крайности официальные отношения с Россией. Поводом для большой ссоры и долгих разбирательств стал знаменитый «инцидент Соловьева», подробно описанный им самим в мемуарах¹⁷. Последовавшие за скандалом санкции со стороны России, а именно приостановка денежных выплат, не произвели на черногорский двор того эффекта, на который рассчитывали российские покровители. Черногорцы привыкли к крайней бедности, им пришлось потуже затянуть пояса. Однако лично княжеской семье, уже имевшей определенные накопления, это коснулось меньше, чем жившего на русский счет местного чиновничества. Выждав определенное время, потерпев, пока остынут страсти, Никола добился возобновления российской субсидии. А в 1908 г. он снова поставил вопрос об ее увеличении. Опять было принято благоприятное для Черногории решение, размеры выплат были значительно увеличены. На документах, касающихся этой темы, Николай II начертил: «Действительно, святость данного обещания превышает всего остального»¹⁸. Выходило, что русский император, несмотря на обидные выходки членов княжеской семьи, считал невозможным для себя лично отказаться от обязательств перед Черногорией. Современникам оставалось только сожалеть, что черногорский правитель не придерживался таких же высоких принципов в своей внешней политике. Мало того, в ту минуту он счел нелишним еще раз повысить личное содержание своего старшего сына Данилы (виновника скандала 1905 г.), передав и эту просьбу российскому двору. Снова рыцарское великодушие со стороны императора: «Я его в этом обнадежил»¹⁹. Забегая вперед, заметим, что и младший Петрович не оценил по достоинству благородство русского царя, он еще не раз будет вызывать в Петербурге тревогу своим не совсем лояльным и непредсказуемым поведением, а в 1915 г. снова будет лишен субсидии по личному распоряжению Николая II²⁰. Приходится делать неутешительный вывод о том, что в связях двух дворов преобладал субъективный подход, что император России явно ошибался в отношении династии Петровичей-Негошей. Они в результате «подвели» своего патрона, не оправдали его надежд.

Если политика российского императора оказалась неэффективной, то, напротив, стоит особо отметить успешность действий черногорского монарха. Шаг за шагом он шел к поставленной цели, будь то увеличение денежного содержания, помощь в заключении очередного внешнего займа или повышение его монархического статуса. Явным подтверждением этому стало провозглашение Черногории королевством в 1910 г. Несмотря на тяжелейший финансовый кризис и непосильные внешние долговые обязательства страны, Никола пышно отпраздновал 50-летний юбилей своего правления, в котором приняли участие представители Дома Романовых. Вместе с королевской короной Никола получил в подарок и очень высокий воинский чин генерал-фельдмаршала русской армии. Фельдмаршалский жезл от имени Николая II вручал новоиспеченному королю великий князь Николай Николаевич. Видимо, это должно было означать, что Дом Романовых не отказал в доверии и сочувствии Петровичам, не взирая на их строптивость и непредсказуемость.

Наиболее полно черногорская камарилья продемонстрировала свое стремление использовать лоббистские механизмы давления на русское правительство во время Балканских войн 1912–1913 гг., особенно в 1913 г., когда вопреки воле великих держав король Никола добивался присоединения к территории своей страны албанского города Скутари (Скадара). Он занял непримиримую позицию и заявил, что предпочтет умереть, чем отказаться от собственных притязаний. Политика российской дипломатии в этом вопросе, напротив, выглядела примирительной и компромиссной. В «Известиях МИД» в 1913 г. она была представлена следующим образом: «Отстояв Призрен, Ипек, Дьяково, Дибру в интересах славян, Россия сочла нужным согласиться на присоединение к Албании Скутари». Настроенным на поддержку черногорцев россиянам объяснялось, что «Скутари является чисто албанским городом и местопребыванием католического архиепископа», что его присоединение к маленькому славянскому государству чревато непредсказуемыми опасными последствиями, — «Черногория перестала бы быть прежним государством и превратилась бы в

Черногоро-Албанию»²¹. Таким образом, министерство иностранных дел России пыталось донести до читателей информацию о том, что требования черногорского двора чрезмерны, не соответствуют национальным интересам самой Черногории, не говоря уже о том, что великие державы Европы не собираются потакать капризам некоторых балканских правителей.

Осознав, что и на этот раз не приходится рассчитывать на содействие российского правительства, черногорский лидер стал действовать испытанными закулисными методами. Он поручил дочери Милице во что бы то ни стало склонить российского императора на свою сторону. Великая княгиня написала Николаю II письмо, в котором настойчиво просила об аудиенции: «Дорогой Ники. Позволь мне выразить Тебе мою безграничную благодарность за Твое сочувствие и за щедрую помощь, которую Ты оказал Черногории, повелев выслать народу муки и зерна... Мой отец был несказанно обрадован Твоим повелением, он сам выразит Тебе те чувства, которые наполняют его душу. По желанию моего отца я решаюсь просить Тебя позволить мне лично явиться, чтобы передать некоторые важные неотложные вопросы, касающиеся ближайшего будущего Черногории. Вполне понимаю, что просьба моя несвоевременна, зная, что праздники отнимают у Тебя то небольшое количество свободного времени, которым Ты располагаешь, но поверь, что я решаюсь беспокоить Тебя только в виду важности этих вопросов в глазах моего отца. Я была бы тем более рада вновь увидеть Тебя, что в виду моего вероятного близкого отъезда в Черногорию, Бог весть, когда мы опять встретимся. ...Всей душой любящая Тебя и безгранично благодарная Милица. 25 декабря 1912»²². Неизвестно, состоялась ли личная встреча по поводу послевоенных границ Черногории, или Николай II письменно рекомендовал Милице обратиться к высшим должностным лицам империи — председателю Совета министров В.Н. Коковцову и министру иностранных дел С.Д. Сазонову. Но в следующем письме от 10 января 1913 г. великая княгиня пожаловалась, как тяжело ей было выполнить эту рекомендацию. О беседе с Коковцовым она отозвалась так: «Признаюсь, мне было очень трудно обмениваться мыслями с

человеком, принципы и взгляды которого коренным образом расходятся с моими. Но я считала своим долгом точно исполнить выраженное Тобой желание: сказать ему «все» и сказать «откровенно», впрочем, я иначе и не сумела бы поступить. Препровождая Тебе эту записку, я буду считать поручение моего отца исполненным, а на помещение моих личных взглядов я смотрю как на долг моей совести перед Тобой. Присылая эту записку, предполагаю также, что вчерашняя моя просьба принять меня стала теперь излишней. Прошу Тебя верить всегда моей глубокой и неизменной преданности. Остаюсь искренне преданная и верноподданная Милица»²³. Как видно из текста письма, просьбы о личной встрече следовали одна за другой.

В.Н. Коковцов подробно описал в своих мемуарах как по телефону был вызван к великим князьям Петру Николаевичу и Милице Николаевне. В ультимативном тоне Милица требовала передать Николаю II все пожелания ее отца, особенно резко настаивая на том, чтобы Россия добилась передачи Скутари черногорцам. Когда председатель Совета министров ознакомился с запиской, присланной королем Николой, он прямо сказал, что это невозможно, чем вызвал «резкость тона и даже гневность» Милицы. Однако через несколько дней Коковцов все же побеседовал на эту тему с царем. Николай II заявил, «что он просто не желает возвращаться к этому вопросу, насколько ему все ясно и насколько он решил ответить моими же (Коковцова. — В.Х.) аргументами и Королю Черногорскому, если бы он решился обратиться непосредственно к нему, вместо того, чтобы идти кружным путем, через его дочь»²⁴. Судя по этим словам, попытка Николы повлиять на императора через великих князей провалилась. Более того, похоже, что Николай II был рассержен настойчивостью черногорской камарильи. Результат придворных интриг на этот раз оказался прямо противоположным тому, на что надеялись в Цетинье.

Тогда в ход пошли другие средства, которыми черногорский правитель раньше успешно пользовался у себя дома в борьбе против собственной оппозиции. Черногорское лобби мобилизовало русскую печать. Особенно старалась защитить черногорцев от нерешительных русских министров и циничных

европейских политиков газета «Новое время». Она регулярно публиковала материалы о ходе военных действий на Балканах, особенно возле Скутари, который журналисты «Нового времени» величали «древнейшей столицей» Черногории. Описывался удивительный героизм воинов, проливавших кровь за то, чтобы «вернуть» этот город в состав королевства²⁵. Пытаясь укрепить славянскую солидарность и вызвать сочувствие русских читателей, газета постоянно уделяла особое внимание деятельности старшей дочери короля Николы, которая отправилась в Цетинье помогать родине в трудную минуту: «Милица Николаевна находится на театре войны и, как свидетельница всего происходящего, делит скорбь утрат, радость побед, работ по уходу за ранеными и продовольствию голодающих»²⁶. Подготовив такими трогательными публикациями общественное мнение России, раззадорив сторонников панславистских проектов, черногорское лобби сделало следующий шаг — организовало политические демонстрации в поддержку требований черногорского короля на улицах Петербурга. Описание этих демонстраций мы находим в мемуарах тогдашнего министра иностранных дел С.Д. Сазонова: «Некоторые петроградские круги, довольно близко стоявшие ко Двору, и вся столичная печать националистического лагеря, издавна враждебно настроенная к министерству иностранных дел, повели против русской внешней политики шумную кампанию, выражавшуюся в уличных демонстрациях, собраниях, на которых произносились патриотические речи, требовавшие войны в защиту славянских интересов, и в целом потоке газетных статей, обвинявших русскую дипломатию чуть ли не в государственной измене. Особенно страстное к себе отношение вызвали у нас выдвинутые королем Николаем Черногорским претензии на город Скутари и прилежащую к нему область»²⁷. Глава МИД и сам не был равнодушен к судьбе славян. Он замечал, что если бы решение этого вопроса зависело только от России, она бы помогла черногорцам, но великие державы уже решили создать Албанию, к которой должен был отойти Скутари, идти на конфликт с ними никто из руководителей империи не собирался. Однако аргументы МИД, продиктованные интере-

сами большой европейской политики, не хотели слышать ни панслависты в Петербурге, ни черногорский двор: «... в ту пору вся ложность и искусственность Скутарийского вопроса ускользала от очень многих, и агитация, которая велась вокруг него, доставила мне немало тревожных минут», — вспоминал С.Д.Сазонов. Агитация докатилась до Государственной думы, главе внешнеполитического ведомства пришлось пригласить к себе некоторых особо активных депутатов, проявивших повышенный интерес к вопросу о Скутари, и ознакомить их с дипломатическими материалами, которые нельзя было предавать широкой огласке. «Эти документы показались им настолько убедительными, что появившееся было в Думе неблагоприятное настроение к русской политике сменилось в скором времени благожелательной ее оценкой», — писал он²⁸. Не только министерство иностранных дел ощущало «уличное» давление панславистов. Председатель правительства В.Н. Коковцов тоже стал объектом критики: «Когда на славянских обедах Башмакова, Брянчанинова и комп[ании] говорили зажигательные речи и клеймили антиславянскую политику русских министров, «продавшихся немецкому влиянию», мое имя ставилось рядом с именем Сазонова, и враждебные ему демонстрации должны были направиться и под мои окна, но не были допущены отрядом полиции, не пропустившей их на узкий проезд к Мойке»²⁹. Массированная атака на членов правительства не увенчалась успехом, полиция быстро и решительно положила конец беспорядкам на улицах столицы.

Тогда «Новое время» вернулось к информационной войне. Описывая недавние события в Петербурге, газета постаралась создать впечатление, что они получили широкий отклик в Европе. Была опубликована заметка с красноречивым названием «Петербургская манифестация и австрийская армия» в форме интервью с неким «весьма осведомленным лицом, близко стоящим к австрийским военным». Это загадочное лицо заявило: «Вдруг в Австрии были получены телеграммы, сообщающие, что даже далекий и холодный Петербург охвачен взрывом славянского братского сочувствия и ответил на славянские победы величественными манифестациями, в ко-

торых принимали участие представители верхов и низов: от рабочего до архиепископа и генерала. Воинственное настроение русского офицерства и те овации, которые делались русским офицерам русской толпой, кричавшей: «Долой Австрию! К оружию!», — ошеломили здешнее общество»³⁰. Тем самым редколлегия «Нового времени» постаралась нарисовать картину того, как в едином порыве российский народ готов пойти до конца и вступить в противоборство с целой Европой за интересы Черногории, а самые отпетые враги славянства в лице Австро-Венгрии уже серьезно напуганы. Однако ожидаемого эффекта всеобщего единения, возмущения и давления на правительство панславистам достичь не удалось. Почему провалилась газетная шумиха, можно понять по архивным материалам. Российский посланник в Цетинье А.А. Гирс в секретных телеграммах от 1 (14) февраля и 18 февраля (4 марта) 1913 г. предупреждал МИД, что русские корреспонденты, находившиеся тогда в Черногории, писали «едва ли не под диктовку» черногорского двора, чтобы поддержать «в известной части русского общества желательное королю Николаю настроение»³¹. Очевидно, что такая ангажированность националистически настроенной прессы не ускользнула от внимания трезво мыслящих россиян. Далеко не все в Российской империи грезили о Балканах и Черноморских проливах. Внутренние проблемы модернизирующейся родины казались российской общественности куда важнее, чем дележ территорий на юго-востоке Европы. Да и черногорский король не мог себе позволить слишком долго манипулировать иностранными журналистами, ресурсы черногорской казны были ограничены, на затяжные газетные кампании их не хватало. Попытка дирижировать националистически настроенной частью русской прессы, предпринятая Николой, не помогла убедить русского царя действовать смелее в пользу Черногории. Слишком сложной была ситуация в Европе, поделившейся на военно-политические блоки. Российская элита в лице правительства и самого императора трезво оценивала сложившееся положение и не хотела чрезмерных осложнений из-за славян. Времена графа Н.П. Игнатьева ушли в прошлое.

Еще один механизм лоббистского воздействия на официальные круги России в 1913 г. — это давление на нашу дипломатическую миссию в Цетинье. Здесь тоже важную роль сыграли семейные связи Романовых и Негошей-Петровичей. Сотрудники российского представительства стали получать от черногорского двора весьма искаженную информацию, которая должна была склонить их к безоговорочной поддержке требований короля Николы. Первой эти атаки начала великая княгиня Милица, прибывшая в Цетинье 29 января (12 февраля) 1913 г. Можно представить, какую картину народных волнений в Петербурге она нарисовала при встречах с посланником А.А. Гирсом, если тот был вынужден запрашивать начальство: «...В какой мере отвечает действительности полученное здесь великой княгиней Милицей Николаевной известие о происшедшей на Дворцовой площади враждебной вам уличной демонстрации, рассеянной войсками?»³². Вторил дочери сам Никола, постоянно твердивший русским дипломатам: «Скутари должен быть черногорским, иначе Черногория перестанет существовать»³³. Одновременно подключилась черногорская печать — официальный орган двора, газета «Глас Црногорца», стала публиковать материалы в духе заявлений короля Николы о том, что присоединение Скутари — вопрос жизни и смерти для страны.

А.А. Гирс отчаянно сражался на этой информационной войне: «...Мне достоверно известно, что неуместная полемическая статья «Гласа Црногорца» составлена членом королевской семьи при содействии Башмакова*, который взялся исполнить обращенную к нему просьбу, не ограничиваясь сообщением статьи в «Новое время», распространить ее во всей русской печати с комментариями, враждебными русскому правительству. В руководстве получаемыми из Петербурга известиями, во дворце с уверенностью рассчитывают уже не на манифестацию, вроде бывших, а на уличные беспорядки, которые придется подавить военной силой», — доносил руко-

* Александр Александрович Башмаков (1858–1943) — русский публицист, правовед, этнограф; действительный статский советник. Панславист, видный деятель славянского движения.

водству глава миссии³⁴. Из текста этой телеграммы А.А. Гирса можно сделать вывод, что члены семьи Негошей не просто писали провокационные статьи на тему Скутари. Они передавали эти публикации российским журналистам, настроенным панславистски, и надеялись на широкое распространение своих опусов в России. Черногорская камарилья постаралась не оставить российским дипломатам выбора, поставить их в такие условия, чтобы вынудить безоговорочно поддержать позицию короля в вопросе о присоединяемых территориях. Конечно, А.А. Гирс старался противостоять этой дезинформации. 13 апреля 1913 г. он писал: «...Я решительно не допускаю и мысли, чтобы русская государственная власть капитулировала перед уличными манифестациями и дала себя вовлечь в войну из-за Скутари»³⁵. Но обстановка, в которой работала миссия, становилась все тяжелее. Давление черногорского двора демонстрировалось все жестче, методы воздействия были довольно нечистоплотными. Когда стало очевидно, что А.А. Гирс не поддастся на уловки семейства Петровичей, он сам оказался под ударом. Быстро поползли слухи о том, что продовольственная помощь, выделенная российским императором страдающему от разрухи и голода народу, так и не дошла до черногорцев по вине российских дипломатов. А.А. Гирс, оскорбленный этой клеветой, оправдывался перед Петербургом: «Дошедшее до великой княгини сведение является сплошным вымыслом. Вся операция закупки хлеба закончена в январе месяце, и последний транспорт кукурузы прибывает сюда послезавтра»³⁶. На этой телеграмме от 25 марта (7 апреля) 1913 г. стоит помета «Проверить». Как видим, опять в сообщении А.А. Гирса фигурирует имя Милицы Николаевны, ставшей главным «борцом» с российскими дипломатами в схватке за Скутари. Едва отбив обвинения в свой адрес, посланник начал борьбу за Мариинский женский институт, который от злости и досады король Никола решил закрыть во что бы то ни стало. Это дело семейству Негошей удалось — Мариинский институт прекратил работу в Цетинье³⁷. Выходило, что у россиян, живших и работавших в Черногории, был свой «фронт», на котором шли «военные действия» против союзнического черногорского двора.

Эту «войну» с российским руководством король Никола проиграл, но и наша дипломатия понесла определенные потери.

В целом, итоги Балканских войн были весьма противоречивыми. С одной стороны, Черногория расширилась за счет бывших турецких владений, хотя и не получила Скутари. С другой, был практически исчерпан ресурс помощи, которым король Никола пользовался много лет. Попытка через окружение Николая II вытребовать у великих держав любой ценой албанские земли не только не удалась, но и привела к тому, что российский монарх наконец перестал проявлять чрезмерное великодушие к своему «родственнику». В годы Первой мировой войны правитель Черногории продолжал использовать лоббистские механизмы и пытался влиять на русский двор, но таких блестящих результатов, как прежде, он больше уже не смог добиться.

Подводя итог, хотелось бы не просто отметить значительную роль династических связей Домов Романовых и Негошей-Петровичей в развитии российско-черногорских отношений в последней трети XIX—начале XX вв. Чтобы понять смысл, содержание и противоречивость этих отношений, следует учитывать неоднозначный характер поступков монархов. Позиция русского императора в черногорском вопросе часто выглядела слишком субъективной, благодушной, если можно так сказать, чрезмерно гуманной и милосердной. Трезвые политические расчеты не всегда влияли на точку зрения царя, на первый план выходил «человеческий фактор». Мотивы некоторых решений остаются до сих пор неясными и неубедительными для историков. И наоборот, черногорский правитель на протяжении многих лет успешно использовал свою близость к российскому двору и чувство славянской солидарности, присущее Романовым, для достижения значительных материальных и политических результатов. Он эффективно воспользовался этим политическим ресурсом для укрепления личной власти и упрочения положения Черногории на международной арене. Однако к 1913–1914 гг. Никола исчерпал этот ресурс, он «опустошил» запас доверия к себе со стороны русского царя. Начавшаяся Первая мировая война поставила

точку в этих сложных династических играх. Огромная Российская империя и крохотное Черногорское королевство исчезли с политической карты Европы.

Примечания

- ¹ Шкеровић Н. Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964. С. 29.
- ² Там же. С. 31.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 32.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Перaziћ Г., Распоповић Р. Међународни уговори Црне Горе 1878–1918. Зборник докумената са коментаром. Подгорица, 1992. С. 355.
- ⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3322. «Принятие князем Николаем титула королевского высочества». Л. 7 об.—8.
- ⁸ Там же. Л. 2.
- ⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3350 «Выдача черногорскому правительству ссуды в 750.000 рублей (2 млн. франков)». 1900–1901. Л. 6–8.
- ¹⁰ Там же. Л. 13–14.
- ¹¹ Там же. Л. 17.
- ¹² Там же. Л. 18.
- ¹³ Там же. Л. 19.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334 «Военная субсидия. Отпуск предметов военного снаряжения. Назначение русского военного агента». 1895–1912.
- ¹⁵ Там же. Л. 101, 101 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 170.
- ¹⁷ Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893–1922. Минск, 2003. С. 150–152.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3320 «Субсидии королевичу Даниилу». 1896–1916. Л. 52.
- ¹⁹ Там же. Л. 55–56.
- ²⁰ Там же. Л. 92, 97.
- ²¹ Известия МИД. 1913. Кн. 3. С. 125–130.
- ²² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1300. Л. 1–2.
- ²³ Там же. Л. 4–6.
- ²⁴ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992. С. 127.
- ²⁵ Новое время. 1913. № 13274.
- ²⁶ Там же. № 13258.
- ²⁷ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 87.
- ²⁸ Там же. С. 88.

²⁹ Коковцов В.Н. Указ. соч. С. 128–129.

³⁰ Новое время. 1913. № 13315.

³¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1913. Оп. 470. Д. 133. Л. 34, 48.

³² Там же. Л. 98.

³³ Там же. Л. 46.

³⁴ Там же. Л. 116.

³⁵ ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 91; Гирс А.А. На правах рукописи. 1913–1915. Письма и заметки. Пг., 1916.

³⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1913. Оп. 470. Д. 133. Л. 108.

³⁷ Хлебникова В.Б. Педагогическая деятельность Софьи Петровны Мертваго в Черногории // Гуманитарные исследования на Дальнем Востоке. 2011. № 2 (14). С. 32–38.

*Наталья Григорьевна
СТРУНИНА-БОРОДИНА*

ЧЕРНОГОРСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ ПРИ НИКОЛАЕ II

Черногорский вопрос во внешней политике Российской империи в царствование Николая II затрагивался как в общих, так и в специальных исследованиях отечественных и черногорских историков¹. Однако, на наш взгляд, он заслуживает специального, более глубокого изучения.

В данной статье мы рассмотрим русско-черногорские отношения в период их особой активизации в конце XIX—начале XX вв. В связи с тем, что Россия в то время нуждалась в верном и послушном союзнике на Балканах, его пришлось монтировать из «кучки камней»*, которой тогда была Черногория, и создавать из нее хотя и маленькое, но современное европейское государство. Из России в княжество (с 1910 г. — королевство) постоянно направлялись денежные субсидии, боеприпасы и продукты питания, при всесторонней помощи России велась просветительская деятельность — в Черногории открывались учебные заведения, приезжали квалифицированные специалисты для обучения молодежи. Однако, используя российскую помощь, черногорское правительство на первое место ставило решение своих насущных вопросов.

В 1889 г. были заключены династические браки представителей Дома Романовых и Петровичей-Негошей. На званом ужине в честь черногорского князя 18 мая 1889 г. был произнесен знаменитый тост Александра III за здоровье черногорского князя Николы². Подчеркнем, что российский император, называвший сербского короля Милана Обреновича «под-

* Так называл Черногорское княжество сам князь Никола Петрович.

лецом» (за его австрофильский политический курс), королеву Викторию — «старой сплетницей», японцев — «обезьянами, играющими в европейцев», а принца Наполеона — «скотом»³, черногорского князя Николу назвал «единственным другом России». Неудивительно, что эти слова произвели эффект «разорвавшейся бомбы». При этом особое опасение и страх проявляла Австро-Венгрия, считавшая Черногорию своеобразным форпостом России на Балканах⁴.

Александр III заставил весь мир гадать над тайным смыслом своих слов, которые, безусловно, были призваны подчеркнуть «самостоятельность России, не нуждавшейся в дружбе великих держав»⁵. Однако, как нам кажется, император также хотел отметить приоритет Черногории в балканской политике Российской империи.

Со второй половины XIX в. Черногория стала занимать важное место в балканской политике России. Готовясь к Берлинскому конгрессу, российский дипломат А.С. Ионин* писал в МИД: «...Черногория будет всегда представлять для нас самый существенный оплот на далеком конце Балканского полуострова и самую надежную преграду против посягательств Европы на юг. В этом нет сомнения. События, надеюсь, это уже доказали...»⁶. Последующие события действительно доказали правоту Ионина: Болгария, крупнейшее славянское государство на Балканах, отвернулась от России после получения долгожданной независимости, постепенно то же самое сделала и Сербия, правительство которой взяло курс на модернизацию и европеизацию сербского общества и государства, устремив взгляды на Европу, в первую очередь Австро-Венгрию. И только Черногория во главе с князем Николой продолжала выказывать России полную свою преданность и братскую любовь. В отличие от Болгарии и Сербии, Черногория прислушивалась к

* Ионин Александр Семёнович (1837–1900) — тайный советник. С 1856 г. еще студентом был определен на службу при русской миссии в Константинополе. С апреля 1857 г. — драгман русского консульства в Сараеве. С сентября 1860 г. временно заведовал консульством в Янине, с 1862 г. — управляющий, с 1864 г. — консул в Янине. В 1869–1875 гг. — консул, в 1875–1878 гг. — генеральный консул в Рагузе (Дубровнике). В 1878–1883 гг. исполнял обязанности министра-резидента в Черногории, где и женился на черногорке. В 1883–1892 гг. — посланник в Бразилии. С августа 1883 по февраль 1884 г. был временно командирован в Софию для управления русским генеральным консульством. В 1897–1900 гг. — посланник в Швейцарии.

советам России. Так, внимая указаниям Ионина, русского посланника в Черногории в 1878–1883 гг., княжество не ввязалось в Боснийско-герцеговинское восстание 1882 г. По мнению отечественного специалиста Н.И. Хитровой, влияние Ионина на внешнюю политику Черногории было столь велико, что «князь Николай ничего не предпринимал без совета русского дипломата, с которым у него установились дружеские связи»⁷.

Итак, имея свои политические интересы на Балканах, связанные с Черногорскими проливами и обеспечением безопасности южных границ, Россия нуждалась в стране-союзнике в этом регионе. Чтобы не «уйти с Балкан», Россия с 80-х годов XIX в. обратила особо пристальное внимание на Черногорию, как на страну, традиционно придерживающуюся дружественных с ней отношений и нуждающуюся в могущественном покровителе⁸.

По многим параметрам Черногория подходила под планы российского МИД — выгодное территориальное положение княжества, исконное православие черногорского народа, а также значительный авторитет, которым пользовался черногорский князь Никола. Учитывая проавстрийскую направленность сербского правительства, именно на стороне Николы были в это время и симпатии остальных славян — «от Софии и на всех территориях до Любляны и Праги»⁹.

Однако каким союзником могла быть для России страна, которая «по размерам и по количеству населения менее какого-нибудь малочисленного уезда одной из русских губерний»¹⁰? Несмотря на скромные размеры Черногории, ей отводилось далеко не последнее место в планах российского Главного управления Генерального штаба. Черногорская армия показала свою боеспособность во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., поэтому после Берлинского конгресса «никто не сомневался в обороноспособности княжества. Великие державы, особенно Россия, были уверены, что в случае необходимости народное ополчение выполнит серьезные военные задачи и будет полезным союзником»¹¹. Итак, в соответствии с планами Главного управления, княжество должно было оказать России в необходимый момент военную помощь — предположительно

в случае ее войны с Австро-Венгрией. Черногория должна была оттянуть на себя часть сил противника. По подсчетам, приведенным российским дипломатом К.А. Губастовым* в записке от 5 июня 1900 г., Черногория могла выставить 35-тысячную армию. Способности такого войска оценивались черногорским князем весьма высоко. Губастов передавал слова Николы о том, что «Черногория — небольшой русский военный округ, и в случае войны России с Австрией он в состоянии оттянуть от главного театра 100-тысячную австрийскую армию»¹². Безусловно, Никола преувеличивал способности своей армии для того, чтобы «раздуть» значимость своей страны и, как следствие, добиться от России еще больших денежных субсидий. И, как ни странно, добивался.

Для вышеозначенной задачи было недостаточно народного войска, хотя и храброго и успешно отбивавшего когда-то турецкие набеги, но действовавшего с оборонительных горных позиций. Для противостояния Австро-Венгрии нужна была современная армия, что и поставило перед Россией задачу модернизации черногорской армии, выплату субсидии на эти нужды, снабжение боеприпасами, а также открытие специальных учебных заведений.

Так, в 1895 г. Россией было подарено черногорцам 30 тыс. винтовок-бердянок, в 1898 г. еще 40 тыс. револьверов системы Мосин-Наган (в Черногории их прозвали «московскими»). Остальное вооружение черногорской армии было приобретено за русский счет. В 1895 г. Россия выплатила субсидию для нужд черногорской армии в размере 82 000 руб., в 1902 г. она возросла до 331 000 руб. К 1910 г. сумма военной субсидии уже составила 600 000 руб.¹³, а ко времени Первой мировой войны была близка к миллиону.

Таких выгод и внимания со стороны России черногорский правитель добивался и иными средствами — он состоял в дружеских отношениях с двумя последними российскими

* Губастов Константин Аркадьевич (1845–1919) — русский дипломат, историк, генеалог. Работал в дипломатических и консульских представительствах в Турции, Нидерландах. Генеральный консул в Вене (1885–1896), вице-директор Азиатского департамента МИД (1896–1897). В 1897–1900 гг. исполнял обязанности русского министра-резидента в Цетинье, затем в Ватикане (до 1904 г.). Посланник в Сербии (1904–1906), товарищ министра иностранных дел (1906–1908). В 1908 г. ушел в отставку.

императорами. Никола Петрович совершал довольно частые и «плодотворные» для своей страны поездки в Россию, добиваясь аудиенции у императора зачастую с помощью дочерей — великой княгини Милицы Николаевны Романовой и герцогини Лейхтенбергской Анастасии Николаевны Романовской (великая княгиня с 1907 г. — во втором браке с великим князем Николаем Николаевичем Романовым). Также довольно частой была и переписка двух Николаев — Николы черногорского и императора Николая II, что играло немалую роль в поддержании русско-черногорских отношений. Никола неоднократно пытался посредством личных связей с императором проводить в жизнь свои планы¹⁴. Даже направление в княжество русского военного агента полковника Н.М. Потапова* в 1903 г. произошло по настоянию черногорского князя, несмотря на то, что военный министр А.Н. Куропаткин не считал это целесообразным¹⁵.

Благодаря визитам в Россию, Никола Петрович-Негош решал множество финансовых вопросов. Как писал в своих дневниках С.Ю. Витте**, Никола «делал представления о том, что нужны деньги для такого-то военного дела, чтобы содержать такую-то военную часть, все, конечно, на пользу России, на случай войны на Балканах, а в результате, — ... большинство всех этих денег шло просто ему в карман»¹⁶.

Однажды в карман Николы чуть было не уплыло 3 000 000 руб.! Это было во время его визита в конце 1901—начале 1902 гг. Князь просил Николая II уступить Черногории контрибуцию, которую России платила Турция, обосновав это тем, что русских денег ему не надо, а вот турецкие он бы взял. Император сначала согласился, запямятовав, о какой сумме идет речь, но после настойчивых внушений министра финансов С.Ю. Витте договоренность была отменена¹⁷. Чтобы сгладить ситуацию, черногорская субсидия вскоре была увеличена «на несколько

* Потапов Николай Михайлович (1871–1946) — полковник Генерального штаба, русский военный агент в Черногории с 1903 по 1915 гг. Отвечал за модернизацию черногорской армии, выполнял и дипломатические функции, следил за расходованием русской военной субсидии.

** Сергей Юльевич Витте (1849–1915) — граф, российский государственный деятель, министр финансов России в 1892–1903 гг., председатель комитета министров, председатель Совета министров Российской империи (1905–1906).

сот тысяч рублей». Однако дочери Николы Милица и Стана затаили страшную обиду на Витте, и герцогиня Анастасия с яростью заявила Сергею Юльевичу: «Ну, я вам это не забуду, будете помнить...»¹⁸.

Стоит отметить, что когда черногорский князь жаловался императору на плачевное финансовое положение Черногории, то он вовсе не лукавил. Черногорский бюджет не справлялся с большим количеством расходов, в нем постоянно имелся дефицит. Планирование финансов велось весьма слабо, как из-за нехватки квалифицированных кадров в управленческом аппарате, так и из-за того, что черногорский князь считал себя вправе распоряжаться черногорским бюджетом по собственному усмотрению. Затраты княжеского Дома были весьма велики, и Никола постоянно пользовался австрийскими займами, которые не мог вовремя вернуть. Австро-Венгрия, в свою очередь, пользовалась этой ситуацией, чтобы экономическими рычагами оказывать влияние на политическую жизнь княжества. Каждый раз, когда Вена «прижимала Черногорию к стенке», буквально шантажируя тем, что австрийская сторона возьмет под контроль либо судоходство, либо природные ресурсы Черногории (напр., лес), князь Никола обращался за помощью в Петербург. Россия же не могла допустить усиления в регионе австрийской экспансии и выдавала Черногории средства, предоставляя всё новые и более крупные займы на выгодных условиях, а иногда и прощала некоторые долги. Только так Черногория могла погасить всё растущие долги и не попасть в кабальную зависимость от австрийских и турецких капиталов, с чем активно боролась Россия¹⁹.

Однако средств, выделяемых Россией на нужды Черногории, княжеству все равно не хватало. С 1904 г. от черногорского двора стали поступать жалобы, что Петербург уделяет своей «протеже» недостаточно внимания. Черногория словно забыла про постоянную субсидию и оказанный черногорцам «миллионный подарок револьверов и патронов» в начале ноября 1904 г.²⁰. После же военных неудач России на Дальнем Востоке, отношение к ней правящей верхушки Черногории резко изменилось. Про генерала Куропаткина здесь ходили

злорадные предсказания, что вскоре его «со связанными руками повезут в Японию»²¹. Русский министр-резидент в Цетинье докладывал о «современном австрофильстве князя Николая», а военный агент подполковник Н.М. Потапов приводил отрывки из запрещенной в Черногории брошюры под заглавием «Истина о Црној Гори», написанной со слов долго жившего в Черногории сербского короля Петра. «На странице 50-й этой брошюры, — докладывал Потапов, — высказано положительное убеждение, что князь Николай держится России и слушается ее исключительно “ради эгоистических расчетов, потому что русское правительство поддерживает его материально. Ныне уже известно, — продолжает автор, — о неудовольствии господаря по поводу того, что царь Николай медлит с уплатою последних долгов нашего двора. Пусть Россия испробует князя, отказавшись далее платить ему, и он завтра же перейдет на сторону Австрии; заплати Франц Иосиф его долги и дай ему сколько-нибудь наличными, и он тотчас бросится в объятия Австрии...”», — заканчивает цитату русский подполковник²².

В начале XX в. Никола стал проявлять необычную «благоклонность» к дипломатам Австро-Венгрии и Италии в Цетинье. Год спустя кризис в черногорско-русских отношениях заметно обострился в ходе инцидента с Ю.Я. Соловьевым. Отзыв дипломатического представителя России по требованию Николы черногорский историк Р. Распопович называет «беспрецедентным событием в истории дипломатических отношений двух стран»²³. Соглашаясь с ним в целом, отметим, что не только факт отзыва российского дипломата, но и позиция князя Николы и престолонаследника Данилы были невероятными.

В начале 1905 г. Ю.Я. Соловьев стал первым секретарем российской миссии в Цетинье, возглавлять которую вместо А.П. Щеглова был назначен П.В. Максимов. 15 (28) мая 1905 г. в Подгорице состоялись торжества по случаю досрочной передачи Черногорией главного здания табачной монополии итальянцам. Между тем накануне пришло известие о трагической гибели российского флота под Цусимой, вследствие чего Ю.Я. Соловьев просил, чтобы церемония была отложена или, по крайней мере, отменено участие в ней двух черногор-

ских батальонов, которые содержались на средства русской субсидии. Без согласования с МИД, Соловьев отправил просьбу с частным письмом министру иностранных дел Черногории Гавро Вуковичу, который исполнил просьбу. Узнав об этом, Никола настоял на отзыве Соловьева из Черногории²⁴. Как писала об этом случае петербургская газета «Новое время», черногорский престолонаследник, заменявший тогда своего отца (Никола был в Карлсбаде), не только не устроил панихиду по русским морякам, погибшим в Цусимской битве, но и поднял на торжествах в Подгорице тост в честь японского адмирала Того!²⁵. Этот ошеломляющий инцидент наглядно указывал на падение авторитета России в регионе и ослабление ее позиций в Черногории. По существу, речь шла о новом курсе во внешней и внутренней политике Черногории, теперь уже больше тяготевшей к Италии и Австро-Венгрии²⁶.

«Мы не можем и не должны быть уверены в лояльности Черногории в выполнении своих обязательств и договоренностей с Россией», — писал Н.М. Потапов, считая, что на Черногорию нельзя будет положиться в ответственный момент, например, в случае военных действий на Балканах²⁷.

Русские дипломаты докладывали о «заигрывании» Черногории с другими государствами. Новые тенденции во внешней и внутренней политике Черногории проявлялись, как уже отмечалось выше, в ее тяготении к Италии и Австро-Венгрии. Так, весной 1904 г. черногорский князь предлагал Австро-Венгрии заключить с Черногорией особый политический договор «на случай осложнений положения на Балканах»²⁸. Это предложение было «категорически отклонено» Веней, так как «заботы о поддержании порядка на Балканах Австро-Венгрия условилась делить только с Россией, а от Черногории ничего больше не требуется, как оставаться спокойною»²⁹.

После этого князь перенес свое внимание на Италию, с которой у него были родственные связи. Во время пребывания Николы в Риме в ноябре 1904 г., на крестинах своего внука, он добился определенных результатов в деле развития военного и, в особенности, экономического сотрудничества двух стран. Вскоре после возвращения князя итальянские компании полу-

чили конфессии на строительство порта Бар, железной дороги от Пазара в направлении к Подгорице, а также возможность с определенными льготами развивать свою деятельность и в других областях³⁰.

Описывая такие действия Черногории, Н.М. Потапов, высказывался о черногорской правящей верхушке в весьма резких выражениях, называя ее «профессиональной кокоткой», которая вылезает на политическую арену и «бесстыдно предлагает свое расположение всякому, кто за него может что-нибудь заплатить»³¹. Вследствие этого у российского МИД возникли сомнения в целесообразности дальнейшего предоставления Черногории военной субсидии (к тому же первоначально установленный срок ее выплаты истекал 1 января 1906 г.).

Вместе с тем, военный агент в Черногории убеждал российский МИД, что от Черногории нельзя совершенно отворачиваться, а нужно поднимать в княжестве авторитет России, открывать учебные заведения, приглашать русских преподавателей и освещать действия России в черногорской прессе. Также, по его мнению, необходимо было внушить Черногории мысль, что только с русской помощью она сможет осуществить такие свои территориальные мечты, как Скутари, Призрен, Митровица, Мостар, Дубровник или Катарро³².

В конце 1907—начале 1908 гг. Никола снова просил увеличить русскую военную субсидию Черногории. Он, видимо, был полностью уверен в важности своей страны во внешнеполитических планах России. Никола также решил, что Россия, столько сделавшая к тому моменту для княжества, не откажет и в новой просьбе, которую он предъявил в форме ультиматума: «всё или ничего», субсидия должна быть увеличена, так как «при такой помощи со стороны России, ... мы и через 20 лет не в состоянии будем иметь вполне благоустроенной и вооруженной армии»³³. При этом, то, что Черногория имела тогда, на рубеже 1907 и 1908 гг., по мнению князя, было достаточно, чтобы «сокрушать» Сербию и Болгарию, которых Никола называл «ничтожествами»³⁴. Кроме того Никола прозондировал почву о возможности провозглашения Черногории королевством. В Петербурге же посчитали, что в связи с Боснийским

кризисом такой важный шаг должен быть отложен, и Черногория была провозглашена королевством лишь в 1910 г. По этому случаю Николай II удостоил Николу Петровича огромной чести — новоиспеченному королю было пожаловано звание фельдмаршала русской армии. Для вручения фельдмаршальского жезла от лица российского императора в Черногорию на торжественные мероприятия отправился великий князь Николай Николаевич Романов (младший). Эти события вызвали в черногорской армии и всем народе такой восторг, который, по словам российского посланника С.В. Арсеньева, не поддавался описанию³⁵.

Чрезмерная забота и внимание, которые Россия по-прежнему оказывала Черногории, были вызваны российской заинтересованностью в Балканах. Возможно, именно поэтому российский МИД и лично император часто скептически относились к донесениям российских посланников на Балканах, которые сообщали о неподготовленности черногорской армии, а также о том, что князю Николе нельзя доверять, что в критическую минуту, когда он будет нужен России, он не окажет необходимой помощи, не предоставит черногорскую армию в полное распоряжение российского императора и верховного главнокомандующего.

Однако, для того, чтобы огромные субсидии расходовались целесообразно на военные нужды и «работали» на Россию, а не находились в бесконтрольном пользовании Николы Петровича, необходимо было заключить с Черногорией официальный договор — военную конвенцию. Этот документ разрабатывался на протяжении 6 лет, в течение которых российские посланники и атташе в Цетинье готовили почву для принятия князем Николой положительного решения о его подписании. Помимо обязательств, установленных военной конвенцией для Черногории, документ также давал Черногории очень важные гарантии, — а именно, безостановочную выплату российской денежной субсидии. До заключения конвенции, Россия использовала субсидии в качестве рычага влияния на Черногорию, т.е. если Никола Петрович решал послушаться советов Петербурга, ему грозила приостановка выплаты субсидии,

без которой княжество не могло существовать. Это невероятно раздражало Николу, и он искал иные пути для получения финансовой помощи за спиной у России. В личных письмах Николаю II Никола клялся в преданности и верности, уверяя русского императора: «Государь, югославянский народ с Вами душой и телом, и мои постоянные усилия направлены на их [югославян. — Н. С.] поддержание в горе и радости во славу императора и их северных братьев... Что же касается непосредственно Черногории, я счастлив сказать Вам, что, с Божьей помощью, она в полном порядке, как никогда, судя по всем рапортам. Она [Черногория] как всегда глубоко предана и послушна и готова пуститься, словно искра, по указанию Вашего величества, ощущая себя неким мостом к свободе югославян, сгораемая от нетерпения разлить среди них животворящее тепло и благо свободы...»³⁶. Однако при всей этой эйфории черногорского народа, преданность славянским ценностям и, во главе всего, России, описываемые черногорским князем, факты, описываемые Н.М. Потаповым, имели место.

Причина, по которой Россия продолжала содержать Черногорию, хорошо выражена С.В. Арсеньевым: «С населением едва превышающим четверть миллиона, с территорией наполовину состоящей из голых скал, *Черногория без поддержки России является величиной ничтожной. Престиж, коим пользуется Черногория в Европе, служит мерилом влияния России на Балканах*»³⁷ (выделено нами. — Н. С.).

Полностью соглашаясь с вышеприведенными словами русского посланника в Черногории, отметим, что, несмотря на то, что Россия разочаровалась в Черногории как в союзнике, ввиду того, что Цетинье зачастую не держало свое слово (как произошло в 1912 г., когда Черногория вступила в Балканскую войну, отступив от русско-черногорского военного договора 1910 г.), Россия продолжала увеличивать денежные субсидии Черногории. Причина таких финансовых трат России кроется в ее заинтересованности иметь надежную, подконтрольную ей страну-союзницу на Балканах. Поэтому Петербург не оставлял Черногорию без внимания даже после нарушения последней военной конвенции и вступления в Балканскую войну. Тогда,

в 1912 г., на повестке дня уже остро стоял вопрос об автономии Албании, педалируемый Веной, в руках которой Албания бы стала отличным орудием против Сербии и Черногории – традиционных зон влияния России³⁸.

Итак, черногорский вопрос во внешней политики Российской империи в рассматриваемый период был, в первую очередь, вопросом о сферах влияния в балканском регионе. Несмотря на все усилия России, в итоге ей не всегда удавалось контролировать Черногорию, которая жаждала осуществлять свои интересы. И подписанная в 1910 г. русско-черногорская военная конвенция не стала панацеей и не удержала молодое королевство от участия Балканских войнах. Во время Первой мировой Черногория также в первую очередь действовала в своих интересах, бросив значительную часть своих сил на город-крепость Скутари, что вымотало черногорскую армию, а в результате не принесло ей желаемых результатов, и после морской демонстрации великих держав от Скутари пришлось отказаться³⁹.

Таким образом, мы видим, что колоссальные затраты русской казны на создание сильной и современной черногорской армии, не оправдали себя: Черногория воспользовалась помощью России, преследуя на деле свои собственные интересы, и в ответственный момент не выполнила принятых договоренностей.

Примечания

¹ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978; *Jovanović R.* Les relations politiques entre le Montenegro et la Russie (1711–1918) // *Le Montenegro dans les relations internationales*. Titograd, 1984; Черногорско-русские отношения, 1711–1918: Документы. Подгорица-М., 1992; *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Часть 1, 2. М., 1993; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века. М., 1997; *Хлебникова В.Б.* Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» // *Славяноведение*. 1997. №5.; *Искендеров П.А.* Черногория в международных отношениях 1878–1903 гг. // В «пороховом погребе» Европы. 1878–1914 гг. М., 2003; *Никифоров К.* Единство, спаянное любовью // *Родина*. 2006. № 2; *Хитрова Н.И.* Черногория и Сербия в Первой мировой войне по документам публикации «Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории» // *Россия в международных конфликтах начала XX века (русско-японская и первая мировая война)*. Вып. 3. М., 2009; *Струнина Н.Г.* Из истории российско-черногорских отношений: визиты Николы Петровича-Негоша в Россию // *Славянский альманах*: 2012. М., 2013.

- ² *Витте С.Ю.* Воспоминания в 3 т. Т. 1. Таллин; М., 1994. С. 464.
- ³ *Ротштейн Ф.А.* Предисловие к: Ламздорф В. Н. Дневник 1891–1892. М.-Л., 1934. С. VIII.
- ⁴ Нива. 1889. № 24. С. 614–615.
- ⁵ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 464.
- ⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политотдел. Оп. 233. 1878. Д. 3. Л. 3 об. – Выписка из частного письма действительного статского советника Ионина. Цетинье, 27 января (8 февраля) 1878 г.
- ⁷ *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Ч. 1. М., 1993. С. 41.
- ⁸ Там же. С. 3; *Гуськова Е.Ю.* Романовы – Петровици: пример исторической дружбы на фоне политического прагматизма // Династија Петровић-Његош. Т. 1. Подгорица, 2002. С. 290; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978. С. 462–467.
- ⁹ *Војводић М.* Односи књаза Николе и владара династије Обреновић (1860–1903) // Династија Петровић-Његош. Т. II. Подгорица, 2002. С. 24.
- ¹⁰ Так отзывался о Черногории не только Витте (см. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1, Таллин-М., 1994. С. 411–412), но и сам черногорский князь в личной переписке с Николаем II (напр., Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1309. Л. 2. (Письмо черногорского князя императору Николаю II. 30 ноября 1897 г.).
- ¹¹ *Хлебникова В.Б.* Некоторые особенности развития черногорской государственности в последней трети XIX – начале XX вв. // Prospece sed respice: проблемы славяноведения и медиевистики: сборник научных статей в честь 85-летия профессора Владимира Александровича Якубовского. СПб, 2009. С. 206.
- ¹² *Хлебникова В.Б.* Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.». С. 43.
- ¹³ Министарство војно 1876–1916. Зборник докумената. Подгорица, 2010. С. 7.
- ¹⁴ *Струнина Н.Г.* Из истории российско-черногорских отношений: визиты Николы Петровича-Негоша в Россию. С. 142–158.
- ¹⁵ Доклад Главного штаба А.Н. Куропаткину о нецелесообразности утверждения должности военного агента в Черногории. Не позднее 7 (20) декабря 1902 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. Т. I. Подгорица; М., 2003. С. 45–46;
- Депеша российского министра-резидента в Цетинье А.П. Шеглова В.Н. Ламздорфу о желании черногорского князя Николая назначить в Черногорию постоянного русского военного агента. 9 (22) марта 1903 г. Цетинье // Там же. С. 47–48.
- ¹⁶ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 411–412.
- ¹⁷ *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 253.
- ¹⁸ Там же. С. 254.
- ¹⁹ *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Ч. 1. М., 1993. С. 125–132; *Хлебникова В.Б.* Некоторые особенности развития черногорской государственности в последней трети XIX–начале XX вв. С. 203–219.
- ²⁰ Рапорт Н.М. Потапова В.П. Целебровскому. 4 (17) ноября 1904 г. № 167. Весьма секретно. Цетинье // Н.М. Потапов... Т. 1. С. 169.
- ²¹ Там же.
- ²² Из отчета Н.М. Потапова о своей деятельности в Черногории с 9 (22) августа по 1 (14) ноября 1904 г., об отношении к России различных групп черногорского общества и о мерах к усилению российского политичес-

кого и военного влияния. 29 октября (11 ноября) 1904 г. № 165. Цетинье // Там же. С. 167.

²³ *Распопович Р.* Военная конвенция между Черногорией и Россией 1910 года // *Российская история.* 2009. №2. С. 56.

²⁴ *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 161–162.

²⁵ Новое время. 1905. 28 ноября.

²⁶ *Распопович Р.* Указ. соч. С. 55.

²⁷ Н.М. Потапов ... С. 166.

²⁸ Рапорт Н.М. Потапова В.П. Целебровскому. 4 (17) ноября 1904 г. // Там же. С. 169–170.

²⁹ Рапорт Н.М. Потапова Ф.Ф. Палицыну. 20 декабря 1905 г. (2 января 1906 г.) // Там же. С. 228.

³⁰ Итальянское общество, которое арендовало Черногорскую табачную монополию, получило право судоходства по Скадарскому озеру, ранее принадлежавшее англо-черногорскому обществу. Итальянцы проявили готовность начать эксплуатацию лесных запасов и полезных ископаемых Черногории, в связи с чем началось строительство железной дороги от Подгорицы до Колашина. См.: Рапорт Н.М. Потапова Ф.Ф. Палицыну. 20 декабря 1905 г. (2 января 1906 г.) // Там же. С. 228–232; *Vojvoda Vuković G.* Odlomak iz diplomatskih odnosa sa Rusijom, tri naša sukoba s ruskom diplomacijom. Memoari. Cetinje-Titograd, 1985. S. 83–133; Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893–1922. М., 1959; *Jovanović P.* Jedan inostrani otpor prodiranju italijanskog kapitala u Crnu Goru // Историјски записи. Књ. XVIII. Св. 3. Титоград, 1961. С. 417–442; *Распопович Р.* Указ. соч. С. 55–56.

³¹ Рапорт Н. М. Потапова Ф. Ф. Палицыну об итальянской экономической экспансии в Черногорию, оппозиционных настроениях в скупщине и мерах по укреплению политического влияния России. 20 декабря 1905 г. (2 января 1906 г.) Цетинье. Весьма секретно. // Н.М. Потапов... С. 231.

³² Там же. С. 232.

³³ Рапорт Н.М. Потапова Ф.Ф. Палицыну о просьбе князя Николая увеличить военную субсидию Черногории. 31 декабря 1907 г. (13 января 1908 г.) // Н.М. Потапов... С. 327–328.

³⁴ Там же.

³⁵ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 50.

³⁶ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1309. – Письма Николая, князя Черногорского, Николаю II. На французском языке. 30 ноября 1897 г. – 14 февраля 1913 г.

³⁷ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. С.В. Арсеньев в донесении № 61 на имя С.Д. Сазонова 27 августа 1910 г.

³⁸ *Котляревский С.А.* Внешняя политика в 1912 г. // *Русская мысль.* 1913. № 1. С. 20.

³⁹ Хитрова Н.И. Черногория и Сербия в Первой мировой войне по документам публикации «Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории». // *Россия в международных конфликтах начала XX века (русско-японская и первая мировая война).* Вып. 3. М., 2009. С. 124.

*Виктор Евгеньевич
АВДЕЕВ*

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ВИЗИТ НИКОЛАЯ II В КОНСТАНТИ- НОПОЛЬ В 1909 Г.

К началу XX столетия Россия и Турция накопили богатый и разнообразный опыт двустороннего взаимодействия — в формах как различной степени конфронтации, так и партнерства. Однако идея посещения Николаем II Константинополя в 1909 г., активно обсуждавшаяся и разрабатывавшаяся, не имела аналогов в русско-турецких отношениях. Ни один царь, император до Николая II никогда не наносил государственных визитов турецкому султану. Экстраординарность этого мероприятия для Российской и Османской империй, для всего комплекса балкано-ближневосточной политики и, наконец, международных отношений в целом, особенно в преддверии Первой мировой войны, безусловно способна вызвать большой исследовательский интерес, хотя ранее этот сюжет не изучался. Проект царского посещения столицы Османской империи фактически оставался вне поля зрения авторов работ, посвященных и международным отношениям в связи с Восточным вопросом¹, и политике России в балкано-ближневосточном регионе накануне Великой войны², и личной дипломатии Николая II³. По-видимому, именно то, что замысел остался нереализованным, не привлекло к нему внимания исследователей. Между тем, в процессе подготовки в России и за рубежом с ним связывали серьезные надежды и опасения. В свою очередь, анализ причин, которые не позволили ему состояться, способен раскрыть многие нюансы во внешней политике Николая II на ключевом направлении, оценить потенциал налаживания сотрудничества с Турцией, с перспективой разрешения важнейших вопросов.

В начале XX в. «личная», династическая политика монархов, казалось, переживала своеобразный ренессанс. Его яркими проявлениями были бурная, хотя и несистемная внешнеполитическая активность Вильгельма II, а также более тонкая и ловкая личная дипломатия ненавистного германскому кайзеру «дяди Берти» — британского короля Эдуарда VII. Благодаря развитым семейным связям, чувствам клановой общности, большей степени личной свободы в отношениях друг с другом, чем на официальном правительственном уровне, «интернационал монархов» оказывал серьезное воздействие на внешнюю политику Европы и мира. Разумеется, постепенно на протяжении всего XIX столетия центр тяжести переносился из придворных сфер в профильные министерства⁴. Тем не менее, свидания коронованных особ вновь вошли в моду и отчасти восстановили статус реально значимых явлений в мировой политике⁵. В условиях неожиданности и динамизма международных событий перед Первой мировой войной встречи монархов по аналогии с современными саммитами государственных лидеров приобретали роль своеобразных реперных точек, где оценивались и осмысливались предшествующие процессы, сверялись позиции и давались прогнозы на будущее. Именно им, а не скрытой работе дипломатических ведомств, массовой печатью и общественным мнением приписывались знаковые смыслы, что усиливало их важность. По сравнению с предшествующим столетием вопросы международной политики чрезвычайно усложнились, они требовали неустанного внимания и оперативного вмешательства. «Личная», династическая дипломатия позволяла государствам вывести переговоры, должны определить будущее Европы и мира, на самый высокий уровень — в формат закрытых встреч с участием ключевых фигур, принимающих решения.

Визит русского царя в Константинополь должен был стать частью большого вояжа, в ходе которого предполагалось посетить не только Турцию, но и Румынию, Болгарию, Грецию, Италию. В планах российского МИД на 1909 г. встречам на высшем уровне, при непосредственном участии царя, отводилась особо важная миссия. По мнению руководителей диплома-

тического ведомства, личность монарха должна была придать авторитетности русской внешнеполитической линии, обезопасить ее от чрезмерных рисков, которые проявились после знаменитого свидания российского министра иностранных дел А.П. Извольского с его австрийским коллегой А. Эренталем в Бухлау в 1908 г. Но на Певческом мосту не только хотели уберечь в целости то, что удалось сохранить по результатам Боснийского кризиса, но и достигнуть определенного реванша в силу изменившегося расклада балкано-ближневосточной политики. Визит Николая II вписывался также в конструкцию антиавстрийского союза балканских стран, созданием которого озаботились в МИД в этот период. Особое значение придавалось поддержке младотурецкого режима, с которым в ходе противостояния с Австро-Венгрией и посредничества с Болгарией Петербург нашел ряд точек для соприкосновения, а в перспективе и сотрудничества. Широко разрекламированные и успешно прошедшие летние визиты Николая II во Францию и Англию, казалось, стабилизировали положение России на международной арене и служили ярким доказательством эффективности «дипломатии государей», которую следовало распространить и на другие регионы.

Проект большого морского путешествия императора дипломатического характера в Средиземноморье, по словам А.А. Савинского, сложился летом 1909 г. в ходе обсуждений А.П. Извольского, А.А. Нератова, курировавшего балкано-ближневосточное направление в деятельности министерства, и его самого, как директора канцелярии МИД. План предполагал вояж в Италию на столь обожаемой царской семьей яхте «Штандарт» с заходами по пути в Румынию, Болгарию и Турцию. Первый для Николая II в таком случае приезд в Румынию был бы весьма кстати для подкрепления той работы по русско-румынскому сближению, которую тогда вел в стране русский посланник М.Н. Гирс. В Болгарии в этот период у власти находилось русофильское министерство, которое радо было также извлечь из посещения императора дивиденды, полезные в свою очередь и для России. Безусловно значимым считался визит к султану, «что дополнило бы балканский аккорд нашей политики. Из-

вольскому эта мысль очень понравилась... он старался склонить к ней А.С. Долгорукого (обер-гофмаршала, члена Государственного совета. — *В.А.*), который имел известное влияние на государя. Долгорукому мысль такого политического путешествия показалась также весьма целесообразной. Государь согласился на нее, и можно было думать, что проект получит осуществление»⁶.

Необходимо учитывать, что все дипломатические комбинации создавались в тот период в определенном властном вакууме и разное мнений, которые образовались в российском внешнеполитическом руководстве после завершения Боснийского кризиса. Получивший серьезный удар по собственной репутации и всей тщательно выстраиваемой им политической конструкции, А.П. Извольский ясно понимал вероятность своей замены на посту министра и предпочел удалиться на отдых под предлогом болезни⁷. Он неоднократно брал длительные отпуска и активного участия в выработке и принятии внешнеполитических решений старался не принимать, передоверив дела своему новому заместителю⁸. Как известно, тогда активизировались правые круги с их лоббированием сотрудничества с Германией как опоры монархизма; глава правительства П.А. Столыпин пытался поставить МИД под свой контроль, а внутри самого дипломатического ведомства инициировались самые разнообразные проекты, вроде предложения Н.В. Чарыкова по обширному договору с Германией⁹. Даже когда П.А. Столыпин провел в товарищи министра свою креатуру — свояка С.Д. Сазонова, разногласия в оценке перспектив российской внешней политики сохранялись, что позволяло возникать весьма оригинальным и неожиданным идеям, появление которых ранее вряд ли было бы возможно.

Проработкой вопроса на месте первого в отечественной истории посещения русским монархом османского султана занялся недавно назначенный послом в Турцию Н.В. Чарыков. Он являлся ярким сторонником сотрудничества с новым правительством, поскольку видел в политике младотурок разрыв с прежней ориентацией режима Абдул-Гамида на Центральные державы. «Младотурецкая революция 1908 года, которая сверг-

ла «кровавого» султана Абдул-Гамида и экспериментировала с конституционным правительством для Османской империи, открывала для Тройственного согласия — Франции, России и Великобритании — уникальную возможность установить свое влияние вместо Германии, которое стало преобладающим в последние годы правления Абдул-Гамида в основном вследствие личных визитов Вильгельма II к султану»¹⁰, — отмечал Чарыков в своих мемуарах.

В российском дипломатическом корпусе, однако, не все разделяли его энтузиазм. Его предшественник И.А. Зиновьев скептически относился к этим надеждам на «будто бы новый образ правления» в Турции. Он высказал свой критический взгляд непосредственно Чарыкову, указав, «что с воцарением нового султана ничто не переменялось, и что в Турции продолжается смутное положение дел, которое ни в коем случае скоро не прекратится и по всей вероятности вызовет в более или менее близком будущем необходимость серьезно подумать о способе разрешения Восточного вопроса. В виду этого необходимо зорко следить за ходом событий и подготавливать средства к обеспечению наших жизненных интересов. В этом заключается наша задача»¹¹. Эти настроения разделял российский министр-резидент в Марокко П.С. Боткин, один из главных противников проводимого МИД курса: «Я с самого начала относился с большой опаской к новым веяниям в Турции и сообразовался в этом отношении с теми симпатиями, которыми пользуется в Англии партия младотурок. Назначенный английским послом в Константинополь после переворота сэр Джеральд Лаутер, мой товарищ по Марокко, — заклятый враг России. От него мы ничего хорошего не дождемся»¹². Позднее сам Чарыков был вынужден признать резонность этих доводов, в том числе несогласованность планов и действий в регионе дипломатических представителей Англии, России и Франции. По-видимому, не желая в своих мемуарах выносить сор из избы, он постарался объяснить оппозицию стран Антанты русским инициативам тем, что «тройственное согласие в это время не распространялось на Ближний Восток»¹³.

В момент же своего назначения послом Чарыков был настроен чрезвычайно оптимистически и старался выстраивать обновленные русско-турецкие отношения «на общем характере дружбы, взаимном доверии и добром соседстве»¹⁴. Он энергично принялся за нахождение точек соприкосновения с правительством младотурок, хотя предстояло решить множество запутанных, проблемных и потенциально конфликтных вопросов. Хотя Россия сыграла умиротворяющую роль в острой турецко-болгарской конфронтации, возникшей в ходе Боснийского кризиса¹⁵, напряжение между этими странами сохранялось, и порой русские дипломаты прогнозировали вероятность их вооруженного столкновения, в котором Петербург не смог бы остаться в стороне¹⁶. Процесс урегулирования и ликвидации дел финансовой комиссии в Македонии тесно сопрягался с проектом строительства Дунайско-Адриатической железной дороги, которая должна была связать единой транспортной коммуникацией славянские балканские государства. Раздражающим фактором для петербургского кабинета было присутствие в пограничных с Османской империей областях Персии турецких войск, введенных под предлогом защиты своих консульств¹⁷. Особую настороженность руководства России вызвало заявленное намерение Турции приобрести дредноуты для своего флота, что кардинальным образом меняло весь баланс сил на Черном море¹⁸. Поэтому возможный приезд самого русского царя в Константинополь Чарыков воспринял с воодушевлением, поскольку визит способен был привести к фундаментальным сдвигам в русско-турецких отношениях в сторону активного сотрудничества по целому ряду вопросов, в том числе по проблеме Черноморских проливов.

В османском правительстве первоначально вскользь упомянутая русскими дипломатами перспектива посещения Николаем II Константинополя вызвала живой отклик. Эта идея, всплывшая во время царского путешествия в Англию и Францию и подкрепленная его громким внешним эффектом¹⁹, рассматривалась лояльно настроенными по отношению к России турецкими политиками как способ развития с ней тесного сотрудничества, а главное — получения гарантий от вероят-

ных территориальных потерь, особенно после тяжелого исхода Боснийского кризиса. 9(22) июля 1909 г. в ходе переговоров, которые вел Н.В. Чарыков, турецкая сторона решительно подняла этот вопрос, практически сходу дав свое согласие на визит. Великий визирь Хильми-паша и министр иностранных дел Рифаат-паша обещали русскому послу прибытие их суверена на борт царской яхты «Штандарт», соблюдение султаном европейского дворцового этикета (что было немаловажно в статусном отношении), включая сопровождение русских кораблей турецкой эскадрой и подобающие салюты, и даже сулили предоставить гостям султанский дворец²⁰. К 17 июля уже была разработана программа пребывания Николая II в районе Босфора, причем за основу был взят визит в Константинополь германской императорской четы в 1898 г.²¹

В конце июля перспективы монаршего посещения Константинополя выглядели уже вполне реальными и стали активно муссироваться в отечественной и зарубежной прессе: русская либеральная печать во главе с «Речью» была настроена позитивно, однако рупор консервативно-охранительных кругов газета «Земщина» с порога отметала возможность приезда Николая II к османскому султану первым, считая это подчинением русской дипломатии и лично венценосца интересам Великобритании²². Генерал А.А. Киреев, один из идеологов неославянофильства, возмущался на пару с одной из Романовых, причем непосредственно влиявшей на развитие дел в балкано-ближневосточном регионе. Ольга Константиновна, королева Греческая, как известно, считала себя лично ответственной за проведение политики России на этом направлении. Их не устраивал даже предложенный дипломатами приезд турецкого султана на борт «Штандарта», формально и фактически русскую государственную территорию, когда императорская яхта прибудет в Константинополь. «Может быть, и даже наверное, это «построение» выдерживает критику дипломатических условий, но здравый смысл русского народа увидит в этом умаление значения русского царя. Наш царь поехал на поклон к «туркам»! К басурманам. Статочное ли это дело!»²³. Мирное плавание по Босфору православного государя, оставляющего

за спиной Святую Софию под турецким полумесяцем, — такая возможная реальность многим российским общественным и государственным деятелям, воспитанным в буквальном восприятии славянофильских и великодержавных традиций, казалась кощунственной!

В аристократических и сановных кругах сведения о возможности визита вызвали противоречивые настроения. Хозяйка столичного светского салона А.В. Богданович, чутко следившая за веяниями в сферах, отметила 6 сентября 1909 г. в своем дневнике, что «все настаивают на этой поездке царя (в Италию. — В.А.), но с условием, чтобы не ехать на Константинополь. Особенно настаивает Столыпин»²⁴. Позиция председателя «объединенного правительства» четко коррелировалась с прославянскими настроениями российских элит, еще неостывших после неудачного для России завершения Боснийского кризиса. Столыпин с его знанием внутрироссийских проблем как премьер-министр должен был постоянно брать в учет общественное мнение, позицию Государственной Думы и высказывания прессы; ему, незнакомому с тонкостями, хитростями и тайными пружинами дипломатического мира, ближе и понятнее были четко высказываемые национальные потребности в области внешней политики. Не желая терять союзников в либеральном лагере и налаженные с ними рабочие отношения, Столыпин, как известно, начал ревизию внешнеполитической линии Извольского после Бухлау. Стремление премьера удержать вокруг себя лояльно настроенное либеральное большинство, как один из важнейших элементов политической конструкции «третьеиюньской монархии», через потворство его панславистским симпатиям затянуло Боснийский кризис, радикализовало внешнеполитические программы партий и деловых кругов²⁵. Теперь в их изображении готовившийся визит русского царя в Константинополь «на поклон к басурманам» грозил новыми репутационными и позиционными потерями на Балканах по примеру свидания в Бухлау.

Видимо предполагая подобную реакцию внутри значительной и влиятельной части российского истеблишмента, отечественные дипломаты попытались выговорить предвари-

тельное посещение султаном Ливадии, неосторожно упомянутое турками. Но в начале августа турецкие дипломаты уже ссылались на политические осложнения и рамазан, не позволявшие султану посетить Крым²⁶. Николай II активно вмешался, потребовав в ответ: «Объяснить Турхан-паше, что посещение султаном Крыма еще больше укрепит дружественные и естественные отношения России к Турции, и что так принято в Европе (подчеркнуто императором. — В.А.)»²⁷. Следуя царским инструкциям, Н.В. Чарыков в беседе с Рифаат-пашой попытался его переубедить в лучших традициях софизма: «Коль скоро султан предполагает посетить иноземных монархов, ему естественно воспользоваться предстоящим пребыванием их императорских величеств в Крыму, чтобы их навестить, и зная о предположении их величеств следовать через Проливы, предложить им в пути свое гостеприимство. Если бы, напротив, их величества прибыли к султану до его посещения их, то создался бы навсегда нежелательный факт неравенства в отношениях султана к России по сравнению с другими государствами. Султан посетил бы все прочие государства первый, кроме России». В ответ турецкий министр заверил, что первый из визитов к иностранным монархам будет безусловно нанесен российскому императору, но при этом резонно заметил, что изначально «речь шла не столько о посещении государем императором султана, сколько о следовании их Величеств через Проливы в Италию»²⁸. Таким образом, турецкая сторона указывала на приниженное положение своего правителя: ведь Николай II собирался быть в Константинополе проездом, а не наносил специальный визит.

Все же Рифаат-паша постарался сгладить впечатление от фактического отказа, пообещав Чарыкову приложить силы совместно с великим визирем, чтобы визит султана в Крым состоялся, хотя им предстоит преодолеть серьезное сопротивление «менее культурных и более фанатичных своих сторонников и противников»²⁹. (Возможно, Рифаат-паша намекал на желательность русских финансовых вливаний, чтобы переменить настроения в Порте, однако Чарыков остался глух к этим намекам. Подобный подход для дипломата, прекрасно знавшего вос-

точную ментальность и к тому же самого служившего первым секретарем российского посольства в Турции в 1890–1893 гг., выглядит невообразимым и странным. Объяснить его можно лишь уверенностью Н.В. Чарыкова, что младотурки перешли к европейскому формату дипломатических отношений и настроены на сотрудничество с Россией и Антантой. То, что российский посол в Турции угодил в ловушку собственных иллюзий относительно младотурок, отмечали практически все отечественные дипломаты в центре и на местах³⁰.)

Донесение посла вызвало неожиданно гневную реакцию Николая II, начертавшего на его полях 14 августа: «Для фанатичных противников посещения султаном Крыма может принести пользу угроза, высказанная Чарыковым, что в таком случае мы пройдем мимо Константинополя, не останавливаясь для визита султану»³¹. Поэтому после личной беседы с императором Сазонов по его поручению отдал 16 августа указание послу прекратить переговоры с турецкой стороной в виду того, что морское путешествие должно быть отложено на неопределенное время. Причину этого решения Николай II лично сообщил управляющему МИД, однако в текст предписания к Чарыкову она не попала³². Последний оставался в неведении мотивов и позже, 5 сентября, в частном письме к Извольскому с обзором событий в Турции с горечью сетовал: «Здесь постепенно свыкаются с мыслью, что государь не проследует через Константинополь, но суть этого дела неясна, ни туркам, ни, признаюсь, мне»³³.

Искренняя личная досада посла, как и вся его переписка с министерством снимают с Чарыкова всякие обвинения в срыве царского визита, которые можно найти в воспоминаниях офицера императорской яхты «Штандарт» Саблина и директора канцелярии МИД А.А. Савинского. По словам первого, человека далекого от дипломатии, он был удивлен позицией нашего посла в Турции, сославшегося на то, что российскому императору как главному защитнику православной веры «не подобает делать первый визит главе мусульманского мира, не посетив славянские страны»³⁴. Савинский же напрямую обвинял Чарыкова в торпедировании визита. Тот, по его версии,

высказался решительно против по двум следующим причинам: во-первых, русский царь не может, не роняя своего престижа перед всем православным миром, быть в Константинополе, покуда на Святой Софии красуется полумесяц, а не крест; а во-вторых, по турецким обычаям падишах не имеет права покидать своих владений, и поэтому ответный визит никогда не будет отдан³⁵. Пожалуй, здесь видна попытка в верхах классического «назначения стрелочника» через активное приписывание ему мотивов других лиц и сил. Сам Чарыков уже при написании своих мемуаров вину за эту «ужасную ошибку» русской дипломатии возлагал на оппозицию определенных российских консервативных кругов, высказывавшихся именно в таком духе³⁶. Это подтверждал также в своем дневнике генерал Киреев. Опираясь на свидетельство источника в Главном управлении по делам печати, он объяснял отказ потоком петиций, телеграмм и адресов к царю против поездки, инициированных Союзом русского народа³⁷.

Тем не менее, Николай II, официально остановив переговорный процесс, не отказался окончательно от идеи поездки морем, а соответственно и посещения Константинополя. Поэтому-то, несмотря на переданное Чарыкову указание, в Петербурге вплоть до конца сентября в правительстве и правом лагере царица обеспокоенность по поводу возможного визита императора в Турцию. Прекращение переговоров, разумеется, позволяло взять паузу, чтобы снять негатив со стороны противников визита внутри российской правящей элиты. Но также это решение рассматривалось самим Николаем II как мера давления на Порту, способ сделать ее руководителей посговорчивее. Так, по сообщению Чарыкова, турки были серьезным образом смущены неожиданным поворотом и выразили готовность сделать все, чтобы доказать дружеские чувства османского правительства к России³⁸. Присутствие императорской семьи в Крыму служило своеобразным приглашением султану. Естественно было бы ожидать также, что обсуждение планируемого визита возобновится во время пребывания турецкого посольства в Ливадии 23–27 сентября. Однако переговоры с Рифаат-пашой, которые с российской стороны вели Изволь-

ский и Чарыков, не стали прорывом в этом вопросе и затронули лишь традиционные для русско-турецких отношений темы оперативно-тактического характера. Николай II в отношении этого посещения османской делегации на страницах своего дневника был как всегда сдержан и лаконичен³⁹, что уже ничуть не напоминало о том взрыве его эмоций в августе в ответ на турецкие увертки. К этому моменту в расчеты высшего руководства Российской империи вмешался неподконтрольный и чрезвычайно опасный с его точки зрения фактор, под влиянием которого, по-видимому, и было принято окончательное решение отказаться от визита в Константинополь.

Символическим мечом, брошенным на весы раздумий, выступила не терявшая актуальности для Николая II и его окружения угроза террористического акта. На протяжении весны и лета 1909 г. по линии департамента полиции министерства внутренних дел и от заграничных представительств МИД стали поступать многочисленные и разнообразные сведения о подозрительной активности в российской революционно-террористической среде за рубежом. Непосредственно из посольства в Константинополе была получена в мае смутная информация о некоем заграничном анархистском заговоре с целью «злодейского покушения против особы его императорского величества»⁴⁰. По уверениям источника, прибывшие в столицу Турции подозрительные лица готовили свой теракт именно здесь⁴¹. Хотя русские дипломаты и жандармы считали поставщика данных сведений «авантюристом» и «шантажистом», была осуществлена проверка Санкт-Петербургским охранным отделением, Одесским жандармским управлением и Заграничной агентурой департамента полиции, окончательно признавшая в июле эти сведения не заслуживающими доверия⁴². Однако русский посол отметил возникновение скрытого недовольства среди персидских националистов и крайних левых политических групп в Турции после первых же слухов в местной прессе о намерении русского царя посетить Константинополь⁴³. В августе уже по другому, но также непроверенному каналу стало известно о подготовке некой интернациональной группой с участием уроженцев Ближнего Востока и Кавказа

теракта против царя. По утверждению инсайдера, «в их планы входит такое разрушение, о котором еще не знает история революционных времен»⁴⁴. В информации касательно планируемых покушений, разумеется, было немало непроверенных сведений, слухов и инсинуаций, а вокруг крутилась масса темных личностей, авантюристов всех мастей и просто сумасшедших. Шла к тому же постоянная игра спецслужб и революционеров, пытавшихся дезориентировать друг друга. Однако среди всего этого вороха сообщений явно вырисовывалась угроза, исходящая с юга, куда и планировалось морское путешествие Николая II. Его заграничными визитами, анонсируемыми прессой, нельзя было, по мнению противников царского режима, не воспользоваться.

Опасность цареубийства в ходе зарубежных поездок императора воспринималась в правительстве чрезвычайно остро. Общеизвестно, что риск покушения многократно возрастает во время официальных многолюдных мероприятий, в том числе дипломатических встреч. Морские походы и свидания на яхтах, ставшие определяющим форматом личной внешнеполитической активности Николая II, позволяли не ущемить престиж власти и одновременно минимизировать уровень террористической опасности. Однако новая порция информации, поступающая с берегов Босфора и из Европы, серьезно обеспокоила заинтересованные ведомства. Речь шла о потенциально гораздо более значительном и масштабном проекте покушения, чем акция пары-тройки бомбистов.

26 сентября 1909 г. за подписью директора департамента полиции Н.П. Зуева начальникам охранных отделений был направлен секретный циркуляр, сообщавший: «По полученным из агентурного источника сведениям, в настоящее время в Константинополе проживает 37 русских анархистов-коммунистов, из числа коих недавно прибыли из Швейцарии 27 человек с целью, по-видимому, организовать покушение на жизнь государя императора во время предполагаемого посещения его императорским величеством Константинополя, причем у названных лиц будто бы имеются разрывные снаряды. К означенной группе анархистов принадлежат следующие лица:

Саркиз Оганджян (армянин, участник ограбления в Тифлисе почты около Городской Думы); Вано Олахашули (грузин из гор. Баку); Арутюн Туманов (армянин из гор. Тифлиса); Антон Петрович (еврей из Привислинского края); Киркор Хампикян (армянин, житель Эриванской губернии) и доктор Василевич (поляк из Привислинского края). По сведениям из того же источника, арестованный в Константинопольском порту анархист-коммунист “Маркар” также причастен к этой группе⁴⁵. Сосредоточение столь крупной группы боевиков (порядка 30–40 человек) анархо-коммунистического толка в Константинополе означало возникновение серьезнейшей угрозы для безопасности царя. Такая многочисленная группа отвечала уже известному в охранке с июня замыслу Б. Савинкова покушения на царя. Лидер эсеровских боевиков отмечал сложность этой задачи, но считал возможным ее выполнение: «Надо много людей, группу человек в двадцать пять, чтобы массой брошенных снарядов наверное достигнуть успеха (подчеркнуто в оригинале донесения. — В. А.)»⁴⁶. Черты возможного стамбульского теракта становились все реальнее.

В поле зрения российских спецслужб стекавшиеся в район Босфора потенциальные террористы стали попадать в августе. Драгоманат русского посольства в Константинополе, отслеживавший информацию из источников в турецкой полиции, 27 августа доложил в Петербург об аресте местными властями армянского анархиста по имени Маркар. При задержании он, ранее водивший знакомство с попом Гапоном, заявил, что его деятельность направлена против России, а не Турции⁴⁷. Позднее агенты охранки выяснили причину ареста этого несдержанного активиста: он бросал листовки на турецкий военный пароход⁴⁸. Хотя местная полиция и посчитала в связи с тем Маркара сумасшедшим, германская газета «Zeit» от 5 сентября н.ст. 1909 г., описывая его задержание, напрямую связывала прибытие революционера в Константинополь с путешествием русского императора⁴⁹. Еще одним тревожным сигналом стало появление на берегах Босфора другого армянского профессионального авантюриста левых взглядов, фигурировавшего под фамилией Панов. Персонаж с весьма примечательной биогра-

фией — воспитывался в одном из военно-учебных заведений в Петербурге, откуда, по-видимому, бежал и получил офицерский чин в Болгарии, где входил в окружение князя Фердинанда, участвовал в вооруженной борьбе против шаха Персии, где и был ранен, — характеризовался русским генеральным консулом как «убежденный враг России». Так, Панов, находясь в Константинополе, постоянно общался с младотурками, дашнаками и членами персидских революционных организаций, а одним из его близких друзей считался местный террорист, покушавшийся ранее на султана Абдул-Гамида⁵⁰. Практически одновременное появление таких фигур не выглядело случайным: если Маркар являлся либо одним из членов отряда, либо выполнял роль связника для стекавшихся в Константинополь экстремистов, то Панов по логике сюжета, вероятно, был ответственным за планирование и координацию акции такой крупной группы боевиков, для чего и требовался его военный опыт.

В среде же местных радикальных и революционных организаций о плане покушения на Николая II в Константинополе, «в случае съезда на берег», говорили достаточно свободно⁵¹. Но нельзя было быть спокойным и за морскую часть возможного путешествия: один из секретных сотрудников департамента полиции сообщал об эсеровских боевиках, наводивших справки об устройстве императорской яхты, ее охране, расположении покоев Николая II и его семьи, способах проникновения на борт под видом доставки провизии. «Несмотря на все старания русского правительства скрыть маршрут Высочайшей поездки в итальянские воды, — резюмировал он, — этого не удастся, т.к. у них (революционеров. — В.А.) имеется достаточно средств и связей для добывания самых секретных сведений и распоряжений»⁵².

Снизить уровень угрозы можно было бы профилактическими мероприятиями, предприними их турецкие власти в сотрудничестве с Заграничной агентурой департамента полиции и дворцовой охраной. Опытом подобного взаимодействия с иностранными коллегами при императорских путешествиях за рубеж русские спецслужбы располагали, и все зависело лишь от поддержки со стороны местных органов власти. Однако

агенты Одесского жандармского управления, которым было поручено вскрыть детали замысла, отметили, что боевики, беспрепятственно встречавшиеся и беседовавшие в стамбульских кофейнях, никаких ограничений не испытывали⁵³. Столь привольное существование потенциальных террористов, при отсутствии всяких действий со стороны младотурецкого режима по их если не ликвидации, то хотя бы нейтрализации, заставляло все больше сомневаться, что в Турции так уж будут рады приезду русского императора. Выявленная в данном свете связь Панова с некоторыми видными членами младотурецкого комитета «Единение и прогресс» выглядела откровенно подозрительно. Вообще, предполагаемый вояж был перегружен подобными угрозами — пришли сведения об эсерах-террористах, собиравшихся в Италии, во главе с самим Савинковым. Но итальянское правительство в отличие от турецкого вопросами безопасности не пренебрегало, а, напротив, установило с царской полицией достаточно тесное сотрудничество при визите Николая II в Раккониджи⁵⁴.

Террористическая угроза — это постоянный спутник последнего русского царя, начиная с 1905 г. К примеру, она, в частности, повлияла на формат и непосредственный ход Ревельского свидания в 1908 г. Тогда царь в беседе со Столыпиным признался, что не желает встречаться с британским королем Эдуардом VII в Петербурге: «Он привык в Англии у себя свободно повсюду ходить, а потому и у нас захочет себя вести так же. Я его знаю, он будет посещать театры и балет, гулять по улицам, наверно, захочет заглянуть и на заводы, и на верфи. Ходить с ним вместе я не могу, а если он будет без меня — вы понимаете, какие это вызовет разговоры. Поэтому будет лучше, если он сюда не приедет»⁵⁵. В итоге, местом свидания был избран Ревель. «Там была военная гавань, чрезвычайно удобная для встречи... английской эскадры. Там легко было и остальные торжества организовать так, чтобы пребывание монархов на суше было сведено к минимуму... все без исключения торжественные приемы должны были происходить на судах русской и английской эскадры. Никто из террористов, которые захотели бы организовать покушение на жизнь высоких

особ, не мог приблизиться к ним на сколько-нибудь близкое расстояние»⁵⁶, — отмечал А.В. Герасимов, возглавлявший в тот период Петербургское охранное отделение.

Впрочем, командир отряда Охранной агентуры, непосредственно отвечавшей за безопасность императора, небезызвестный А.И. Спиридович жестко критиковал организацию морской охраны, подведомственной царскому флаг-капитану адмиралу К.Д. Нилову. Опытный жандарм сравнивал ее непрофессиональные и неуклюжие действия с четкими и продуманными мерами шведской морской охраны, которые он наблюдал во время государственного визита Николая II в Стокгольм летом того же 1909 г. для встречи с королем Густавом V. В докладе своему начальнику дворцовому коменданту В.А. Дедюлину он вынес суровый вердикт, что российские моряки «в охране ничего не смыслят!! И, как ни страшно, дело охраны ни в грош не ставят! Глупость и мерзость!»⁵⁷. Данная критическая оценка возможностей защиты императорской яхты с моря, особенно в таких оживленных и плохо контролируемых местах как Босфор и стамбульский рейд, не могла не повлиять на настроения руководства службы личной охраны последнего русского самодержца. Именно неуверенность в максимально обеспеченной безопасности маршрута заставила царя и его окружение в 1909 г. окончательно отказаться от посещения Константинополя.

Изначально, кстати, серия визитов по обсуждаемому южному маршруту планировалась в рамках именно семейного путешествия. Однако, роковая болезнь наследника (как свидетельствуют «ливадийские» фотографии 1909 г., Алексей, по-видимому, из-за полученной травмы ходил тогда с перевязанной рукой) и сильное недомогание самой императрицы заставили отказаться от подобного формата⁵⁸. 18 сентября 1909 г. царь лично выбрал наземный путь, окончательно исключавший Балканы и пролежавший через Германию и Францию в обход Австро-Венгрии, отношения с которой оставляли желать лучшего, а также Швейцарии, как традиционного центра русской революционной эмиграции⁵⁹. Чуть позже, 26 сентября, министр императорского двора В.Б. Фредерикс передал А.П. Из-

вольскому, что «государь император повелеть мне соизволил сообщить Вам, что его величеству угодно проследовать через территории других стран в полном инкогнито»⁶⁰.

В окончательном варианте то масштабное турне по нескольким странам, которое было призвано стать яркой демонстрацией внимания к региону со стороны династии и правительства Российской империи для всех местных политических сил и иностранных наблюдателей, урезалось до закрытого, полусекретного, кратковременного вояжа русского царя в гости к итальянскому королю. Мотивы данного решения Николая II можно попытаться объяснить и с учетом семейного фактора: сопровождение семьи и большой свиты укладывалось в логику планировавшегося черноморско-средиземноморского путешествия, где важно было помпой и блеском произвести внешний эффект. Однако отсутствие супруги и детей, особенно после летних визитов в Англию и Францию, где они находились в центре внимания, при предполагаемом посещении Балкан, включая Константинополь, могло быть истолковано в невыгодном ключе для российских интересов. Вполне вероятно, что монархи, различные политические группировки и пресса стран региона расценили бы это как принижение собственного статуса со стороны петербургского кабинета. Поэтому, возможно, чтобы избежать ненужных интерпретаций, царь решительно вычеркнул «балканские варианты».

Совокупность факторов великодержавного престижа, безопасности императора, внешнеполитической конъюнктуры в итоге сыграли против визита Николая II в Константинополь, хотя первоначальные ожидания и расчеты рисовали вполне радужную перспективу, сравнимую с эффектом предшествующих посещений Англии и Франции. К лету 1909 г. в отношениях между Российской и Османской империями существовало огромное количество тем для переговоров. Причем не затрагивая особо животрепещущие и острые проблемы, в ходе визита возможно было бы для начала разрешить вопросы меньшей значимости, но тем не менее осложнявшие двусторонние связи, прежде чем обсуждать предметы стратегической важности. Благодаря сближению позиций обеих стран в период

Боснийского кризиса по отношению к аннексионному шагу Австро-Венгрии появилась база для выстраивания диалога в русле обеспечения взаимной безопасности, вероятно, в духе повторения Ункяр-Искелесийского соглашения 1833 г. Казалось, перенесение переговоров на высший уровень с участием первых лиц обеспечит необходимый прорыв. Но к тому времени внешнеполитические решения и в Российской, и Османской империях зависели не только от монархов и ограниченного круга их советников и исполнителей. Революции внесли серьезные изменения во внутривнутриполитический баланс сил и в механизм принятия решений: правительственным кабинетам и России, и Турции приходилось принимать во внимание реакцию различных общественных групп, партий и настроения народных масс в целом. Эти мнения и влияния деформировали изначальные планы и расчеты дипломатов не в меньшей степени, чем заявленная угроза крупномасштабного теракта против Николая II.

Активно педалируемая же опасность возможного цареубийства именно в контексте морского путешествия Николая II на юг заставляет видеть здесь не просто низовую инициативу радикалов-экстремистов. Во время посещения летом 1909 г. царем Англии и Франции столь остро вопрос обеспечения его безопасности, как ни странно (особенно в свете случившегося в Париже буквально накануне скандала с разоблачением революционным журналистом В.Л. Бурцевым руководителя Заграничной агентуры А.М. Гартинга), не стоял в отличие от проекта визита в Константинополь. Численность группы на Босфоре, которая предназначалась для покушения, ее многонациональный состав требовали как серьезных финансовых вливаний, так и основательной конспиративной организационной работы, что могли обеспечить либо партии с именем и репутацией как эсеры, либо государственные структуры, но не разношерстные анархо-коммунистические группки. Вместе с явно лояльным отношением к ним со стороны местной администрации это заставляет все же увидеть здесь некое внешнее влияние. Однако на данный момент для ответа на вопрос, кто стоял за угрозой теракта — Англия или Германия, как державы

наиболее вовлеченные в конкуренцию с Россией в зоне Проливов, — и соответственно был заинтересован в срыве царского визита, не имеется достаточно данных.

Все многочисленные причины отказа от визита в Константинополь, а точнее соответствующие моменту их видение и оценка, свидетельствовали о явной и неявной роли внешних и внутренних ограничителей, которые все больше оказывали влияние на имперское руководство иностранной политикой, начиная непосредственно с императора и министров и заканчивая представителями МИД на местах и оперативными сотрудниками МВД. Неудача с организацией визита подтверждала также невозможность изменения политического лица Турции и направления ее политики новым режимом, на которое так надеялся Чарыков, лоббировавший идею посещения русским царем Константинополя. Бывшему послу лишь оставалось на склоне лет досадовать на отказ Николая II от посещения столицы Османской империи и придавать этому событию роковой характер: «Я убежден, что подобный визит в Константинополь не только обеспечил бы серьезную базу для преобладания Тройственного согласия в Константинополе, но возможно даже предотвратил бы присоединение Турции к Германии в Великой войне»⁶¹. В свете последующей неудачной попытки самого Чарыкова инициировать процесс пересмотра режима Проливов в 1911 г., его раздражение вполне понятно, хотя при наличии того количества неизвестных при царском путешествии в Средиземное море отказ видится вполне логичным. На Балканах, включая Константинополь, вояж Николая II ожидало бы слишком большое число акторов с противоречивыми интересами и взаимными претензиями. Ответить на все апелляции к русскому царю как арбитру положительно не имелось возможности, что соответственно грозило скомпрометировать фигуру императора в глазах балканских элит и народных масс. Поэтому во внешнеполитическом руководстве страны при значительном личном участии Николая II и было принято решение ограничиться только максимально закрытой поездкой в Италию, где гарантировался конкретный результат.

Примечания

¹ В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2003; История дипломатии. Под ред. В.М. Хвостова. Т. 2. М., 1963; *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985.

² *Лунева Ю.В.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907–1914). М., 2010; *Jelavich B.* Russia's Balkan Entanglements. Cambridge, 1991; *Rossos A.* Russia and the Balkans. Toronto, 1991.

³ *Мультатули П.В.* Внешняя политика императора Николая II (1894–1917). М., 2012; *Низалова Е.В.* Конец династической дипломатии России: заграничные поездки императора Николая II в 1896–1909 гг.: по материалам российской и европейской прессы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб, 2007; *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб, 1991.

⁴ *Никольсон Г.* Дипломатия. М., 1941. С. 47–48.

⁵ *McLean R.R.* Royalty and Diplomacy in Europe, 1890–1914. Cambridge, 2001. P. 186; *King G.* The Court of the Last Tsar. Pomp, Power, and Pageantry in the Reign of Nicholas II. Hoboken, 2006. P. 419, 428–432.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 340. Коллекции документальных материалов из личных фондов. Оп. 834. Личный архив А.А. Савинского. Д. 27. Л. 206–207.

⁷ *Авдеев В.Е.* Александр Петрович Извольский // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 75–76.

⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1909 г. Д. 44. Л. 136; *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 13–15.

⁹ *Чернов О.А.* К вопросу о «схеме» соглашения России с Германией 1909 года // Вестник Самарского Государственного Педагогического Университета. Вып. 3. 2007.

¹⁰ *Tcharykow N.V.* Glimpses of High politics. Through war and peace. 1855–1929. L., 1930. P. 273.

¹¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1909 г. Д. 190. Л. 24. Частное письмо И.А. Зиновьева к Н.В. Чарыкову, 8(21) мая 1909 г.

¹² Российский Государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1012. Оп. 1. Д. 50. Л. 173. Письмо П.С. Боткина к В.Н. Орлову, 8(21) марта 1909 г.

¹³ *Tcharykow N.V.* Op. cit. P. 274.

¹⁴ *Чернов О.А.* Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова. Самара, 2010. С. 131–132.

¹⁵ См.: *Куцаров П.* Независимость Болгарии и русская дипломатия (1908)// Международная жизнь. 1998. № 8.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1909 г. Д. 187. Л. 8.

¹⁷ Там же. Д. 198. Л. 13–13 об., 41.

¹⁸ Там же. Д. 214. Л. 2.

¹⁹ Там же. Д. 198. Л. 61.

²⁰ Там же. Д. 199. Л. 2–3; *Tcharykow N.V.* Op. cit. P. 275–276.

²¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1909 г. Д. 199. Л. 4–5, 9.

²² Там же. Л. 41.

- ²³ Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. М., 2010. С. 332–333.
- ²⁴ Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990. С. 480.
- ²⁵ См.: Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. М., 1961; Алексеева И.В. Оппозиция Его Величества. Дума, царизм и союзники России по Антанте в эпоху П.А. Столыпина 1907–1911 гг. СПб, 2004.
- ²⁶ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1909 г. Д. 199. Л. 15, 22.
- ²⁷ Там же. Л. 25.
- ²⁸ Там же. Л. 30.
- ²⁹ Там же. Л. 31.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 835. Личный архив А.П. Извольского. Д. 53. Л. 9 об; там же. Оп. 861. Личный архив И.А. Зиновьева. Д. 133. Л. 23–24; там же. Д. 110. Л. 2–4;
- ³¹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1909 г. Д. 199. Л. 30.
- ³² Там же. Л. 33–34.
- ³³ Там же. Д. 214. Л. 2 об.
- ³⁴ Саблин Н.В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб, 2008. С. 180.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 834. Личный архив А.А. Савинского. Д. 27. Л. 207 об.
- ³⁶ Tcharykow N.V. Op. cit. P. 275.
- ³⁷ Киреев А.А. Указ. соч. С. 335.
- ³⁸ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1909 г. Д. 199. Л. 38.
- ³⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 601. Николай II. Оп. 1. Д. 254. Л. 131–134.
- ⁴⁰ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3827. Л. 3.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел департамента полиции (ОО ДП). Оп. 239. 1909 г. Д. 152. Л. 89–90.
- ⁴² Там же. Л. 229.
- ⁴³ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. 1909 г. Д. 199. Л. 8. Секретная телеграмма Н.В. Чарыкова в МИД, 17 (30) июля 1909 г.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. ОО ДП. Оп. 239. 1909 г. Д. 152. Л. 234, 239.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 290. Л. 13–13об; См. также: Интернет-проект «Хронос» - http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19090926.html
- ⁴⁶ Там же. Оп. 239. 1909 г. Д. 238. Л. 245.
- ⁴⁷ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3826. Л. 6.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. 102. ОО ДП. Оп. 239. 1909 г. Д. 152. Л. 361.
- ⁴⁹ Там же. Л. 295.
- ⁵⁰ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3826. Л. 4–4 об., 13–14.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. 102. ОО ДП. Оп. 239. Д. 152. Л. 324.
- ⁵² Там же. Л. 334–335.
- ⁵³ Там же. Л. 365.
- ⁵⁴ Там же. Д. 238. Л. 396; РГИА. Ф. 472. Канцелярия министерства императорского двора. Оп. 45. Д. 76(а). Л. 12. О путешествии его величества в Италию, в октябре 1909 г. (Ракониджи); Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 2002. С. 157.

⁵⁵ *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 124.

⁵⁶ Там же. С. 124–125.

⁵⁷ Цит. по: *Колоколов Б.Г.* Жандарм с царем в голове. Жизненный путь руководителя личной охраны Николая II. М., 2009. С. 233–234.

⁵⁸ *Зимин И.В.* Визит Николая II в Италию в 1909 г. // Россия – Италия: Общие ценности. СПб, 2011. С. 197.

⁵⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 76(а). Л. 12. О путешествии Его Величества в Италию, в октябре 1909 г. (Ракониджи).

⁶⁰ Там же. Л. 39.

⁶¹ *Tcharykow N.V.* Op. cit. P. 276.

*Ольга Владимировна
СОКОЛОВСКАЯ*

ГРЕЧЕСКАЯ КОРОЛЕВА ОЛЬГА И ЕЕ ДЕТИ: НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Великая княжна Ольга Константиновна, ставшая в 1867 г. королевой эллинов¹, принадлежала к романовской семье Константиновичей, возможно, наиболее симпатичной из всех Романовых XIX — начала XX вв. Особенно теплые и доверительные отношения были у греческой королевы с отцом, великим князем Константином Николаевичем, и младшим братом, великим князем Константином Константиновичем². Данная статья во многом строится на письмах Ольги Константиновны к этим двум адресатам.

Греческий король Георг I³ и королева Ольга⁴ — родоначальники второй и последней греческой династии Глюксбургов, родили восьмерых детей, но одна девочка, Ольга, умерла в возрасте восьми месяцев. Остальные дети — пятеро сыновей: Константин (1868—1923), Георг (1869—1957), Николай (1872—1938), Андрей (1882—1944) и Христофор (1888—1940) и две дочери: Александра (1870—1891) и Мария (1876—1940) — составляли главную заботу семейной жизни королевской четы.

Первый ребенок родился в Афинах в августе 1868 г., т.е. спустя год после женитьбы 23-летнего греческого короля Георга I на 16-летней великой княжне Ольге. Отец Ольги, великий князь Константин Николаевич, отпустил к рождению первого внука свою жену, мать Ольги великую княгиню Александру Иосифовну (1830—1911), и старшего брата Ольги Николая (Николу, как его звали в семье)⁵, которые пробыли с ней около пяти месяцев. Ольга благодарила отца за это. «Теперь я счастливая мать! — писала она любимому отцу. — Что это за благо-

словенное слово, и что за неописанное счастье вдруг посетило нас! Я так благодарна милой маме. Она нам так помогала и утешала Вилли (король Георг I. — *О. С.*). Вилли мой ужас, как счастлив, и у меня каждый раз наворачиваются слезы на глаза, когда я их вижу вместе. Милый, милый мой папа, как тебя благодарить за то, что ты отпустил ко мне маму, милого Никола (который так был мил и добр)... Обнимаю Тебя, милейший дедушка-папа. От всей души, любящая тебя, счастливая дочь Ольга»⁶. И в следующем письме к отцу юная королева пишет: «...В эти минуты почувствовала я ничтожество мое перед Господом; Он мне дал все, что только может осчастливить человека, и как мне благодарить Его за все это!»

Кронпринц был назван Константином в честь отца Ольги Константиновны, а для греков, как писала Ольга, «потому что невольно оно (имя. — *О. С.*) заставляет думать о славе Византийского Государства, и не только о прошедшем, но ...мечтать и о будущем!»⁷ Известно, что греки всегда мечтали о создании Великой Греции, наподобие Византии, со столицей в Константинополе, а последним византийским императором был Константин Палеолог XII⁸. Константин принял крещение в конце августа 1868 г. Об этом событии великому князю в подробностях написала его жена Александра Иосифовна. Ольга лишь добавляла детали: «Я из окна смотрела на шествие, это было, право, очень красиво, и очень, очень трогательно. Потом прискакал ко мне Колокотрони⁹ объявить, что наш новый душка христианин вынут из купели. Я сейчас же написала тебе депешу, чтобы объявить первой тебе нашу радость. Никогда еще не случалось, чтоб у русской великой княгини за границей было бы православное дите, и я не могу достаточно оценить мое счастье»¹⁰. Маленький Константин не мог, как писала позднее Ольга, выговорить свое имя и называл себя «Тино». Ей ужасно не нравилось это имя, но так его стали звать в семье и все царственные родственники. Константин стал первым Глюксбургом, который родился в Греции.

Юная королева была полностью подчинена взглядам на воспитание детей своего мужа Вилли¹¹, датчанина по рождению, который стремился воспитать их, с одной стороны,

в прозападном духе, с другой — патриотами Греции. Русский язык не входил в программу их обучения, тем более что все няньки, гувернантки и гувернеры были специально выписаны из Англии и Германии. Поэтому с детьми Ольга говорила по-английски, по-гречески, затем по-датски, по-французски и реже по-немецки. Так, она сообщала отцу: «С Костюшкой я болтаю по-английски, потому что нянька англичанка и поневоле, говоря с ней, я приучаюсь и с Костюшкой болтать по-английски»¹². Ольга пробовала говорить с Константином по-гречески, но сама еще знала этот язык недостаточно хорошо и пугалась своего произношения, но все же целенаправленно старалась говорить с ним и по-гречески. Она сама брала уроки у секретаря своего супруга и вскоре вполне освоила не только язык, на котором говорил правящий класс Греции («кафаревусу»), но и народный — «димотики», ставший в начале XX в. общенародным, а в конце XX в. — государственным. Дети росли, говоря сразу на нескольких языках. Ольга писала отцу, что «Костя болтает по-английски», а Георгий «по-гречески капризничает и боится только своего папа, а больше никого»¹³.

Молодая королева остроумно описывала характеры и поведение детей. О Константине: «Нянька с ним сладить не может, такой он петух! Все надо, чтоб происходило по его воле, а то беда, он кричит, бьет ее и рвется прочь, что она насилу его может удержать на руках. Это просто беда, потому что он еще слишком мал, чтобы понимать наказание. Но все же при этом он так мил, что просто прелесть. Он ужасно любит Willy, и только что он входит, не хочет возвращаться назад к няньке»¹⁴.

Королева Ольга, в отличие от бездетной королевы Амалии (жены свергнутого короля Оттона)¹⁵, постепенно стала все больше пользоваться любовью простых греков, которые гордились рождением на Корфу в июле 1869 г. второго наследника — Георгия, принца Корфского. «Радость была опять велика здесь при рождении Георгия, — писала она отцу. — Им все хочется мальчиков, а не девочек; и право, это редкое счастье для Греции! За то они долго ждали и долго страдали»¹⁶. Вскоре дочь-королева пишет отцу: «Мой милый папа! Константин уже начинает ходить и даже делает несколько шагов совер-

шенно один, без помощи. Ах, слов нет, как он брата своего до сих пор терпеть не может и сердится, когда маленький пищит или плачет. Я не могу тебе сказать, милейший мой папа, с какою радостью я ожидаю минуты нашего свидания, и как я счастлива показать тебе моих детушек, чтоб ты их обнял и благословил»¹⁷. Великий князь Константин Николаевич посетил Афины в 1869 г.

Через год на Корфу родилась девочка, которую назвали Александрой (Alìx, Аликс) в честь матери Ольги и сестры Георга, будущей английской королевы Александры¹⁸. Ольга писала отцу: «Милейший мой папа!... Наша маленькая душка растет и становится милее с каждым днем, хотя она и с первой минуты была душка! Мы назвали ее Александрой, по мама, а называем ее Аликс, по сестре Вилли. Ты себе вообразить не можешь, милый папа, как я была счастлива иметь дочку, я этого так желала, но не ожидала! ...Послезавтра будут крестины»¹⁹. К Ольге вновь приехала мать, и они вдвоем наслаждались детьми. Ольга писала отцу: «Подле меня сидят оба мальчика и болтают без умолку, так что немного трудно писать. Ты себе представить не можешь, милый папа, что они за буяны, они бегают, кричат, лазают на все стулья, так что с ними страшная возня. Маленькая Аликс ужасно мила, она уже бегает по всем комнатам, как будто птичка летает. У нее манеры, как у маленького круглого котенка; мама все с ней играет и возится и восхищается ею. Дети очень много остаются с нами»²⁰.

1 (13) февраля 1872 г. Ольга поздравляла отца уже с третьим внуком, которого назвали в честь дедушки Ольги Николаем (Ники)²¹. «Я очень желала иметь девочку, милый папа, но и мальчику я очень рада и благодарю Бога за нового душку беби. Ведь это всегда такая радость, рождение ребенка, что все равно, мальчик ли он, или девочка. Он премиленький маленький пипс, и ужасно длинный, но голова у него небольшая, гораздо меньше, чем у других. Хотя ему только 3 недели, он смотрит по сторонам, как будто понимает. Мальчики его очень любят и целуют каждую минуту, а Аликс пренебрегает им и называет его «boy». Она говорит только несколько слов еще, но при этом она так умна и так хорошо объясняется жестами, что просто умо-

ра. Она все становится милее и милее, ты бы ее просто скушал, милый папа. У нее шейка такая прелесть, что я не могу наглядеться, и каждое ее движение так мило. На днях я вздумала сделать всем сюрприз и попросила ...сшить ей маленький костюм маркизы, розовый на голубом. Перед обедом она вдруг вбежала в комнату, и мы все просто вскрикнули от восхищения, такая она была душка. Она сама громко смеялась и бегала по комнате, это они все очень любят, бегать вокруг стола один за другим. Вчера я в первый раз была на балконе полчаса, потому что погода была великолепная и просто жаркая. Это всегда так, у нас или холод, или, когда солнце покажется, то оно сейчас же жжет. Вчера я также в первый раз обедала со всеми. Скоро предстоит нам разлука (с матерью. — О. С.), это будет ужасно, и больно подумать! Вот скоро уже 5 месяцев, что мы живем вместе, и когда они уедут, то это будет вдвойне чувствительно, что мы живем так далеко ото всех. Если бы только не надо было вечно прощаться на сем свете, это просто страдание!»²².

Пока первые дети росли, хорошели, начинали бегать, рождались их братья и сестры, которые вскоре составили огромную дружную семью.

Ольга писала отцу в феврале 1873 г.: «Маленький наш Ники только что начинает ходить. Старших я учу разным греческим (героическим) песням *«les chansons heroïques»*, что Тино очень любит... Он делает при этом удивительные вопросы...особенно, за что дрались греки с турками, так я ему объясняю, как могу». Вскоре появились гувернеры. Одним из них, например, был профессор археологии д-р Людерс (Luders). До этого он был в Афинах секретарем при немецком посольстве, потом директором немецкой Археологической школы, после чего он был вызван обратно в Берлин, а затем назначен генеральным консулом в Одессе, куда король написал ему, предложив заняться воспитанием его сыновей. Людерс был женат на гречанке и отлично говорил по-гречески²³.

Зато православным канонам в самом начале король позволил обучить детей самой Ольге, а затем, конечно, появились во дворце греческие священники. 5-летняя Alix спрашивала королеву после обедни: «Are we all holy now, because we have been

in that church?»²⁴. Ольга писала отцу: «На Страстной неделе мы все говели. В этот раз Georgy исповедовался в первый раз, а Тино во второй. ...Я приготавливала их и говорила с ними, сколько могла и как умела, о важности и святости исповеди и причастия. Мне так бы хотелось, чтобы их детское говенье оставило бы в них то же глубокое впечатление и воспоминание, как и во мне. Я помню, что никто меня так хорошо не приготавливал и не настраивал мою душу (если можно так выразиться), как ты, милейший мой папа»²⁵.

Воспитывали детей в строгости. Сохранились рисунки маленького Константина, где изображен дворец со множеством комнат, и почти везде стоит слово «охи», что по-гречески означает «нет». И другой, где сидят за столом король и королева (в коронах) и перед ними маленький мальчик, и они говорят: «Мы тобой не довольны!» Тем не менее, природа брала верх, и, по воспоминаниям современников, многие из детей были ужасные проказники, особенно Георгий, что сыграет с ним в будущем плохую роль²⁶. А российский посланник М.К. Ону²⁷ вообще недолюбливал сыновей Ольги, особенно повзрослевших, и, говоря о короле, он добавлял иногда с особенным ударением: «И его “очаровательные” сыновья»²⁸.

Дети растут быстро, и уже в январе 1879 г. Ольга писала отцу: «Ты бы удивился, милый Папа, если бы Ты мог видеть, как дети уже ездят верхом, их еще не выпускали из манежа, но в манеже они ездят молодцами. Аликс и Ники также делают успехи, но они начали гораздо позже. В этом году у нас выпало ужасно много снега, и было очень холодно. Беби никак не хотела верить, что снег — вода, и настаивала на том, что это шерсть...»²⁹.

В 1880 г. на свет появилась крупная синеглазая девочка, которую назвали Ольгой. Радости не было предела, и подросшие пятеро детей сразу приняли свою новую сестричку. Ольга писала отцу: «Они ужасно любят ее и любят ее, как чем-то совсем необыкновенным и почти таинственным. Надо видеть, когда ее купают, и они все стоят кругом и любят ее. А когда я ее держу на руках, я просто блаженствую!»³⁰. Через восемь месяцев девочка умерла, и это было первое непереносимое горе в королевской семье. В 1882 г. родился Андрей, который,

по всеобщему мнению, был очень похож на Ники. Ольга писала отцу: «Было и “радостно и горестно”, так напоминало рождение маленькой Ольги, седьмой ребенок, и шестого уж не было с нами! На другой день Georgy сказал мне с таким милым выражением в своем добром лице: «Now, Mama, you have got your half-a dozen again!»³¹

Последним ребенком королевской четы был принц Христофор, родившийся в 1888 г. в Павловске. Ему Ольга посвящала больше всего внимания, много читала Библию, чтобы он рос благочестивым. Ольга любила брать Христофора с собой в Россию, где он играл с младшими детьми ее брата, великого князя Константина Константиновича. (Поэт К.Р. пишет А.А. Фету: «У нас в Павловске гостит моя старшая сестра... С нею ее младший ребенок Христофор, здешний павловский уроженец. Он годом моложе моего второго сына. Мальчики вместе играют, не понимая друг друга, и то дерутся, то целуются»³².) Ольга даже учила Христофора русскому языку. Она писала брату: «Сегодня моему маленькому Христофору минуло 8 лет — храни его Господь! Уже 8 лет с того памятного дня в родном Павловске! Он такой прелестный ребенок! Я учу его читать по-русски, и он учится охотно. Раз он спросил меня, гораздо ли больше букв в русской азбуке, чем в греческой, и глубокомысленно прибавил: «Конечно, Россия такая большая, что она должна иметь много букв!!»³³.

В то время как у принца Христофора еще резались первые зубки, старшие дети собирались покинуть Афины, создав свои семьи. В мае 1889 г. 38-летняя Ольга писала из Афин брату великому князю Константину Константиновичу, забыв даже поздравить его с назначением «председателем Академии наук»³⁴ (затем она, конечно, напишет ему, прибавив: «Оно уж чересчур важно!»³⁵): «Я нахожусь в каком-то странном настроении — трудно в нем разобраться, но мне кажется, что я более чем когда-либо ощущаю, как все стремится вперед; томительное чувство непостоянства и постоянных перемен. Большею частью я стараюсь не думать об этом, но часто мне становится тяжело и грустно, тогда я прибегаю к молитве и утешаю себя мыслью, что такова жизнь и так быть должно. Тино и Аликс

уже не встретятся здесь под родительским кровом, как до сих пор: для них кончился период детства. Но перед ними стелется жизненный путь, усеянный цветами (ах, и дай Бог, чтоб он был таков!!), и им переход к новой жизни легок. Это нам тяжело видеть, как расстраивается гнездышко и птенчики начинают, не таясь, летать самостоятельно и вить свои собственные гнезда; во всем решительно есть и грустная, и радостная сторона. Так и здесь надо сперва побороть свою грусть и потом радоваться их радостью! С моей грустью я могу сладить, но мне так больно, так больно за Вилли, кот[оро]го и утешать нельзя, он не поддается утешениям...»³⁶.

В середине мая 1889 г. греческая королевская семья отправилась в Россию на бракосочетание старшей дочери принцессы Александры. Ольга писала брату Константину: «С каждым днем чувствуешь..., что отъезд Аликс приближается — она начинает томиться; каждый день почти приходится с кем-нибудь прощаться. Мне так ее жаль, просто сказать не могу; я ведь сама знаю, что это такое. Вчера она говорила, до какой степени надо любить человека, чтоб для него покидать все, что всего ближе и дороже. Тр[етьего] дня мы вдвоем принимали всех дам, более 200, кот[орые] приходили проститься с ней и пожелать ей всякого счастья; они были замечательно сердечны и милы; завтра мы принимаем всех мужчин. Тяжелые это дни!!»³⁷

Через две недели греческая семья уже прибыла в столицу России и остановилась в Стрельне. В июле 1889 г. в Соборной церкви Зимнего дворца в присутствии императора Александра III было совершено бракосочетание великого князя Павла Александровича³⁸ (родного брата Александра III) с дочерью короля эллинов королевною Александрой Георгиевной. Александра отныне станет великой княгиней с титулом императорского высочества. В честь новобрачных был дан торжественный обед и концерт, которым дирижировал сам Е. Направник³⁹. Концерт открывался увертюрой из оперы Глинки «Руслан и Людмила», звучала также музыка Чайковского, Вагнера, Россини, Кюи, Рубинштейна и др. Ольга сохранила меню обеда, украшенное рисунками художника Гриценко⁴⁰ из жизни древних греков. На свадьбе присутствовал и знаменитый поэт

А.А. Фет, написавший по этому случаю вполне искренние восторженные стихи⁴¹:

*«На бракосочетание их императорских высочеств
великого князя Павла Александровича и
великой княгини Александры Георгиевны»:*

*Не воспевай, не славословь
Великокняжеской порфиры,
Поведай первую любовь
И возвести струнами лиры:*

*Кто сердце девы молодой
Впервые трепетать заставил?
Не ты ли, витязь удалой,
Красавец, царский конник, Павел?*

*Созданий сказочных мечту
Твоя избранница затмила,
Трех поколений красоту
Дочь королевы совместила.*

*Суля чете блаженства дни,
Пред ней уста немеют наши,
Цветов, влюбленных, как они,
Двух в мире не найдется краше.*

Судьба Александры, красивой и веселой, которая блистала при дворе, сложилась трагически. Всего через три года после свадьбы, 12 сентября 1891 г., она умерла от родовой горячки после благополучного рождения второго ребенка, великого князя Дмитрия Павловича, и королева Ольга едва успела приехать в Ильинское⁴², чтобы закрыть глаза старшей дочери. Вскоре овдовевший великий князь Павел Александрович, вступивший в морганатический брак, был лишен отцовства. Великий князь Сергей Александрович⁴³ и его супруга Элла⁴⁴ были назначены опекунами над двумя сиротами, внуками Ольги — Марией и Дмитрием, которые вошли в историю: великий князь Дмитрий Павлович — друг Феликса Юсупова, став од-

ним из убийц Григория Распутина; Мария, оказавшись после революции 1917 г. в эмиграции, как замечательный дизайнер по кружевам, соратница Коко Шанель.

Через год, в 1889 г. кронпринц Константин женился на родной сестре кайзера Германии Вильгельма II Софии⁴⁵ по большой взаимной любви (кстати, оба они были праправнуками российского императора Павла I). С ней он познакомился, обучаясь военному делу в Германии. София вскоре даже приняла православие и была идеальной женой и матерью. Королева Ольга писала брату Константину: «Итак, Тино женат; любо, весело смотреть, как он доволен — весь сияет. Жена его с первой же минуты мне ужасно понравилась — она такая душ-ка, гораздо милее своих фотографий, и воплощенная женственность и кротость... Я чувствую, что она будет для меня, как собственный ребенок, и Тино, кажется, это чувствует и тихо этому радуется — он такой хороший и как она его любит! Однако мне кажется, что я заведенная машина, кот[орая] ходит сама собою, — просто не успеваешь в себя прийти от наплыва впечатлений, чувств и постоянного водоворота»⁴⁶. Несмотря на то, что принц Константин получил хорошее военное образование в Германии и даже служил в прусской армии, в первой греко-турецкой войне 1897 г., где он был главнокомандующим греческой армией, он не сумел проявить таланта, и война была проиграна в кратчайший срок, получив название «30-дневной». Только великие державы спасли Грецию от полного разгрома и унижения. Особую роль сыграла политика России и особенно ее министра финансов С.Ю. Витте⁴⁷.

В период двух Балканских войн 1912–1913 гг. повзрослевший кронпринц Константин вновь командовал перевооруженной греческой армией, которая, вместе с союзниками — Сербией, Болгарией, Румынией и Черногорией, успешно воевала с турецкой армией, несмотря на то, что последняя была обучена немецкими инструкторами. Ольга могла гордиться успехами своего первенца.

Во время Первой балканской войны в марте 1913 г. в только что занятых Салониках, которые перешли к Греции, был убит греческий король Георг I, и старший сын Ольги стал королем

Греции Константином I. В Салониках стоит замечательный памятник Константину-победителю. Его потомки будут наследовать греческий престол еще несколько десятилетий. Королями Греции станут его сыновья — Александр I, Георг II и Павел I. А его дочь Елена станет женой румынского короля Кароля II и матерью Михая I.

После возвращения новой королевской четы в Афины Ольга ощутила резкую перемену к ней со стороны королевы Софии. Ольгу Константиновну немедленно выселили, несмотря на завещание Георга I, из любимых комнат, а вскоре холодность молодой королевы заставила ее вообще уехать из Греции. Вторую половину 1913 г. Ольга провела вне Греции, а в июле 1914 г., за несколько дней до начала Первой мировой войны, она оказалась в России, где прожила более пяти лет, пережив страшные годы крушения монархии и гибель почти всей семьи Константиновичей. Трагична была судьба самого Константина I, который, заняв прогерманскую позицию, стремился оставить страну в состоянии нейтралитета, что резко расходилось с политикой влиятельного премьер-министра Элефтериоса Венизелоса и привело к серьезному политическому расколу в стране. В 1915 г. державы Антанты без согласия греческого короля высадили англо-французский десант, открыв таким образом новый Салоникский фронт. Из-за своей прогерманской позиции в 1917 г. королю Константину I пришлось даже покинуть страну, оставив трон своему сыну Александру. Но королем Александром I он был совсем недолго, трагически скончавшись от укуса больной обезьянки из королевского питомника. Ольга вернулась в Афины, похоронила внука и стала на время правительницей Греции. Она дождалась возвращения в декабре 1920 г. в Афины старшего сына, который вновь стал королем Константином I. После провала Греции в авантюрной войне с Турцией в сентябре 1922 г. Константин вынужден был вторично покинуть страну, оставив трон своему второму сыну Георгу (Георг II). Прожив в изгнании три года, Константин умер еще не старым человеком в Палермо в Италии в январе 1923 г.

История со вторым сыном Ольги, принцем Георгием (Джорджи), также была непростой. В октябре 1890 г. стало из-

вестно, что, с разрешения императора Александра III, 21-летний принц Георг составит компанию 22-летнему российскому цесаревичу Николаю в длительном плавании на Дальний Восток на фрегате «Память Азова». Ольга была в восторге, так как она надеялась на морскую карьеру Джорджи в России. «Представь себе, — писала Ольга брату в октябре 1890 г., — что за восторг, что Georgy будет плавать с моим экипажем, в котором он записан, и на «Памяти Азова»; идеальное судно, последнее слово науки, названное «Азовом» в память того судна, кот[орое] дралось за независимость Греции...! О разлуке с милым мальчиком я еще не хочу думать — успею! ... Да будет с ними благословение Божие!»⁴⁸

В ноябре 1890 г. «Память Азова» пришвартовалась в Пирее. Греческая королева писала брату из Афин: «Мы ездили во вторник в Татой (летнюю резиденцию греческой семьи. — О. С.), а в среду вернулись опять сюда, встречать нашего дорогого цесаревича (Николая. — О. С.), его народ встретил превосходно; чему я очень обрадовалась — его любят здесь; что он за милейший мальчик! И Georgy тоже! Жаль, что они не могут у нас остаться дольше недели... Сегодня приходили первые матросы с «П[амяти] Азова»»⁴⁹.

Время оказалось очень насыщенным разными событиями, но главным для греческой королевы стало то, что ей удалось выбрать время для разговора по душам (как она любила) с наследником российского престола Николаем (будущим императором Николаем II), и они очень сблизились. Николай всегда почитал и уважал греческую тетушку, что не раз позже выручало Грецию и спасало греческую династию. Эти дни она так описывала в письме к брату Константину: «Прелесть моя! Они все уехали... У нас стало пусто и грустно; я думала, что я буду больше горевать, чем оказалось, — предвкушение разлуки и минута прощаний были ужасны, а теперь я спокойна — грустна, да, но как-то благоразумно — я чувствую, что я подвигаюсь в жизни и что не должно идти вперед, повесив нос, а бодро и если можно весело...

Какая была странная неделя!! В пятницу вечером простившись со всеми, мы поднялись наверх, и Ники оставался еще

долго у меня, и мы поговорили по душе... Что это за милейший, чудный мальчик, что за чистота и честность, кот[орая] сквозит через все, и какой он простой и скромный — я его страшно люблю, двойною любовью, родственною и патриотическою... В пятницу был большой бал у нас — было очень весело, я танцевала котильон с Басаргиным (кап. 2-го ранга В.Г. Басаргин, будущий вице-адмирал Российского флота. — *О. С.*); в воскресенье бал у франц[узского], а в понедельник у русс[кого] посланников: все три дня было очень весело, несмотря на усталость — по-моему всего веселее было у Ону, вероятно, пот[ому, что] я без зазрения совести могла танцевать исключительно с нашими милыми моряками...; сколько симпатичных офицеров на “Азове” и на “Мономахе”!»...

На другой день мы всей семьей провожали Аликс и Павла до Коринфа; ужасная была минута прощанья — бедная девочка заливалась слезами — это мне болезненно напомнило мои прощанья с родиной!!!!!!

На возвратном пути мы уютно уселись в одном вагоне все; я сидела в углу между Ники и моим Georgy; сперва шел общий разговор, когда иссякли наши слезы; потом все понемногу стали засыпать, утомленные балами и душевной тревогой; милые мальчики прислонили головы к моим плечам и отлично заснули; я сидела смирнехонько, чтоб не разбудить их, и... смеялся надо мною, глубоко наслаждалась, чувствуя их близость, зная, что на другой день нам предстояла разлука. Я сидела и молилась, глядя на них: мой Georgy с надвинутой на нос фуражкой, и Ники без фуражки, так что я могла видеть его чистый лоб и правильные брови; и они оба так ровно, тихо дышали, пока я думала и призывала на них благословение Господне... Я тогда же подумала о тебе и знала, что я только тебе могу сказать, что переполняло мою душу в то время... Я думала, что вот он, наша надежда, надежда всей России, существо, которое любят, за которое молятся столько миллионов сердец, что в эту минуту он — мой, что я над ним молюсь, выливая в молитве всю мою любовь к нему, к России, кот[орую] он олицетворял для меня в эти минуты... Оттуда мы прямо отправились... на «Азов» («Память Азова». — *О. С.*), где ожидали приезда Вилли, — он при-

ехал с детьми в 12 часов; мы завтракали у Ники и оставались у него до 5 ¹/₂; вышли из Пирея на «Азове», подождали, чтоб вышел «Мономах», и, наконец, простились... Это было ужасно! Ники был такой милый, ласковый, грустный;... а наш бедный Georgy заливался слезами... просто больно вспомнить!!! Да будет с ними благословение Божье!»⁵⁰

Пока греческий принц Георг находился в длительном плавании с наследником, Ольга вынашивала и другие планы сближения ее детей с потерянной для нее в свое время Россией. Она решила, в отличие от греческого короля Георга I, устроить в России судьбу своей второй дочери Марии (Минулины), которой шел 15-й год, выдав ее за наследника российского престола, несмотря на существующий запрет на браки с близкими родственниками. В конце ноября 1890 г. она спрашивала своего духовного друга и брата великого князя Константина, который был очень дружен с императорской семьей: «А как ты думаешь, грешно с моей стороны тайно желать, чтоб М[инулина] вышла за Ники, чтоб для них сделать исключение?», тем более, что, по ее словам, «...слухи о ней и Ники все становятся упорнее, все этого желают...»⁵¹.

Горьким разочарованием для греческой королевы стала помолвка цесаревича Николая и принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской, любимой внучки английской королевы Виктории⁵². Ольга писала брату из Афин 11 (23) апреля 1894 г.: «Итак, наш дорогой Ники помолвлен! Ах, дай ему Господь полное земное счастье и да будет выбор его на благо нашей матушки России! ... Ты знаешь надежды, которые питала Греция... В день помолвки Ники мы перепуганы были небывало сильным землетрясением — Греция задрожала, разочаровалась от несбывшихся ее надежд...!»⁵³

Сама принцесса Мария нисколько не горевала по этому поводу, потому что влюбилась в красавца Сандро (великого князя Александра Михайловича, также находившегося в Афинах в ноябре 1890 г.). И только вразумления родителей, что он уже предназначен сестре Ники, Ксении, охладили ее пыл.

В мае 1891 г. поступили сообщения о том, что «Georgy спас Ники!!!» Ольга ликовала: «Мой сын спас русского наследника,

нашего дорогого цесаревича — это какое-то особенное блаженное, гордое чувство... мой маленький эгоизм, сплетенный из русс[ких] и греческих чувств. Но, главное, что за неизреченная милость Божия, выбравшая нашего Georgy в защитники цесаревича, удостоившая его быть орудием своего милосердия... Здесь такой всеобщий восторг и гордость, и умиление над Georgy»⁵⁴.

Однако все было не так просто: поведение греческого принца вызвало недовольство воспитателей (в том числе посланника в Греции М.К. Ону⁵⁵) и свиты Ники, и он участвовал только в морской части путешествия, даже несмотря на то, что спас наследника российского престола от неминуемой гибели в Японии.

Понимая оскорбленные родительские чувства Георга I и королевы Ольги, в сентябре 1891 г. император Александр III вручил Джорджи золотую медаль в память о том, что он — спаситель цесаревича. Ольга писала брату: «Мой бедный мальчик совсем просветлел и, повторяя слова государя, сказал мне: «Стало быть, он верит, что я спас Ники»! Муж мой два раза благодарил государя за Georgy. Для бедного Вилли долгое молчание, да вообще все предыдущее, было очень больно и оскорбительно»⁵⁶. Позже, во время критского кризиса 1897–1898 гг., император Николай II сумел добиться назначения принца Георга верховным комиссаром великих держав на Крите, чем поднял его авторитет. Повзрослевший Георг очень ответственно относился к своим обязанностям в течение шести лет, написал затем интересные воспоминания о критском периоде своей жизни. Однако и здесь он не проявил дипломатических способностей и показал свой крайний эгоизм. В результате его отъезд в 1906 г. с Крита больше напоминал бегство⁵⁷. Позже он женился на Марии Бонапарт⁵⁸, выдающейся женщине, самой талантливой и любимой ученице З. Фрейда, которая, рискуя жизнью, спасла своего учителя, вывезя его на свои собственные деньги из фашистской Германии.

Смерть 21-летней Александры и унижение, пережитое из-за поведения Джорджи во время плавания на «Памяти Азова», не прошли даром для 40-летней Ольги Константиновны. Все

отметили, что она страшно изменилась, постарела. «Вот, твоя кукушка не от 40 лет, а от горя сделалась старушкой», - писала она брату Косте.

Однако Ольга Константиновна не сдавалась: стремление вновь сблизиться через браки детей с Россией было сродни болезни. Король не разделял ее стремлений, и отношения в семье были весьма натянутыми. Но в июле 1894 г. она прибыла в Россию с тремя детьми: принцессой Марией, маленьким Христо и принцем Николаем, которому разрешено было присутствовать на военных учениях в Красном селе⁵⁹ вместе с императором Александром III. Хотя греческий принц был вскоре послан по настоянию Георга I на учебу в Данию, через восемь лет, женившись на великой княжне Елене Владимировне⁶⁰ (дочери великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны), он, к радости греческой королевы, большую часть времени проводил в полюбившейся ему России.

20-летняя дочь Минулина в 1896 г. была предварительно просватана за великого князя Георгия Михайловича (Егорушку)⁶¹, троюродного брата Ольги, который проводил много времени в Греции, влюбившись в молодую принцессу. Однако вскоре этот союз подвергся тяжелым для всех испытаниям, так как Мария всерьез полюбила греческого морского офицера Пандиаса, друга ее брата, и отказалась от помолвки. Даже король Георг I, который был против брака с русским великим князем (он возмущался и спрашивал Ольгу: «Неужели смерти одной дочери не достаточно, чтобы забыть Россию?»), не дал своего согласия на неравный брак дочери с греческим офицером. Отказ выйти за Егорушку совпал с критской революцией 1896 г., и Мария посчитала непатриотичным вступать в брак с русским великим князем. Она надела брошку в виде греческого флага и сняла ее только через несколько лет. «Минни не захочет уезжать и венчаться — она ведь ярая патриотка и выше Греции для нее ничего нет, как для меня моя Россия»⁶², — писала Ольга брату.

Слишком рано покинув родину, родителей и любимый Павловск, Ольга всю жизнь тосковала по ним, и многие ее поступки — неудержимую любовь к русским морякам, флоту,

заботу о них в «Русском госпитале», мечты о сватовстве детей в России — можно объяснить ее горячей любовью к родине. Однако именно это делало ее чужой в собственной семье. В конце 1896 г. она писала брату: «Обращаться со мной сурово, никогда не улыбаться, здороваясь и прощаясь, вошло в привычку...»⁶³.

Наконец, в конце 1899 г. терпение греческого короля лопнуло, и он вынужден был в разговоре с Марией, которой шел уже 24-й год, очень серьезно доказывать ей, что необходимо подумать о будущем — оставаться ли ей в старых девах или выходить замуж за человека, который так ее любит. В апреле великий князь появился на Корфу, где они с Марией были сначала помолвлены, а затем через 9 дней, 30 апреля 1900 г., был заключен еще один русско-греческий брак — внука Николая I, двоюродного дяди Николая II, великого князя Георгия Михайловича с дочерью короля эллинов королевною Марией Георгиевной. Императорским указом она становилась великой княгиней с титулом императорского высочества. Материнской любви к России она не унаследовала, брак был несчастлив; накануне Первой мировой войны Мария с двумя дочерьми — Ниной (1901) и Ксенией (1903) переехала в Великобританию. Мужа своего она никогда больше не увидит: его расстреляют большевики, вместе с великими князьями Николаем Михайловичем, Дмитрием Константиновичем (родным братом Ольги) и Павлом Александровичем в Петропавловской крепости в 1919 г. Позже, в 1922 г., Мария повторно вышла замуж за греческого адмирала Периклеса Иоаннидиса. Она прожила не слишком долгую жизнь, умерев в 64 года в Афинах.

В августе 1902 г. состоялось бракосочетание «ее императорского высочества великой княжны Елены Владимировны и его королевского высочества королевича Николая Греческого». Церемония прошла в Царском селе и была чрезвычайно красива. Так, в императорском указе говорилось, что «нареченная невеста имеет в сей день на главе корону и сверх платья малиновую бархатную, подложенную горностаевым мехом, мантию, с длинным шлейфом, который понесут четыре камергера, а конец его — гофмейстер двора его императорского

высочества великого князя Владимира Александровича». Все дамы должны были нарядиться в русское платье, а кавалеры быть в парадной форме. На бракосочетании в Царском селе присутствовало все греческое королевское семейство в полном составе. Елена Владимировна была, по-видимому, любимой невесткой Ольги Константиновны. В Греции восхищались ее «поистине романовским величием». «Сказывалось ее происхождение от русских царей», — позже, 19 декабря 1910 г., писал российский посланник в Афинах С.Н. Свербеев в МИД России⁶⁴. В большом Царскосельском дворце был дан парадный обед («польский»), а затем новобрачные отправились в Ропшинский дворец, приготовленный для временного их пребывания. В Петергофском театре несколько дней давались парадные спектакли. Николай, бесконечно находясь среди заграничной родни, получил имя «греческий Ники», чтобы не путать его с кузеном Николаем II. Он стал талантливым художником, который подписывал свои картины «Nicolas Leprince». Имел большое потомство.

Принц Греческий и Датский Андрей участвовал в Балканских войнах, а затем в греко-турецкой войне 1919–1922 гг. Женившись на Алисе Баттенбергской, он стал отцом принца Филиппа, герцога Эдинбургского, мужа королевы Великобритании Елизаветы II и предком ныне живущих наследников английского престола.

Младший сын Ольги принц Христофор во время Первой мировой войны в 1916 г. побывал в России и был даже на фронте, потом женился, но быстро стал вдовцом. Он был полиглотом (говорил на греческом, английском, датском, русском, французском и итальянском языках) и блестяще играл на фортепиано. Браком сочетался тайно с богатой американкой, которая получила титул «ее королевское высочество принцесса Анастасия Греческая и Датская». Ее состояние, унаследованное от первого мужа, помогло греческой королевской семье во время изгнания в 1920-е годы. Именно на вилле Христофора в Риме, названной в честь умершей жены «Анастасия», прожила последний год своей жизни и в 1926 г. скончалась Ольга Константиновна Романова.

Примечания

¹ Венчание Ольги с Георгом I состоялось в Санкт-Петербурге 27 октября 1867 г., т.е. через семь недель после того, как невеста достигла 16-летнего возраста. Этот брак оказался весьма счастливым и продлился почти полстолетия (с 1867 по 1913 гг.).

² Константин Константинович (1858–1915), великий князь, родной брат греческой королевы Ольги. Морской офицер, генерал от инфантерии, президент Академии наук (с 1899 г.), поэт-романтик, писавший под псевдонимом К.Р.

³ Георг I (Вилли) (1845–1913), греческий король (1863–1913), урожденный принц датский Вильгельм, брат императрицы России Марии Федоровны, жены Александра III.

⁴ Королева греческая Ольга — урожденная великая княжна Ольга Константиновна (1851–1926), внучка императора Николая I (1796–1855), старшая дочь великого князя Константина Николаевича (1827–1892), генерал-адмирал русского флота, жена греческого короля Георга I.

⁵ Николай Константинович (Никола) (1850–1918), великий князь, старший брат Ольги Константиновны.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 722. Д. 808. Афины. 27 июля (8 августа) 1868 г.

⁷ Там же. Афины. 17 (29) августа 1868 г.

⁸ Константин XI Палеолог (1404–1453), последний византийский император.

⁹ Колокотронис Геннайос (ум. 1882), сын героя греческой войны за независимость Т. Колокотрониса, генерал-лейтенант.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 722. Д. 808. Афины. 24 августа (5 сентября) 1868 г.

¹¹ Так называли его все родные.

¹² ГАРФ. Ф. 722. Д. 808. Афины. 24 августа (5 сентября) 1868 г.

¹³ ГАРФ. Ф. 722. Д. 809. Корфу. 6 (18) июля 1870 г.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Оттон I, греческий король в 1833–1862 гг., женат с 1835 г. на принцессе Амалии. Потомства не имели.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 722. Д. 808. Корфу. 10 (22) июля 1869 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Ф. 722. Д. 809. Корфу. 15 (27) сентября 1870 г.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАРФ. Ф. 722. Д. 809. Афины 2 (14) октября 1871 г.

²¹ Родился 22 января 1872 г. в Афинах.

²² ГАРФ. Ф. 722. Д. 809. Афины. 1 (13) февраля 1872 г.

²³ ГАРФ. Ф. 722. Д. 810. Афины. 15 (27) апреля 1877 г.

²⁴ «Мы теперь все святые, раз мы были в той церкви?» // ГАРФ. Ф. 722. Д. 809. Афины. 8 (20) февраля 1875 г.

²⁵ ГАРФ. Ф. 722. Д. 810. Афины. 15 (27) апреля 1877 г.

²⁶ Во время плавания с наследником российского престола цесаревичем Николаем на Дальний Восток в 1890–1891 гг. принц Георг, по мнению воспитателей, очень плохо себя вел и был досрочно возвращен в Грецию.

²⁷ Ону Михаил Константинович (1835–1901), тайный советник, российский посланник в Греции в 1889–1901 гг. Умер в Афинах.

²⁸ Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 121.

²⁹ ГАРФ. Ф. 722. Д. 810. Афины. 22 декабря (3 января) 1879 г.

³⁰ Там же. Афины. 10 (22) апреля 1880 г.

³¹ «Ну, мама, теперь у тебя снова полдюжины детишек» // ГАРФ. Ф. 722. Д. 810. 1 (13) мая 1882 г.

³² К.Р. Избранная переписка. СПб, 1999. С. 362.

³³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 224. № 34. Татой. 29 июля (10 августа) 1896 г.

³⁴ С 3 мая 1889 г. именным высочайшим указом императора Александра III великий князь был назначен президентом императорской Академии наук.

³⁵ Там же. № 22. Афины. 14 (26) мая 1889 г.

³⁶ Там же. № 20. Афины 2 (14) мая 1889 г.

³⁷ Там же. № 22. Афины 14 (26) мая 1889 г.

³⁸ Павел Александрович (1860–1919), великий князь, младший сын императора Александра II, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, командир лейб-гвардии Конного полка (1890–1906), командир гвардейского корпуса (1898–1902), в 1916 г. назначен командующим 1-го гвардейского корпуса, затем генерал-инспектором войск гвардии; первая супруга – Александра Георгиевна (1870–1891), греческая принцесса. Их дети: Мария (1890–1958) и Дмитрий (1891–1942).

³⁹ Направник Эдуард Францевич (1839–1916). Русский композитор, дирижер Мариинского театра.

⁴⁰ Гриценко Николай Николаевич (1856–1900), маринист. Окончил Академию художеств. В 1890 г. сопровождал наследника российского престола в его путешествии на Дальний Восток.

⁴¹ К.Р. Избранная переписка. С. 314.

⁴² Подмосковное великокняжеское имение.

⁴³ Сергей Александрович (1857–1905), великий князь, пятый сын императора Александра II.

⁴⁴ Елизавета Федоровна, Элла (1864–1918), великая княгиня, урожденная принцесса Гессен-Дармштадская, супруга великого князя Сергея Александровича. Убита под Алапаевском 18 июля 1918 г.

⁴⁵ София Гогенцоллерн, принцесса Прусская (1870–1932), жена греческого наследника престола Константина, а с 1913 г. – королева-консорт Греции.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 224. № 27. Афины. 18 (30) октября 1889 г.

⁴⁷ Витте Сергей Юлиевич (1849–1915), российский министр финансов в 1892–1903 гг.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 225. № 24. Татой. 8(20) октября 1890 г.

⁴⁹ Там же. № 28. Афины 2 (14) ноября 1890 г. Ольга, обожая русских моряков, всегда приглашала их во дворец, якобы к своей горничной, на чай, показывала им свой «Морской музей», дарила фотографии и Евангелие.

⁵⁰ Там же. Ф. 660. Оп. 2. Д. 225. № 29. Афины. 9 (21) ноября 1890 г.

⁵¹ Там же. № 31. Афины. 22 ноября (4 декабря) 1890 г.

⁵² Александра Федоровна, Аликс (1872–1918), урожденная принцесса Алиса Гессенская, последняя российская императрица (1894–1917), супруга Николая II.

⁵³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 222. Афины. 11 (23) апреля 1894 г.

⁵⁴ Там же. Ф. 660. Оп. 2. Д. 219. № 20. Афины. 7 (19) мая 1891 г.

⁵⁵ М.Н. Ону был прикомандирован к наследнику престола великому князю Николаю Александровичу в его путешествии на Дальний Восток. Попытки сдерживать цесаревича и его брата принца греческого Георгия в рамках приличий приводили к постоянным конфликтам с «наставником». После травмы, полученной Георгием на борту броненосца, Ону возвратился с ним в Европу.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 219. № 24. 3 (15) сентября 1891 г.

⁵⁷ Соколовская О.В. Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006. С. 132–134.

⁵⁸ Мария Бонапарт (1882–1943), писательница, ученица З. Фрейда.

⁵⁹ Красное село с середины XIX в. превратилось в летнюю воинскую столицу Российской империи. Здесь сформировался гигантский военно-учебный комплекс, общей площадью около 210 кв. км. Солдаты жили в палатках, а офицеры — в хороших деревянных благоустроенных домах, покрашенных в цвет, присвоенный полку. В Красном селе принимало участие в маневрах практически все высшее военное командование России того времени.

⁶⁰ Елена Владимировна (1882–1957), великая княжна. С 1902 г. — жена греческого принца Николая.

⁶¹ Георгий Михайлович (Егорушка) (1863–1919), великий князь, знаменитый российский нумизмат.

⁶² ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 225. № 18. Афины. 27 февраля (11 марта) 1897 г.

⁶³ Там же. Ф. 660. Оп. 2. Д. 224. № 73. Афины. 30 декабря 1896 г. (11 января 1897 г.).

⁶⁴ Свербеев Сергей Николаевич (1857–1922), тайный советник, камергер, посланник в Афинах с июня 1910 по июнь 1912 гг.

*Никита Сергеевич
ГУСЕВ*

ОТНОШЕНИЕ БОЛГАРСКОГО ОБЩЕСТВА К ДОМУ РОМАНОВЫХ ВО ВРЕМЯ БАЛКАНСКИХ ВОЙН

Осенью 1912 г. четыре союзные балканские государства — Болгария, Сербия, Греция и Черногория — объявили войну Османской империи. Одной из заявлявшихся в прессе целей было «очищение» Македонии от турецкой власти. По этой причине в русском обществе Первая Балканская война зачастую воспринималась как продолжение действий России по освобождению южных славян (прежде всего русско-турецкой войны 1877–1878 гг.), но уже их собственными силами.

Такие настроения существовали и среди болгар. Офицеры 7-го Преславского полка писали в Россию, в Славянское благотворительное общество: «Исполняем священный долг, выполняя заветы наших освободителей»¹. Простые солдаты запаса при мобилизации рассуждали подобным же образом: «Мы сейчас будем биться за свободу наших братьев так же, как русские бились за нашу свободу»². Декларировалось это и на различных торжественных встречах и мероприятиях с участием представителей русского общества³. Атанас Стефов, командир 61 роты* 18 пехотного Етырского полка, считал события 1912 г. непосредственным продолжением войны 1877–1878 г., сравнивая героев Шипки с болгарскими солдатами Балканской войны⁴. То, что Болгария в тот момент выступала преемницей России в балканской политике, подчеркивалось в

* Так в тексте. — *Н. Г.*

Народном собрании представителем младолибералов Д. Тончевым и Д. Страшимировым — от имени Болгарского Земледельческого Народного союза⁵.

Еще до объявления войны болгарская пресса обратилась к памяти о событиях 1877—1878 гг. В конце июля 1912 г. официальная газета правящей Народно-либеральной партии Болгарии «Мир» сообщила о визитах деятелей русской культуры в места сражения за Плевну⁶, а буквально за несколько дней до перехода болгарской армии через турецкую границу опубликовала воспоминания о юбилейных торжествах 1902 г., посвященных боям за Шипку и Шейново⁷. Укажем, что вышли эти номера спустя 10 лет после событий и тогда, когда вопрос о войне с Турцией был уже решен.

Освобождение страны в исторической памяти болгарского народа было тесно связано с именем императора Александра II, и данный мотив вновь отчетливо зазвучал в общественной жизни Болгарии. В манифесте царя Фердинанда об объявлении войны, который был напечатан в каждой газете, развешивался по всей стране, зачитывался в церквях, есть следующие строки: «Болгарский народ помнит пророческие слова Царя-освободителя “Святое дело должно быть доведено до конца”»⁸. Но кроме упоминания Александра II, сама стилистика данного документа была схожей со словами российского императора, сказанными им в 1877 г. Болгарский министр правосудия П. Абрашев записал в своем дневнике, что манифест «подготовлен хорошо — в духе манифеста Царя-Освободителя 1877 года»⁹.

Не единожды в различных уголках Болгарии, а также в России, были отслужены молебны за упокой Александра II¹⁰. При этом отметим, что происходили они еще до начала боевых действий, даже до кровавых событий в Штипе и Кочанах, послуживших поводом для последующего нагнетания обстановки и объявления войны.

Естественно, после начала боевых действий пресса продолжала напоминать о преемственной связи Балканской войны с войнами России ради освобождения южных славян, при этом, естественно, большое внимание уделялось императору

Александру II. После важной победы при Люле-Бургасе газета Прогрессивно-либеральной партии «Болгария» («България») писала: «Дело Царя-Освободителя, императора Александра II, начатое в добрый час, заканчивается — болгарские войска перед стенами Константинополя»¹¹. Позже, когда успехи болгар в войне стали еще более внушительными, в «Мире» были помещена прочувствованная речь пловдивского митрополита Максима, произнесенная им после панихиды и молебна об Александре II и Н.П. Игнатеве, где он перефразировал слова московского архиепископа Платона (Левшина) над могилой Петра I¹². Журнал «Современная иллюстрация» («Съвременна илюстрация») в 1913 г. рассказал о посещении председателем городского совета Парижа (в сопровождении представителей общественности и руководства комитета «Царь-Освободитель Александр II») мемориала на Шипке и дома-музея, где в 1877—1878 гг. проживал великий князь Николай Николаевич, главнокомандующий русской армией¹³.

Представление о внешней политике России в начале XX в. было неразрывно связано с решениями, принимаемыми именно русским царем, Николаем II, который по договору между Сербией и Болгарией выступал арбитром в вопросе раздела так наз. спорной зоны Македонии. В Болгарии была известна немалая роль российского общества в принятии царем решения о вступлении в войну 1877—1878 гг. В связи с этим болгарам казалось, что можно повлиять на русского самодержца путем завоевания расположения его подданных.

Болгарское общество с большим интересом следило за новостями, свидетельствовавшими о проявлениях к нему симпатий общества российского. Об отправившихся на родину болгарам, учившихся в Николаевской академии Генерального штаба, о том, как их по дороге встречали, прощались с ними, пели «Шуми, Марица» жители Петербурга, Одессы¹⁴, о манифестациях в поддержку славян¹⁵ и конкретно Болгарии¹⁶, регулярно сообщала болгарская пресса. Размещались на страницах периодики и послания болгарам от различных славянских обществ России¹⁷, Государственной Думы¹⁸, письма простых граждан и видных деятелей¹⁹. Болгарские газеты передавали

мнение российских изданий с завидной регулярностью²⁰. Объясняют причины этого строки из газеты «Мир»: «С особенными симпатиями к Болгарии относятся все русские газеты. Высоко ценя эти симпатии, мы смеем надеяться, что они смогут повлиять на русскую политику»²¹.

Весной 1913 г. в связи с усилением противоречий между балканскими союзниками в русском обществе началась борьба, говоря языком современной социологии, сербской и болгарской групп давления, ставивших своей целью воздействие на внешнюю политику своего «покровителя» в необходимом им русле.

Весной 1913 г. прославленный болгарский генерал Р. Дмитриев* отправился в Петербург. По свидетельству его соотечественника, публициста и дипломата Н. Милева, приезд «на отдых» преследовал и политические цели²². Отметим, что генерал лично встречался с Николаем II, что нашло отражение в довольно скупых дневниковых записях императора: «Принял болгарского генерала Радко Дмитриева, героя последней войны»²³. Следует указать тот факт, что Р. Дмитриев закончил Николаевскую академию Генштаба, участвовал в свержении болгарского князя Александра Баттенберга, при котором болгаро-русские отношения ухудшились, а после контрпереворота был вынужден эмигрировать в Россию почти на 10 лет, где служил в русской армии в Тифлисе. Изложенные факты, а также то, что генерал Дмитриев был известным русофилом, говорят о том, что неспроста именно он поехал в Петербург для встречи с императором. В составе этой же делегации посетил столицу России и председатель Народного собрания С. Данев (также считавшийся русофилом), которому начальник Генерального штаба И. Фичев предоставил данные о количестве мобилизованных и потерях. В своих воспоминаниях генерал признался: «Эти цифры были завышены, чтобы достигнуть большего эф-

* Радко Русков Дмитриев (1859–1918) – болгарский и русский генерал. Принимал участие в русско-турецкой войне, позже был помощником начальника штаба Западного корпуса в битве при Сливнице в 1885 г., участвовал в свержении болгарского князя Александра Баттенберга. Служа в Тифлисе, проявил себя как талантливый и знающий офицер. После падения режима С. Стамболова вернулся в Болгарию. Во время Первой Балканской войны командовал Третьей армией, нанеся крупные поражения туркам на Фракийском фронте и уничтожившей эту группировку войск Османской империи.

фекта от усилий, приложенных Болгарией ради войны»²⁴. Но один канал влияния был упущен. Уже после Второй Балканской войны Д. Ризов, в это время болгарский посланник в Риме, обвинял дипломатического представителя в Петербурге С. Бобчева, что тот не использовал «потайной, но могущественный фактор» воздействия на императорскую семью — Г. Распутина. Посланник в своих воспоминаниях признал, что часто слышал о влиянии «безграмотного, но выдающегося лукавого селянина», «который разным шарлатанством или фокусами достиг известного влияния при дворе» и при этом «устраивал в своей квартире самые отвратительные оргии». Но при этом, записал С. Бобчев, «мое понимание прав и обязанностей дипломатического представителя Болгарии не позволяли мне прибегать к вмешательству бесчестного человека в наших справедливых, чистых и всячески основательных ходатайствах». По его мнению, «честное, доброе и добросовестное дело дипломата» исключает подобные методы. Поэтому он был «очень спокоен перед своей совестью и Богом, что отнесся с пренебрежением и игнорированием к «старцу» и его безнравственным делам»²⁵. Довольно странная позиция для человека, должного отстаивать всеми силами позицию своего государства в критический момент. Упущение этого канала влияния важно еще потому, что, как известно, Г. Распутина ко двору представили великие княгини Анастасия и Милица (знаменитые черногорки), естественно, к болгарам симпатий не питавшие.

Болгарская так наз. «независимая» газета «Вечерняя почта» («Вечерна поща») передавала слова Николая II, которые он якобы произнес на банкете в Царском селе, сначала выразив сожаление, что не смог предотвратить войны, затем добавил следующее: «Может быть, даже лучше, что сейчас разрешится Балканский вопрос, который уже достаточно тормозил европейский мир и постоянно угрожал войной»²⁶. Как видим, болгарскому народу пытались показать благожелательное отношение к нему русского императора. При личной встрече монарх сказал болгарскому посланнику, что «для него на Балканском полуострове Болгария — большая славянская крепость»²⁷. Не единожды повторяемые главой российского МИД С.Д. Сазо-

новым слова «есть Болгария, есть и славянство на Балканском полуострове» С. Бобчеву казались отражением настроений Николая II²⁸.

Надежды на благоприятное для Софии решение российского императора как арбитра по окончании войны и возможное его давление на своих министров внушала и телеграмма С. Данева, отправленная после встречи с ним: «Отзываются о Болгарии очень лестно, особенно престолонаследник (цесаревич Алексей. — *Н. Г.*) Готовы нас поддержать», но глава российского государства заметил, что Румынии придется уступить территории, «потому что положение Кароля (румынского короля. — *Н. Г.*) тяжелое»²⁹. Об отношении наследника российского престола говорит и следующий факт. Николай II на аудиенции рассказал болгарскому посланнику, что цесаревич Алексей со вниманием следит за боевыми действиями болгарской армии и каждый вечер зовет его «посмотреть на большую карту в его комнате, правильно ли он поставил болгарские трехцветные флажки на местности, города и села, которые были взяты и заняты болгарскими войсками»³⁰. Понятно, что этот факт не мог не внушать надежд болгарскому правительству. Необходимо здесь упомянуть и символичность даты начала войны, утвержденной 3 октября болгарским правительством. Один из министров записал в своем дневнике: «Мы согласны начать в пятницу — 5 окт[ября] — именинный день русского цесаревича Алексея»³¹. Насколько именины русского наследника престола были определяющим фактором — вопрос сложный: события развивались стремительно, нельзя было специально подгадывать и откладывать, но сама по себе запись является показательной.

Болгарская печать информировала читателей и о здоровье российского престолонаследника. Осенью 1912 г. он получил серьезную травму. По свидетельству дочери врача императорской семьи, состояние цесаревича было тогда крайне тяжелым³². О травме цесаревича Алексея, кровоизлиянии, температуре и пульсе сообщала газета правящей партии «Мир»³³.

С объявлением войны в болгарском кафедральном соборе Святого Короля, в присутствии председателя кабинета министров, царицы, дипломатических представителей, софий-

ским митрополитом был отслужен молебен за победы союзных войск, за здоровье правителей балканских православных государств и «Николая II, русского императора, покровителя православных народов»³⁴. Именины Николая II также стали поводом для проявления симпатий к нему со стороны Болгарии. В том же храме митрополит Партений с участием всего клира в присутствии ряда министров и других государственных деятелей, «множества офицеров и видных столичных граждан и гражданок» отслужил молебен³⁵. Царь Фердинанд с престолонаследником в это время находился в Салониках, откуда ими была отправлена телеграмма Николаю II, в которой выражалось «особое счастье, что они приносят поздравления и благопожелания из родного города славянских первоучителей». Там же в болгарской церкви Кирилла и Мефодия 6 декабря состоялась торжественная литургия и молебен о даровании долголетия русскому императору в присутствии царя Фердинанда, его сыновей и «множества видных солунчан». Затем они отправились на аналогичную службу в русскую церковь³⁶.

Особым поводом для проявления симпатий к русскому царствующему Дому был трехсотлетний юбилей восшествия на престол его первого представителя. С. Бобчеву стало известно, что на торжества по этому поводу из Белграда отправилась делегация церковных иерархов, чтобы принять участие в богослужении, посвященном юбилею. Однако по причине греко-болгарской схизмы болгарские священники не могли служить вместе с русскими, поскольку интересы внешней политики не позволяли Синоду идти на конфликт с Константинопольским Патриархом. София пыталась уговорить Белград не принимать участия в молебне. С. Бобчев объяснял это тем, что участие сербских и неучастие болгарских церковных иерархов могло вызвать в Болгарии ощущение, что в России к Сербии симпатий больше³⁷.

Власти и российская общественность оказывали значительную помощь Болгарии медикаментами и обмундированием, а в начале лета 1913 г. после произошедшего на севере

страны разрушительного землетрясения Николай II отпустил 10 тыс. рублей для помощи пострадавшим. Газета «Мир» за это выразила благодарность от имени народа³⁸.

Факты показывают, что во многом проявления симпатий были направлены вовне, прежде всего с целью показать свои преданность и искреннюю приязнь к русскому императору, чтобы попытаться повлиять на его решения в предстоящих спорах о разделе Македонии. Тот был тоже человеком и не устоял перед лестью. В.Н. фон Дрейер, бывший корреспондентом на Балканах, позже выступал перед Николаем II с докладом. Тот «остался очень доволен, когда я упомянул, как высоко оценил болгарский народ помощь оружием, снаряжением и санитарными поездами, посланными в Болгарию Россией по воле Его Величества», — сообщал Дрейер³⁹. Подобный эффект на императора оказало и частое повторение тезиса о преемственной связи текущих событий на Балканах и действий России по отношению к южным славянам прежде. На личной аудиенции С. Бобчев отметил, что Николай II не остался равнодушным, когда тот ему сказал, что цель войны на Балканах — «продолжение славного начинания великого Царя-Освободителя, его славного деда». Эти впечатления С. Бобчев не преминул передать в Софию⁴⁰.

В восприятии болгарского посланника российский император был и в других делах наследником дел своего деда, от которого «воспринял ту широкую программу реформ во внутренней жизни России в области хозяйственного, земского, городского, судебного дела и сам сделал немало для улучшения [работы] этих ведомств»⁴¹. При этом, по мнению Бобчева, трагические события царствования последнего Романова* наложили на его характер отпечаток в виде некоторой грусти, но тот никогда не терял духа, спокойствия и самообладания при отдаче своих распоряжений⁴². При этом то, что многие считали проявлением слабости характера Николая II, С. Бобчев видел его положительными чертами, в патриархальном духе воспринимая монарха и считая его проникнутым «возвышенными гуманными чувствами, миролюбием и любовью к человечеству»⁴³. Послед-

* Если не рассматривать всерьез однодневное «царствование» его брата Михаила.

ний российский император, по его мнению, «был замечательным, гуманным и мудрым монархом»⁴⁴. Болгарский посланник представил также внешний портрет Николая II. Прежде всего, при личной аудиенции на него «произвела сильное впечатление величественная простота того, как он держался». Затем он описывает его вид: «Красивые его темно-карие глаза, сосредоточенные, задумчивые излучали словно сияние, которое одухотворяло все его лицо»⁴⁵. Как мы видим, С. Бобчев рисует перед нами буквально лик, сошедший с иконы, лик царя величественного, по-настоящему, без помпезности. Такой портрет, с чертами наивного монархизма, довольно странен, если принять во внимание то, что С. Бобчев был известным ученым-юристом и бывшим министром просвещения Болгарии. Однако он получал высшее образование в России (к слову, под руководством М.М. Ковалевского), когда и мог воспринять подобное отношение к монаршей особе.

Одним из важнейших для болгар вопросов был нейтралитет Румынии во время Первой Балканской войны. Отношение России к этой стране расценивалось неоднозначно. В начале вооруженного противостояния союзников с Турцией вручение русским императором фельдмаршальского жезла румынскому королю Каролю виделось как стремление к вовлечению этой страны в орбиту русской политики, а ведь «русская дружба — это и болгарская дружба»⁴⁶, а, значит, и спокойствие на северных рубежах⁴⁷. Затем же сложилось мнение, что на Певческом мосту считают Бухарест более необходимым, нежели София. Видный деятель Либеральной партии Болгарии П. Пешев считал милости, которыми осыпал Кароля Николай II, и тот факт, что он стал шефом полка, вошедшего в 1913 г. в Болгарию, прямым оскорблением для своей страны⁴⁸.

Другим, гораздо более важным вопросом для болгар был следующий: кто важнее для Петербурга — Белград или София? Последняя упорно требовала соблюдения буквы договора с сербами. Согласно ему, «спорная» зона Македонии оставалась на усмотрение русского императора. Однако сербские войска занимали и «бесспорную» болгарскую зону. София взывала к арбитражу, печать об этом напоминала⁴⁹, видимо, надеясь та-

ким образом заявить о своей лояльности и вере в справедливость Петербурга. Николай II, пытаясь примирить балканские народы, отправил телеграммы с приглашением к переговорам сербскому королю Петру и болгарскому царю Фердинанду. Сербский ответ был уклончив и составлен в примирительном духе, болгарский же — более развернут и напоминал императору о необходимости торжества справедливости. Русский поверенный в делах в Белграде В.Н. Штрэндман отметил, что ответ Фердинанда, «насколько нам было известно, содержал даже оскорбительные для России суждения»⁵⁰, но при этом не уточнил, какие именно.

К лету 1913 г. в Лондоне был подписан мирный договор с Турцией, по которому она теряла земли Македонии и территории вплоть до линии Эннос-Мидие. Как пишет С. Бобчев, такие границы ему обещали в России все: «От Всероссийского императора Николая II, Венценосного внука Великого Царя-Освободителя Александра II, и его министров до самых малых общественных деятелей и политиков, я слышал одно: «Сейчас Болгария будет больше Сан-Стефанской». Император сказал ему очень ясно еще в начале года: «Вы, болгары, будете иметь Великую Сан-Стефанскую Болгарию, которая со стороны Константинополя будет простираться до Мидие—Энос»⁵¹.

Однако внутри Балканского союза отсутствовал консенсус относительно разделения приобретенных земель. В июне 1913 г. болгарская армия перешла в наступление против своих бывших союзников. После временных успехов она стала терпеть поражения от греков и сербов. Не преминула воспользоваться моментом Румыния, давно уже заявлявшая о своих претензиях на плодородные земли Южной Добруджи. Войска короля Кароля перешли границу и двигались в сторону Софии. Не упустила возможность для реванша и Порты, которая, нарушив договор, выдвинула свои войска к линии довоенной границы. Положение Болгарии было катастрофическим. Русская провинциальная газета передавала слухи, что царь Фердинанд бежал из страны⁵².

По окончании боевых действий и переговоров страна потеряла Южную Добруджу, почти вся Македония перешла к Сер-

бии и Греции, Турция вернула себе Адрианополь. Болгария прошла по своей *via dolorosa*. Балканская политика Петербурга и русского императора стала восприниматься как враждебная болгарскому народу.

Бюро заведующего Российской заграничной агентурой департамента полиции в Константинополе следило за этими настроениями. 10 сентября 1913 г. оно отправило в Петербург сообщение, что «в августе сего года в с. Княжеве (в 9 километрах от Софии) состоялось тайное собрание македонского революционного комитета «внутренней организации» — преемников Бориса Сарафова», где «все ораторы осудили русскую политику» в отношении Болгарии. «Некоторые из главарей, как то: Матей Геров, Димитр Гурин-Ляпин*, Александров, Даскалов и Матов высказались за необходимость отомстить России за ее политику». Решено было объектами мести сделать посланника в Белграде и главу МИД, вопрос о судьбе представителя в Софии был поставлен в зависимость от его поведения по мере развития событий⁵³. Фигура российского императора, по всей видимости, казалась им слишком охраняемой или не имевшей влияния на события, или же невиновной в «первой национальной катастрофе». В пользу этой версии, а не сакрального отношения к царю-освободителю и его потомкам, говорит тот факт, что при сохранении подобного (по их мнению, болгарофобского) курса внешней политики России планировалось уничтожить всю память о ней на болгарской земле. Среди целей были: не допустить освящения только что построенного храма-памятника Александра Невского, взорвать памятник «Царь-Освободитель»⁵⁴. Однако надо иметь в виду, что планы эти строили одни из самых горячих голов Балкан своего времени — представители ВМОРО.

С. Бобчев в воспоминаниях отмечал, что «и у нас есть доморожденные патриоты», негативно относящиеся к Николаю II. Но он любил Болгарию и болгар, о чем было известно⁵⁵. В качестве подтверждения тому он приводил тот факт, что во время переговоров в Бухаресте российский император выска-

* Видимо, имеется в виду Димитър Николов Ляпов-Гурин. — Н. Г.

зал твердое желание, чтобы степень унижения Болгарии и болгарского народа не дошла до крайней степени⁵⁶. Об искренних симпатиях Николая II говорит и случай, произошедший позже и описанный французским послом в Петрограде М. Палеологом. В 1915 г. С.Д. Сазонов настаивал на том, чтобы нанести первыми удар по мобилизующейся Болгарии, на что император ответил: «Нет!.. Болгария — одной с нами веры; мы создали ее нашей кровью; она обязана нам своим национальным и политическим существованием; мы не можем обращаться с ней, как с врагом». Когда министр возразил, что она уже делает себя врагом, Николай II сказал: «Пусть! Но необходимо еще вести переговоры»⁵⁷.

В итоге мы оказываемся перед вопросом: являлось ли описанное нами отношение болгар в российскому императору искренним проявлением чувств или продуманной лестью? Для лесть, несомненно, были причины, и она являлась методом воздействия на монарха.

Нельзя утверждать и о краткой памяти или неблагодарности болгарского народа. Журнал «Аз знам всичко», болгарский аналог русской «Нивы», уже по завершении Второй Балканской войны очень часто размещал материалы о России. Помимо изложения дела Бейлиса, рассказа о гибели поселка рыбаков на о.Новая Земля и многого другого, тут был помещен и довольно подробный распорядок дня русской императорской семьи, иллюстрированный фотографиями ее быта⁵⁸.

О том, что, несмотря ни на что, благодарность и теплота по отношению к России оставались, говорит и другое. Так, участник Балканских войн Крум Аврамов с грустью записал в своем дневнике в октябре 1915 г. об объявлении войны Сербии: «Поскольку Россия, наша освободительница, в союзе с Сербией, значит, что мы в войне и с ней... До чего мы дошли!»⁵⁹.

Однозначно ответить на поставленный вопрос невозможно, на наш взгляд, истина сложнее. Симпатии и благодарность к России и Романовым, несомненно, существовали в Болгарии, и власти не упускали случай это подчеркнуть. Причем,

само видение императора было в духе наивного монархизма: «царь — хороший, бояре — плохие». В разгроме Болгарии винили не Николая II, а С.Д. Сазонова и Н.Г. Гартвига, частично — А.В. Неклюдова.

В чем же причины такого отношения? На наш взгляд, следует назвать следующие.

Первое. Русский царь — царь православный, правитель Третьего Рима. Этот фактор в болгарском случае усиливался тем, что собственный монарх был католиком, а вместе с этим и выходцем из другой культуры.

Второе. Симпатии болгар к русскому правящему Дому были сильны традиционно, зачастую по разным причинам его представители воспринимались как свои правители еще в эпоху османского господства⁶⁰. И освобождение страны, связанное конкретно с именем императора Александра II, лишь усилило приязнь к династии Романовых.

В конце XIX — начале XX вв. в России происходило осязаемое повышение уровня образования населения, разрушались прежние групповые связи в обществе, индивид выходил из подчинения духовной власти традиционного мировоззрения, становился более самостоятельным. Как отмечает современная исследовательница Г.В. Лобачева, вместе с тем терял сакральность и образ царя⁶¹. Однако у болгар эти процессы шли с опозданием, внешняя модернизация еще не затронула глубинные сферы духовной деятельности. И, как представляется, патриархальность сознания вкупе с первыми двумя — *третья* причина вышеописанного отношения к Романовым.

Еще одна причина кроется в священности власти русского царя, которая была обусловлена длительностью существования института монархии в России и его непрерывности. Последняя (еще называемая континуальностью) играет немаловажную роль в формировании сакральности, как утверждают исследователи данного феномена⁶². Отечественный историк А.Л. Шемякин отмечает, что в Сербии за монархом признавалось первенство, но не превосходство, а с престижем и неприкосновенностью его фигуры было покончено после того, как сербы увидели, как тело короля было выброшено из окна 29 мая

1903 г.* Но и Болгария имела за своими плечами схожий опыт: изначальное третиrowание и неуважение к князю со стороны либералов, свержение правителя, потом его возвращение, затем отказ вновь вернуться на трон, непростые поиски преемника на его место. А обретенный помазанник подтвердил свое прозвище «лисица», искусно плетя интриги ради укрепления собственной власти. Как заметила российская исследовательница Р.П. Гришина, не прибавляли авторитета власти монарха и отмена статьи Конституции с последующим ее восстановлением, отлучение от католической церкви в наказание за крещение престолонаследника по православному обряду. Если К. Стоилов сокрушался о том, что нет среди болгар священного трепета перед властью первого князя, говорил о необходимости воспитания этого чувства, «то деяния Фердинанда с этой точки зрения оказывали только обратное действие»⁶³. Об отсутствии священного ореола власти Фердинанда Кобурга, его более низком месте по сравнению с русским самодержцем в иерархии правителей в сознании болгар говорит и донесение А.В. Неклюдова из Софии во время Межсоюзнической войны: «Солдаты открыто говорят, что шваб-король и изменники министры вравили народ в ненужную и братоубийственную войну против воли русского царя. То же говорят среди простого люда столицы и окрестностей, а также и в провинции»⁶⁴. Окончательно с сакральностью власти Фердинанда I будет покончено в результате Солдатского восстания 1918 г.⁶⁵ Именно в том, что в сознании болгар периода Балканских войн русский самодержец Николай II, как и его предки, был помазанником Божиим, в отличие от их собственного царя, и кроется, на наш взгляд, *четвертая* причина приязни и даже некоторого благоговения перед русским императорским Домом.

Примечания

¹ Горанов П.С. Руските воени доставки за Българската войска през Балканската война. // Балканските войни 1912–1913 (сборник статии от научна конференция, проведена през октомври 1992 г.). В. Търново, 1995. С. 51.

* В этот день в Сербии произошел вооруженный переворот, в результате которого была свергнута династия Обреновичей. Ее последний представитель, король Александр, погиб от рук заговорщиков, тело монаршей особы было выброшено из окна его резиденции.

- ² Додов Н. Дневник по Балканската война. София, 2006. С. 10.
- ³ Мир. № 3713 (14. 11. 1912); № 3636 (23.08.1912); № 3750 (21.12.1912).
- ⁴ Чолакова М. Балканската война през погледа на подпоручиците Атанас и Иван Стефови От Търново (Писма от фронта)// Балканските войни 1912–1913. С. 131.
- ⁵ Мир. № 3664 (21.08.1912).
- ⁶ Там же. № 3616 (28.07.1912); № 3624 (8.08.1912).
- ⁷ Там же. № 3671 (2.10.1912).
- ⁸ Балканските войни по страниците на Българския печат 1912–1913. София, 1999. С. 40.
- ⁹ Абрашев П. Дневник. София, 1995. С. 74.
- ¹⁰ Мир. № 3593 (1.07.1912); № 3625 (9.08.1912).
- ¹¹ Балканските войни по страниците... С. 48.
- ¹² Мир. № 3709 (10.11.1912). Перефразировал он «Слово При случае совершаемых молитв над гробом Петра Великого, по причине одержанный флотом Российским над Оттоманским флотом во Архипелаге славныя победы, 1770 года, Июня 24 дня». — Н. Г.
- ¹³ Съвременна илюстрация. 1912. №16.
- ¹⁴ Дървингов П. Балканската война кактое е била виждана, когато са се развивали саммите события. По осведомленията на Българската Телеграфна Агенция. София, 1941. С. 167, 177.
- ¹⁵ Мир. № 3669 (30.09.1912).
- ¹⁶ Вечерна поща. № 57 (30.11.1912); Додов Н. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁷ Вечерна поща. № 7 (29.09.1912).
- ¹⁸ Мир. № 3732 (3.12.1912); № 3733 (4.12.1912); № 3735 (6.12.1912); № 3738 (9.12.1912).
- ¹⁹ Мир. № 3670 (1.10.1912); № 3795 (8.02.1913); № 3710 (11.11.1912).
- ²⁰ Мир. № 3640 (28.08.1912); № 3642 (30.08.1912); № 3643 (31.08.1912); № 3644 (1.09.1912) и т.д.
- ²¹ Мир. № 3643 (31.08.1912).
- ²² Милев Н. Дневници, спомени, пътеписи, писма. София, 2008. С. 165.
- ²³ Дневники Николая II. М., 1991. С. 387.
- ²⁴ Фичев И. Балканската война 1912–1913. Преживелици, бележки и документи. София, 1940. С. 348.
- ²⁵ Бобчев С. Страници из моята дипломатическа мисия в Петроград 1912–1913. София, 1940. С. 228–229.
- ²⁶ Вечерна поща. №19 (11.10.1912).
- ²⁷ Бобчев С. Указ. соч. С. 50.
- ²⁸ Там же. С. 59.
- ²⁹ Из тайния архив на българския цар Фердинанд I. Документи за военната и политическата история на България. София, 2001. С. 107.
- ³⁰ Бобчев С. Указ. соч. С. 60.
- ³¹ Абрашев П. Указ. соч. С. 74.
- ³² Мельник Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 26, 110.

- ³³ Мир. № 3693 (24.10.1912).
- ³⁴ *Дървингов П.* Op. cit. С. 215–216.
- ³⁵ Мир. № 3736 (7.12.1912).
- ³⁶ *Хесанчиев Христофор.* Служба на България в чужбина. Военнодипломатически спомени (1899–1913 г.). София, 1993. С. 543–544.
- ³⁷ *Бобчев С.* Указ. соч. С. 146–151.
- ³⁸ Мир. № 3911 (12.06.1912).; № 3917. (18.06.1912).
- ³⁹ *Дрейер В.Н.* На закате империи. Мадрид, 1965. С. 133.
- ⁴⁰ *Бобчев С.* Указ. соч. С. 58, 60.
- ⁴¹ Там же. С. 55.
- ⁴² Там же. С. 57.
- ⁴³ Там же. С. 55.
- ⁴⁴ Там же. С. 64.
- ⁴⁵ Там же. С. 57–58.
- ⁴⁶ *Станчев К.* 1912–1913. (из записките ми като македонско-одрински опълченец) // Камбана. №52 (19.12.1927).
- ⁴⁷ *Икономов Спас.* Освободителната война на Балканите. История. — Впечатления. — Картины. София, 1912. С. 30; Мир № 3661 (21.09.1912).
- ⁴⁸ *Пешев П.* Историческите събития и деятели от навечерието на освобождението ни до днес. София, 1993. С. 421.
- ⁴⁹ Мир. 3903. (3.06.1913); Балканските войни по страниците... С. 181, 191, 225–227.
- ⁵⁰ *Штрандман В.* Балканске успомене. Београд, 2009. С. 207.
- ⁵¹ *Бобчев С.* Указ. соч. С. 103.
- ⁵² Городской вестник (Самара). №1785. (9.07.1913).
- ⁵³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 529. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 65а.
- ⁵⁴ Там же. Л. 65а об.
- ⁵⁵ *Бобчев С.* Указ. соч. С. 64.
- ⁵⁶ Там же. С. 212.
- ⁵⁷ *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 217.
- ⁵⁸ Аз знам всичко. (3.11.1913); (17.11.1913); (8.12.1913); (15.12.1913); (29.12.1913).
- ⁵⁹ *Аврамов К.* На фронта спокойно (из дневника на един войник). София, 1932. С. 86.
- ⁶⁰ См. подробнее: *Макарова И.Ф.* Русский царь в народных представлениях болгар // Славяноведение. 2003. №5.
- ⁶¹ *Лобачева Г.В.* Самодержец и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX — нач. XX вв.). Саратов, 1999. С. 267.
- ⁶² *Зенкин С.* Небожественное сакральное. Теория и художественная практика. М., 2012. С. 397.
- ⁶³ *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии в конце XIX — начале XX века (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008. С. 144.
- ⁶⁴ Цит. по: *Исаева О.Н.* Царь болгар Фердинанд Саксен-Кобург-Готский // До и после Версаля. Политические лидеры. М., 2009. С. 112.

⁶⁵ Стоит отметить, что русские солдаты, возвращаясь с проигранной русско-японской войны, продолжали верить в доброту и мудрость, неприкасаемость царя. (*Лобачева Г.В.* Указ. соч. С. 206.) Но Николай II тоже не смог удержать трон, и был казнен. Фердинанд Кобург же умер своей смертью много позже.

*Василий Борисович
КАШИРИН*

КОНСТАНЦА-1914: МИРНЫЙ ВИЗИТ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Летом 2014 г. исполнилось столетие одного памятного исторического события — визита императора Николая II в румынский черноморский порт Констанца 1 (14) июня 1914 г. и его встречи там с королем Румынии Каролом I. Этот визит был однодневным; российский монарх даже не остался ночевать на румынской земле. Прибыв в Констанцу на яхте «Штандарт» утром в воскресенье 1 июня, император тем же вечером, после насыщенного событиями дня, вернулся и заночевал на борту яхты, которая немедленно взяла курс на Одессу.

Тем не менее, этот короткий визит, продлившийся примерно 13 часов, знаменателен сразу по нескольким причинам. Прежде всего, это было самое первое посещение главой Российского государства территории Румынии и Балкан, совершенное в мирное время. В ходе войн с Турцией Дунайские княжества, объединенную Румынию и/или задунайские Балканы посещали Петр I в 1711 г. (только Молдавию во время Прутского похода), Николай I в 1828 г., Александр II и Александр III во время Освободительной войны 1877—1878 гг. (последний — в ранге престолонаследника, в качестве командующего Русшукским отрядом). Однако во времена мира российские государи из дома Романовых до визита в Констанцу летом 1914 г. никогда не ступали на территорию Княжеств, королевства Румынии и Балканский полуостров как таковой¹. И это обстоятельство само по себе красноречиво свидетельствует о безусловном преобладании военного фактора над всеми прочими в большой политике и стратегии Российской империи на балканском направлении в XVIII—начале XX вв.

Свидание монархов в Констанце стало зримым доказательством важных перемен в русско-румынских отношениях, произошедших в результате долгого политического процесса и, прежде всего, под воздействием итогов завершившихся Балканских войн 1912–1913 гг. Румыния с 1883 г. формально оставалась связанной военно-политическим союзом с Центральными державами, о чем российская сторона была хорошо осведомлена, и все же встреча в Констанце знаменовала собой качественное продвижение Румынии в сторону лагеря Антанты.

Наконец, визит в Констанцу 1 (14) июня 1914 г., состоявшийся всего за полтора месяца до начала Первой мировой войны, стал последним заграничным путешествием царствующего монарха из Дома Романовых. Весной 1915 г. состоялась еще поездка Николая II — по Восточной Галиции, занятой русскими войсками по праву войны. Но это событие, по понятным причинам, не может рассматриваться как визит императора в иностранное государство. Таким образом, поездка в Констанцу стала финальным актом личного участия правителя из Дома Романовых в осуществлении внешней политики России вне ее пределов. Великим Посольством Петра I в 1697–1698 гг. этот путь был начат, а однодневным визитом Николая II в румынскую Констанцу в 1914 году — закончен.

Совокупность названных причин обуславливает научный интерес историков к свиданию монархов в Констанце 1 (14) июня 1914 г. На русском языке о нем писали в своих работах специалисты по российско-румынским отношениям В.Н. Виноградов² и Б.Б. Кросс³, которые анализировали это событие в контексте международных отношений на Балканах, внешней политики России и Румынии накануне Первой мировой войны. Однако в силу историографических традиций старой советской школы эти авторы не уделяли большого внимания протоально-церемониальным подробностям визита Николая II в Румынию, а ряд документов русских архивов, посвященных этому событию, до сих пор не был введен в научный оборот.

Совместно с коллегами-историками из Румынии Флавиусом Соломоном и Богданом Чобану в 2013–2014 гг. мы зани-

мались подготовкой сборника российских, румынских и прочих иностранных документов о визите Николая II в Констанцу, и в ходе этой работы нами были найдены новые архивные материалы, позволяющие лучше проникнуть в анатомию этого события большого международного значения.

В данной статье мы попытаемся, опираясь как на новые архивные материалы, так и на уже известные свидетельства современников, реконструировать процесс подготовки и ход самой встречи в Констанце, а также показать, как вопросы придворного церемониала и дипломатического протокола перекликались с проблемами большой международной политики.

Главным творцом и организатором визита в Констанцу выступил умный и многоопытный глава МИД Российской империи С.Д. Сазонов. Впоследствии он в своих воспоминаниях всячески подчеркивал свою роль инициатора встречи в Констанце, как и в целом сближения между Россией и Румынией накануне Первой мировой войны. Сазонов писал: «Чтобы окончательно наладить начинавшееся улучшение наших отношений с Румынией, нужно было увенчать усилия русской дипломатии в этом направлении поездкой Государя в Румынию для отдачи королю Карлу ответного визита в ответ на состоявшееся уже несколько лет до того посещение им Петергофа. Будучи весной 1914 года в Ливадии, я обратил внимание Его Величества на настоятельную необходимость этой поездки, о которой он перестал думать под влиянием установившегося в нем убеждения, что на Румынию надо было смотреть не как на независимое, а как на подсобное Тройственному союзу государство»⁴.

И именно себе Сазонов приписывал авторство идеи поездки морским путем в Констанцу: «Я представил Государю мои соображения относительно легкости и удобства, с которыми путешествие в Румынию могло бы быть совершено по время пребывания двора в Ливадии. Из Крыма царская семья могла прибыть морским путем в Констанцу, откуда, если бы свидание должно было бы состояться в Бухаресте, ей было бы уже недалеко до румынской столицы. Если же оно могло произойти в самой Констанце, куда король и королева Румынии обыкновенно ездили каждое лето, то дело обстояло бы еще проще.

Государь признал мои доводы убедительными и через несколько дней поручил мне сообщить в Бухарест о своем желании посетить короля Карла в Констанце вместе с императрицей и всеми детьми. По взаимному соглашению свидание было назначено на первое июня»⁵.

Источники не дают фактических оснований усомниться в версии Сазонова. Согласно дневнику Николая II, в последний раз перед поездкой в Констанцу император принял главу МИД в Ливадии в субботу 26 апреля 1914 г. А окончательное решение о поездке в Румынию было принято императором неделю спустя, когда Сазонов уже находился в столице. 4 (17) мая министр императорского двора граф В.Б. Фредерикс телеграфировал Сазонову в Петербург из Ливадии: «Государю Императору благоугодно посетить Его Величество Короля Румынского в Констанце 1 (14) июня с Государыней Императрицей, Наследником Цесаревичем и Августейшими Дочерьми. Предположено пробыть в Констанце с утра до вечера. По выяснении прошу сообщить Ваши предположения. Государю Императору благоугодно, чтобы Вы присутствовали при свидании»⁶.

С момента отправления этой телеграммы начался отсчет практической подготовки высочайшего визита в Констанцу — мероприятия чрезвычайно непростого, в том числе с технической и протокольной точки зрения. А времени на подготовку оставалось менее месяца.

Румынская сторона сразу дала понять, что признает за Россией приоритет в области знания протокола и церемоний, и соглашалась следовать пожеланиям и советам императорской протокольной службы. Однако некоторые вопросы все равно требовали дополнительного обсуждения и согласования. К примеру, особую деликатность имел вопрос о протокольном порядке встречи румынской стороной российского монарха, прибывающего морским путем. В русском МИД была подготовлена специальная справка, в которой указывалось, что в ходе всех визитов российских императоров к иностранным монархам по морю, а также во время приема высочайших гостей, прибывающих на кораблях, использовалась стандартная процедура. Встречающий монарх на катере или другом судне прибывал к

судну августейшего гостя, поднимался на борт, приветствовал его и затем они вместе следовали к берегу и сходили на него⁷.

Однако для короля Кароля Румынского эта процедура по какой-то причине казалась неудобной и нежелательной. Весьма вероятно, что он хотел в момент самой первой встречи с Николаем II приветствовать его в качестве хозяина, находясь на румынской земле, тогда как палуба императорской яхты «Штандарт» де-юре была российской территорией. Для Николая II предлагаемое отступление от протокола не составляло никакой проблемы, поэтому он дал понять, что их первая встреча с королем Каролем в Констанце вполне может состояться уже на берегу, на румынской земле.

Да и в целом, Кароль I не скрывал своего желания, чтобы большая часть общения с российским императором и его семьей происходила на земле Румынии. Именно поэтому румынские власти по дипломатическим каналам запросили, чтобы яхта «Штандарт» встала не на рейде Констанцы, а ошвартовалась прямо у мола, на котором располагался небольшой павильон румынской королевы. Русский посланник в Румынии С.А. Поклевский-Козелл докладывал по этому поводу:

«Великая честь, оказываемая Румынии Высочайшим посещением ее территории, естественно приводит Короля к желанию, чтобы большая часть программы осуществилась на суше. Из-за этих же побуждений здесь по-видимому очень хотели бы, чтобы Императорская яхта не останавливалась на рейде, а ошвартовывалась бы у мола, который будет совершенно изолирован от порта и на коем находится так называемый павильон Королевы. Вместе с тем краткость пребывания Их Императорских Величеств в Констанце и стремление Короля быть за это время в возможно близком личном общении с Их Императорскими Величествами и Их Августейшим Семейством побуждают Короля выделить из программы несколько часов как для этой цели, так и для Высочайших аудиенций, если бы Государю Императору благоугодно было осчастливить таковыми некоторых из членов Румынского Правительства. Вследствие вышеизложенного программа представляется в следующем виде: утром прибытие яхты, обмен Высочайших визитов и,

если Его Императорскому Величеству будет благоугодно, прогулка по городу в автомобиле и осмотр порта. Затем семейный завтрак в упомянутом выше павильоне. После завтрака беседа с Королем на яхте, аудиенция и чай, к которому собралась бы вся Королевская Семья. Затем в пять с половиной или шесть часов вечера парад войском (так в тексте. — *В. К.*) в количестве около одного Корпуса, а вечером парадный банкет в помещении, занимаемом Королем»⁸.

Итак, программа визита в общем виде была намечена уже 8 мая, однако далее предстоял кропотливый труд по уточнению и согласованию ее деталей.

Особое значение имел вопрос об обеспечении безопасности в ходе визита. Известно, что в Румынии издавна проживало довольно большое число русских эмигрантов-революционеров, включая и несколько сотен матросов с броненосца «Князь Потемкин-Таврический», который был интернирован именно в Констанце в июне 1905 г. И вновь, как и в протокольных вопросах, румынская сторона заявила о своей полной готовности следовать рекомендациям и даже указаниям представителей старшего партнера — России. 7 мая Поклевский докладывал: «Министр внутренних дел заверил меня сегодня, что румынское правительство в полном сознании лежащей на нем ответственности по обеспечению безопасности Высочайших Особ во время пребывания их в Констанце, примет все необходимые к оному меры. Министр уже приказал провести статистически-полицейскую проверку населения Констанцы. Все подозрительные элементы будут удалены из города до прибытия Их Императорских Величеств, и теперь же устанавливается самое тщательное наблюдение за приходящими в Констанцу пароходами и поездами. Министр выразил также надежду на заблаговременное прибытие в Румынию агентов нашей полиции, на обязанности коих лежит охрана Государя Императора во время заграничного путешествия, он просил при этом своевременно известить его о командировании этих лиц и довести до сведения императорского правительства о полной готовности румынской полиции совместно работать с нашими агентами и даже в случае надобности следовать указаниям сих последних»⁹.

В итоге руководством департамента полиции МВД Российской империи было принято решение заблаговременно направить в Констанцу из Парижа руководителя Заграничной агенты А.А. Красильникова с шестью его агентами¹⁰. Для личного наблюдения за ходом работ по обеспечению безопасности императорского визита принял решение прибыть в Констанцу товарищ министра внутренних дел России, командир отдельного корпуса жандармов В.Ф. Джунковский.

Некоторые тонкости имел и вопрос о персональном составе участников встречи с румынской стороны. 21 мая (3 июня) Поклевский докладывал, что румынские власти все время увеличивали список участников и, в частности, внесли в него руководителей семи высших учреждений страны, коими были: председатель Верховного кассационного суда Багдат, председатель Верховной палаты Балтеано, председатель Высшего совета земледелия Пони, председатель Высшего административного совета Богдан, председатель Румынской Академии наук Истрати, ректор Бухарестского университета Ионеско, ректор Ясского университета Стере.

Из-за последнего человека в этом списке и началась дипломатическая полемика. Дело в том, что ректор Ясского университета Константин Георгиевич Стере (1865–1936) был слишком хорошо известен властям Российской империи. Уроженец Сорокского уезда Бессарабской губернии, он в молодости был революционером народнического толка, неоднократно арестовывался, в 1885–1892 гг. находился в ссылке в Сибири, затем вернулся в Бессарабию и эмигрировал в Румынию, где сделал успешную академическую карьеру и стал ректором Ясского университета.

Соображения об этом были доложены Поклевским в Петербург, и руководство МИД в ответ сообщило о нежелательности участия Стере в торжественной встрече в Констанце. А для камуфлирования этого отказа было решено отказать в присутствии ректорам обоих университетов Румынии. Естественно, для Брэтиану мотивы российской стороны были более чем понятны. Поклевский телеграфировал товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову: «Председатель Совета Ми-

нистров очень огорчен Вашим решением. Хорошо зная прошлое Стере, он называет его прегрешение в России грехом молодости, в коем он бы теперь принес повинную в Констанце. Последнее же Председатель считал бы особенно желательным, в виду полной вероятности, что С[тере] получит министерский портфель в следующем либеральном Кабинете»¹¹. В итоге российская сторона великодушно дала согласие на участие К. Стере в церемонии встречи, хотя, как показали дальнейшие события, в России абсолютно верно судили об этом человеке. После вступления Румынии в войну в 1916 г. и оккупации Валахии Стере остался в Бухаресте, сотрудничал с германской администрацией, а после сыграл активную политическую роль в оккупации Бессарабии Румынией. За свою изменническую работу на немцев он позднее был судим в самой Румынии и приговорен к тюремному заключению.

Характерен и еще один маленький эпизод из подготовки программы визита в Констанцу. Представители традиционно сильной, богатой и сплоченной общины русских сектантскопцов в Бухаресте изъявили желание поднести императору Николаю II хлеб-соль. С Певческого моста миссию в Бухаресте запросили, а нельзя ли представить этот акт как приветствие императора русской общиной Румынии в целом, а не только лишь скопцами. Однако Поклевский на это отвечал: «Русско-подданные в Румынии довольно бедны и разбросаны, а в Бухаресте других, кроме скопцов, почти нет. Последние к тому же очень сплочены между собою, но держатся несколько в стороне от других своих соотечественников. Не получив чрез консулов никаких заявлений от проживающих в их округах русско-подданных, думаю, что трудно будет составить общую депутацию от русских, проживающих в Румынии»¹². В итоге император согласился принять депутацию от общины скопцов, что и сделал в ходе визита на борту яхты «Штандарт».

В субботу 31 мая, когда в Констанце кипели последние приготовления к встрече, император Николай II отплыл из Ливадии в сопровождении эскадры боевых кораблей Черноморского флота. Вот в каких словах он сам записал об этом в своем дневнике: «31-го мая. Суббота. Очень жаркий день. Сде-

лал последнюю прогулку вдоль моря. Около 12 ч. простился с Кабардинцами; снимались группой. До завтрака был отслужен напутственный молебен. После завтрака приехало семейство с побережья прощаться. В 4 ¹/₄ покинули милую Ливадию и переехали на «Штандарт». В 5 ч. отошли от мола и пошли вдоль крымских берегов до Сарыча, а затем взяли курс на W[est]. Берега были красиво освещены заходящим солнцем. Море совсем тихое. Весь вечер сидели на палубе. Конвоиры прежние: «Алмаз», «Кагул» и четыре миноносца 2-го дивизиона»¹³.

Утром 1 июня, как только яхты «Штандарт» с императорской фамилией и «Полярная звезда» с прочими официальными лицами показались в виду Констанцы, румынская береговая артиллерия приветствовала их 21 залпом салюта. По правилам, салютовать должны были румынские военные корабли в гавани, однако из таковых в порту Констанцы стояло только учебное судно «Мирча», не имевшее орудий.

На берегу высочайших гостей ожидал король Кароль со всей своей семьей, кроме королевы Елизаветы, которая ожидала в павильоне на молу. Кароль I и наследный принц Фердинанд были облачены в форму русского 18-го пехотного Вологодского полка, шефом которого состоял король Румынии (а престолонаследник был также зачислен в строй этого полка). Оркестр исполнил гимны обеих стран, после чего оба монарха с семьями проследовали в специально построенный павильон, где им представлялись участвующие во встрече лица. Затем император и король отправились в городской собор Констанцы на торжественную службу, которую провел местный епископ (митрополит Угро-Валашский сделать этого не смог по причине слабого здоровья).

События визита в Констанцу развивались по четко спланированному протокольными службами обоих дворов сценарию, и все же не обошлось без одного подготовленного румынской стороной сюрприза, притом весьма важного, с точки зрения психологии европейских правящих Домов. Этой «домашней заготовкой» стало пожалование императору Николаю II шефства над 5-м Рошиорским полком румынской кавалерии. Событие произошло, когда оба монарха с приста-

ни отправились в коляске на богослужение в собор. Русский военный агент в Бухаресте Генштаба полковник Б.А. Семенов в своем рапорте, посвященном встрече в Констанце, так писал об этом событии:

«До сего последнего времени в частях румынской армии не было ни одного иностранного коронованного шефа, если не считать, что в одном из пехотных полков состоит шефом принц Зигмарингенский. Принц этот — родственник короля Румынского Карла, который считается главой фамилии Гогенцоллерн-Зигмаринген. Таким образом, назначение Его Величества Государя Императора Шефом 5-го Рошиорского полка является со стороны Румынского Короля совершенно особым и исключительным знаком внимания к Особе Государя Императора.

Решение короля Карла держалось в самом строгом секрете и известно было только премьер-министру (он же военный министр) и генеральному секретарю военного министерства, так что событие это не преминуло произвести как на высший командный состав румынской армии, так и на войска самое сильное и восторженное впечатление.

Наконец, сама обстановка, во время которой король Карл объявил Государю Императору о назначении Его шефом румынского полка — тоже была, вероятно, заранее продумана и должна была еще более оттенить все значение этого события.

Когда во время следствия Высочайшего кортежа с приставни в собор коляска, в коей находились Государь Император и король Карл, поравнялась с выстроенным шпалерами в конном строю 5-м Рошиорским полком, король Карл остановил коляску и, встав во весь рост, произнес, обращаясь к командиру 5-го Рошиорского полка полковнику Хереско, короткую речь, в коей он поздравил его полк с высокой честью отныне носить имя полка «Императора Николая II». После чего оба монарха, встав в коляске — обнялись.

Во время Высочайшего приема на яхте «Штандарт» командир 5-го Рошиорского «Императора Николая II-го» полка явился к Государю Императору с почетным рапортом о состоянии полка, после чего Его Величеству было благоугодно удостоить полковника Хереско милостивым разговором»¹⁴.

Пожалование Николаю II шефства над 5-м Рошиорским полком можно рассматривать как любезный ответ Кароля I на производство его в чин генерал-фельдмаршала русской армии. Известно, что Николай II был особенно внимателен и чувствителен к символической и церемониальной стороне военного дела, и потому оказанная честь не могла оставить его равнодушным.

Полковник Семенов как официальный военный представитель российского императора был обязан докладывать подробные сведения об истории, текущей жизни и репутации той части, почетным шефом которой стал Николай II. Эта работа не имела ничего общего ни с агентурной разведкой, ни с военно-политическим анализом, но русский военный агент выполнил ее более чем добросовестно. Он выяснил, что 5-й полк, образованный в войну 1877–1878 гг., 28 июня 1913 г. одним из первых вступил на болгарскую территорию. Два эскадрона первыми вошли в Варну, еще два — в Силистрию. После войны полк получил стоянку в Базарджике, глухом местечке, и началось бегство офицеров из полка. Накануне визита 1 июня в полку было всего 12 офицеров, так что перед смотром некомплект был пополнен личным составом офицерской школы в Тырговиште¹⁵. Между прочим — и это не было отражено в донесениях Семенова — назначение Николая II шефом 5-го Рошиорского полка, отличившегося в походе 1913 г. и занимавшего болгарские города, дало повод для череды русофобских выпадов в печати Болгарии.

В подготовленной румынской стороной торжественной программе встречи в Констанце военная составляющая вообще была очень сильна. В ходе Второй Балканской войны летом 1913 г. Румыния сделала мощную заявку на статус арбитра и жандарма всех Балкан, и потому для нее была очень важна любая возможность продемонстрировать свою готовность защищать этот статус силой своего оружия. Одним из главных событий дня 1 июня 1914 г., бесспорно, стал парад войск румынского V армейского корпуса перед двумя монархами, который начался в 6 часов вечера и длился около часа. Войска проходили церемониальным маршем прямо по набережной,

близ знаменитого здания казино (самое красивое строение и «визитная карточка» Констанцы).

В параде приняли участие управление генерал-инспектора армии во главе с наследным принцем Фердинандом, генерал-инспектором, а также генерал-субинспектором, дивизионным генералом Ярка; рота Галацкого флотского экипажа; управление V армейского корпуса во главе с генералом Жоржеско; управление 9-й пехотной дивизии во главе с начальником дивизии генералом Басарабеску, 17-я пехотная бригада (34-й пехотный полк «Констанца» и 35-й пехотный полк «Матей Басараб»), 5-й саперный батальон; управление 10-й пехотной дивизии во главе с ее начальником генералом Радиану, 22-я пехотная бригада (33-й пехотный полк «Тульча» и 39-й пехотный полк «Петр Рареш»), 10-й стрелковый батальон, батальон 1-го полка граничар, 9-я артиллерийская бригада (13-й и 18-й артполки), полевой гаубичный полк в составе одного дивизиона полевых 105-мм гаубиц и одного дивизиона полевых 150-мм гаубиц, а также сводная кавалерийская бригада: королевский эскортный полк, 5-й Рошиорский императора Николая II полк и 9-й Каларашский полк.

Все эти части имели разную степень укомплектованности личным составом, но в общей сложности в прохождении церемониальным маршем приняло участие около 8 тыс. солдат и офицеров. Полковник Семенов особо подчеркнул, что престарелый король Кароль, уже несколько лет не садившийся на коня ни по каким поводам, в честь парада проехал верхом во главе парадных колонн. Во время прохождения 5-го Рошиорского полка «Императора Николая II-го» находившаяся на трибунах публика восторженно аплодировала и кричала «Ура».

Русский военный агент смотрел на парад глазами профессионального наблюдателя-генштабиста. Он писал: «Вид людей и лошадей — не оставлял желать ничего лучшего. Прохождение было совершено повзводно и поорудийно ввиду недостатка места — и шагом в кавалерии и артиллерии. Можно думать, что недавно сформированный (1 апр[еля] сего года) дивизион 150 мм. тяж. пол. гаубиц еще не вполне укомплектован, так как при орудиях было всего по 3 человека прислуги. Конский

состав, хотя и был в хорошем виде, но лошади были слишком жирны и совсем не в рабочем теле, что было мною также замечено во время парада в Бухаресте 10-го мая. Обращал на себя внимание своеобразный церемониальный шаг, принятый в румынской армии, — с поднятием высоко вперед вытянутой ноги, причем корпус оказывался сильно заваленным назад и портилось все впечатление от довольно стройного прохождения»¹⁶.

После парада Николай II вернулся на «Штандарт», куда вслед за ним прибыл король Румынии, чтобы сопроводить августейшего гостя на парадный обед. Этот банкет стал кульминацией всего дня визита в Констанцу. Монархи обменялись тостами о дружбе и сотрудничестве между Россией и Румынией.

Вечером 1 июня, сразу после парадного обеда, Николай II, как и планировалось, вернулся на «Штандарт» и сразу же отплыл из Констанцы, взяв курс на Одессу. Впереди его ожидало посещение Кишинева, где он должен был участвовать в открытии памятника Александру I, а затем — возвращение в Петербург.

Вот как российский император обобщил в дневнике свои впечатления от посещения Румынии:

«1-го июня. Воскресенье.

Ночью слегка покачивало от старой зыби. С 8 час. уменьшили ход, т. к. подошли на вид гор. Констанцы, куда назначено было прийти в 10 час. Погода была отличная и с утра жаркая.

Встреча в Румынии была торжественная и очень радушная, программа дня полная и занятая, поэтому все время на ногах. Король совсем бодрый, королева менее подвижная, замечательно любезная, я не видел ее с похорон старого Императора Вильгельма [в] 1888 г. После взаимных визитов отправились в собор, где был отслужен молебен. С яхты король повез меня на гребном катере осматривать порт, кот[орый] широко задуман. Посетил с ним «Кагул». В павильоне Королевы завтракали семейно. Там приятно продувало с моря. Вернулись на яхту около 3¹/₂. Принял депутацию наших скопцов, председ. сов. мин. Братиано и мин. иностр. дел.

К этому времени стали собираться приглашенные к чаю румыны.

На юте был семейный чай. В 6 час. поехал с королем на парад войск 5-го арм[ейского] корпуса. Он проехал во главе их. Вид людей мне понравился, лица напоминают наших южан. Церем[ониальный] марш длился час. Переодевшись у себя, поехали в 8 ч. во дворец в город на большой обед с речами. Это происходило в нарочно выстроенной зале при дворце. Разговоры были непродолжительные. Вернулись на мол в павильон Королевы, откуда смотрели на зорю с факелами. В 11 час. простились с радушной румынской семьей и провожавшими и в 11.25 отошли от мола. Ночь была дивная и лунная»¹⁷.

Визит Николая II в Констанцу был завершен, но наиболее серьезная работа дипломатии была впереди. Сазонов, прибывший в Констанцу из Петербурга по железной дороге непосредственно перед визитом императора, отправился оттуда в Бухарест, где провел ряд переговоров с румынским руководством. Между прочим, именно тогда вместе с Ионом Брэтиану он совершил автомобильную поездку в Карпаты, в ходе которой их кортеж случайно, а может, и по тонкому умыслу, пересек границу и заехал на территорию Трансильвании. Известие об этом вызвало в венгерской печати настоящий переполох¹⁸.

По итогам своей поездки в Бухарест Сазонов составил докладную записку на имя императора, в которой отмечал ряд благоприятных данных о переменах в политическом курсе Румынии. Если разговоры русского министра с королем Каролом состояли лишь из обычных дипломатических вежливостей, то его общение с премьер-министром Брэтиану получилось гораздо более прямым и откровенным. Сазонов дал ясно понять главе румынского правительства, что в Петербурге готовы ради сближения с Румынией пересмотреть отношения к своим прежним союзникам на Балканах, а именно — к Болгарии. Сазонов сказал Брэтиану, что «мы вполне определенно, и притом не на словах лишь, а на деле, показали, что мы готовы идти с Румынией рука об руку, не исключая случаев, где для этого нам пришлось до известной степени поступиться твердо укоренившимся у нас стремлением поддерживать интересы Болгарии»¹⁹.

Также глава русского МИД прямо спросил Брэтиану, какова была бы позиция Румынии в случае возможной войны между Россией и Австро-Венгрией. Румынский премьер отвечал, что никакие договоры не связывают Румынию обязательством вступить в войну, если не будут затронуты ее «личные интересы». Брэтиану сказал также, что многое будет зависеть от тех обстоятельств, которые послужат поводом к началу военных действий между Россией и Австро-Венгрией, а также от того, «что при данной обстановке будет наиболее соответствовать интересам Румынии». Глава румынского правительства вообще был поражен вопросом Сазонова и спросил его в ответ, считает ли он возможным скорое начало русско-австрийского конфликта и общеевропейской войны (иными словами, не собирается ли Россия напасть на Габсбургскую монархию?). Сазонов успокоил Брэтиану заверениями в том, что Россия намерена охранять мир и что причиной к войне может послужить только попытка Австро-Венгрии, воспользовавшись албанскими делами или иным поводом, свести счеты с Сербией (отметим верное понимание русским министром ситуации, причем, еще за две недели до Сараевского убийства). Брэтиану сказал, что здесь взгляды Румынии и России совпадают, так как в Бухаресте совершенно не настроены допускать ослабления Сербии. Сазонов докладывал императору: «Общий вывод, вынесенный мною из этого разговора, что Румыния не связана такими обязательствами, которые могли бы заставить ее выступить вместе с Австрией против нас при всяких обстоятельствах, но что на деле, в случае войны между нами и Австро-Венгрией, Румыния постарается присоединиться к той стороне, которая окажется сильнейшей и которая будет в состоянии посулить ей наибольшие выгоды»²⁰.

Таким образом, глава МИД России пришел к выводу, что его задача по отрыву Румынии от блока Тройственного союза была фактически выполнена, что и позволяло Сазонову рассматривать Констанцское свидание как важный успех своего ведомства. Выступая с тронной речью во время открытия сессии Учредительного собрания 6 июня, король Кароль коснулся встречи в Констанце, которую он назвал «новым освящением

славного братства армий в 1877 году и все более и более дружеских отношений, существующих между обоими государствами». Эта часть речи была встречена бурными аплодисментами депутатов²¹.

Полковнику Семенову стало известно заявление главы правительства Брэтиану русскому министру иностранных дел Сазонову о том, что не существует никаких союзных обязательств, которые могли бы заставить Румынию выступить с оружием против России. Комментируя эти слова, русский военный агент утверждал, что он не сомневается в существовании оборонительной военной конвенции Румынии с Центральными Державами, как и в том, что в случае войны в Бухаресте будут произвольно трактовать причины ее возникновения. «Можно думать, что благодаря ныне установившимся дружественным отношениям между Россией и Румынией и в настоящий политический момент, Румыния в том или другом случае истолкует свое соглашение и свои обязательства по отношению к Австро-Венгрии — в нашу пользу и окажется в случае вооруженного нашего столкновения с Австрией — нейтральной. Однако открыто объявить себя в союзе с Россией — румынское правительство не желает, стремясь к своей излюбленной политике «свободных рук», которая ей принесла во время прошлогодних событий столько выгод и славы»²².

В своем рапорте в Генштаб Семенов делал следующие выводы об общих результатах свидания в Констанце:

«В заключение я позволю себе выразить мою полную уверенность в том, что благодаря встрече монархов в Констанце, наши отношения с Румынией вступили в новую эру дружеского сближения. В этом приходится видеть доказательства каждый день, как при сношениях с представителями правительства и армии, а также слышать, пожалуй, даже слишком восторженные изъявления симпатии со стороны румынского общества столицы. Увлекающийся характер румынского народа, конечно, достаточно объясняет такой крутой поворот его симпатий к России и ко всему русскому, но главную причину установившихся наших добрых отношений следует искать в том обстоятельстве, что события прошлого года на Балканах

рассеяли до известной степени кошмар «славянской опасности» и «славянского нашествия» и поглощения славянами румынской народности, представляющей собою как бы остров среди населяющих Балканы славянских народов. Кроме сего, та выдающаяся политическая роль, какую в настоящее время Румыния заняла на Балканах, — льстит сильно развитому у румын чувству тщеславия, а визит Государя Императора в Констанцу еще более дает им основание считать Румынию чуть ли не Великой Державой. Как долго продержится в Румынии настоящее русофильское настроение — сказать трудно»²³.

Итак, каковы же были конкретные итоги последней заграничной поездки последнего монарха из Дома Романовых? Всего через две недели после свидания в Констанце произошло Сараевское убийство и начался Июльский кризис 1914 г. Однако на знаменитом заседании Коронного совета Румынии в королевском замке Пелеш в горном местечке Синайя 21 июля (3 августа) король Кароль фактически в полном одиночестве (его поддержал лишь экс-премьер-министр Петре Карп, старый германofil) призвал политическую элиту страны исполнить союзнические обязательства перед Центральными державами и вступить в войну против России. А прямой отказ основных политических сил Румынии пойти навстречу желанию монарха, по убеждению целого ряда современников, нанес жестокий удар по его здоровью и непосредственно приблизил его смерть, которая последовала в 6 часов утра 27 сентября (10 октября) 1914 г.

Как мы видим, личные встречи и публичные объятия с Николаем II, дружеские торжественные тосты не могли оказать никакого влияния на позицию румынского короля из Дома Гогенцоллерн-Зигмаринген. Однако при всей эфемерности «дружбы» двух монархов, визит в Констанцу все же сыграл важную роль в формировании того пророссийского и проантантовского настроения в политических кругах и обществе Румынии, которое во время Июльского кризиса и первых недель войны не позволило королю и его немногочисленным сторонникам-интервенционистам добиться выступления против России. Это общественное настроение стало крайне благопри-

ятым фоном для реального политического торга и сделок, в которых участвовали уже не монархи, а профессиональные дипломаты с обеих сторон.

Свидание в Констанце 1 (14) июня 1914 г. стало одной из последних страниц в истории династической дипломатии Дома Романовых, эпизодом безвозвратно уходящей эпохи, слабым отражением тех времен, когда российские государи действительно были главными творцами внешней политики и первыми дипломатами своей страны. Причина произошедших изменений крылась не только и не столько в личности последнего российского императора, но в общих качественных изменениях в работе государственного аппарата и все большего повышения роли чиновников-технократов.

В последние годы и десятилетия старого режима профессиональная бюрократия, в данном случае — дипломатическая, представленная С.Д. Сазоновым и его подчиненными, все больше перенимала у императорской власти бразды реального управления политикой государства. Роль правящей династии неизбежно становилась все более формальной, церемониальной и представительской. Статус и престиж имени российского императора на Балканах оставались чрезвычайно высоки, но в начале XX века они уже не могли служить самостоятельным инструментом политики России в странах региона.

Примечания

¹ Собственно, по формально-географическому критерию Констанца, расположенный к югу от Дуная главный порт румынской Добруджи, несомненно, принадлежит к Балканскому полуострову.

² *Виноградов В.Н.* Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1967. С. 38–39 и др.

³ *Кросс Б.Б.* Румыния между Тройственным союзом и Антантой. Очерки по истории дипломатической борьбы за Румынию и ее внешней политики 1908–1914 гг. Псков, 1996. С. 124–139.

⁴ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Минск, 2002. С. 119.

⁵ Там же. С. 119–120.

⁶ АВПРИ. Ф. 183. Канцелярия. Оп. 470. 1914 г. Д. 350. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 66.

⁸ Там же. Л. 14.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ Там же. Л. 19–19 об.

¹¹ Там же. Л. 110.

¹² Там же. Л. 705.

¹³ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 466.

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3130. Л. 66–80.

¹⁵ Там же. Л. 85–87. В тот же день 25 июня 1914 г. Семенов докладывал в Генштаб, что в румынских газетах появились сведения о совершенном 5-м полком кавалерийском пробеге из Констанцы в Базарджик, 112 км в течение 10 часов. Выдающегося знатока и любителя конного спорта полковника Семенова обмануть оказалось не просто, ибо еще во время смотра в Констанце он заметил, что конский состав полка имел слишком сытые тела и не мог быть втянут в работу. Семенов докладывал: «Полагая, что совершение пробега в составе целого полка на протяжении 112 км в 10 часов составляет довольно редкий пример втянутости конского состава, особенно в мирное время и в начале лета, я принял меры для выяснения, каким образом именно пробег этот удалось совершить». Оказалось, что маршрут был пройден в два дня: в первый день 70 км, во второй – 42 км. Полк шел переменными аллюрами, 3 км рысью, 1 км шагом. Через каждые 10 километров полк вел лошадей 1 километр в поводу. Там же. Л. 83–84. История с подобным исследованием обстоятельств пробега может служить еще одним примером непроизводительной траты времени и сил русским военным агентом.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3130. Л. 66–80.

¹⁷ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 466.

¹⁸ Сазонов С.Д. Воспоминания. С. 124.

¹⁹ С.Д. Сазонов – Николаю II. 11 июня 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Сер. III. 1914–1917 гг. Т. 3. М.; Л., 1933. С. 384–392.

²⁰ Там же.

²¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3130. Л. 63–65.

²² Там же. Л. 66–80.

²³ Там же.

Содержание

Романовы и Балканы	3
<i>В.Н. Виноградов.</i> Дом Романовых и судьбы Балкан	9
<i>Г.Л. Ари.</i> Петр I и Екатерина II – царственные филэллы	70
<i>Ю.П. Анишаков.</i> Черногория в политике Екатерины II и Павла I	82
<i>М.М. Фролова.</i> Император Николай I в русско-турецкой кампании 1828 г. (по воспоминаниям русских офицеров)	103
<i>В.И. Косик.</i> Балканы: от Николая I до Николая II	136
<i>И.В. Чуркина.</i> Зарубежные славяне и Романовы (50–60-е годы XIX в.)	150
<i>И.Ф. Макарова.</i> Император Александр II и подготовка Будапештской конвенции 1877 г.	180
<i>С.И. Данченко.</i> Сербский вопрос в царствование Александра III	209
<i>П.А. Искендеров.</i> Балканское направление политики Николая II	233
<i>О.Р. Айрапетов.</i> Попытка удержания контролируемого мира на Балканах в середине 90-х годов XIX в.	258
<i>В.Б. Хлебникова.</i> К вопросу о месте династических связей России и Черногории во внутренней и внешней политике на рубеже XIX–XX вв.	281
<i>Н.Г. Струнина-Бородина.</i> Черногорский вопрос во внешней политике России при Николае II	303

<i>В.Е. Авдеев.</i>	
Несостоявшийся визит Николая II в Константинополь в 1909 г.	317
<i>О.В. Соколовская.</i>	
Греческая королева Ольга и ее дети: надежды и разочарования	340
<i>Н.С. Гусев.</i>	
Отношение болгарского общества к Дому Романовых во время Балканских войн.....	361
<i>В.Б. Каширин.</i>	
Констанца-1914: Мирный визит накануне войны	378

Научное издание

Институт славяноведения
Российской академии наук

**ИМПЕРАТОРСКИЙ ДОМ РОМАНОВЫХ
И БАЛКАНЫ**

Ответственный редактор
В.Б. Каширин

Компьютерная верстка
П.Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Подписано в печать 00.11.2014. Формат 60×84^{1/16}.
Гарнитура NewtonС. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 25 печ. л.

Заказ № 149.

Тираж 100 экз.